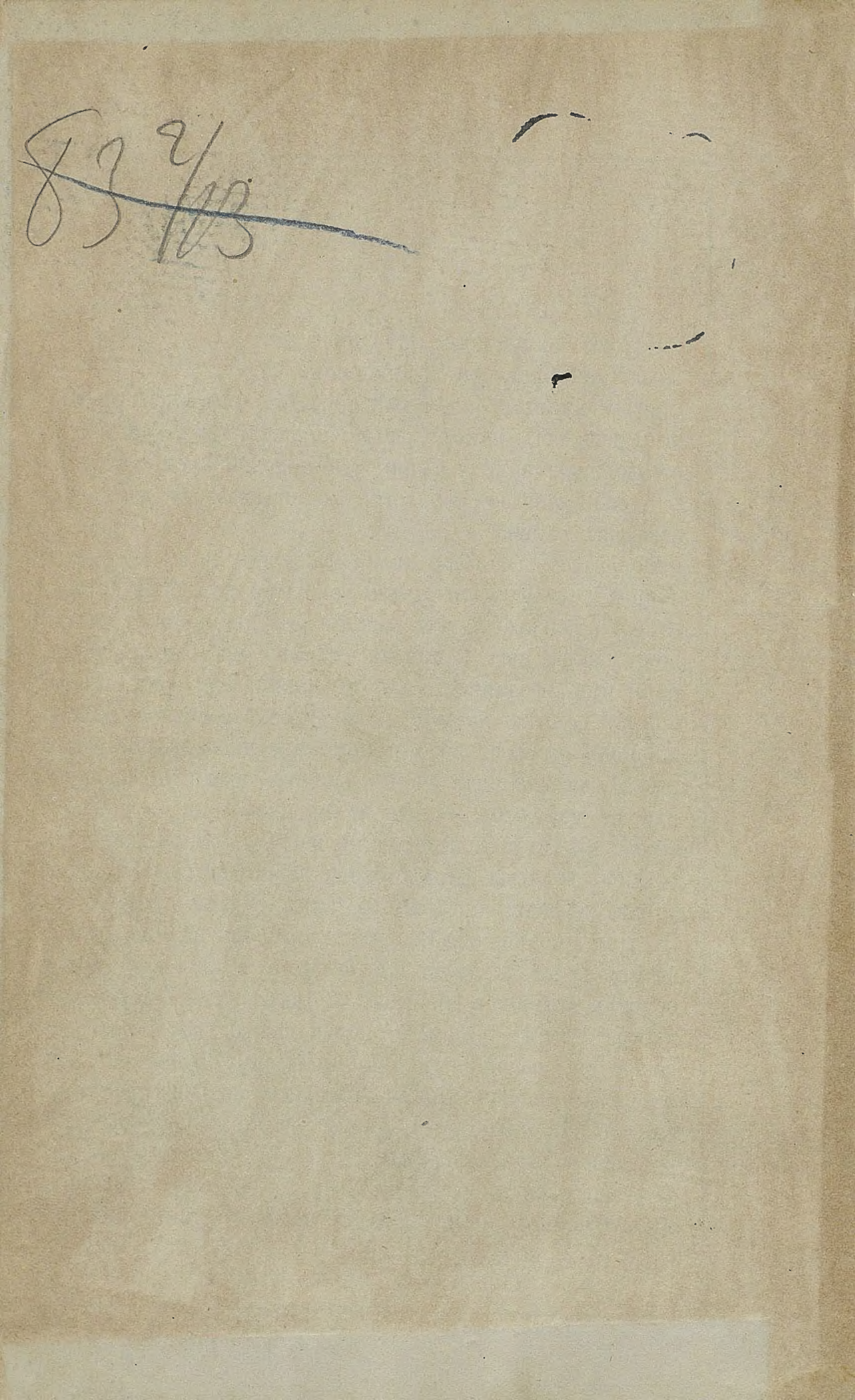

53 2/13
кн. 3

8 3 $\frac{2}{13}$ ~~10~~ 9

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолкшія давно...
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1890.

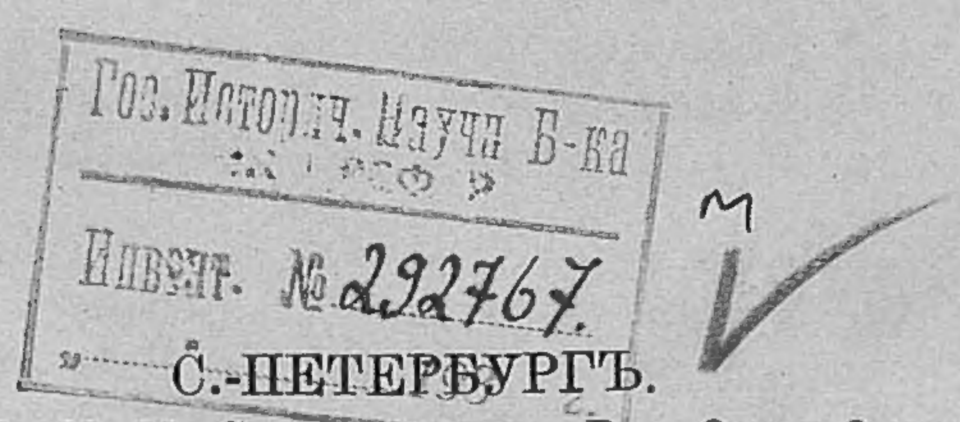
ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолкшія давно...
Князь Вяземскій.
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1890.

Ж.С.
ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В.О. 2 Л. 7
1674

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

I.

Въ ночь на 7 марта 1830 года, прибылъ въ Москву императоръ Николай I, такъ неожиданно, что не былъ „даже узнанъ дворцовою стражею“ [1]). Его сопровождалъ принцъ Альбертъ Прусскій. „Пріѣхалъ Царь!“, восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*: „вотъ тебѣ разъ! Никто не зналъ, и это въ черни произвело эффектъ большой, благопріятный“. Въ это время Погодинъ писалъ свою *Марѳу*, и однажды утромъ къ нему явились Кубаревъ, Краевскій и Артемовъ и помѣшали ему въ его творческой работѣ, и Погодинъ, „чтобы отвязаться отъ нихъ, отправился въ городъ „смотрѣть Царя“. Видѣнное тамъ произвело на него сильное впечатлѣніе. „Волны народа“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „производятъ впечатлѣніе, нужное для *Марѳы*. Увлеченный толпою, на-встрѣчу къ Государю. Чувствовалъ восторгъ“. „Какъ народъ восхищается“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „нечаяннымъ пріѣздомъ Государя. Я всякій день хожу въ Кремль и любуюсь“ [2]).

Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву, Государь, въ лицѣ Загоскина, заявилъ ободрительное вниманіе къ Русской Литтературѣ. Еще въ концѣ 1829 года, вышелъ въ свѣтъ романъ его *Юрій Милославскій*, и по свидѣтельству современниковъ его читали вездѣ, и „въ гостиныхъ, и въ мастерскихъ, въ кругахъ простолюдиновъ, и при Высочайшемъ Дворѣ“ [3]). Восхищенный *Юріемъ Милославскимъ*, Государь, по пріѣздѣ въ Москву, пожелалъ видѣть Автора и пригласилъ

его къ себѣ во Дворецъ. Объ этомъ счастливомъ событіи, С. Т. Аксаковъ извѣстилъ Погодина письмомъ, которое оканчиваетъ такими словами: „Каково, душа моя! Славно“ [4]). Получивъ это извѣстіе, Погодинъ тотчасъ же поѣхалъ къ Аксаковымъ. Ольга Семеновна его встрѣчаетъ словами: *Когда мы встрѣтимъ васъ такою новостію*? [5]) Само собою разумѣется, что изданіе *Юрія Милославскаго* быстро разошлось. „Даже наши *корифеи*“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „восхищаются имъ“ [6]). Дѣйствительно, наши *корифеи*, неравнодушные къ славѣ Русской литтературы, выразили полное сочувствіе къ Загоскину, и одинъ изъ этихъ *корифеевъ*, а именно Пушкинъ, вотъ что̀ писалъ къ автору *Юрія Милославскаго*: "Поздравляю васъ съ успѣхомъ, вполнѣ заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи“ [7]). Однимъ словомъ всѣ восхищались *Юріемъ Милославскимъ*; но досадовалъ и сердился на него Булгаринъ, отпечатавшій тогда послѣдніе листы своего *Димитрія Самозванца*; а отчасти и Погодинъ, писавшій тогда свою трагедію *Мароа Посадница*, въ чемъ послѣдній и самъ простосердечно сознавался. Когда онъ узналъ отъ Аксакова о вниманіи Государя къ Загоскину, то отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Тайное чувство зависти, хотя и на минуту. Вотъ счастіе и удача. Я могъ бы лучше написать, да не написалъ и сижу. Скорѣе *Мароу*“ [8]); а въ письмѣ къ Шевыреву Погодинъ такъ отзывался объ этомъ произведеніи Загоскина: „Это рядъ сценъ, изъ которыхъ иныя очень хороши, и только. Много изобрѣтенія, но мало искусства. Ничего полнаго, отдѣланнаго, совершеннаго“ [9]). Булгаринъ же въ этомъ отношеніи былъ откровеннѣе: По его просьбѣ А. Н. Очкинъ въ *Сѣверной Пчелѣ* напечаталъ ругательную статью противъ Загоскина, за котораго вступился Воейковъ и „нещадно“ обругалъ Булгарина, и всѣхъ его сотрудниковъ. Императоръ Николай, которому, какъ мы уже знаемъ, понравился *Юрій Милославскій*, повелѣлъ Бенкендорфу объявить воюющимъ сторонамъ, чтобы они прекратили бой.

Несмотря на это, Булгаринъ напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* отповѣдь Воейкову. Вслѣдствіе сего Булгаринъ, Гречъ и Воейковъ, по Высочайшему повелѣнію, посажены на гауптвахту. „Въ городѣ очень многіе", писалъ Никитенко, „радуются тому, что Воейкова, Булгарина и Греча посадили на гауптвахту. Ихъ беззастѣнчивый эгоизмъ всѣмъ надоѣлъ. Такъ, но при этомъ никто не думаетъ о пораженіи одного изъ лучшихъ параграфовъ нашего бѣднаго цензурнаго устава" [10]). Когда объ этомъ происшествіи узнали въ Москвѣ, то Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вотъ это нехорошо. Униженіе литературы, какъ бы не посадили насъ съ Каченовскимъ и Полевымъ".

Но въ Москвѣ, ни Погодина, ни Полеваго, ни Каченовскаго на гауптвахту не посадили, а засадили туда несчастнаго Сергѣя Николаевича Глинку. „У насъ", писалъ Погодинъ къ Шевыреву, „посадили на гауптвахту Глинку за стихи въ Максимовичевой *Денницѣ* и за одну статью *Рекомендація министра* въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. У меня по Высочайшему повелѣнію спрашивали о сочинителѣ. Сейчасъ отправлюсь посѣщать моего цензора. По свидѣтельству М. А. Дмитріева, „какъ узнали въ Москвѣ, что Глинка на гауптвахтѣ, у колокольни Ивана Великаго, бросились навѣщать его. Дядя мой И. И. Дмитріевъ, бывшій нѣкогда министромъ юстиціи, одинъ изъ первыхъ навѣстилъ его. Не всякій бывшій министръ на это бы рѣшился". О своемъ посѣщеніи Глинки, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 10 февраля 1830 года слѣдующее: „Къ Глинкѣ. *Я вчера сбирался, но мнѣ было совѣстно, ибо былъ поводомъ къ вашей непріятности.* Онъ привелъ меня въ умиленіе. Жена, дочь, малютки. Старикъ сидитъ въ изодранной шинели на кровати и читаетъ изъ *Екклезіаста*". Погодинъ былъ такъ тронутъ этимъ посѣщеніемъ заключеннаго, что, придя въ Нѣмецкій театръ, сознавался: „мнѣ совѣстно сидѣть здѣсь, между тѣмъ, какъ Глинка на гауптвахтѣ". На другой день Погодинъ получаетъ отъ узника слѣдующее письмо: „Не укоряйте себя ни въ чемъ и будьте спокойны.

Уступать занятій моихъ я не въ правѣ никому. Мало ли что бываетъ на свѣтѣ? Но первый нашъ долгъ исполнять подвигъ, возложенный на насъ. Я не судья, а исполнитель Устава: слѣдственно мнѣ не нужно быть строгимъ; я долженъ только сообразоваться съ духомъ параграфовъ. Сбросьте камень съ своего сердца. Я не только не виню васъ, но еще болѣе полюбилъ васъ за ваше ко мнѣ участіе. Вотъ мое сердечное слово". Князь П. А. Вяземскій былъ возмущенъ этимъ арестомъ, находя, что это „дѣйствіе произвола". И дѣйствительно, статья *Рекомендація Министра*, напечатанная въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, принадлежала перу С. Т. Аксакова, который въ то время былъ самъ цензоромъ. Что же касается до стихотворенія Серафимы Тепловой, напечатаннаго въ *Денницѣ* Максимовича, подъ заглавіемъ *Къ* ***.

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,—
Что не страшна твоя могила,
И не постыденъ твой позоръ,

то стихи эти, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, были написаны на смерть утонувшаго юноши, и неизвѣстно почему, приняли подозрѣніе, что въ этой элегіи оплакивается кто нибудь изъ тѣхъ, которые содержались въ казематахъ по дѣлу 14 декабря 1825 г. Когда все это объяснилось, Глинка былъ освобожденъ и какъ невинно пострадавшій получилъ три тысячи отъ щедротъ монаршихъ. „Ну слава Богу", восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 13 марта 1830 года, „съ радостію къ Аксакову, а онъ принялъ это извѣстіе сухо".

Между тѣмъ въ кругу друзей Погодина разсказывали „о прекрасныхъ" дѣйствіяхъ Государя. „Надеждинъ, Томашевскій толковали о Государѣ и его прекрасныхъ выходкахъ: *Мнѣ пріятно сказать вамъ, господа, что мой Сынъ учится*

хорошо. О Русской выставкѣ—чудеса! какія способности у этихъ бородачей! чтó изъ насъ будетъ“ [11]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по свидѣтельству Пушкина, въ письмѣ князю П. А. Вяземскому: „Государь, уѣзжая, оставилъ въ Москвѣ проектъ новой организаціи, контрареволюціи Петра. Огражденіе дворянства, подавленіе чиновничества, новыя права мѣщанъ и крѣпостныхъ – вотъ великіе предметы. Какъ ты? Я думаю пуститься въ политическую *прозу*“.

Пребываніе Государя въ Москвѣ было ознаменовано многими милостями и щедротами, о чемъ съ завистью сообщаетъ Снегиревъ Анастасевичу: „Сергѣю Глинкѣ“, писалъ онъ, „Государь пожаловалъ три тысячи, да пенсіи годовой по двѣ тысячи. Полевому и Загоскину по перстню, Калайдовичу, яко страстотерпцу, тысячу пенсіи. А кто смиренъ и не громогласенъ, тотъ подожди у моря. Погодинъ хлопочетъ, какъ бы попасть подъ первыя четыре статьи“ [12]).

Но не радостенъ былъ этотъ пріѣздъ Государя въ Москву для Московскаго Университета.

12 Марта 1830 года, Государь посѣтилъ Университетскій Благородный Пансіонъ. Вотъ чтó Погодинъ свидѣтельствуетъ объ этомъ посѣщеніи: „Царь въ Пансіонѣ былъ ужасно сердитъ за неисправность. Пускай бы за ученье. Это такъ и я самъ порадовался бы, а за неисправность несправедливо; даже больно, ибо они исправны. и при такомъ невинномъ страданіи, по-неволѣ чувствуешь расположеніе даже къ дурному человѣку, и я пожалѣлъ о Павловѣ. *Университетъ назвалъ Онъ хаосомъ*“.

Послѣдствіемъ этого Высочайшаго посѣщенія Университетскаго Пансіона былъ *указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго* изъ Правительствующаго Сената, 29 марта 1830 года, прекратившій бытіе этого заведенія. Въ указѣ изображено: „Желая систему народнаго просвѣщенія въ государствѣ нашемъ поставить на твердыхъ и единообразныхъ правилахъ, находя, что существованіе благородныхъ пансіоновъ при С.-Петербургскомъ и Москов-

скомъ Университетахъ, въ нынѣшнемъ ихъ составѣ и съ дарованными имъ въ 1818 году правами и преимуществами, несовмѣстно съ новымъ порядкомъ вещей и причиняетъ вредъ основательному ученію благороднаго юношества въ университетахъ,—повелѣваемъ: означенные пансіоны преобразовать въ гимназіи".

„Господи Боже мой!", восклицаетъ Погодинъ, „когда прекратится эта незаслуженная опала! Подлецы Петербургскіе по своимъ видамъ наговорили ему Богъ знаетъ чтó, и цѣлое мѣсто страдаетъ. Перевощиковъ разсказывалъ мерзости и козни петербургскихъ" [13]).

Въ высшемъ же управленіи Московскаго Университета въ это время произошла важная перемѣна. 3 февраля 1830 года, генералъ-маіоръ А. А. Писаревъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ сенаторы и тайные совѣтники и уволенъ отъ должности попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Находившійся въ это время въ Петербургѣ Д. М. Перевощиковъ писалъ оттуда Погодину: „Въ понедѣльникъ я былъ у министра и въ тотъ же день обѣдалъ у него. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда онъ разспрашивалъ меня о дѣлахъ университета. Поелику А. А. Писаревъ для насъ уже не существуетъ, то я говорилъ чистосердечно; онъ пожималъ только плечами". Но почтенный директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Д. И. Языковъ былъ связанъ съ Писаревымъ узами старинной дружбы; а потому когда Перевощиковъ явился къ нему „засвидѣтельствовать свое почтеніе", то Языковъ сказалъ ему: „Я радъ за А. А. Писарева; теперь онъ будетъ покоенъ". Сообщая объ этомъ Погодину, Перевощиковъ прибавляетъ: „на здоровье!".

Между тѣмъ въ преемники Писареву въ Москвѣ прочили то графа С. Г. Строганова, то С. А. Волкова. Погодинъ даже писалъ Шевыреву: Къ намъ говорятъ Строгановъ, уволенный на полтора года за границу; а въ отсутствіе его Волковъ. Ты можетъ быть встрѣтишься гдѣ нибудь со Строгановымъ... „Это хорошо" [14]). Въ *Дневникѣ* же свой Погодинъ заноситъ слѣдующія строки: „Попечителемъ дѣлаютъ какого-то Волкова

ханжу и невѣжу, за то, что его жена родня Вьельгорскому. О просвѣщеніе! о университетъ! Когда несчастія ваши прекратятся" [15]). Очевидно, Погодинъ не имѣлъ никакого понятія о человѣкѣ, о которомъ онъ такъ рѣзко и несправедливо отзывается. Между тѣмъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „многіе годы Сергѣй Аполлоновичъ Волковъ былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ собесѣдниковъ Петербургскихъ салоновъ. Онъ былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ графомъ и графинею Нессельроде, съ графомъ Киселевымъ, княземъ Орловымъ. Съ семействомъ Вьельгорскихъ былъ онъ въ родственной связи. Долго живъ въ обществѣ, онъ многое зналъ отъ другихъ, много подмѣтилъ и самъ собою. Между тѣмъ сношенія съ нимъ были совершенно надежны. Разговоръ его былъ живой, часто остроумный, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ насмѣшливости. Кажется, въ первыхъ годахъ царствованія императора Николая I былъ онъ предназначаемъ въ попечители Московскаго Университета, но по какимъ-то обстоятельствамъ назначеніе не состоялось. Племянникъ Родіона Александровича Кошелева и потому пользовавшійся благорасположеніемъ князя А. Н. Голицына, онъ въ царствованіе Александра I не сдѣлалъ, что называется, *блестящей служебной карьеры.* Онъ, полагать должно, былъ характера и привычекъ довольно независимыхъ. Долгая отставка не тяготила его; многіе у насъ не умѣютъ уживаться съ нею: они смотрятъ какими-то разрозненными томами въ богатой общественной библіотекѣ. Волковъ не обижался своею разрозненностью, не сѣтовалъ на нее; не рвался онъ, чтобы какъ-нибудь прильнуть къ роскошному экземпляру и попасть въ официальный каталогъ. Онъ, не состоявшій *ни при чемъ и ни при комъ*, умѣлъ усвоить себѣ приличное мѣсто въ высшемъ обществѣ, гдѣ такіе образцы, что̀ ни говори о чиновничествѣ, все-таки встрѣчаются. Кстати замѣтить, что еслибы Сергѣй Аполлоновичъ оставилъ по себѣ свой дневникъ, то онъ былъ бы гораздо любопытнѣе и занимательнѣе писемъ его сестры Маріи Аполлоновны Волковой". Но ходившіе по Москвѣ слухи о

преемникахъ Писареву оказались ложными. 29 апрѣля 1830 года попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа назначенъ извѣстный вельможа князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ. Новый попечитель кажется не особенно сближался съ Университетскимъ сословіемъ и держалъ себя отъ него въ почтительномъ отдаленіи. По крайней мѣрѣ князя П. А. Вяземскаго очень удивило, что на данномъ княземъ Голицынымъ балѣ не было ни одного члена Университета, и по этому поводу князь Вяземскій замѣтилъ: „наши вельможи думаютъ, что ученость нельзя впускать въ гостиную“ [16]).

12 мая 1830 года профессора представлялись новому попечителю, который, если судить по записи Погодина, не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія: „Утро процвѣте и погибе“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „въ Университетъ для представленія новому попечителю. Ни слова общаго. Невѣжа и думаетъ исправлять просвѣщеніе. Больно смотрѣть“. Болѣе благосклонно отнесся Снегиревъ къ новому попечителю: „Недавно Университетъ“, писалъ онъ Анастасевичу, „получилъ себѣ главу въ особѣ князя С. М. Голицына... Онъ богатъ, благочестивъ и патріотъ, и въ большомъ свѣтѣ живетъ уединенно. Нашъ Университетъ имѣетъ нужду въ защитникѣ и покровителѣ, ибо противъ него нерѣдко возстаютъ тѣ, которые всѣмъ ему были обязаны“ [17]).

Съ весьма хорошей стороны зарекомендовалъ себя предъ университетскою братіею чиновникъ по особымъ порученіямъ попечителя графъ Александръ Никитичъ Панинъ, которому былъ порученъ надзоръ за Московскимъ Университетомъ, его типографіею и частными въ Москвѣ мужскими пансіонами. Службу свою графъ А. Н. Панинъ началъ въ 1809 году актуаріусомъ въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ 1812 году онъ поступилъ въ Московское ополченіе прапорщикомъ и участвовалъ во всѣхъ славныхъ войнахъ 1812, 1813 и 1814 годахъ. Въ 1825 году, „по домашобстоятельствамъ“, онъ уволенъ отъ службы съ чиномъ полковника. При вступленіи князя С. М. Голицына въ должность по-

печителя Московскаго, онъ опредѣлился къ нему, о чемъ уже было сказано, въ должность чиновника по особымъ порученіямъ. По свидѣтельству лицъ его знавшихъ, графъ А. Н. Панинъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми родными и знакомыми за кротость его нрава и возвышенныя чувства [18]). Графъ А. Н. Панинъ очень добросовѣстно отнесся къ сдѣланному ему порученію и сталъ внимательно изучать ввѣренную ему часть управленія, и Погодинъ, увидя его на экзаменѣ, замѣтилъ: „Однакоже у Графа физіономія значительная". Вскорѣ графъ Панинъ хорошо познакомился съ личнымъ составомъ Университета и свидѣтельствомъ этого знакомства можетъ служить *Памятная записка о профессорахъ Московскаго Университета.* Погодину удалось снискать расположеніе графа Панина и онъ былъ радушно принятъ въ его домѣ. „Къ Панину", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „Васильчиковъ просилъ познакомить его со мною, какъ знающимъ Исторію. Обѣдалъ у него и говорили о Славянскихъ племенахъ, о Борисѣ и Польшѣ. Чтò за цѣль. Графиня *) понравилась. Я радъ бы ей прочесть иногда новенькое" [19]). Въ своей *Памятной Запискѣ* графъ Панинъ такъ отозвался о Погодинѣ: „помощникъ Ульрихса, отлично преподаетъ Исторію. Если онъ оставитъ Университетъ, трудно будетъ найти кѣмъ замѣнить его" [20]).

II

Вслѣдъ за Императоромъ прибылъ въ москву Пушкинъ и прямо изъ кибитки попалъ въ концертъ, гдѣ „находилась вся Москва". Увѣдомляя объ этомъ князя П. А. Вяземскаго (отъ 14 марта 1830 года), Пушкинъ прибавляетъ: „первыя лица, попавшіяся мнѣ на-встрѣчу, были Наталія Гончарова и княгиня Вѣра **); а вслѣдъ за ними братья Полевые" [21]).

Въ это время Пушкинъ былъ озабоченъ изданіемъ *Литера-*

*) Графиня Анна Сергѣевна, рожденная Толстая.

**) Супруга князя П. А. Вяземскаго княгиня Вѣра Ѳеодоровна.

турной Газеты. Чтобы положить конецъ ненавистной монополіи Греча, Булгарина и союзника ихъ Полевого, Пушкинъ и друзья его уже давно замышляли издавать журналъ. По свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, Пушкинъ и его друзья вооружались противъ Булгарина и К° потому, что эти господа „издѣвались и закидывали грязью всѣ высшіе, политическіе идеалы и нравственно, и умственно развращали читающую публику“.

Еще въ ноябрѣ 1827 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Жуковскому: „Радуюсь, что мой *Современникъ* пришелъ тебѣ на вкусъ. Кому же, какъ не тебѣ, быть главою такого предпріятія? По-крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ. Васъ посовѣстятся. Самъ Блудовъ скорѣе будетъ покровительствовать Булгарину, чѣмъ мнѣ, или журналу, выходящему подъ моимъ содѣйствіемъ, что между прочимъ уже и было. Другой стези мнѣ на дѣйствіе нѣтъ, кромѣ литературной или даже журнальной, потому что Богъ размѣнялъ мое приданое на мелочь“ [22]). Въ концѣ 1829 года, Жуковскій, князь Вяземскій, Пушкинъ и баронъ Дельвигъ рѣшились осуществить свое давнившее предпріятіе и съ 1-го января 1830 года, въ Петербургѣ, подъ редакціею барона Дельвига стала выходить *Литературная Газета.* Редакторъ ея счелъ необходимымъ заявить, что въ *Газетѣ* его „не будетъ мѣста критической перебранкѣ. Критики, имѣющія въ виду не личныя привязки, а пользу какой-либо науки или искусства, будутъ съ благодарностью принимаемы въ *Литературную Газету.* Выборъ въ редакторы барона Дельвига очень удивилъ Языкова. „Подъ какимъ созвѣздіемъ“, писалъ онъ Погодину, „является Дельвигъ съ своею *Литературною Газетою?* Всякому, его знающему,—очень, очень трудно вообразить почтеннаго барона постоянно занимающимся чѣмъ бы то ни было, а въ особенности корректурой!?“..., а въ другомъ своемъ письмѣ Языковъ писалъ: „*Литературную Газету* мнѣ присылаютъ. Будущее извѣстно единому Богу. Дельвигъ чрезвычайно лѣнивъ, а Сомовъ сердитъ, да не силенъ. Едвали удастся имъ дѣйствовать побѣдоносно противъ

именъ какъ бы то ни было уже укрѣпившихся на нашемъ *Парнасѣ*" [23]).

Если такъ недовѣрчиво была встрѣчена *Литературная Газета* при самомъ первомъ появленіи ея въ свѣтъ человѣкомъ роднымъ по духу ея учредителямъ, то чего же можно было ожидать отъ враждебной стороны? И дѣйствительно, первое явленіе этой *Газеты* было встрѣчено непріязнью не только со стороны Булгарина, Полевого, но даже со стороны Погодина. „Въ Петербургѣ", писалъ онъ Шевыреву „выходитъ *Литературная Газета* (титулярный совѣтникъ безъ имени, какъ говоритъ Гречъ), издаетъ Дельвигъ. Слѣдовательно ты перечтешь сотрудниковъ. Въ явившихся нумерахъ нѣсколько порядочныхъ еще только стиховъ, но прозаическихъ. Статейки слабѣйшія, младенческія понятія о теоріяхъ. Невѣжи и невѣжи! Гдѣ имъ! А помнишь, у насъ бывало: и то не такъ, и это. Мы дадимъ имъ знать себя, и они поклонятся намъ. *Литературная Газета* издается съ цѣлью убить Булгарина и Полеваго; а этотъ говоритъ: постойте, я (Полевой) втопчу ихъ въ грязь (Пушкина, Баратынскаго и пр.); вѣдь я ихъ поднялъ, мною они дышали, и начинаетъ ругать ихъ наповалъ. *Газета* устоитъ небольше какъ два мѣсяца: Пушкину наскучитъ и останется редакторомъ мизерабельный Сомовъ. Чрезъ годъ я ѣду путешествовать, чрезъ два воротимся оба и—громъ, молнія и буря. Ты видишь теперь, какая кровопролитная война между журналами" [24]). Несмотря на это, скромный Пушкинъ увѣрялъ Погодина, что „*Московскій Вѣстникъ* и *Литературная Газета* одно и тоже" [25]); но другого мнѣнія о *Московскомъ Вѣстникѣ* былъ баронъ Дельвигъ и въ своей Газетѣ сдѣлалъ журналу Погодина такой отзывъ: „*Московскій Вѣстникъ* отличался съ появленія своего участіемъ въ немъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обѣщающихъ быть современемъ хорошими литераторами и мыслящими писателями. Въ этомъ отношеніи должно было снисходить ко мнѣніямъ иногда сбивчивымъ, учености недозрѣлой, сужденіямъ заносчивымъ и выраженіямъ слишкомъ рѣзкимъ, коими

ознаменованы были многія страницы сего журнала. Разумѣется, говоря здѣсь о молодыхъ надеждахъ нашихъ, не включаю въ ихъ число г. Арцыбашева, который въ 1828 году на горизонтѣ *Московскаго Вѣстника* разразился какимъ-то феноменомъ, оставившимъ по себѣ трескъ, дымъ и смрадъ". Эти строки не могли понравиться Погодину; но еще болѣе не понравилось ему нижеслѣдующее, напечатанное тамъ же: „*Литературная Газета* была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ журналовъ" [26]). Задѣтый этимъ за живое Погодинъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* возражалъ: „пусть наши журналисты вступаются за честь свою и подаютъ апелляцію публикѣ, понимая сіи слова въ оскорбительномъ для себя смыслѣ. Издатель *Московскаго Вѣстника* никакъ не хочетъ принимать ихъ на свой счетъ, и осмѣливается сказать, что не было никакихъ отношеній, по которымъ бы первоклассные наши писатели не могли явиться подъ своимъ именемъ въ его журналѣ, осмѣливается впрочемъ сказать это потому только, что въ продолженіе четырехъ лѣтъ читатели видѣли уже тамъ множество печатныхъ тому доказательствъ, ихъ именныя сочиненія". По поводу обѣщанія *Литературной Газеты* предложить критическое обозрѣніе сочиненій Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина и проч. Погодинъ писалъ: „Высокопарныя прозвища", говоритъ авторъ статьи *Литературной Газеты*, „безусловныя похвалы, пошлыя восклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ". Радуемся, что *Литературная Газета* повторила эту истину изъ *Московскаго Вѣстника*, очень часто провозглашавшаго ее, особенно въ отношеніи къ *Исторіи Государства Россійскаго*. Мы будемъ ожидать теперь разборовъ дѣльныхъ, полезныхъ, въ духѣ законной, благонамѣренной критики". Высказавъ это, Погодинъ переходитъ затѣмъ къ оцѣнкѣ *Литературной Газеты*. „По вышедшимъ нумерамъ", писалъ онъ, „по именамъ сотрудниковъ, по другимъ

признакамъ, должно ожидать отъ нея—прекрасныхъ стихотвореній и статей прозаическихъ, чтенія пріятнаго, занимательнаго не только для тѣхъ, кои читаютъ отъ нечего дѣлать, но и для тѣхъ, кои въ чтеніи ищутъ пищи для ума и сердца. Нѣкоторые кропотуны думаютъ, что въ критикѣ *Литературной Газеты* не будетъ иногда совершеннаго безпристрастія въ отношеніи къ ея прихожанамъ, литературнымъ патриціямъ, и въ отношеніи къ писателямъ плебейцамъ другихъ приходовъ, что тѣ важныя событія, которыя случатся у послѣднихъ, получатъ въ ней титло только явленій, а собственныя явленія будутъ возведены на степень важныхъ событій. Напрасно они безпокоятся: до сихъ поръ нѣтъ вѣрныхъ признаковъ—и одно только, что неосторожное слово не должно внушать такой боязни". Въ это время князь П. А. Вяземскій приготовилъ къ печати свой переводъ романа Бенжаменъ Констанъ *Адольфъ* и по поводу сдѣланнаго въ *Литературной Газетѣ* заявленія объ этотъ переводѣ, Погодинъ, развивая свою предыдущую мысль писалъ: „князь Вяземскій принадлежитъ къ числу достойныхъ писателей нашего времени. Въ каждой статьѣ его есть прекрасныя мысли, счастливыя выраженія; онъ оригиналенъ, остроуменъ, игривъ, шутитъ очень забавно, вездѣ есть у него, надъ чѣмъ подумать, чему улыбнуться, также какъ и всегда есть съ чѣмъ поспорить, ибо часто встрѣчаются противорѣчія, парадоксы, слѣды предразсудковъ. Князь Вяземскій перевелъ Б. Констана *Адольфа*. Этотъ переводъ разумѣется будетъ пріятнымъ явленіемъ,—но не *важнымъ событіемъ* въ Исторіи Русской Словесности, какъ сказано въ *Литературной Газетѣ*. Важными событіями могли называться первая ода Ломоносова, Словарь Академіи, стихотворенія Жуковскаго, разборы Мерзлякова, легкіе стихи Богдановича и Дмитріева, Исторія Карамзина, сцена Пушкина у Самозванца съ Пименомъ, а переводъ, самой изящной, краткой, положимъ, философской повѣсти, послѣ многихъ переводовъ Карамзина въ этомъ же родѣ никакъ не можетъ получить такого почетнаго титла. Замѣтимъ еще, что князь Вя-

земскій такъ оригиналенъ, такъ негибокъ, что не скроется ни въ какомъ переводѣ, а это достоинство писателя уже недостатокъ въ переводчикѣ" [27]). Вотъ все, что Погодинъ высказалъ печатно о *Литературной Газетѣ*. Не напечатанныя же его отзывы отличаются крайнею рѣзкостью и недоброжелательствомъ къ этому изданію. На самыхъ первыхъ порахъ ея существованія, онъ продолжалъ писать Шевыреву: „*Литературная Газета* слаба и критика ея ничтожна; наши патриціи не знаютъ, гдѣ Востокъ въ искусствахъ и наукахъ. Есть только хорошіе стихи и то у меня больше. Подписчиковъ у нея нѣтъ". Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу Погодинъ писалъ: „Въ *Литературной Газетѣ*, гостинной и пріятной, забавенъ только Вяземскій. Дельвигъ ничего не дѣлаетъ. Стиховъ Пушкина меньше, нежели въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Подписчиковъ у нея меньше нашего, едва сто. Твою статью я прочиталъ тамъ съ неудовольствіемъ: послѣ семилѣтнихъ глупыхъ отзывовъ объ насъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* намъ не прилично туда показываться. Они сами попросятъ" [28]). Такимъ образомъ въ Москвѣ, возвышенному предпріятію Пушкина и друзей его сочувствовалъ только одинъ человѣкъ и этотъ человѣкъ былъ, разумѣется, И. В. Кирѣевскій; а Погодинъ, однажды у него обѣдая „съ торжествомъ подсмѣивался надъ *Литературною Газетою*". Да и самъ Пушкинъ въ это время не въ авантажѣ обрѣтался. „Теперь", писалъ Снегиревъ Анастасевичу, „кто превозносилъ его до небесъ, тотъ теперь его даже до ада низвергаетъ. Такова участь Карамзина. Можно ли послѣ того имъ вѣрить" [29]).

III.

Кромѣ *Литературной Газеты*, Пушкинъ въ это время былъ озабоченъ изданіемъ въ свѣтъ своего *Бориса Годунова*, а потому онъ очень былъ заинтересованъ статьею Погодина объ этомъ царѣ. „Милый!", писалъ Пушкинъ Плетневу, „по-

бѣда! Царь позволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ. Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Александру Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить о Ѳадеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично". Въ то же время Булгаринъ выпускалъ въ свѣтъ своего *Самозванца*. „Пушкина *Бориса*", писалъ Погодинъ Шевыреву, „удерживали въ канцеляріи пока не вышелъ *Самозванецъ* Булгарина; а между тѣмъ, въ напечатанномъ отрывкѣ Булгарина видно похищеніе изъ него. Помнишь мѣсто о географіи. Пушкинъ хочетъ извиниться передъ публикою въ заимствованіи этихъ мыслей отъ Булгарина". Когда слухъ объ этомъ хищеніи дошелъ до Булгорина, то сей послѣдній писалъ Пушкину: „Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію *Борисъ Годуновъ*, переложилъ ваши стихи въ прозу и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите вашу славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я почитатель вашей трагедіи... Въ этомъ честью увѣряю. Мнѣ разсказывали содержаніе и я, признаюсь, не соглашался во многомъ... Но признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что Олину приснилось это! Прочтите сначала романъ, а послѣ скажите" [30]). Когда же *Самозванецъ* Булгарина вышелъ въ свѣтъ, въ *Литературной Газетѣ* была помѣщена критическая статья, написанная барономъ Дельвигомъ, въ которой, между прочимъ, сказано: „намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ Русскимъ" [31]). Булгаринъ, думая, что эту критику на его романъ написалъ Пушкинъ, чрезъ нѣсколько дней разразился въ *Сѣверной Пчелѣ* весьма оскорбительною для него пасквилью, подъ заглавіемъ *Анекдотъ*, въ которомъ подъ именемъ *Французскаго стихотворца* изобразилъ Пушкина, а подъ именемъ *Гофмана* себя. „Извѣстно, писалъ Булгаринъ, „что въ просвѣщенной Франціи иноземцы,

занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ... Надлежало имѣть исключеніе изъ правила и появился какой-то Французскій стихотворецъ, который, долго морочилъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера, хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ, наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику, и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи Французовъ, злой человѣкъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ, и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности Французовъ съ умысломъ, для возвышенія своихъ земляковъ Нѣмцевъ. Гофманъ, вмѣсто отвѣта, напечаталъ къ одному почтенному Французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоенъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей. Предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ, природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели Музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, у котораго сердце холодное, а голова родъ побрякушки, набитой гремучими риѳмами, который бросаетъ риѳмами во все священное, чванится предъ черныо вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ щитый кафтанъ, и у котораго одно господствующее чувство— суетность. Во-вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнилъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи, и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціею; который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью на полѣ битвы, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума... и т. д.“ [32]). Пасквиль этотъ засталъ Пушкина въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ, какъ мы уже видѣли, вслѣдъ за Императоромъ. Прочитавъ это, Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою; сердиться нельзя, но побить его можно и должно. Но распутица, лѣнь и Гончаровы не выпускаютъ меня изъ

Москвы“ [33]). Хотя Пушкинъ и говорилъ, что „сердиться нельзя“; но сильно разсердился и написалъ *О Запискахъ Видока*. Статью эту онъ хотѣлъ помѣстить въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но Погодинъ уклонился, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника* 18 Марта 1830 года: „къ Пушкину. Разсказалъ о скверности Булгарина, Полеваго. Хочетъ втоптать ихъ въ грязь. Давалъ статью о Видокѣ; но, догадавшись, что мнѣ не хочется помѣщать ее, взялъ“. Шевыреву же Погодинъ писалъ: „Пушкина ругаютъ теперь такъ, какъ тебя не ругали“ [34]). Вскорѣ послѣ того, Пушкинъ помѣстилъ своего *Видока* въ *Литературной Газетѣ*. „Нравственныя сочиненія Видока“, писалъ онъ, „полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное. Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка. Видокъ въ своихъ *Запискахъ* именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ французомъ, какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ Почетнаго Легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ. Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніяхъ съ нимъ, кто молодъ не былъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой. Онъ съ удивительною важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ... Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ! Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ. Раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, а въ Видокѣ утѣши-

тельная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода". Въ заключеніе Пушкинъ спрашиваетъ: „Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона, и пр., не оскорбляетъ ни господствующей религіи, ни правительства ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; со всѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?" [35]) Мѣткая статья Пушкина попала прямо въ цѣль. Въ Видокѣ всѣ узнали Булгарина. Но она обезпокоила за Пушкина друзей его. Елизавета Михайловна Хитрово писала князю П. А. Вяземскому: „Я только что узнала съ большимъ огорченіемъ, любезный князь, что статья о Видокѣ такого свойства, что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій, который только что отъ меня вышелъ — человѣкъ благоразумный — мнѣ повторилъ, что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ, чтобы статья не появлялась въ печати; самое незначительное послѣдствіе было бы, если Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пушкина... Я совершенно убита тѣмъ, что сказалъ мнѣ Перовскій" [36]). Да и самъ Пушкинъ очень хорошо понималъ, что статья Булгарина была, между прочимъ, разсчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить ему во мнѣніи Бенкендорфа, и Пушкинъ въ приливѣ негодованія писалъ Бенкендорфу, 24 Марта 1830 года: „г. Булгаринъ, имѣющій по его словамъ у васъ вліяніе, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ". Бенкендорфъ же отвѣчалъ Пушкину: „Что касается до г. Булгарина, то онъ

мнѣ никогда не говорилъ о васъ, по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ“.

Дѣйствительно, Булгаринъ сдѣлался вѣчнымъ и непримиримымъ врагомъ Пушкина и кололъ его даже тогда, когда безсмертный писатель нашъ давно уже лежалъ въ могилѣ. 23 апрѣля 1845 года, Булгаринъ, доказывая въ письмѣ къ Дубельту свои права, какъ писателя благонамѣреннаго, на полученіе какой-то денежной ссуды, въ которой ему было отказано, писалъ: „Я думалъ, если сочинителю *Гавриліады*, *Оды на вольность* и *Кинжала* оказано столько милостей и благодѣяній, то почему же не дать взаймы мнѣ“ [37]).

Не менѣе оскорбителенъ для Пушкина былъ также пасквиль, напечатанный въ *Московскомъ Телеграфѣ* Полевымъ. Во время своего пребыванія въ Москвѣ, весною 1830 года, Пушкинъ написалъ превосходное посланіе къ *Вельможѣ* (князю Николаю Борисовичу Юсупову), которое, по справедливому замѣчанію его біографа, есть „образецъ мастерской живописи историческихъ лицъ и эпохъ, гдѣ часто въ одномъ двустишіи полно и опредѣленно выражается вся сущность ихъ“. При появленіи своемъ въ *Литературной Газетѣ* это произведеніе Пушкина возбудило недоумѣніе. Полевой этимъ воспользовался и на страницахъ *Московскаго Телеграфа* напечаталъ гнусный пасквиль подъ заглавіемъ *Утро въ кабинетѣ знатнаго барина*. Здѣсь князь Юсуповъ названъ *княземъ Беззубовымъ*, а секретарь его наименованъ *Подлецовымъ*. Все это представлено въ слѣдующей драматической формѣ:

„*Князь*. Она здѣсь! ну ее къ чорту—давай скорѣе (подписываетъ) — но, болѣе ничего не подавай мнѣ (Подлецовъ хладнокровно складываетъ бумаги). Скажи, что у тебя смѣшного?

Подлецовъ. Вотъ листокъ какой-то печатный; кажется, стихи вашему сіятельству.

Князь (взглянувъ). Какъ! стихи мнѣ? А! это того стихотворца... Что онъ вретъ тамъ?

Подлецовъ. Да, что-то много. Стихотворецъ хвалитъ васъ; говоритъ, что вы мудрецъ: умѣете наслаждаться жизнью, покровительствуете искусствамъ, ѣздили въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ, что вы пили кофе съ Вольтеромъ и играли въ шашки съ какимъ-то Бомарше.

Князь. Нѣтъ? Такъ онъ не даромъ у меня обѣдалъ (беретъ листокъ). Какъ жаль, что по-русски! (читаетъ). Не дурно, но что то много, скучно читать. Вели перевесть это по французски и переписать экземпляровъ пять; я пошлю кое къ кому, а стихотворцу скажи, что по четвергамъ я приглашаю его всегда обѣдать у себя. Только не слишкомъ вѣжливо обходись съ нимъ; вѣдь эти люди забывчивы; ихъ надобно держать въ черномъ тѣлѣ. Послушай-ка, братецъ! притвори дверь и подойди поближе. Скажи, что ты узналъ о моей вѣтренницѣ?"

Пасквиль этотъ обратилъ на себя вниманіе „читающей публики", а также не ускользнулъ отъ вниманія и цензурнаго начальства. Цензоръ *Телеграфа* С. Н. Глинка вотъ что повѣствуетъ объ этомъ: „По возвращеніи моемъ изъ Петербурга, когда я явился въ цензурный комитетъ, меня встрѣтили торжествующія лица профессоровъ-цензоровъ. Они смотрѣли на меня съ лукавою улыбкою и будто неумышленно спрашивали: читалъ ли я посланіе Пушкина къ *князю Юсупову.* Тутъ, къ сожалѣнію, и сторонній цензоръ, остропамятный Аксаковъ, вслухъ и наизусть прочелъ нѣсколько стиховъ, также сопровождая ихъ хитрою улыбкою. Между тѣмъ цензоръ Снегиревъ, читавшій *Телеграфъ* въ отсутствіи моемъ, сказалъ мнѣ откровенно, что десятая книжка *Телеграфа* ожидаетъ моей подписи, т.-е. та роковая книжка, въ которой помѣщена была статья подъ заглавіемъ: *Утро у знатнаго барина князя Беззубова.* Возвратясь изъ Петербурга за недѣлю до срока отпуска, я могъ бы отказаться отъ цензорованія

этой книги *Телеграфа*, но я всегда стыдился, какъ говоритъ пословица, чужими руками жаръ загребать. Взявъ десятую книжку *Телеграфа*, пошелъ я въ типографію г. Семена, читаю: въ глаза мнѣ тотчасъ бросился стихъ изъ посланія, предлагающій перетолкователямъ намекъ на князя Юсупова. Отправляю къ издателю *Телеграфа* записку, прося его исключить этотъ стихъ. Получаю въ отвѣтъ, что онъ не намѣренъ исключить ни одной буквы. Что оставалось дѣлать цензору?.. Я пропустилъ статью. При первомъ засѣданіи г. Двигубскій объявилъ мнѣ, что попечитель отстраняетъ меня отъ цензорованія *Телеграфа* и запрещаетъ журналъ. Онъ не имѣетъ права, одинъ Государь предоставилъ себѣ право дозволенія журналовъ и запрещеніе ихъ. А если находитъ меня въ чемъ виновнымъ, то на основаніи устава я требую суда. На другой день получено предписаніе отъ попечителя — немедленно явиться въ залу университетскаго правленія. Едва я вошелъ, г. попечитель закричалъ на меня.—Какъ вы, сударь, осмѣлились пропустить такія мерзости на князя Юсупова? Васъ и такъ за такія мерзости Государь сажалъ на обвахту.

— Я оправданъ; Государь возвратилъ мнѣ свое благоволеніе...

— А развѣ вы не читали посланія Пушкина? спросилъ князь.

— Не читалъ.

— А почему?

— Потому что я занятъ тѣмъ, что сопряжено съ моею должностью.

Отъ возгласовъ попечителя и презрительныхъ улыбокъ ученыхъ головъ, кровь у меня сильно кипѣла, а потому я торопился выйти, а попечитель кричитъ мнѣ вслѣдъ: — постойте, постойте! послушайте!

— Чего мнѣ слушать! возразилъ я. — И такъ довольно наслушался незаконныхъ обвиненій.

Князь С. М. Голицынъ былъ убѣжденъ, что я масонъ и илюминатъ и агентъ всѣхъ тайныхъ обществъ. Оглашая меня

тѣмъ, чѣмъ я никогда не былъ, князь, видя притомъ во мнѣ опаснаго бунтовщика, отправилъ на меня грозную жалобу въ Петербургъ и писалъ, что я для объясненій къ нему явился *мертвецки пьянымъ*". Не упоминая о нетрезвости Глинки, князь С. М. Голицынъ дѣйствительно написалъ письмо министру народнаго просвѣщенія о возмутительномъ пасквилѣ, пущенномъ Полевымъ на Пушкина: „Соблазнительная статья сія", писалъ онъ, „по дерзкимъ и явнымъ намекамъ на извѣстную особу по заслугамъ своимъ государству, возбудила негодованіе всѣхъ благомыслящихъ людей; а какъ означенный журналъ (т.-е. *Телеграфъ*) доселѣ разсматриваемъ былъ цензоромъ Глинкою, я поручилъ цензору Двигубскому объявить г. Глинкѣ, что разсматриваніе *Московскаго Телеграфа* поручаю я цензору Аксакову. Въ первое засѣданіе, г. Двигубскій, по приказанію моему, объявилъ сіе г. Глинкѣ, который тотчасъ же отозвался, что противъ таковаго распоряженія онъ намѣренъ подать свое объясненіе. Въ засѣданіи 7 іюля 1830 г., я самъ рѣшился объявить ему сказанное Двигубскимъ; но, къ крайнему изумленію моему, увидѣлъ, что г. Глинка, потерявъ все должное уваженіе къ мѣсту и товарищамъ своимъ, съ запальчивостію сказалъ, что объясненія сего онъ не принимаетъ, потомъ началъ угрожать мнѣ, что подастъ на сіе жалобу вашей свѣтлости и Государю Императору, и, схвативъ шляпу, вышелъ изъ присутствія. Таковыя странныя дѣйствія г. Глинки убѣдили меня, наконецъ, что ему чужды не только правила, Уставомъ Цензуры предписанныя, но и всякаго приличія, и что жалобы товарищей его на строптивый характеръ совершенно оправдываются".

Вслѣдствіе сего князь Голицынъ проситъ министра избавить Московскій Цензурный Комитетъ „отъ сего безпокойнаго человѣка" и уволить его отъ занимаемой имъ должности цензора.

Въ концѣ іюля того же 1830 г. состоялось увольненіе Глинки по Высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, за напечатаніе въ *Московскомъ Телеграфѣ* гнуснаго пасквиля на

князя Юсупова и Пушкина пострадалъ не Полевой, а бѣдный и многосемейный Сергѣй Николаевичъ Глинка!

IV.

Въ 1830 году Пушкинъ издалъ въ Петербургѣ отдѣльною книжкою VII-ю главу *Евгенія Онѣгина.*

Кипящій жаждою мести, Булгаринъ воспользовался этимъ случаемъ и напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* разборъ этого произведенія. Вотъ что̀ мы читаемъ въ этомъ разборѣ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ*" сказано: „нынѣ требуютъ отъ писателей не одной подписи *знаменитаго* имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго". Справедливо! медленное, траурное шествіе *Литературной Газеты* и холодный пріемъ, оказанный публикою поэмѣ *Полтава*, о которой такъ остроумно сказано было Надеждинымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, служатъ яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, глава VII-я *Евгенія Онѣгина.* Ни одной мысли въ этой водянистой VII-й главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной воззрѣнія. Совершенное паденіе, chute complète! И такъ, надежды наши исчезли! Мы думали, что авторъ *Руслана* и *Людмилы* устремился за Кавказъ, чтобы напитаться высокими чувствами поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ поэтовъ — и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей поэзіи появился опять *Онѣгинъ*, блѣдный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину! Все содержаніе этой VII-й главы въ томъ, что Таню везутъ въ Москву изъ деревни... Всѣ описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ

можно было печатать такія мелочи! Разумѣется, авторъ часто говоритъ о себѣ, о своей скукѣ, томленьѣ, о своей мертвой душѣ. Великій Байронъ ужъ такъ утомилъ насъ всѣми этими выходками, что мы сами чувствуемъ невольное *томленье*, слыша безпрерывное повтореніе одного и того-же“ [38]). Напомнимъ здѣсь кстати, что въ 1828 году *Сѣверная Пчела* просила у Пушкина позволенія перепечатать отрывокъ сей самой VII-й главы *Евгенія Онѣгина* изъ *Московскаго Вѣстника* и, когда получила позволеніе, то восклицала: „Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина никогда не можетъ быть излишнимъ“. Союзниками Булгарина противъ произведеній Пушкина явились Надеждинъ и Полевой. Когда нѣкій Тлѣнскій принесъ этотъ отзывъ *Сѣверной Пчелы* профессору Эстетики Московскаго Университета Надеждину, то сей послѣдній замѣтилъ: „Я зналъ давно, что этому когда нибудь а надо будетъ случиться! Раненько, правда, немножко: ну-да нынѣ вѣкъ такой! Шагаетъ исполински“... Къ этому замѣчанію профессоръ прибавилъ: „Талантъ—особенно не закупоренный печатью истиннаго образованія — скоро очень выдыхается“. И такъ, по мнѣнію профессора Эстетики, Пушкинъ въ 1830 году *выдахся*! Этотъ приговоръ избавляетъ насъ отъ труда дѣлать выписки изъ его критики VII-й главы *Евгенія Онѣгина*, представленной въ формѣ разговора съ Тлѣнскимъ и отставнымъ корректоромъ Пахомомъ Силичемъ Правдинымъ. Замѣтимъ только, что профессоръ Эстетики глумится и надъ этими чудными стихами, находящимися въ той же VII-й главѣ *Онѣгина*

Или не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ?
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
Которымъ возрожденья нѣтъ?

„Чѣ̀ то похоже на мысли“, пишетъ онъ, „но кто пойметъ ихъ? Отъ нихъ пышетъ даже байронизмомъ, ибо Бай-

ронъ могъ только жалѣть *о веснѣ*, какъ объ *утратѣ зимы*. Но кому удастся скоро добраться до настоящаго ихъ смысла сквозь темную чащу словъ, сплетенныхъ такъ неудачно? Второе же — скажемъ словами самого поэта —

Есть *старая весна*
Средь поэтическаго сна,

пришедшая ему въ мысли и заставившая его съ просонья пробормотать нѣсколько невнятныхъ звуковъ, кои исчезли наконецъ въ неудачномъ подражаніи Жуковскому... въ давно тертой и истертой мечтѣ

О дальней сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

И кто знаетъ—можетъ быть, о той *глупой Лунѣ*, которую поэтъ нашъ видѣлъ нѣкогда на *глупомъ небосклонѣ*!... Нѣтъ! воля ваша! а *Пушкинъ* — не мастеръ мыслить!"...[39]), и пр.

Дмитрій Самозванецъ Булгарина и VII-я глава *Евгенія Онѣгина* Пушкина вышли въ свѣтъ одновременно. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* тому и другому произведенію посвящены статьи въ одномъ и томъ же нумерѣ и даже помѣщены рядомъ. О произведеніи Булгарина говорится, что Смутное время послужило „вдохновеніемъ Булгарину, подарившему Россію историческимъ романомъ, достойнымъ той степени европейской образованности, на коей стоитъ наше отечество. Да! новое произведеніе автора *Ивана Выжигина* оживило нашу бѣдную словесность и рѣшительно перевѣшиваетъ всѣ тридцати или двадцати-страничныя поэмочки *знаменитыхъ*, всѣ альманачные отрывки, всѣ посланія къ тому и другому, всѣ стихи въ альбомы княженъ и графинь", и пр. въ этомъ родѣ; но въ заключеніе этой статьи, авторъ ея, Василій Ушаковъ, считаетъ долгомъ жаловаться „всей просвѣщенной Европѣ" на „безграмотныхъ писакъ, боярскихъ дѣтокъ", которые „вмѣняли и вмѣняютъ въ ужасный грѣхъ Булгарину, что онъ родился не въ Россіи, а въ Польшѣ!!". Въ то же самое время и въ томъ же журналѣ Полеваго, объ *Евгеніи* Онѣгинѣ

мы читаемъ: „Первая глава *Онѣгина*, и двѣ-три слѣдовавшія за нею, нравились и плѣняли, какъ превосходный *опытъ* поэтическаго воображенія общественныхъ причудъ... Но *опытъ* все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы, и картина все таже. Цѣна новизны исчезла — и тотъ же *Онѣгинъ* нравится не такъ какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже повторяетъ самъ себя. *Онѣгинъ* есть собраніе отдѣльныхъ, безсвязныхъ замѣтокъ и мыслей о томъ, о семъ, вставленныхъ въ одну раму, изъ которыхъ авторъ не составилъ ничего, имѣющаго свое отдѣльное значеніе. *Онѣгинъ* будетъ рудникъ для эпиграфовъ, а не органическое существо"... „Что еслибы", читаемъ въ заключеніи этой рецензіи *Московскаго Телеграфа*, „нашъ поэтъ перешелъ въ Русскій міръ, углубился въ отечественное, родное ему, то онъ сдѣлался бы высокимъ, оригинальнымъ поэтомъ" [40]). Въ pendant Булгарину, Надеждину и Полевому, на *Евгенія Онѣгина* ополчился и князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, тогда семи-восьми-лѣтній мальчикъ, и отецъ его князь Петръ Андреевичъ писалъ Пушкину: „Я у Павлуши нашелъ въ тетради: *Критика на Евгенія Онѣгина*, и по началу можно надѣяться, что онъ нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: „И какой тутъ смыслъ: завѣтный вензель О да Е?". Въ другомъ же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: „Какія глупыя мѣста". L'enfant promet. Булгаринъ и теперь былъ-бы радъ усыновить его *Пчелѣ*".

Это чрезвычайно понравилось Пушкину и онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Критика Павлуши меня веселитъ, какъ прелестный цвѣтъ, обѣщающій плоды; проси его прислать свои замѣчанія на *Онѣгина*: будетъ отвѣтъ" [41]).

Мы уже видѣли, какъ Надеждинъ безцеремонно и грубо въ своихъ критикахъ относился къ драгоцѣннымъ произведеніямъ Пушкина; но самъ господинъ профессоръ былъ весьма щекотливъ и чувствителенъ къ собственнымъ произведеніямъ. Въ *Вѣстникѣ Европы* онъ напечаталъ переводъ отрывка изъ своей диссертаціи, подъ заглавіемъ: *О настоящемъ злоупотреб-*

леніи и искаженіи Романтической поэзіи. Но когда Полевой въ *Московскомъ Телеграфѣ* напечаталъ критику на эту диссертацію, то нѣкій Прямиковъ, изъ села Тихомірова, завопилъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Вотъ диссертація, въ силу которой г. Надеждинъ требовалъ себѣ степени изящныхъ искусствъ доктора, и которую осмѣлился представить на судъ почтенныхъ профессоровъ Московскаго Университета. И подлинно! Диссертація сія представлена была на судъ гг. профессоровъ еще за нѣсколько недѣль до назначенія диспута. Этотъ судъ профессоровъ былъ строгій, основанный на правилахъ, предписанныхъ самимъ закономъ и по праву, отъ Верховной Власти имъ дарованному. Слѣдовательно это дѣло было оффиціальное. Какъ же онъ, Полевой, будучи частнымъ человѣкомъ, могъ вмѣшиваться въ такое дѣло? А тѣмъ болѣе, какъ онъ, не принадлежа собственно ни къ государственнымъ чиновникамъ, ни къ сословію ученыхъ, могъ присвоить себѣ право быть ревизоромъ дѣйствій цѣлаго Университета, и послѣ одобренія Университетомъ оной диссертаціи и удостоенія г. Надеждина высшей ученой степени доктора, смѣетъ столь дерзко поносить и сочиненіе, и сочинителя?“ „Ну еслибы“, продолжаетъ далѣе Прямиковъ, „г. Надеждинъ вздумалъ принесть на Полевого формальную жалобу въ судебномъ мѣстѣ и сталъ просить удовлетворенія, что бы онъ тогда представилъ въ свое оправданіе? Законъ говоритъ: „оскорбленіе или обида есть, буде кто кого вредитъ въ правѣ или по совѣсти, какъ-то: порочитъ, поклеплетъ, пренебрежетъ, уничижитъ или задеретъ, или напишетъ на него брани“. Но можно ли болѣе порочить и клеветать, можно ли болѣе оказать пренебреженіе и уничиженіе г. Надеждину, какъ то сдѣлалъ г. Полевой въ своей критикѣ? Притомъ обида сія причинена г. Надеждину публично; а таковая обида, по оному жъ закону, почитается тяжкою, за которую потому и велѣно судить уголовнымъ порядкомъ“ и пр. Наконецъ Прямиковъ спрашиваетъ: „я хотѣлъ бы только знать, къ чему служить могутъ читателямъ, особливо молодымъ людямъ, таковыя критики?“ [42])

Подобный же вопросъ мы можемъ предложить и Арцыбашеву, по поводу Карамзина, и Надеждину по поводу Пушкина? И на этотъ вопросъ отвѣтимъ: подобныя критики могутъ служить развѣ только для того, чтобы на святомъ мѣстѣ воздвигнуть *мерзость запустѣнія!*

Погодинъ очевидно возмущенъ былъ этою недостойною травлею Пушкина, какъ это видно изъ слѣдующаго письма его къ Шевыреву: „Пушкинъ здѣсь. Какъ бы ты думалъ—его ругаютъ на-повалъ во всѣхъ почти журналахъ: въ *Сѣверной Пчелѣ, Сынѣ Отечества, Галатеѣ, Вѣстникѣ Европы.* Мои отношенія къ нему прежнія, т. е. очень хорошія. Онъ зоветъ тебя въ Москву: *что не летитъ этотъ къ намъ воронъ, здѣсь* для него *столько труповъ.* Мнѣ очень жаль, что эти площадныя брани его слишкомъ трогаютъ, какъ бывало тебя. O irritabile genus!“

V.

Въ это время самъ Погодинъ писалъ трагедію *Марѳа посадница.* Еще въ 1820 году онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Почему не берутъ предметы для трагедій изъ настоящихъ временъ? Самый глупый предразсудокъ! Слѣдующій еще глупѣе: почему не выводятъ на сцену людей средняго состоянія. Каждый человѣкъ могъ бы представлять себя на мѣстѣ дѣйствующихъ лицъ; выводимые же на сцену цари, герои для насъ чужды. Царь можетъ вообразить себя на мѣстѣ человѣка; человѣкъ на мѣстѣ царя рѣдко. *Съ гораздо большимъ успѣхомъ можно обрабатывать предметы изъ Отечественной Исторіи.* Изъ чужихъ Исторій, особенно же изъ древнихъ вовсе не годится. Русскій, выводя на сцену Грековъ, не можетъ переродиться въ нихъ совершенно, всегда видны будутъ въ нихъ Русскіе“. И вотъ черезъ десять лѣтъ, по написаніи этихъ строкъ, самъ Погодинъ съ жаромъ пишетъ трагедію *Марѳа посадница.* О процессѣ его творчества мы находимъ любопытныя свѣдѣнія въ его *Дневникѣ:* 23 февраля 1830.

„Задумалъ приняться за *Марѳу*, но продрались Кубаревъ, Алехинъ, Дитрихсъ, Павловъ, Надеждинъ, Рожалинъ. Передъ обѣдомъ урвался на полчаса и скомпановалъ кое-что. Пообѣдалъ плотно. Прощался въ воспоминаніяхъ съ Сашей *). Вставши, велѣлъ заложить лошадь. Присѣлъ и еще вписалъ кое-что, между прочимъ прекрасное выраженіе: *Ты опускался ли на дно его души глубокой*". На другой день Погодинъ заперся дома и „писалъ съ удовольствіемъ" *Марѳу*; „однакожъ", жалуется онъ, „прорвались нѣкоторые. Андрей говорилъ, Американцы были. Какъ же говорили они по-русски? Одни плохо. Скажи, что дома,—и являются Ознобишинъ и зять его, которые назвались Американцами, потому что шуба у нихъ на выворотъ. Потомъ Мельгуновъ съ планомъ журнала на будущій годъ. Потомъ Хомяковъ. Прочелъ ему второе дѣйствіе *Марѳы*. Очень хвалитъ сцену Іоанна съ Борецкимъ". Написанное Погодинъ читалъ „съ величайшимъ удовольствіемъ" П. А. Муханову.

Такимъ образомъ Погодинъ входилъ все болѣе и болѣе въ кругъ своей трагедіи и „плакалъ", описывая прощаніе Марѳы. Предъ окончаніемъ, онъ ходилъ въ Кремль: въ Успенскій Соборъ и Архангельскій. „Помолился надъ гробницею Іоанна III" и тамъ же познакомился съ протоіереемъ Архангельскаго Собора Кутневичемъ, который показалъ ему любопытную ризницу". Узнавъ, что Государь разрѣшилъ Пушкину печатать безъ перемѣнъ *Бориса Годунова*, Погодинъ замѣчаетъ „а моя *Марѳа* не готова". На другой день по полученіи Пушкинымъ этого царскаго разрѣшенія, Погодинъ зашелъ къ нему и у нихъ завязался долгій и очень занимательный разговоръ о Русской Исторіи. „Какъ рву я на себѣ волосы часто", сказалъ Пушкинъ, „что у меня нѣтъ классическаго образованія". Пушкинъ сталъ допытывать своего собесѣдника о томъ, что онъ пишетъ? Погодинъ признался, что пишетъ *Марѳу*. Пушкинъ уговорилъ его прочесть ему свою трагедію. Предъ началомъ чтенія 1-го дѣйствія, Погодинъ счелъ нужнымъ предупредить

*) Княжною А. И. Трубецкою.

его, что „цѣль“ автора „на другомъ поприщѣ, слѣдовательно неудача на этомъ не приведетъ его въ уныніе“, а потому онъ просилъ Пушкина быть откровеннымъ. Выслушавъ 1-е дѣйствіе, онъ сказалъ Погодину: „Я не ждалъ. Боюсь хвалить васъ. Ну если вы разовьете характеры также, дойдете до такой высоты, на какой стоятъ народныя сцены. Чудо. Это и хорошо, что вамъ кажется общимъ мѣстомъ Diable etc.“.

На другой день Погодинъ прочелъ Пушкину два дѣйствія. Слушая 3-е дѣйствіе, онъ заплакалъ и сказалъ: „Я не плакалъ съ тѣхъ поръ, какъ самъ сочиняю; мои сцены народныя ничто предъ вашими. Какъ бы напечатать ее“. Затѣмъ онъ „и цѣловалъ“ Погодина „и жалъ ему руку“; но похвала Пушкина не обрадовала Погодина и онъ съ сомнѣніемъ замѣчаетъ: „можетъ быть слушая меня, онъ самъ много вообразилъ, бросалъ свое золото, какъ алхимикъ, не знаю. И такая похвала чуть, чуть доставляетъ мнѣ удовольствіе“ Черезъ нѣсколько дней Погодинъ прочелъ Пушкину 4-е дѣйствіе и онъ остался „доволенъ по-прежнему“.

„Удивись“, писалъ Погодинъ Шевыреву: „*Марѳа Посадница*, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ ямбами. Три дѣйствія кончены, четвертое и пятое почти. Первое написалъ я въ семь дней, второе—въ семь, третье —въ пять. Пушкинъ случайно допытался до моей тайны и заставилъ меня прочесть: былъ въ восторгѣ. Если моя трагедія въ половину имѣетъ достоинства въ сравненіи съ его мнѣніемъ, то я доволенъ. Для меня было пріятно услышать его отзывъ, но не слишкомъ; даже теперь пріятнѣе описывать тебѣ. Онъ только ободрилъ меня: что мнѣ стало казаться общими мѣстами, то ему нравится. Пришлю къ тебѣ первое дѣйствіе на слѣдующей почтѣ. Еще скажу: я вовсе не дорожу ею теперь; но, писавши первое дѣйствіе, я не спалъ, бредилъ, былъ какъ сумасшедшій: такъ поднялась чувствительность. Знаю, что, заставляя тебя ожидать многое, я порчу будущее впечатлѣніе твое, даю большое заемное письмо и обанкручусь, но хотѣлъ поскорѣе доставить тебѣ хоть минутное удовольствіе. Все-таки это эпизодъ, а поэма моя—

Исторія. Я ей себя посвящаю и съ каждымъ днемъ люблю ее болѣе и болѣе. Только бы мнѣ съѣздить на годъ прогуляться по Европѣ; а тамъ, благословясь, пустимся въ землю обѣтованную. Довольно". Наконецъ 6 іюля 1830 г. Погодинъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Кончилъ! Кончилъ! Слава Богу, и помолился. Надо бы послать сказать Аксаковымъ". Такимъ образомъ въ Пушкинѣ Погодинъ нашелъ величайшаго ободрителя въ своемъ отважномъ предпріятіи. Ободренный, онъ уже писалъ Шевыреву: „Если Правительство хорошо вникнетъ въ духъ моей трагедіи, то скажетъ мнѣ спасибо".

Венелинъ, узнавъ объ окончаніи трагедіи, писалъ Погодину: „Не выпускай *Марфушки* твоей, пока не настанутъ морозы; а то... вѣдь знаешь, что повѣсъ много... объявятъ ее если не чумною, то брюхатою"[43]).

Безденежье было постояннымъ несчастіемъ жизни Пушкина; вслѣдствіе сего ему не рѣдко приходилось одолжаться такимъ людямъ, которыхъ ни любить, ни уважать онъ не могъ. Къ довершенію несчастія, Пушкинъ, живучи въ это время въ Москвѣ, проигрался, а денегъ у него не было и за ними онъ обратился къ Погодину, а сей послѣдній обѣщался ему перехватить у кого нибудь изъ знакомыхъ, начиная съ Надеждина. Такимъ образомъ волею иль неволею Пушкину пришлось быть одолженнымъ человѣку, который грязными руками залѣзалъ вь святыню его души. Между тѣмъ Погодинъ принималъ всѣ мѣры, чтобы приблизить Надеждина къ Пушкину и съ этою цѣлью даже устроилъ у себя вечеръ, о которомъ сохранилось слѣдующее воспоминаніе въ *Дневникѣ* Погодина: „За Перевощиковымъ, Пушкинымъ, (Максимовичъ тамъ), за Хомяковымъ. Хомяковъ научалъ завести рѣчь съ Надеждинымъ о романтизмѣ, чтобъ заманить въ разговоръ Пушкина съ Надеждинымъ и внушить ему лучшее мнѣніе и наоборотъ, чтобъ заставить Надеждина уважать болѣе Пушкина. Вечеръ былъ у меня. Говорили болѣе объ естественнословныхъ предметахъ. Смѣялись много: Полевой *не самъ* пишетъ романъ, а Ушаковъ, сказалъ Максимовичъ. Планъ романа Полевой отдалъ Свиньину.

А исторію-то не отъ него-ли получилъ, сказалъ Языковъ. Свиньинъ вывелъ въ люди Полеваго. Да это не бѣда, возразилъ Максимовичъ. Какъ не бѣда? закричали всѣ... Пушкинъ кокетничалъ, какъ юноша, вышедшій только что изъ пансіона". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ со всѣмъ усердіемъ „собиралъ мозаически деньги Пушкину" и при этомъ сознавался, что искалъ эти деньги „какъ собака" [44]). Главнымъ заимодавцемъ Пушкина, при посредствѣ Погодина, былъ Надеждинъ. И вотъ по этому поводу на Погодина посыпался цѣлый градъ весьма некрасивыхъ записочекъ Пушкина.

1) „Сердечно благодарю васъ любезный Михаилъ Петровичъ. Заемное письмо получите надняхъ".

2) „Надеждинъ хоть изрядно насъ *тешитъ* иногда (тесать) или *чешетъ* etc., но лучше было бы если бы онъ теперь потѣшилъ. Двѣ тысячи лучше одной, суббота лучше понедѣльника".

3) „Выручите, если возможно, а я за васъ буду Бога молить съ женой и малыми дѣтушками. Завтра увижу-ли васъ и нѣтъ ли чего готоваго? (въ трагедіи * понимается)".

4) Слава въ вышнихъ Богу, а на землѣ вамъ, любезный, и почтенный! Ваши 1800 р. ас. получилъ съ благодарностію, а прочія чѣмъ вы скорѣе достанете, тѣмъ мнѣ болѣе одолжите".

5) „Какъ вы думаете, есть надежда на Надеждина, или Недоумко недоумѣваетъ".

6) „Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму".

7) „Сдѣлайте одолженіе, скажите, могу-ли надѣяться къ 30 мая имѣть 5,000 р., или на годъ по 10° или на 6 мѣсяцевъ по 5°. Что четвертое дѣйствіе"? (*Мароы*).

8) „Сдѣлайте божескую милость, помогите, къ воскресенью мнѣ деньги нужны непремѣнно, а на васъ вся моя надежда".

9) Если уже часть, такъ большую ради Бога" [45]).

---

*) Мароа Посадница.

Когда Пушкинъ явился съ заемнымъ письмомъ, то Погодинъ предложилъ чтеніе своей *Марѳы* и по заключенію его, Пушкинъ остался этимъ чтеніемъ очень доволенъ, „но меньше восторга“ [46]).

Въ это же время совершилось важное событіе въ жизни Пушкина: Въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, 21 апрѣля 1830 года, онъ предложилъ руку и сердце Наталіи Николаевнѣ Гончаровой, и это предложеніе было принято. По свидѣтельству князя П. П. Вяземскаго, Пушкинъ былъ плѣненъ красотою Гончаровой съ зимы 1828—1829 г. „Онъ“, какъ самъ говорилъ, „началъ помышлять о женитьбѣ, желая покончить жизнь молодого человѣка и выйти изъ того положенія, при которомъ какой-нибудь юноша могъ трепать его по плечу на балѣ и звать въ неприличное общество“ [47]). „Пушкинъ все здѣсь, писалъ Погодинъ къ Шевыреву, отъ 29 апрѣля 1830 года, „онъ прикованъ, очарованъ и оганчарованъ, какъ говоритъ“ [48]). Самъ же Пушкинъ объявилъ Погодину объ этомъ только 1 мая 1830 г. и по этому поводу Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Дай Богъ совѣтъ да любовь“; а князю П. А. Вяземскому, Пушкинъ писалъ: „Дядя Василій Львовичъ плакалъ, узнавъ о моей помолвкѣ. Онъ собирается на свадьбу подарить намъ стихи. На дняхъ онъ чуть не умеръ и чуть не ожилъ. Богъ знаетъ чѣмъ и зачѣмъ онъ живетъ“ [49]). О помолвкѣ Пушкина Погодинъ увѣдомилъ и Венелина, который, узнавъ объ этомъ, написалъ слѣдующія замѣчательныя строки: „Посреди философской мысли невольно появляется какой-то недостатокъ, какое-то желаніе; спрашиваю себя: чего мнѣ недостаетъ? Отзывается какая-то сила, которая влечетъ въ какую-то неизвѣстную, неопредѣленную сторону. Если для означенія сего влеченія выдумать слово, то оно будетъ *желаніе пристроиться, завести гнѣздо*, а по простому выраженію *жениться!* Пфуй пропасть! Между тѣмъ какъ женитьба мнѣ и на умъ не приходила, и не хочу жениться. Это влеченіе принадлежитъ психологической физіологіи, и я говорю объ немъ только en médecin, и есть общій законъ природы или

организма, который издѣвается иногда и надъ самымъ хладнокровнымъ философомъ. Не подумайте, чтобы это зависѣло отъ *позыва полу бѣлому*; будь хоть гермафродитъ или евнухъ, приходитъ пора, созрѣваешь, тутъ-то и безъ всякой физической нужды родится стремленіе ко гнѣзду, которое сгибаетъ спину самаго гордаго человѣка передъ этимъ закономъ; примѣромъ и доказательствомъ этого служитъ Пушкинъ, какъ вы меня извѣщаете, и всякій другой, кто только женатъ. Я думалъ, что пѣвецъ присягнулъ на вѣчную своей Музѣ; а молодецъ вишь вотъ какъ! Дай Богъ ему! Жаль, что не могу сдѣлать лично моего поздравленія его прелестной невѣстѣ, говорю прелестной, не видавъ ея, ибо всякая невѣста сама по себѣ прелестна. Впрочемъ куда сунуться къ знаменитой поэтессѣ смиренному и плохому прозаисту. Надѣюсь, что и мой Михаилъ Петровичъ, вопреки своей застѣнчивости, измѣнитъ Кліо“ [50]).

Въ исходѣ лѣта Пушкинъ отправился въ Петербургъ для устройства дѣлъ и личныхъ переговоровъ съ отцемъ касательно будущаго своего дома и состоянія [51]). Онъ не долго оставался въ Петербургѣ; 10 Августа 1830 года вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ отправился въ дилижансѣ въ Москву. Обѣдали въ Царскомъ Селѣ у Жуковскаго. Въ Твери видѣлись съ Ѳ. Н. Глинкою и наканунѣ Успенія, утромъ, пріѣхали въ Москву [52]). Черезъ нѣсколько дней Пушкину довелось хоронить своего дядю, почтеннѣйшаго Василія Львовича, скончавшагося въ Москвѣ 20 Августа 1830 года, въ началѣ 3-го часа по-полудни. Еще въ Январѣ этого года В. Л. Пушкинъ написалъ трогательное *Посланіе къ Жуковскому*, которое и было его лебединою пѣснію:

Товарищъ—другъ! ты помнишь ли, что я
Еще живу въ семъ мірѣ?
Что были въ старину съ тобою мы друзья,
Что я на скромной лирѣ
Бывало воспѣвалъ талантъ изящный твой?
Бывало часто я, бесѣдуя съ тобой,
Читалъ твои баллады и посланья;
Пріятныя, увы! для сердца вспоминанья!

Теперь мнѣ некому души передавать:
Съ тобою, Вяземскимъ, со всѣми я въ разлукѣ,
Мнѣ суждено томиться, горевать
И дни влачить въ страданіяхъ и скукѣ.
Гдѣ Блудовъ? гдѣ Дашковъ? Жизнь долгу посвятивъ,
Они заботятся, трудятся;
Но и въ трудахъ своихъ нерѣдко, можетъ статься,
Приходитъ имъ на мысль, что другъ ихъ старый живъ.
И живъ, чтобъ васъ любить, чтобъ помнить всякій часъ,
Что васъ еще имѣю;
Благодарю судьбу, я въ чувствахъ не хладѣю.
Молю, чтобъ небеса соединили насъ! [53])

Старый другъ Василія Львовича, хотя и не ровесникъ, князь П. А. Вяземскій имѣлъ утѣшеніе еще видѣть его въ день его кончины. „Я пріѣхалъ къ нему", писалъ князь Вяземскій, „часовъ въ одиннадцать. Смерть уже была на вытянутомъ лицѣ и въ тяжеломъ дыханіи его. Однако же онъ меня узналъ, протянулъ мнѣ уже холодную руку свою и на вопросъ Анны Николаевны: радъ ли онъ меня видѣть? (съ пріѣзда моего изъ Петербурга я не видалъ его) отвѣчалъ онъ слабо, но довольно внятно: очень радъ. Послѣ того, кажется, раза два хотѣлъ онъ что-то сказать, но уже звуковъ не было. На лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ изнеможенія. Испустилъ онъ духъ спокойно и безболѣзненно, во время чтенія молитвы при соборованіи. Обряда не кончили, помазали только два раза. Наканунѣ былъ уже онъ совсѣмъ изнемогающій, но увидя Александра, племянника, сказалъ ему: *Какъ скученъ Катенинъ!* Передъ этимъ читалъ онъ его въ *Литературной Газетѣ*. Пушкинъ говоритъ, что онъ при этихъ словахъ и вышелъ изъ комнаты, чтобы дать дядѣ умереть исторически. Пушкинъ былъ однакоже очень тронутъ всѣмъ этимъ зрѣлищемъ и во все время велъ себя, какъ нельзя приличнѣе. На погребеніи его была депутація всей литературы, всѣхъ школъ, всѣхъ партій: Полевые, Шаликовъ, Погодинъ, Языковъ, Дмитріевъ и лже-Димитріевъ, Снѣгиревъ. Никиты мученника протопопъ въ надгробномъ словѣ упомянулъ о занятіяхъ его по Словесности и вообще говорилъ просто, но пристойно. Я въ Пушкинѣ теряю одну изъ сердечныхъ привычекъ жизни моей. Съ восемнадцати-лѣтняго

возраста, и тому двадцать лѣтъ, былъ я съ нимъ въ постоянной связи. Сонцевъ такимъ образомъ распредѣлилъ пріязнь Василія Львовича: Анна Львовна, я и однобортный фракъ, который передѣлалъ онъ изъ сюртука, въ подраженіе Павлу Ржевскому. Черты младенческаго его простосердечія и малодушія могутъ составить любопытную главу въ исторіи сердца человѣческаго. Онѣ придавали что-то смѣшное личности его, но были очень милы [54]).

На похоронахъ В. Л. Пушкина, многимъ вѣроятно вспоминался другой писатель, славный Арзамасецъ, но въ то время влачившій въ Москвѣ свое жалкое существованіе. Еще въ 1828 году несчастный страдалецъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ вернулся изъ чужихъ краевъ и поселился въ Москвѣ, гдѣ въ то время жила Е. Ѳ. Муравьева. Онъ былъ порученъ попеченіямъ доктора Дитрихса. Батюшкову наняли особый домикъ въ Грузинахъ, въ переулкѣ Тишина. На исцѣленіе больного утрачена была всякая надежда, и главною задачею врачебнаго надзора, стало успокоеніе его бурныхъ порывовъ. Благодаря попеченіямъ умнаго, внимательнаго и обходительнаго Дитрихса, цѣль эта была достигнута, но и то въ очень малой степени [55]). Погодинъ, принимая живѣйшее участіе въ судьбѣ нашего знаменитаго писателя, завязалъ сношеніе съ Дитрихсомъ, который поручилъ ему перевести на Русскій языкъ свой дневникъ, веденный во время путешествіяего съ Батюшковымъ за границею и во время бытности его въ Москвѣ при больномъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо Дитрихса къ Погодину. Намъ неизвѣстно, исполнилъ ли Погодинъ это порученіе; но мы знаемъ, что онъ посѣщалъ знаменитаго страдальца. „Говорятъ, Батюшковъ очень дуренъ“, читаемъ въ *Дневникѣ* его, „неужели онъ умретъ“. 14 Марта 1830 года состоялось это посѣщеніе: „въ роковыя idus Martii къ нему съ Дитрихсомъ. Чрезъ окно. Лежитъ почти неподвижный. Дикіе взгляды. Взмахнетъ иногда рукою, мнетъ воскъ. И такъ лежитъ онъ два мѣсяца. Боже мой! Гдѣ умъ и чувство? Одно тѣло чуть-чуть живое. Страшно“! [56]).

Званіе жениха пе было по душѣ Пушкину и онъ вспоми-

налъ тогда Баратынскаго, сказавшаго, что „въ женихахъ счастливъ только дуракъ; а человѣкъ мыслящій безпокоенъ и волнуемъ будущимъ". Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Москвы въ Нижегородскую деревню, Пушкинъ писалъ Плетневу: „Грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцати-лѣтняго хуже *Тридцати лѣтъ жизни игрока.* Дѣла будущей тещи моей разстроены; свадьба моя отлагается день ото дня долѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ человѣка женатаго, о прелести холостой жизни. Къ тому же Московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери — отселѣ размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія. Осень подходитъ; это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ, пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ, а я долженъ хлопотать о приданомъ, да о свадьбѣ. Ѣду въ село Болдино; Богъ вѣсть, буду ли тамъ имѣть время заниматься и душевное спокойствіе, безъ котораго ничего не произведешь, кромѣ эпиграммъ на Каченовскаго. Отъ добра, добра не ищутъ. Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ" [57]).

Будучи въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, Пушкинъ былъ до глубины души растроенъ словомъ доброжелательства человѣка, ему совершенно посторонняго. Въ это время проживалъ въ Москвѣ сынъ бывшаго Молдавскаго господаря князя Маврокордато, Иванъ Александровичъ Гульяновъ (род. въ 1789 году), со славою состязавшійся съ самимъ Шампольліономъ объ Египетскихъ іероглифахъ. Когда Гульяновъ узналъ о помолвкѣ Пушкина, то отправилъ къ нему анонимное посланіе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ:

Олимпа дѣвы встрепенулись!
Сердца ихъ въ горести сомкнулись
И гулъ ихъ вопли повторилъ:
Поэтъ высокій, знаменитый
Взглянулъ на свѣтлыя ланиты—
И дѣвѣ сердце покорилъ.

Не будетъ больше вдохновеній!
Не будетъ умственныхъ пареній!
Прошли свободные часы.

Какъ отблескъ утреннихъ сіяній
Блеснула радость ожиданій
У ногъ возлюбленной красы!

Уймите духъ вашъ сокрушенный,
О, Музы! Другъ вашъ вожделѣнный
Небеснымъ пламенемъ горитъ.
Источникъ новыхъ откровеній,
Залогомъ будетъ вдохновеній
И снова геній воспаритъ! [58]).

Пушкинъ отвѣтилъ *Анониму* своимъ знаменитымъ стихотвореніемъ:

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ,
. . . .
Благодарю тебя душою умиленной, и пр.

Въ это самое время и Погодинъ сблизился съ этимъ знаменитымъ *Анонимомъ*. Подъ 8 іюля 1830 года, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „познакомился съ Гульяновымъ и пріобрѣлъ новаго сотрудника себѣ“. Однажды у Погодина встрѣтились Гульяновъ и Кубаревъ и все утро провели „въ презанимательныхъ разговорахъ о происхожденіи языка“ [59]). Съ Гульяновымъ „я сблизился“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „у него тьма хорошаго. Его надо поддерживать и удерживать“ [60]). Погодинъ сталъ подстрекать Гульянова „къ окончанію его прекрасныхъ трудовъ“, ибо примѣчалъ, что онъ „очень пристрастенъ къ свѣту“. Настоянія эти остались не безполезны, и Гульяновъ писалъ Погодину: „Какая у васъ на рукахъ Египетская работа! Угадайте же и вы, за какой работою застала меня ваша записка? Также за Египетскою: за статьею *О сродствѣ языка славянскаго съ языкомъ Хама*. Ни для кого въ мірѣ не написалъ бы я сей статьи въ журналъ и никому на свѣтѣ не далъ бы я копіи съ образа Божіей Матери. Вы одни будете исключеніемъ для меня пріятнымъ“ [61]).

Много лѣтъ спустя, когда Пушкина уже не было въ жи-

выхъ, а именно въ 1838 году, въ Дрезденѣ познакомился съ Гульяновымъ Т. Н. Грановскій и сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ: „У дверей“, пишетъ Грановскій, „надпись: Essuyez vos pieds. Прекрасная квартира, паркетъ такъ гладокъ, что я, раскланиваясь, едва не палъ къ ногамъ хозяина. Самъ Гульяновъ мнѣ чрезвычайно понравился. Странности его немного мелки, самолюбіе и уваженіе къ чинамъ замѣтны тотчасъ; но за этимъ столько любви къ наукѣ, столько свѣдѣній, что можно бы извинить гораздо большіе недостатки. Я сказалъ ему откровенно, что ничего не читалъ изъ писаннаго имъ и что даже не знаю, что онъ сдѣлалъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать о своихъ трудахъ. „Болѣе всего мучитъ меня мысль, что все это пропадетъ, когда я умру“... Я едва не засмѣялся, когда онъ сказалъ мнѣ, что у него объясненіе встрѣчающейся въ гіероглифахъ тростниковой корзинки заключаетъ болѣе трехсотъ печатныхъ страницъ. Въ самомъ дѣлѣ, статья о тростниковой корзинкѣ заключаетъ въ себѣ всю демонологію Египта и объясняетъ весьма многое въ *Ветхомъ Завѣтѣ*. То, что я слышалъ, очень умно, просто и было для меня совершенно ново и очень хорошо“ [62]).

VI.

Въ началѣ 1830 г. явился въ свѣтъ первый томъ *Исторіи Русскаго Народа* Николая Полеваго съ посвященіемъ *Б. Г. Нибуру, первому историку нашего вѣка.* Въ этомъ посвященіи многіе не безъ удивленія прочли: „Исторія Россіи была уже обработываема многими, Русскими и иностранными, писателями. Имя нашего Карамзина вамъ извѣстно. Раздѣляя съ моими соотечественниками справедливое уваженіе къ труду знаменитаго соотечественника, я не колебался, однакожъ, писать Исторію Россіи послѣ него и посвятить сему предпріятію нѣсколько лѣтъ. Мое повѣствованіе *начинается происхожденіемъ Русскаго Народа и заключается царствованіемъ импе-*

ратора Николая. Всѣ труды занимавшихся Русскою Исторіею были или неполны и не окончены, или не доведены до временъ новѣйшихъ. Утвердительно скажу, что *я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи*, столь вѣрно, сколько мои отношенія мнѣ позволяли. Я зналъ подробности событій и чувствовалъ ихъ, какъ русскій; былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра. Кому же другому. кромѣ васъ, могу я посвятить сочиненіе, въ которомъ съ такимъ направленіемъ изображается политическая и нравственная жизнь исполинскаго царства, картину, хотя и неискусною рукою начертанную. Довольно для меня, если скажутъ, что историкъ Русскаго Народа зналъ величіе генія Нибурова, и Нибуръ не почелъ недостойнымъ своего имени почтительное приношеніе Русскаго историка". По поводу этого посвященія Никитенко замѣчаетъ: „Полевой посвятилъ свою Исторію Нибуру и тѣмъ самымъ какъ бы отказался отъ перстня". Но мы прежде всего замѣтимъ, что Полевой къ сожалѣнію не исполнилъ обѣщанія, даннаго Нибуру, и *Исторію Русскаго Народа* заключилъ не царствованіемъ императора Николая I, но даже не довелъ ее до конца царствованія царя Іоанна Грознаго.

Противъ этого творенія Полеваго ополчились и Погодинъ, и Надеждинъ. „Самохвальство", писалъ Погодинъ въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ*, „дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высоко парныя и безсмысленныя фразы. *Самохвальство*: „Утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи, столь вѣрно, сколь мнѣ отношенія позволили". Спрашиваю: кто, кромѣ боговдохновеннаго Моисея, осмѣлится сказать такъ о своей Исторіи? *Невѣжество*. Здѣсь надо начать съ самаго заглавія. Что такое Исторія Русскаго Народа? Развѣ исторія народа не заключается въ исторіи государства? Развѣ народъ, не составляющій государства, можетъ имѣть исторіи? Развѣ правительство не есть часть народа, не есть его представитель? Развѣ не изъ него образуется?.. *Дерзость*: Вотъ что и какъ говоритъ онъ объ *Исторіи* Карамзина: „Это повѣство-

вательный разсказъ, а не Исторія. *Шарлатанство*: „Я бралъ изъ Гиббона все, что касалось до Греческой Имперіи, сличая только источники Гиббона и повѣряя ихъ новѣйшими открытіями". Прочесть текстъ Гиббона — трудъ; прочесть его примѣчаніе — работа; сличить его съ источниками—невозможность, ибо у насъ во всей Москвѣ нѣтъ тысячи книгъ, которыя были источниками Англійскаго писателя; не говорю уже о рукописяхъ... *Высокопарныя и безсмысленныя фразы*: „Дикое стремленіе новыхъ вѣковъ хотѣло ожить въ древнихъ формахъ... Погибшее навсегда для потомства, долженствовавшаго созидать новыя" [63]). Этою рецензіею самъ Погодинъ былъ очень доволенъ, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ Шевыреву: „Я написалъ гремящую статью, которая произвела эффектъ въ городѣ, и даже лютѣйшіе мои враги отдали честь. Никогда я не былъ такъ раздраженъ, и негодованіе водило перомъ. Это случилось среди двухъ болѣзней моихъ, и сильно чувствовалъ—у меня желчь поднималася. Теперь смѣюсь" [64]). Вслѣдъ за симъ, Надеждинъ, приготовляясь въ *Вѣстникѣ Европы* выступить также противъ Полеваго, писалъ Погодину: „Между нами будь сказано я принялся за *Исторію Русскаго Народа, для Вѣстника Европы.* Разбираю теперь *духъ* ея разумѣется, *зажимая носъ*, какъ можно крѣпче. Я уличаю поваго нашего *исторіечника* покражею общихъ понятій объ исторіи, изъ которыхъ онъ скропалъ свое введеніе. Да, мнѣ хотѣлось, чтобы улика была на лицо—и потому сопоставить texte en regard — нѣтъ ли у васъ самыхъ оригиналовъ, откуда что стянуто" [65]). Вслѣдъ за симъ въ Вѣстникѣ Европы является статья, въ которой между прочимъ читаемъ: „*Исторія Русскаго Народа*! Это дѣло совсѣмъ нешуточное! Привыкши соединять понятіе объ Исторіи съ именами Иродотовъ, Ѳукидидовъ, Ливіевъ, Тацитовъ, Гиббоновъ, Робертсоновъ, Мюллеровъ, Сисмондіевъ — мы никакъ не могли свыкнуться съ мыслію, чтобы журнальная статейка о *Взятіи Азова* и дикія сказанія о *Симеонѣ Кирдяпѣ* и *Мѣшкѣ съ золотомъ*— были зарею, предвозвѣщающею восхожденіе *Исторіи Рус-*

скаго Народа! Намъ казалось не очень легкимъ—сооруженіе новаго зданія на развалинахъ великаго труда незабвеннаго Карамзина—для руки, упражнявшейся донынѣ только въ подпусканіи „шутихъ и зарядѣ хлопушекъ!.“ „Обругавъ“,—продолжаетъ Надеждинъ, „заблаговременно знаменитый трудъ Карамзина, какъ недостойное произведеніе прошлаго вѣка—онъ обѣщалъ предложить намъ опытъ Отечественной Исторіи, начертанный съ *новой* высшей точки зрѣнія, по *новой* высшей идеѣ о человѣчествѣ. И—чтожъ оказалось?.. Такъ называемая *Исторія Русскаго Народа* не отличается даже — *новостью* систематическаго фасона!.. Это—не болѣе, какъ безобразный хаосъ уродливыхъ словъ, скрипящихъ подъ тяжестью уродливыхъ мыслей, нахватанныхъ и оттуда, и отсюда..., безъ разбора, плана и цѣли: пустомысліе, оправленное пустословіемъ, не имѣющимъ даже жалкаго преимущества—одурять вниманіе чаднымъ куревомъ философическаго обскурантизма; однимъ словомъ—старая ветошь, даже не перешитая по новому покрою, на который могло бы зазѣваться праздношатающееся любопытство!.. Критикѣ—даже не къ чему въ ней и прицѣпиться!.. Она призываетъ на себя смѣхъ задорностію, негодованіе—чванствомъ; и только... Сочинитель *Исторіи Русскаго Народа* позволяетъ себѣ еще издѣваться надъ священнымъ прахомъ великаго Карамзина — за то, что онъ будто писалъ *Исторію Государей*, а не *Государства*, не *Народа*“. Затѣмъ Надеждинъ, обращаясь къ имени историка, которому посвящена *Исторія Русскаго Народа*, восклицаетъ: „О Нибуръ! Что—ежели это нелѣпое твореніе будетъ дѣйствительно прочтено великимъ человѣкомъ, которому такъ дерзко навязано? Что подумаетъ онъ о Русскомъ просвѣщеніи? Нибуръ, мужъ ученѣйшій нашего времени—коего прозорливому оку *Римская Исторія* обязана расторженіемъ того баснословнаго покрова, подъ которымъ донынѣ восхищала нашу вѣру и благоговѣніе!! Каково должно показаться ему это арлекинское жизнеописаніе Народа Русскаго, въ коей всѣ басни, обвивающія первый періодъ нашей Отечественной Исторіи, разсказываются уже

не съ дѣтскою простотою, но съ буйнымъ велерѣчіемъ несомнительной увѣренности!.. Давно уже носятся *подозрѣнія* объ исторической цѣнности нашихъ лѣтописей — между глубокомысленными испытателями Отечественныхъ Древностей. Подозрѣнія сіи скоро могутъ превратиться въ достовѣрность: и конечно — дойдутъ до Нибура!.. Что скажетъ онъ тогда о писакѣ, обезпокоившемъ его вниманіе истертою ветошью, выданною за свѣжій товаръ — новаго фасона и лучшей доброты?.. Титло *перваго Историка нашего времени*, съ коимъ сей послѣдній вздумалъ къ нему подлеститься, вѣроятно не подкупитъ его негодованія... „Такъ-то пишутъ-то на Руси! это-то читаютъ!" скажетъ Нибуръ: и отвернется съ презрѣніемъ! Отвернемся и мы, но — съ сожалѣніемъ!.. *Исторія Русскаго Народа* есть печальный опытъ судьбы, ожидающей самолюбивое невѣжество, ищущее прикрыть свою ничтожность безстрашною дерзостью... Ему хотѣлось перетянуть Карамзина; а дотянулся ли и до — Глинки?.. *Сіе море великое и пространное: тамо гади, ихъ же нѣсть числа, животная малая съ великими!*" [66]). Хотя Погодинъ и писалъ Шевыреву, что на Полевого „всѣ въ ужасномъ негодованіи, особливо партія Карамзинистовъ, которая ко мнѣ начинаетъ быть благосклоннѣе. Глава — Дмитріевъ уже хвалитъ и говоритъ только о старыхъ грѣхахъ" [67]); но намъ извѣстно, что Пушкинъ въ своемъ разборѣ *Исторіи Русскаго Народа* выразилъ неудовольствіе на критики и Погодина, и Надеждина. „Сказавъ откровенно", пишетъ онъ, „нашъ образъ мыслей на счетъ *Исторіи Русскаго Народа*, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ профессоромъ Качеповскимъ, напечатана статья, въ коей брань доведена до изступленія, болѣе чѣмъ на тридцати страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательствъ, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого издателя Каченовскаго, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители Отечественной

Исторіи. *Московскій Вѣстникъ* (et tu autem, Brute!) сказалъ свое мнѣніе на счетъ г. Полевого еще съ большимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ, ибо Издатель *Московскаго Вѣстника* доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не такъ бы молвилъ" [68]).

Само собою разумѣется, что Погодинъ остался очень не доволенъ этими строками и писалъ Шевыреву: „Пушкинъ въ критическомъ разборѣ *Исторіи* Полевого является острымъ, веселымъ; но объ исторической критикѣ, о Карамзинѣ, говоритъ какъ младенецъ. Гдѣ имъ!" [69]). Не одобряли критики Погодина и столь уважаемые имъ Петербургскіе ученые. „Удивительно то", писалъ Венелинъ Погодину изъ Петербурга, „что Кругъ и Кеппенъ принадлежатъ къ приверженцамъ Полеваго (!!!). Странно. Не понимаю. Дѣло кажется въ томъ что оба сіи почтенныя имена по нѣскольку разъ встрѣчаются въ *Исторіи Русскаго Народа* какъ классическія. Впрочемъ оба сіи мужа показались мнѣ благородныхъ чувствованій". Вмѣстѣ съ тѣмъ Кеппенъ сказывалъ Венелину, что Кругъ не очень доволенъ рецензіей Погодина на Исторію Полевого. На вопросъ Погодина, какой эффектъ въ Петербургѣ произвела его рецензія? Венелинъ отвѣчалъ: Quot capita tot sensus; но вообще утверждаетъ, что вы говорили слишкомъ рѣзко. Удивляются, какъ могъ человѣкъ, до сихъ поръ всегда скромный, выступить столь рѣшительно. Нигдѣ такъ не скупы на мнѣнія, какъ въ Питерѣ. Все мнимая politesse, т.-е. маскарадъ. Такимъ же образомъ и съ настоящими учеными; разговоры о томъ о семъ, т.-е. ни о чемъ, скучны, принужденны, бездушны" [70]).

Самъ же Полевой печатно заявилъ: „Нѣкоторыя особы сообщили мнѣ отвѣты критикамъ *Исторіи Русскаго Народа*. Къ сожалѣнію я не могу помѣстить ихъ въ *Телеграфѣ*, ибо

не хочу участвовать ни въ какой полемикѣ по поводу моего сочиненія“ [71]).

Исторія Русскаго Народа имѣла однако успѣхъ въ нѣкоторыхъ кругахъ Московскаго педагогическаго міра. По крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ М. А. Дмитріевъ Погодину: „На Олимпійскихъ играхъ, которыя были намедни устроены въ гимназіи, нашъ Геродотъ, говорятъ, получилъ всеобщія рукоплесканія! Ему шуму-то и надобно!“

Много, много лѣтъ спустя, когда самъ Погодинъ выпустилъ въ свѣтъ свою *Древнюю Русскую Исторію* (1872) и сынъ автора *Исторіи Русскаго Народа* напечаталъ о ней статью въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, Погодинъ писалъ К. Н. Бестужеву-Рюмину: „Кажется будто тѣнь Полеваго встала изъ гроба, мстить за статью мою 1830 года“ [72]).

Если Пушкинъ, по благородству своей натуры, былъ возмущенъ грубымъ тономъ критики господъ профессоровъ Московскаго Университета, то что̀ сказалъ бы онъ, еслибы ему довелось прочесть письмо Арцыбашева къ Погодину: „Состояніе Полевого“, пишетъ онъ, „укоризна не ему, но тому ученому Обществу, которымъ онъ удостоенъ, безо всякихъ заслугъ, членскаго званія. Купца 3-й гильдіи можетъ судебное мѣсто высѣчь плетьми и—кто знаетъ будущее?—можетъ быть со временемъ высѣкутъ Полеваго; слѣдственно дѣйствительнаго члена почтеннѣйшаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ растянуть на площади. Подумайте сами, пріятно ли будетъ сіе видѣть или слышать о такомъ происшествіи? Есть и крѣпостные люди съ ученостью, лучшею нежели Полевой, такъ неужели же и ихъ производить въ члены ученаго Общества, состоящаго при Университетѣ“ [73]).

Вѣрнымъ и признательнымъ другомъ Полеваго остался неизмѣнно Булгаринъ, который о первомъ томѣ *Исторіи Русскаго Народа* не обинуясь — напечаталъ слѣдующее: „Это первая критическая Исторія Россіи. Есть критическія изслѣдованія объ отдѣльныхъ частяхъ Исторіи; есть повѣствовательная Исторія, но никто еще не предпринималъ у насъ

писать Исторію въ духѣ критическо-философическомъ. Честь первенства принадлежитъ г. Полевому. Взглядъ у него вѣрный. Множество заблужденій гаснетъ предъ его критическимъ свѣтильникомъ. Кто желаетъ знать Отечественную Исторію, тотъ непремѣнно долженъ прочесть книгу Полеваго" [74]).

VII.

Пылая лютою ненавистью къ Полевому, Погодинъ не жегъ кораблей въ отношеніяхъ своихъ къ Булгарину и отъ времени до времени дѣйствовалъ относительно его примирительно.

Такъ, когда вышелъ *Самозванецъ* Булгарина, то Погодинъ отнесся къ нему довольно безпристрастно. Онъ читалъ его „безъ скуки" и даже собрался писать его разборъ и при этомъ сознается, что „совѣстно похвальное похвалить въ такомъ подлецѣ" [75]). Заклятому же врагу Булгарина Шевыреву онъ писалъ: „*Дмитрій Самозванецъ* холоденъ, одноцвѣтенъ, но имѣетъ *прекрасно изображенныя положенія*, много любопытныхъ подробностей изъ старыхъ книгъ и всѣ отрицаютъ достоинства автора". Эти отношенія къ Булгарину были замѣчены друзьями Погодина и поставлены ему на видъ; такъ что онъ принужденъ былъ оправдываться и письменно, и печатно. „*Сѣверная Пчела*", писалъ онъ Шевыреву, „начинаетъ очень хвалить меня и очень часто. А здѣсь друзья распускаютъ слухъ, что я предался къ нимъ. Не всѣ ли роды непріятностей удалось перенести мнѣ?". Наконецъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодинъ печатно заявилъ слѣдующее: „Издатели *Сѣверной Пчелы* осыпали похвалами нѣкоторые первые опыты Издателя *Московскаго Вѣстника* при вступленіи его на литературное поприще. Средніе опыты были осыпаны отъ нихъ ругательствами. Нынѣ потому ли, что новые опыты лучше, по другой ли причинѣ, начали они опять изъявлять ему прежнюю свою благосклонность. И такъ издателю стало ли отъ этого сколько-нибудь легче? Нимало: нѣкоторые его

знакомые, даже журналисты, не устыдились разсѣевать слухи, что онъ оффиціально по какому то трактату передался съ какой то стороны на какую то и будетъ ратовать подъ другимъ знаменемъ. *Пахомъ Силичъ* *), очень уважаемый имъ за одно, и нелюбимый за другое, наслушавшись какой то Ѳеклы, даже напечаталъ: „Отъ *Московскаго Вѣстника,* при возобновленіи его, можно бы было ожидать много хорошаго. Но его что-то начинаетъ захваливать *Сѣверная Пчела.* А это — передъ добромъ не бываетъ". Не правда ли, что отъ брани ему горе, а отъ похвалы вдвое! Милостивые государи! Издатель *Московскаго Вѣстника* честь имѣетъ объявить всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ему по должности надобно будетъ сказать свое мнѣніе, онъ скажетъ оное, кому бы то ни было, прямо, несмотря ни на брани, ни на похвалы, несмотря ни на связи, ни на знакомство, ни на дружбу, ни на родство. Мнѣніе его можетъ быть ошибочнымъ, несправедливымъ, по недостатку свѣдѣній, по неопытности и т. п. (въ чемъ онъ легко и сознается, выслушавъ доказательство), но никогда не будетъ притворнымъ, лицепріятнымъ, никогда не будетъ зависѣть отъ внѣшнихъ отношеній".

Вскорѣ послѣ того, Погодинъ, сдѣлавшись редакторомъ *Вѣдомостей о состояніи города Москвы во время холеры,* „мимо всѣхъ отношеній" написалъ письмо Булгарину и предложилъ ему доставлять извѣстія о состояніи Москвы для сообщенія жителямъ Петербурга. Эта любезность дала Булгарину поводъ написать слѣдующее любопытное письмо къ Погодину. „Вы пишете объ *отношеніяхъ* нашихъ! Кто сдѣлалъ эти *отношенія?* Мы принимали васъ всегда какъ брата, голубили, лелеяли, а я первый отзывался выгодно о первомъ вашемъ литературномъ дѣтищѣ. Но васъ увлекла злодѣйствующая мнѣ партія, которая при первомъ случаѣ выдастъ васъ, если до сихъ поръ не выдала. Тѣ же самые герои, которые ругали васъ, ругаютъ меня и будутъ ругать каждаго, кто

*) Надеждинъ.

имъ не поддастся. Гордость и невѣжество—вотъ ихъ девизъ. Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы сказать вамъ, что я не питаю къ вамъ ни ненависти, ни непріязни. Въ прошломъ году, я самъ отозвался съ похвалою о вашемъ *Вѣстникѣ*, не взирая, что меня тамъ бранятъ безпощадно. Я человѣкъ со страстями, это правда, но стараюсь быть справедливымъ и смѣло могу сказать, что не такъ дуренъ, какимъ изображаютъ меня *знаменитые* невѣжды, называющіе себя великими мужами. Прошу вѣрить, что не состою ни въ какихъ дурныхъ съ вами *отношеніяхъ*. Пока нѣтъ съ вами вашихъ Шевырева и Кирѣевскаго, то и вы будете справедливы, а какъ эти гнусныя исчадья литературнаго міра подуютъ на *Вѣстникъ* пламенемъ и золою, то и пойдетъ потѣха! Извините, что я не могу не быть искреннимъ; это знакъ, что я не смѣшиваю васъ съ тѣми скотами, которыхъ презираю и съ которыми никогда не стану объясняться“. Въ черновыхъ бумагахъ Погодина сохранился листокъ, въ которомъ заключаются наброски отвѣта на это письмо Булгарина. Вотъ что мы могли разобрать въ немъ: „Не имѣю времени объясняться. Но признаюсь, для меня было очень странно въ дѣловомъ отвѣтѣ найти какіе-то литературные отзывы о нѣкоторыхъ людяхъ, которыхъ я люблю и уважаю... По какому же праву можно ругать ихъ предо мною? И такъ *мимо всѣхъ отношеній*, въ Москвѣ 6 ноября умерло etc“.

Между тѣмъ, пріятель Погодина М. А. Максимовичъ въ это время издалъ альманахъ подъ заглавіемъ *Денница* (1830), въ которомъ Пушкинъ помѣстилъ начало своего *Бориса Годунова;* а Мерзляковъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Хомяковъ, Баратынскій, Языковъ, Тютчевъ, самъ Погодинъ, Шевыревъ, И. В. Кирѣевскій, княгиня З. А. Волконская украсили *Денницу* своими произведеніями. Напечатанное въ альманахѣ *Обозрѣніе Русской Словесности за 1829 годъ*, написанное И. В. Кирѣевскимъ, надѣлало много шуму и многихъ задѣло. „Милому Шевыреву“, писалъ Максимовичъ, „свѣтлой надеждѣ нашей, привѣтъ и рукожатье отъ Максимовича. Красному сол-

нышку кланяется *Денница,* мой альманахъ, который Веневитиновъ обѣщалъ доставить къ вамъ въ Италію. Ему обязанъ я за пьесу княгини Волконской. Погодину за пѣсню Гремиславы. За вы и за многая *Денницѣ* отъ Булгарина досталось. Много шуму изъ нея вышло. Попросите у Княгини и сами присылайте стиховъ и прозы альманашнику; да привозите травку ботанику“ [76]).

Но какъ увидимъ, не отъ одного Булгарина досталось *Денницѣ* за это *Обозрѣніе.* „Молодой Кирѣевскій“, писалъ Пушкинъ, „въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей *Обозрѣніи* нашей Словесности, говоря о Дельвигѣ употребилъ сіе изысканное выраженіе: „древняя муза его покрывается иногда *душегрѣйкою новѣйшаго унынія.* Выраженіе, конечно, смѣшное. Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, и подхватили эту *душегрѣйку,* разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ, какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику“ [77]). Но журнальная брань, какъ мы тоже увидимъ, не застала Кирѣевскаго въ Россіи. Задѣтый заживое Булгаринъ, напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* письмо изъ Карлова на Каменный Островъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „въ чужихъ краяхъ странствуютъ нѣсколько юныхъ Россіянъ, которые выдаютъ себя за первокласныхъ Русскихъ поэтовъ, философовъ и критиковъ, и всѣмъ журналистамъ обѣщаютъ извѣстіе о Россіи, а болѣе о Русской Литературѣ. Тотъ самый почтенный критикъ, который выступилъ на поприще Словесности, въ нынѣшнемъ году *Обозрѣніемъ Словесности,* напечатаннымъ въ *Денницѣ,* и назвалъ моего бѣднаго *Выжигани* книгою одного достоинства съ сонниками и гадательными книгами, а читателей *Выжигина* сравнилъ съ публикой толкучаго рынка, этотъ самый критикъ, одѣвшій музу нашего добраго издателя *Литературной Газеты въ душегрѣйку новѣйшаго унынія,* этотъ самый почтенный критикъ поименованъ въ числѣ первыхъ сотрудниковъ иностранныхъ журналовъ! Другой, авторъ писемъ изъ Италіи, помѣщенныхъ въ *Москов-*

скомъ Вѣстникѣ, и соучастникъ по изданію сего журнала *). Можешь себѣ представить, каково будетъ доставаться намъ, въ этихъ извѣстіяхъ о Русской Литературѣ, и на какую степень станутъ поэты и прозаики, которыхъ издатель *Московскаго Телеграфа* въ шутку назвалъ *знаменитыми* и *литературными аристократами*! Не могу удержаться отъ смѣха, когда подумаю, что они приняли это за правду, и въ отвѣтъ на это заговорили въ своемъ листкѣ о дворянствѣ". На эту выходку Шевыревъ отвѣчалъ Булгарину въ *Литературной Газетѣ*. „Смѣю увѣрить г. Булгарина за себя", писалъ онъ, „что въ стѣнахъ классическаго Рима недосугъ разбирать его сочиненій, и что я такъ люблю славу нашей литературы, что мнѣ непріятно бы было изъ устъ иностраннаго журналиста слышать хулу на сочиненія даже Булгарина, какъ пишущаго на языкѣ Русскомъ" [78]). Этимъ отвѣтомъ былъ очень недоволенъ Погодинъ. „А ты между тѣмъ", писалъ онъ Шевыреву, „изъ Рима переписываешься съ Булгаринымъ, шутишь и острижь. Какъ мнѣ было досадно! Неужели ты можешь подумать, что я, знающій всѣ здѣшнія обстоятельства, не увѣдомилъ бы тебя тотчасъ, если бы было что-нибудь требующее твоего отвѣта? Забытую, давно пренебреженную выходку ты вздумаъъ вынуть изъ-подъ краснаго сукна и дать себя на очень возможное уязвленіе. Еще въ Римѣ два года живетъ! Почему же ты не прислалъ ко мнѣ и не предоставилъ мнѣ вообще разсудить, годится ли или нѣтъ... Ты тревожишь себя по пустякамъ и кладешь ложку дегтю въ кадку меду. Ужъ разругалъ бы я тебя, если бы ты былъ здѣсь" [79]).

„Мы уже замѣтили, что *Обозрѣніе* Кирѣевскаго, помѣщенное въ *Денницѣ*, задѣло многихъ и въ томъ числѣ Каченовскаго и самого Ксенофонта Полеваго. „Этотъ Сборничекъ", писалъ Каченовскій въ своемъ *Вѣстникѣ Европы*, „хотя и первинка еще для Издателя заблагоразсудившаго, неизвѣстно изъ какихъ разсчетовъ, превратиться изъ полезнаго дѣйствователя на поприщѣ Естественныхъ наукъ въ литературнаго трутня"...

*) С. П. Шевыревъ.

Задѣтый этими строками Максимовичъ отвѣчалъ Каченовскому въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. „Не понимаю", писалъ онъ „какимъ образомъ, г. Каченовскій допускаетъ въ журналѣ своемъ такія неприличныя выходки; ибо какъ иначе назвать оскорбительное прозвище какому либо лицу? Если онъ видѣлъ во мнѣ до изданія *Денницы*—полезнаго дѣйствователя на поприщѣ Естественныхъ наукъ, и слѣдовательно одобряетъ извѣстныя ему, по сей части, мои занятія должностныя, мои сочиненія отдѣльно и въ журналахъ напечатанныя; если онъ считаетъ хотя малѣйшею услугою литературѣ мое изданіе Малороссійскихъ пѣсенъ,—то какъ же онъ могъ честить меня такимъ прозвищемъ за то только, что я отъ настоящихъ занятій своихъ употребилъ нѣсколько времени на корректуру десяти печатныхъ листовъ *Денницы*, которая, однако, (по словамъ *Вѣстника Европы*) „имѣетъ свое относительное достоинство, ярко бросающееся въ глаза, особенно при сравненіи съ другими альманахами; въ коей помѣщены стихи почти всѣхъ лучшихъ поэтовъ нашихъ и прозаическія статья, изъ коихъ нѣкоторыми (по его же словамъ) *Денница* можетъ смѣло похвастаться?... Что здѣсь предосудительнаго? И неужели для занимающагося Естественными или другими науками, литература есть запрещенный плодъ? Такое мнѣніе было бы и одностороннее, и ложное, и самъ г. Каченовскій служитъ живымъ ему опроверженіемъ! онъ занимается Историческими, Археологическими розысканіями и переводилъ повѣсти, романы. Словесность необходима для каждаго: Словесность для науки тоже, что образованность для ума, — каждое изъ нихъ само по себѣ недостаточно, надлежащее развитіе одного требуетъ необходимой помощи другаго; только вмѣстѣ живутъ они полною жизнью. Это готовъ я доказать отдѣльною статьею, многими примѣрами знаменитыхъ мужей. Что касается до альманаха, то изданіе онаго почитаю для себя случайнымъ, постороннимъ дѣломъ, и не только не помѣхою, но еще вспомогательнымъ средствомъ для нѣкоторыхъ изъ моихъ главныхъ занятій. Что мнѣ нужно было

издать альманахъ, доказательствомъ служитъ то, что издалъ его, будучи въ полной увѣренности, что люди разсудительные и принимающіе во мнѣ участіе не выведутъ изъ того невыгодныхъ заключеній о моихъ занятіяхъ. Если же почтенному профессору моему неизвѣстно, изъ какихъ разсчетовъ я заблагоразсудилъ издать *Денницу*, то я скажу, что журналисту не для чего и знать объ этомъ, что онъ не вправѣ и допытываться этого: какое дѣло ему мѣшаться въ то, чѣмъ кто занимается, если только на занятія сіи не изъявляютъ претензій? Пріятно ли было самому г. Каченовскому, когда бы такъ своевольно перебрали его занятія на литературномъ поприщѣ? Не оскорбились бы — онъ самъ, его слушатели, читатели и почитатели, еслибъ кто-нибудь вздумалъ попрекать его, за чѣмъ онъ не издалъ ни Эстетики, ни Статистики, ни Русской Исторіи, занимавшись и занимаясь сими науками ex officio? Изъ какихъ разсчетовъ онъ употребляетъ время на изданіе *Вѣстника Европы*, вмѣсто того, чтобы побольше писать ученыхъ своихъ статей, для коихъ и безъ *Вѣстника Европы* вездѣ нашлось бы мѣсто?...

Въ заключеніе я долгомъ почитаю изъявить предъ читателями сожалѣніе свое, что незаслуженною выходкою журналиста былъ вынужденъ написать это объясненіе почтенному профессору [80]).

Несмотря на то что въ изданіи *Денницы* своими статьями участвовалъ Николай Полевой, альманахъ этотъ послужилъ поводомъ къ разрыву Максимовича съ *Московскимъ Телеграфомъ*. За свою дружбу съ Полевыми, Максимовичъ терпѣлъ сильные укоры и нападенія и отъ Павлова, и отъ Аксакова, и отъ Надеждина, и отъ Елагина, и отъ самого Погодина. Однажды въ одномъ обществѣ встрѣтились Каченовскій, Погодинъ, Максимовичъ и Хавскій, и произошла такая сцена, записанная Погодинымъ въ *Дневникѣ*: „Тѣшились съ Каченовскимъ надъ Полевымъ. Каченовскій мнѣ на ухо: тише, Максимовичъ здѣсь, а Максимовичъ подошелъ и тоже на ухо: тише, Хавскій близко" [81]). Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Максимовичъ уподоблялся

Петру Басманову, который хотя и увѣренъ былъ въ самозванствѣ лже-Димитрія, но „бросившись однажды въ его объятія, готовъ пребыть ему вѣрнымъ даже до смерти“ [82]). Но *Обозрѣніе Русской Словестности*, напечатанное въ *Денницѣ* возмутило Полевыхъ, и Ксенофонтъ напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*: *Взглядъ на два обозрѣнія Русской Словесности 1829 года, помѣщенныя въ Денницѣ* и *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*. Въ этомъ *Взглядѣ* Ксенофонтъ Полевой обругалъ „безъ памяти князя Вяземскаго, Пушкина, Баратынскаго, Дельвига и И. И. Дмитріева“. Но этотъ *Взглядъ* Полеваго кажется не безъ удовольствія былъ прочитанъ Погодинымъ. По крайнѣй мѣрѣ вотъ что онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Читалъ съ Надеждинымъ выходки Полеваго. Смѣшно на Дельвига и Вяземскаго. Дмитріевъ пышетъ какъ Везувій. Одно мѣсто у Ксенофонта понравилось очень, и жаль, что не я написалъ это“ [83]). Ксенофонтъ же Полевой въ своихъ *Запискахъ* свидѣтельствуетъ: „Пріятель нашъ, домашній человѣкъ въ нашемъ семействѣ М. А. Максимовичь, всегда казавшійся намъ ботаникомъ и очень ловко занимающій каѳедру Ботаники въ Университетѣ, вдругъ вздумалъ заниматься Словесностью и издавать литературные альманахи Въ началѣ 1830 года онъ издалъ альманахъ *Денница*, гдѣ было обозрѣніе Русской Словесности, написанное И. В. Кирѣевскимъ. Этотъ необыкновенно умный и образованный человѣкъ не имѣлъ нисколько литературнаго дарованія и оттого все, что писалъ онъ, выходило какъ-то нескладно и дико. Онъ самъ не зналъ, что требовалъ отъ Русской Литературы, противорѣчилъ самъ себѣ и выражался дикимъ языкомъ; но хуже всего было, что при оцѣнкѣ Русскихъ писателей, онъ былъ пристрастенъ и несправедливъ и до тошноты хвалилъ всѣхъ друзей и любимцевъ Пушкина... Притомъ онъ ясно поддерживалъ довольно распространенное тогда мнѣніе, что писатель не можетъ быть хорошъ, если не принадлежитъ къ высшему свѣтскому обществу,—мнѣніе, которое безпрестанно выражалъ и упорно поддерживалъ Пушкинъ. Такое потворство ложному ученію было нестерпимо въ чело-

вѣкѣ умномъ и благородномъ, какимъ я всегда почиталъ Кирѣевскаго. Мнѣ казалось даже, что онъ дезертируетъ изъ нашего круга и желаетъ быть пріятнымъ *бояриму* Пушкину, который видѣлъ умъ и любезность въ полумертвомъ, ничтожномъ *Вельможѣ* *), и не хотѣлъ видѣть ихъ въ моемъ братѣ" [81]).

Подъ вліяніемъ такихъ-то ощущеній, Ксенофонтъ и напечаталъ свой *Взглядъ*.

Въ своемъ *Обзорѣ* Кирѣевскій сказалъ: „Литературу нашу XIX столѣтія можно раздѣлить на три эпохи. Характеръ первой эпохи опредѣляется вліяніемъ Карамзина; средоточіемъ второй была муза Жуковскаго; Пушкинъ можетъ быть представителемъ третьей". Противъ этого положенія возсталъ Ксенофонтъ Полевой въ своемъ *Взглядѣ:* „Все это", писалъ онъ, „отзывается аристократствомъ, неумѣстнымъ въ литературѣ и несправедливымъ. Можно ли сравнивать вліяніе Карамзина, преобразователя всей литературы своего времени, съ вліяніемъ Жуковскаго, дѣйствовавшаго на одну поэзію, и Пушкина, который донынѣ оставался образцемъ въ одномъ своемъ родѣ, слѣдовательно также не могъ имѣть вліяніе на литературу вообще". Но, считая Пушкина и Жуковскаго недостойными стоять рядомъ съ Карамзинымъ, Ксенофонтъ Полевой ставитъ на это мѣсто Греча. „Сей умный", пишетъ онъ, „образованный, изящный писатель оказалъ Словесности нашей услуги важныя. Онъ первый началъ говорить языкомъ правды и безпристрастія съ писателями Русскими. Братство, кумовство и ложная знаменитость доходила у насъ до смѣшнаго. Гречъ возсталъ противъ нихъ и показалъ первый примѣръ благородной смѣлости. Въ теченіе десяти лѣтъ, Гречъ почти одинъ оживлялъ журнальную и критическую часть нашей литературы. Вокругъ него образовалась семья Петербургскихъ литераторовъ, дотолѣ незамѣтная, ибо для нея не было органа прежде появленія Греча. Но важнѣйшая заслуга, оказанная симъ писателемъ, состоитъ въ его изысканіяхъ касательно Русскаго языка. Не забудемъ и того, что онъ образовалъ многихъ литераторовъ, бывшихъ

*) См. стр. 19—23 сей книги.

сначала его сотрудниками. Въ доказательство сего, назовемъ Булгарина, съ признательностью сказавшаго публикѣ, что познаніями въ Русской Литературѣ онъ обязанъ Гречу". Написавши этотъ панегирикъ, Ксенофонтъ Полевой наивно спрашиваетъ: „Неужели всѣ сіи заслуги не были извѣстны г-ну Кирѣевскому? [85]).

Обозрѣніемъ Кирѣевскаго остался недоволенъ и Погодинъ. „Читалъ *Денницу*", отмѣтилъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Какъ хвалитъ Кирѣевскій Полеваго! Какъ боится похвалить меня. И много нагородилъ онъ". Не менѣе любопытна и слѣдующая запись Погодина: „Иванъ Кирѣевскій заступается, что Полевой не....... Вотъ ослѣпленіе" [86]). Но гнѣвъ Полевыхъ окончательно обрушился на Максимовичѣ за написанное имъ самимъ: *Обозрѣніе Русской литературы 1830 года* и напечатанное во второй *Денницѣ*. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ *Запискахъ* Ксенофонта Полеваго: „Въ началѣ 1831 года Максимовичъ опять издалъ свою *Денницу*, и опять съ обозрѣніемъ Русской Литературы за истекшій годъ, какъ будто необходимы были публикѣ сужденія его альманаха о современныхъ явленіяхъ нашей Словесности. Сужденія были повтореніемъ пристрастныхъ мнѣній *Литературной Газеты*, издававшейся подъ вліяніемъ Пушкина и его партіи. Максимовичъ хвалилъ не въ мѣру всѣхъ писателей этой партіи и язвительно отзывался о всѣхъ ихъ противникахъ. Все казалось ему превосходно въ произведеніяхъ и дѣятельности Пушкинской фаланги, съ которою мы находились тогда въ войнѣ, и онъ млѣлъ отъ восторга, указывая на самыя пустяшныя сочиненія Дельвига, Сомова и компаніи, выхваляя и прекрасное направленіе *Литературной Газеты*. Вотъ это восхваленіе особенно разсердило Николая Полеваго. Прежде Максимовичъ всегда совѣтовался съ нами о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ и писаніяхъ, не показывалъ намъ этого *Обозрѣнія*, и оно явилось совершенно для насъ неожиданно. По выходѣ своего альманаха, онъ и самъ не показывался къ намъ, конечно, желая дать пройти первому впечатлѣнію отъ его поступка. Между тѣмъ,

въ первомъ же пылу негодованія, я напечаталъ извѣстіе о появленіи *Денницы* и рѣзко выразилъ при этомъ свое негодованіе противъ г. Максимовича, упрекая его въ недобросовѣстности мнѣній. Надѣясь пріобрѣсти больше выгодъ отъ братства съ партіями Пушкина и Надеждина, онъ какъ будто обрадовался случаю заявить торжественно свой разрывъ съ нами и напечаталъ въ *Молвѣ*, въ отвѣтъ на разборъ *Денницы*, оскорбительную для моего брата статью. Тамъ, между прочимъ, выразился такъ: „г. Полевой говоритъ о возвышенной цѣли, безпристрастіи, прямодушіи, истинѣ, bonne foi, благородствѣ характера, приличіи; но объ этихъ предметахъ въ настоящемъ случаѣ спорить и мудрено, и некстати, и я могу только сказать: не ему бы говорить и не мнѣ бы слушать".

Этими словами онъ хотѣлъ выразить передъ публикой мысль, что я, дескать, знаю васъ г. Полевой, какъ домашній вашъ человѣкъ, знаю васъ десять лѣтъ, и потому не говорите мнѣ о возвышенности, о благородствѣ, которыхъ въ васъ нѣтъ. Слова его могли имѣть силное дѣйствіе, ибо всѣ многочисленные наши знакомые, въ продолженіе долгаго времени, видѣли и знали искреннія отношенія, въ какихъ находился съ нами г. Максимовичъ. Хорошо понимая вредъ, какой могли нанести слова его моему брату, онъ дерзко высказаль ихъ. Всегда отличаясь необыкновенною смѣтливостію въ своихъ дѣйствіяхъ онъ не могъ не давать себѣ отчета въ томъ, что становится въ положеніе брата, обвиняющаго своего брата. Обвиненіе въ неблагородствѣ, такъ грубо высказанное имъ, въ отповѣди на мою статью, было гораздо значительнѣе всѣхъ клеветъ и ругательствъ Надеждина и другихъ отъявленныхъ враговъ издателя *Московскаго Телеграфа*. Особеннымъ отличіемъ обвиненія, напечатаннаго Максимовичемъ, было еще то, что оно не высказывало ничего прямо, а было глухимъ намекомъ на какую-то общую безнравственность моего брата, въ которомъ Максимовичъ отрицалъ и безпристрастіе, и прямодущіе, и благородство характера! Но еслибы Максимовичъ долженъ былъ ука-

зать хотя на одинъ безнравственный поступокъ Николая Полевого,—онъ не нашелъ бы его" [87]).

По поводу этого разрыва, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Максимовичъ разсорился съ Полевымъ и написалъ къ нему отзывъ: *я оставляю васъ, разумѣется, не первый, и ужъ вѣрно послѣдній.* А. А. Елагинъ въ восторгѣ" [88]).

VIII.

Въ началѣ января 1830 года И. В. Кирѣевскій предпринялъ путешествіе въ чужіе края. Погодину было очень грустно съ нимъ разставаться. Онъ проводилъ его до заставы и подарилъ ему стразовый перстень съ пожеланіемъ: „Пусть онъ чувствомъ моей пріязни обратится въ брилліантовый. Мнѣ жаль его, послѣдній товарищъ изъ прежняго круга" [89]).

Вслѣдъ за нимъ Погодинъ пишетъ ему письмо: „Хочу сказать тебѣ и въ Петербургѣ здравствуй! прежде другихъ, любезный Иванъ Васильевичъ. Мнѣ очень жаль тебя. Я остался теперь одинъ въ Москвѣ изъ того круга, который, помнишь, собрался разъ вмѣстѣ въ домѣ Хомякова. Грустно. Но путешествіе будетъ тебѣ въ пользу и удовольствіе. Счастливый путь! Хочу теперь исповѣдываться передъ тобою въ своихъ чувствахъ. Я увѣренъ въ твоемъ доброжелательствѣ и пріязни ко мнѣ. Уважаю и люблю тебя за чистоту твоей души, благородство, умъ, знанія. Твое пристрастіе къ друзьямъ мнѣ не нравится. Твое пристрастіе къ не друзьямъ противно. Боязнь твоя похвалить плебейца, желаніе понравиться аристократу, неумѣренное самолюбіе, не хорошо. Твое упрямство въ мнѣніи о комъ либо, хорошемъ и дурномъ, какое то физическое почти стремленіе оправдывать того, кого привыкъ знать съ хорошей стороны, и порицать въ противномъ случаѣ—я приписываю даже устройству организма: такъ оно мнѣ удивительно. Вотъ какимъ ты мнѣ кажешься. Да—объ лѣни: мнѣ вѣдь кажется, что ты все надумываешься и во снѣ, и на яву. Сможешь ли ты мнѣ обо мнѣ сказать такъ искренно—не увѣ-

ренъ. Однако попробуй. Между прочимъ, скажи, что ты думаешь обо мнѣ, какъ о писателѣ? Чего надѣешься? Не многаго?—Я не обижусь ничѣмъ. Увѣряю тебя. Еще позабылъ о деликатности. Я слишкомъ прямъ и не умѣю оцѣнить ея по достоинству. Кстати ужъ—по-русски ты пишешь часто не хорошо: неправильные обороты, слова, конструкція".

На это оригинальное письмо Кирѣевскій не замедлилъ отвѣтомъ. „Благодарю тебя", писалъ онъ, „любезный Погодинъ, за твое письмо. Ты хочешь, чтобы я подробно высказалъ мое мнѣніе о твоей персонѣ, и потому надобно распространиться. Прежде всего однако надобно поблагодарить тебя за довѣренность въ мою правдивость, довѣренность, которая, впрочемъ, больше тебѣ комплиментъ, нежели мнѣ. Но скажи, пожалуйста: что за мысль исповѣдываться другъ другу на письмѣ, тогда какъ мы два дня назадъ могли говорить другъ другу тоже и полнѣе, и свободнѣе. Какъ ни коротко знакомъ съ человѣкомъ, но все легче сказать ему правду въ глаза, нежели написать ее заочно. Или можетъ быть ты думаешь, что я стану тебя хвалить; въ послѣднемъ случаѣ ты очень ошибся. Все хорошее, что есть въ тебѣ, такъ испорчено, задавлено дурнымъ или лучше сказать незрѣлымъ, неразвитымъ, дикимъ началомъ твоего существа, что нельзя довольно повторять тебѣ о твоихъ недостаткахъ. Несвязность, необдуманность, *взбалмошность*, соединенная съ очень добрымъ сердцемъ, съ умомъ, очень часто одностороннимъ, вотъ ты, и какъ литераторъ и какъ человѣкъ. Одно можетъ тебя исправить: искать и найти кругъ людей, которыхъ бы мнѣніемъ ты дорожилъ какъ святынею, ибо нельзя довольно убѣдиться въ томъ, что человѣкъ образуется только человѣкомъ. Если же ты останешься теперешнимъ человѣкомъ, то конечно сдѣлаешь много хорошаго, можетъ быть иное рыцарски-прекрасно; но *навѣрное* сдѣлаешь много и такого, что просто называется *нечистымъ поступкомъ*. Бойся этого! И не обидься грубостью моей искренности. Ты думаешь, что сдѣлалъ все, когда оправдалъ свой поступокъ чистотою намѣреній, но это важная

смертелная ошибка. Кромѣ *совѣстнаго суда,* для нашихъ дѣлъ есть еще другая инстанція, гдѣ предсѣдательствуетъ *мнѣніе.* Имъ ты и не дорожишь, ибо слишкомъ много вѣришь въ собственное. Но это мнѣніе, не забудь, его зовутъ—*честь.* Можно быть правымъ въ одной инстанціи, а виноватымъ въ другой. Но для истиннаго достоинства, для красоты, для счастья, для уважительности человѣка, необходимо, чтобы каждый поступокъ удовлетворялъ и тому, и другому судилищу. Это возможно, ибо оно должно. Вотъ одно правило, которое я всегда почиталъ истиннымъ, въ которое вѣрю еще и теперь, ибо понимаю его ясно и необходимо; вотъ оно: если сегодня я страдаю невинно, то вѣрно вчера я былъ виноватъ въ томъ же безнаказанно и способенъ былъ сдѣлаться виновнымъ завтра, а наказаніе только предупредило, вылѣчило меня напередъ, какъ горькое кушанье, исправляя желудокъ, предупреждаетъ его близкое разстройство. Ибо Провидѣніе несправедливо быть не можетъ, а способность къ дурному или хорошему для него равнозначительна съ дѣйствительнымъ поступкомъ. Ибо время, которое раздѣляетъ сѣмя отъ плода, для него прозрачное зеркало, воздухъ. Вотъ отчего, если хочешь узнать себя, то разбери свою судьбу, и перемѣни ее въ желанную, внутреннимъ переобразованіемъ самого себя. Но повторяю, только люди могутъ воспитать человѣка! Ищи ихъ, и знай, что каждый шагъ, сближающій тебя съ недостойнымъ, тебя отдаляетъ отъ достойныхъ. О сочиненіи твоемъ я не говорилъ и не скажу никому. Пушкину очень понравился твой *Иванъ* *) и онъ обѣщалъ писать и послать тебѣ кое-что. Всѣ здѣшніе тебѣ кланяются. Жуковскій благодаритъ за память. Кстати покуда ты не узналъ всѣхъ утонченностей того чувства, которое называютъ приличіемъ, то изъ тебя никогда не будетъ проку. Не хорошо бы кончить такъ, но бумаги нѣтъ".

Съ отъѣздомъ сыновей, почтенная Авдотья Петровна Елагина почувствовала какое-то чувство сиротства. „Проводя Ванюшу", писала она Шевыреву. „ничего у меня не осталось

*) Іоаннъ Грозный.

ни въ душѣ, ни за душею! Вся жизнь проходитъ теперь въ этихъ благословенныхъ каракулькахъ, полученіе и отправленіе которыхъ однѣ интересныя эпохи въ жизни. Вотъ ужъ два мѣсяца какъ мы съ нимъ розно; до перваго апрѣля онъ останется въ Берлинѣ, потомъ отправится къ брату, въ Мюнхенъ, куда, надѣюсь, подговоритъ и Рожалина. Мысль объ ихъ свиданіи есть лучшая утѣшительная мечта моего воображенія, дальше не думаю; слѣдовательно у меня, какъ у древнихъ Полеваго, есть грядущее, а нѣтъ будущаго. Я рада, что Ванюша не читалъ этихъ злыхъ нападеній на его благонамѣренное *Обозрѣніе*: ему было бы грустно, и еслибъ онъ не удержалъ своего негодованія и отвѣчалъ кому-нибудь, тогда мнѣ было бы досадно и грустно. Возвращайтесь всѣ съ пріобрѣтеніемъ свѣдѣній дѣльныхъ, разнообразныхъ, многосторонних, а польза, прекрасной вашей дѣятельностью произведенная, лучшій будетъ отвѣтъ зависти и злости. Гдѣ проведете вы весну и лѣто? Можетъ ли Ванюша васъ увидѣть? Напишите къ нему пожалуйста въ Берлинъ. Вы не знаете тоски одиночества съ тѣми людьми, съ которыми живете... Да и мнѣ-то здѣсь, на родинѣ, все начало чужимъ казаться“ [90]). И въ отсутствіе Кирѣевскихъ Погодинъ часто посѣщалъ ихъ домъ. А. П. Елагина желала „соединить Погодина съ аристократами“, т.-е. съ *Литературною Газетою*, на которую онъ такъ несправедливо нападалъ. Однажды, обѣдая у Елагиныхъ въ великій постъ, его угощали скоромнымъ и Погодину, какъ самъ сознается „пресовѣстно было отказываться“. Въ день имянинъ И. В. Кирѣевскаго, 2 іюня, Погодинъ былъ приглашенъ А. П. Елагиной къ нимъ обѣдать. Это лѣто Елагины жили въ Царицынѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ любезнымъ Погодину Знаменскимъ. „Ощущалъ тихое удовольствіе“, записываетъ Погодинъ въ своймъ *Дневникѣ*: „Ну еслибы съ тобой, Саша *), погулять по этимъ алеямъ. Ты счастія своего не знаешь“.

Въ маѣ 1830 года Погодинъ вмѣстѣ съ А. П. Елагиною

*) Княжна Александра Ивановна Трубецкая.

и дочерью ея М. В. Кирѣевской, Языковымъ, Армфельдомъ и Петерсеномъ совершилъ пѣшее путешествіе къ Троицѣ. „Прошедъ тридцать верстъ“, отмѣчаетъ онъ съ своемъ *Дневникѣ*. „въ Братовщинѣ усталъ очень, отъѣхали девять, на третій день еще прошелъ тринадцать и уморился. Доѣхалъ съ Языковымъ“. Съ чувствомъ благоговѣнія вошелъ нашъ пилигримъ въ Троицкій Соборъ. „Тихо, уединенно величаво“ и слушалъ тамъ обѣдню. „Вольнодумцы!“, восклицаетъ онъ. „Сюда! какое усердіе, жаръ, молитва! Послѣдній грошъ на свѣчу Сергію“. Погодинъ поклонился также своему герою царю Борису, прахъ котораго почиваетъ подъ смиренною палаткою близъ величественнаго Успенскаго Собора. Затѣмъ они осматривали ризницу, библіотеку, архивъ. „Драгоцѣнности неописанныя и безсчетныя!“ [91]).

Къ этому времени относится первое знакомство Погодина съ знаменитыми Троицкими учеными. Предъ путешествіемъ къ Троицѣ Надеждинъ писалъ Погодину: „инструкціи тебѣ не пишу, потому, что некогда. Голубинскій тебѣ все однако покажетъ. Я просилъ его объ этомъ, Да смотри — не ударь себя въ грязь Харьковскимъ своимъ университетомъ. Я ему хвалилъ тебя до самого нельзя. Не осрами меня-то ради Бога! И о сопутникахъ твоихъ писалъ также. Помни, пожалуйста, что ты будешь не просто съ попомъ имѣть дѣло, а съ человѣкомъ, которому подобнаго я еще по сю пору на Руси не видывалъ. О пустякахъ не забалтывайся; но и не показывай себя педантомъ. Однимъ словомъ дѣйствуй по сердечному движенію, достойнымъ себѣ образомъ. Мнѣ право хочется сблизить тебя съ этимъ человѣкомъ“ [92]). Съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ, Погодинъ явился къ Голубинскому, который принялъ его „отмѣнно ласково“ и Погодинъ сразу замѣтилъ, что „философія здѣсь въ великомъ ходу“. Повидимому Погодинъ не ударился лицемъ въ грязь. По крайней мѣрѣ вотъ что онъ писалъ въ Римъ къ Шевыреву: „Сблизился я съ нашею Троицкою Академіею, въ которой множество людей первокласныхъ. Вообрази, что тамъ переве-

дено почти все изъ новой Нѣмецкой философіи, и Шеллингъ извѣстенъ тамъ такъ, какъ и въ голову не попадется какому нибудь интригану Давыдову. Сотрудниковъ тамъ множество, и чтобы я при такой перспективѣ уничтожилъ *Московскій Вѣстникъ*. Молчи, нетвердый! Да что у насъ будетъ, когда черезъ годъ мы сядемъ всѣ дома и единодушно начнемъ свое священнодѣйствіе? Умокнутъ предъ нами эти шмели, эти дряни и поклонятся" [93]). Вскорѣ послѣ этого свиданія Голубинскій писалъ Погодину. „Прошу васъ принять въ благосклонное ваше вниманіе графа Михаила Толстаго *), желающаго нынѣ поступить въ число студентовъ Московскаго Университета. Его постоянная любовь къ ученію,—при отличныхъ дарованіяхъ,—крѣпость права, неограниченное повиновеніе добрымъ наставленіямъ матери, старавшейся воспитать его въ духѣ истиннаго христіанства, трудолюбіе безъ самомнѣнія, и другія любви достойныя качества душевныя, были для меня пріятнѣйшею наградою за слишкомъ пятилѣтній трудъ въ его образованіи" [94]).

Много лѣтъ спустя и Шевыревъ познакомился съ приснопамятнымъ отцемъ протоіереемъ Ѳеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. „Въ числѣ лучшихъ моихъ духовныхъ пріобрѣтеній у Троицкой Лавры", писалъ онъ, „я считаю личное знакомство и троекратную бесѣду съ Ѳеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Въ Ильинскомъ предмѣстіи, за рѣчкой Садовой въ укромномъ домикѣ живетъ почтенный представитель Христіанской Философіи у насъ. Простота и смиреніе осѣняютъ его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицомъ и особенно глазами напомнилъ онъ мнѣ Шеллинга, котораго я видѣлъ въ первый разъ также въ сельскомъ уединеніи, около Мюнхена. Та-же ясная голубизна въ глазахъ, та-же дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть; въ чертахъ Русскаго мудреца господствуетъ спокойное самоуглубленіе. Мнѣ пріятно было за-

*) Извѣстный испытатель нашихъ Древностей, графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой.

слушиваться этой рѣчи, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце". Свиданіе съ Ѳ. А. Голубинскимъ навѣяло на Шевырева слѣдующія мысли: „Много расточено великихъ и прекрасныхъ силъ по нашему отечеству, которыя не сознаны; много свѣтильниковъ, таящихся подъ спудомъ, а не горящихъ на свѣщникѣ. Русское смиреніе часто укрываетъ таланты Божіи, и люди, призванные быть благовѣстниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служеніе, которое за нихъ всякій другой могъ бы исправить. Какъ часто у насъ тамъ не сознается личность, гдѣ она является сосудомъ мысли свѣтлой, божественной, и сознается сильно тамъ и кричитъ на всю Россію, гдѣ она только сосудъ самолюбія, а иногда и онаго хуже" [95]).

Вмѣстѣ съ Языковымъ, въ кибиткѣ, Погодинъ вернулся въ Москву и онъ жалуется, что его „растрясло". Въ Мытищахъ они „*пили* въ память Екатерины" и Языковъ читалъ Погодину слѣдующіе стихи [96]).

Отобѣдавъ сытной пищей,
Градъ Москва, водою нищій,
Знойной жаждой былъ томимъ:
Боги сжалились надъ нимъ.
Надъ долиной, гдѣ Мытищи,
Смеркла неба синева;
Вдругъ ударъ громовой тучи
Грянулъ въ долъ—и ключъ кипучій
Покатился: пей, Москва! *)

Путешествіе къ Троицѣ произвело на Погодина самое благодатное впечатлѣніе. „Былъ я у Троицы", писалъ онъ Шевыреву въ Римъ, „молился и доволенъ. Какія умилительныя сцены тамъ бываютъ, какое усердіе, молитвенный жаръ, вѣра! Всѣ люди одно чувствуютъ, хотя и называютъ это одно разными именами: Богомъ и случаемъ, природою и закономъ. И сколько воспоминаній тамъ! Всѣ книги о новой Нѣмецкой философіи

---

*) Автографъ этого стихотворенія Н. М. Языкова подаренъ мнѣ М. А. Максимовичемъ и хранится въ моей библіотекѣ.

въ рукахъ у студентовъ, и профессоръ Философіи чудный человѣкъ, какъ утверждаютъ всѣ, чему и я не нашелъ противорѣчія въ короткое знакомство. Еслибъ наше духовенство приладилось къ мірянамъ, научилось бы сообщаться съ ними, то просвѣщеніе наше вдругъ увеличилось бы втрое!“

По возвращеніи въ Москву, Языковъ, въ воспоминаніе объ этомъ благочестивомъ путешествіи, 11 мая 1830 года, написалъ М. В. Кирѣевской стихи, отрывокъ которыхъ былъ впервые обнародованъ М. А. Максимовичемъ въ 1859 году:

Въ тѣ дни, какъ путь богоугодный
Отъ мѣста, гдѣ теперь стоимъ,
Мы совершали пѣшеходно
Къ мѣстамъ и славнымъ, и святымъ;
Въ тѣ дни, какъ сладостнаго мая
Любезно свѣжая пора,
Тиха отъ утра до утра,
Сіяла намъ, благословляя
Нашъ подвигъ вѣры и добра;
И въ тѣ часы, какъ дождь холодный
Ненастья намъ предвозвѣстилъ
И трудъ нашъ мило-пѣшеходный
Ѣздою тряской замѣнилъ:
Тамъ, гдѣ рука Императрицы,
Которой имя въ родъ и родъ
Сей бѣлокаменной столицы
Какъ драгоцѣнность перейдетъ,
Своею властію державной
Соорудила православно
Живымъ струямъ водопроводъ;
Потомъ—въ избѣ деревни Талицъ,
Гдѣ дуетъ хладъ со всѣхъ сторонъ,
Гдѣ въ ночь усталый постоялецъ
Дрожать и жаться принужденъ;
Потомъ—въ мѣстахъ, гдѣ казни плаха
Смиряла пламенныхъ стрѣльцовъ,
Гдѣ не нашлибъ мы и слѣдовъ
Ихъ достопамятнаго праха;
Потомъ—въ виду святыхъ воротъ
Бойницъ, соборовъ, колоколенъ,
Тамъ, гдѣ не даромъ богомоленъ
Христолюбивый нашъ народъ;
Обратно—въ день дождя и скуки,
Когда мы съѣхалися въ домъ

Жены, которой бѣлы руки
Играли будущимъ Царемъ *).
Всегда и всюду благосклонно
Вы чаемъ угощали насъ;
Вы прогоняли омракъ сонной
Отъ нашихъ душъ, отъ нашихъ глазъ [97])...

Иное впечатлѣніе вынесъ Погодинъ изъ своего путешествія въ Новый Іерусалимъ, которое онъ совершалъ также съ Языковымъ, въ Августѣ того же 1830 года. „Мерзость запустѣнія“, писалъ онъ, „на мѣстѣ святѣ. И тутъ поэзія и сильнѣйшія впечатлѣнія для богомольца. Самое святое мѣсто и въ такомъ видѣ! Хотѣли было говѣть, но дурно поютъ“ [98]).

IX.

Великое переселеніе архивныхъ юношей изъ Москвы въ Петербургъ началось уже давно и, кажется, завершилъ его Алексѣй Владиміровичъ Веневитиновъ. 19 февраля 1830 года Погодинъ писалъ Шевыреву. „Алеша Веневитиновъ уѣзжаетъ завтра въ Петербургъ“ [99]). 21 февраля Павелъ Мухановъ, Хомяковъ и Погодинъ проводили своего друга навсегда въ Петербургъ. Еще до отъѣзда Веневитинова, Погодинъ, однажды у него обѣдая, встрѣтился тамъ и познакомился съ графомъ Егоромъ Евграфовичемъ Комаровскимъ, женихомъ сестры Веневитинова, Софіи Владиміровны. Между тѣмъ, Погодинъ считалъ и его соперникомъ своимъ въ разсужденіи княжны Трубецкой. А когда этотъ мнимый соперникъ Погодина женился, то предался изученію источниковъ Русской Исторіи. „Не забылъ ли ты“, писалъ Веневитиновъ Погодину, „моей просьбы о начертаніи въ кратчайшемъ видѣ всѣхъ записокъ, изданныхъ объ Россіи со временъ царя Алексѣя Михайловича. Зять мой Комаровскій сталъ довольно серьезно этимъ заниматься, я тому очень радъ. Въ немъ былъ одинъ только недостатокъ: слишкомъ мало русскаго, и онъ это чувствуетъ“.

*) Домъ кормилицы императора Александра II Авдотьи Гавриловны Карцевой, въ селѣ Большихъ Мытищахъ.

О первомъ своемъ водвореніи въ Петербургѣ, Веневитиновъ писалъ Погодину. „Вотъ уже недѣля какъ я въ Питерѣ, и еще не осмотрѣлся. Да что и глядѣть? Слышишь только шумъ и стукъ. Хотя я не участвую въ здѣшнихъ увеселеніяхъ, но все-таки они жужжатъ вокругъ меня, и всѣ разговоры основаны на томъ, гдѣ сегодня будетъ концертъ, а завтра катаніе въ саняхъ. Питеръ, знаменитый Питеръ, до сихъ поръ для меня—груда чисто изсѣченныхъ камней. Ничего не видалъ и нигдѣ почти не былъ, завернулъ только къ Грефу, да былъ еще сегодня на выставкѣ отечественныхъ издѣлій и произведеній художниковъ. Отъ послѣдняго я ожидалъ болѣе. Впрочемъ, это, можетъ быть, зависитъ отъ того расположенія, съ которымъ я тамъ былъ. Мнѣ грустно по Москвѣ, и мой сплинъ смѣшанъ съ какою-то досадою, которая не позволяетъ мнѣ ничѣмъ любоваться. Трубецкихъ еще не видалъ. Въ Эрмитажѣ не былъ, у Жуковскаго не былъ. Но съ своими Московскими уже не разъ соединялся. Въ добрый часъ развернусь и начну рыскать повсюду. Теперь же всего болѣе сижу дома и у моря жду погоды. Долго же мнѣ будетъ ждать хорошей, потому что здѣшнее небо — вѣчная каша. О службѣ своей я еще ничего рѣшительнаго не знаю, но министръ, мнѣ кажется, хорошо ко мнѣ расположенъ. О Москвѣ только и думаю, и ее вижу во снѣ. Да помолви словечко о себѣ — я здѣсь пропаду, если отъ васъ ничего не услышу. Вяземскій здѣсь, но я его еще не видалъ. Онъ былъ боленъ въ Новгородѣ. Пушкина и Дельвига часто вижу. Первый скоро отправляется къ вамъ“.

Между тѣмъ, наступило 15-е марта. День священный для сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника,* и И. В. Кирѣевскій изъ Берлина писалъ въ Москву: „Былъ ли вчера кто-нибудь подъ Симоновымъ? Что мои розы и акаціи? Еслибъ Веневитиновъ былъ на моемъ мѣстѣ, какъ прекрасно бы отзывалось въ нашемъ Отечествѣ испытанное здѣсь!“ [100]) Отвѣтомъ на этотъ запросъ Кирѣевскаго могутъ быть слѣдующія строки, записанныя въ *Дневникѣ* Погодина: „Проснулся ночью, а именно, ка-

жется, въ 5 часу, въ часъ смерти Димитрія. Подумалъ, не явится ли онъ теперь ко мнѣ, побоялся, захотѣлъ уснуть и онъ не явился. Подъ Симоновымъ, у обѣдни, спокойно и на его могилу. Молился, да ликуетъ онъ въ селеніяхъ праведныхъ и осѣняетъ духомъ своимъ меня и ее (т.-е. княжну Трубецкую)". Въ тотъ же день у Погодина обѣдали Хомяковъ и Мельгуновъ. Говорили о Димитріи, его свойствахъ, жизни, надеждахъ, послѣднихъ минутахъ, трудахъ" [101]). Отъ обѣдни въ Симоновѣ Погодинъ зашелъ къ Бекетову и „разсматривалъ его собраніе портретовъ".

Еще въ 1829 году, Погодинъ сблизился, и не безъ пользы для *Московскаго Вѣстника*, съ симъ почтеннымъ старцемъ. О годѣ рожденія и кончины Платона Петровича свидѣтельствуетъ надпись на могильномъ камнѣ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ: „Подъ симъ камнемъ положено тѣло премьеръ-маіора и кавалера Платона Петровича Бекетова. Родился ноября 11 дня 1761 г., скончался 1836 года января 6". Бекетовъ жилъ и умеръ на дачѣ своей подъ Симоновымъ. Двоюродный братъ И. И. Дмитріева и дальній родственникъ Карамзина, онъ былъ истиннымъ другомъ просвѣщенія. Съ 1798 года, поселившись въ Москвѣ, онъ основалъ типографію, издавалъ книги, собиралъ древности, завелъ у себя кабинетъ нумизматическій и минералогическій и принималъ участіе въ изданіи журналовъ. Наканунѣ 1812 года былъ утвержденъ императоромъ Александромъ I уставъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Правила для избранія въ члены этого Общества были начертаны самыя строгія; кромѣ извѣстности въ ученомъ свѣтѣ сочиненіями, или *отличными* свѣдѣніями въ Россійской Исторіи и Древностяхъ, надлежало быть извѣстному *„по трудолюбію и жизни неразсѣянной*, дающей время и возможность быть дѣятельнымъ". И вотъ, „сановники и мужи ученые" избрали въ предсѣдатели Общества П. П. Бекетова *отставного маіора*. „Явленіе", по замѣчанію П. М. Строева, „для нынѣшняго поколѣнія загадочное: теперь и въ

5*

старшины клубовъ избираютъ большею частію генераловъ". Изъ протоколовъ засѣданій Общества 1811 и первой половины 1812 годовъ видно, что „какой-то *энтузіазмъ* одушевилъ и членовъ, и людей стороннихъ; быть можетъ, его раздѣляли всѣ просвѣщенные Москвитяне". Бекетовъ въ званіи предсѣдателя оставался до 1823 года и, по свидѣтельству П. М. Строева, былъ „душою и двигателемъ" Общества. „Мнѣ кажется", писалъ Строевъ, „въ залѣ нашихъ собраній портретъ этого достойнаго мужа могъ бы имѣть мѣсто" [102]). Чрезъ сближеніе Погодина съ Бекетовымъ *Московскій Вѣстникъ* обогатился слѣдующими драгоцѣнными историческими источниками: О смерти Императора Петра Второго и о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны; рескрипты Екатерины II къ Астраханскому губернатору Никитѣ Аѳанасьевичу Бекетову и рекомендательное письмо святого Димитрія, митрополита Ростовскаго, къ князю М. А. Черкасскому о домовомъ его дьякѣ Михайлѣ Ѳеоктистовѣ; домашнія записки князя Семена Шаховского [103]). Получивъ отъ Бекетова эти документы, Погодинъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Какія сокровища будутъ у меня въ *Вѣстникѣ.* Я радуюсь чести издавать такой *прекрасный* журналъ" [104]).

Проводивъ Кирѣевскихъ и Веневитинова, Погодинъ былъ очень обрадованъ возвращеніемъ Хомякова, который по заключеніи мира нашего съ Турціею въ 1829 году, изъ Адріанополя отправился прямо въ Москву, но куда онъ прибылъ не ранѣе 1830 года. Отецъ его, Степанъ Александровичъ Хомяковъ, отъ 5 января 1830 года писалъ А. В. Веневитинову: „Алексѣй миновалъ уже всѣ чумныя мѣста и уже могъ назначить опредѣлительно время своего пріѣзда. Сіе письмо доставилъ къ намъ Ив. Вас. Шатиловъ, присоединяя притомъ увѣдомленіе, что срокъ карантина долженъ кончиться 10 сего мѣсяца, а отъ Слободзей до Москвы 1250 верстъ, которыя онъ въ шесть дней можетъ, кажется, переѣхать. Какъ-то онъ выдержитъ въ карантинѣ скуку, сію всегдашнюю вдохновительницу его стихотворства; не доставитъ ли намъ про-

честь что-нибудь интересное“ [105]). И дѣйствительно, въ концѣ января Хомяковъ уже былъ въ Москвѣ. „Увидался съ Хомяковымъ“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „мой прихожанинъ“. Они часто видѣлись, мечтали о путешествіи по Египту и Малой Азіи. Погодинъ прочелъ ему свою *Мареу*, которая Хомякову „очень понравилась“. Съ отцомъ же Хомякова Погодинъ любилъ бесѣдовать объ Екатеринѣ и слушать разсказы его объ ея „достославномъ царствованіи“ [106]). Въ это время Хомяковъ, а особенно отецъ его, былъ занятъ постановкою *Ермака* на Московскомъ театрѣ. Знаменитый актеръ Мочаловъ писалъ Погодину: „несмотря на рѣдкія наши свиданія, я все еще надѣюсь на ваше доброе ко мнѣ расположеніе и потому прибѣгаю къ вамъ съ покорною моею просьбою. Для слѣдующаго моего бенефиса, хотя и имѣю уже трагедію *Фаустъ*, но лучше бы желалъ дать *Ермака* сочиненія г. Хомякова; позволеніе отъ г. директора я почти получилъ, только теперь мнѣ остается узнать, на какомъ основаніи сочинитель отдалъ эту трагедію въ Петербургскій театръ, то-есть, получилъ ли онъ единовременно какую-нибудь сумму, или получаетъ часть съ каждаго представленія. Я не имѣю чести знать г. Хомякова; но слышалъ отъ г. Щепкина, что вы довольно часто съ нимъ видаетесь, и такъ, покорнѣйше прошу васъ увѣдомить о его условіи съ Петербургскимъ театромъ“ [107]). Въ августѣ мы видимъ Хомякова въ деревнѣ. Письмо его А. В. Веневитинову живо знакомитъ насъ съ его духовнымъ настроеніемъ. „Долго не отвѣчалъ я тебѣ“, писалъ Хомяковъ „и кромѣ лѣни, тебѣ извѣстной, едвали найду я порядочную отговорку. Правду сказать, боли во лбу у меня отнимаютъ много времени, а еще болѣе охоты къ перу, да все-таки не цѣлый день онѣ продолжаются и можно бы найти часочекъ для друзей. И такъ, оставляю въ сторонѣ это извиненіе тѣмъ болѣе, что я долженъ сказать. что я вообще почти здоровъ и мои пароксизмы такъ слабы стали, что иногда я почти про нихъ забываю. Виноватъ, да и только. Не повѣришь, какъ досадно мнѣ было

слышать, что едва я успѣлъ покинуть Бѣлокаменную, какъ ты туда прибылъ съ Мухановымъ (котораго я на-крѣпко обнимаю и къ которому я на-дняхъ буду писать). Мысль у васъ преблагородная, преумная, ѣхать на излѣченіе въ Москву; что какъ будто возвышаетъ ее надъ Питеромъ, и еслибы я не боялся докторовъ и не надѣялся на деревенскій воздухъ, то непремѣнно бы прилетѣлъ къ вамъ. Ты бранишь меня за мою лѣнь; дай срокъ, она уже и мнѣ докучаетъ, часто беретъ меня охота прибѣгнуть къ размышленію, какъ къ лѣкарству отъ пустоты, да все еще не рѣшаюсь, но я себя знаю и увѣренъ, что скоро моя папирофобія уступитъ тяжести длинкыхъ, ни чѣмъ незанятыхъ часовъ. Мысли уже иногда вскипаютъ и обѣщаютъ, что осень пройдетъ не безъ плодовъ. Впрочемъ, не думай, чтобы я скучалъ въ деревнѣ. Погода хороша, собаки лихи, зайцы есть, такъ съ этимъ не соскучусь. Прибавь къ тому, что я изъ Турціи привелъ коней славныхъ, чудной ѣзды, покойныхъ какъ люльки, горячихъ накъ кипятокъ, и быстрыхъ какъ Добрынинъ Златокопытъ. Книги есть, есть билліардъ и смѣшные сосѣди; чего же больше? Иногда приходятъ часы, что хотѣлось бы побесѣдовать съ пріятелями, послушать разумныхъ рѣчей, потолковать о прекрасномъ, о политикѣ, о безконечности и безпрерывные нѣмые монологи разнообразить веселыми и спорливыми отвѣтами. Я этого удовольствія лишенъ; можетъ быть, тѣмъ лучше. По неволѣ подумаю и буду искать мысленныхъ удовольствій въ себѣ, не получая ихъ извнѣ. Потомъ и перо, и бумаги, и vogue la galère. Прощай, цѣлую тебя сто разъ и прошу тебя передать поклонъ мой Герке, Погодину и a tutti quanti“ [108]).

Много утѣшенія доставляла Погодину его дружба съ Языковымъ, этимъ замѣчательнымъ писателемъ и прекраснымъ человѣкомъ. Къ тому же Языковъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* и кромѣ своихъ произведеній онъ обогатилъ изданіе Погодина любопытнымъ *Журналомъ Кикина.* „Здѣсь есть еще“, писалъ онъ изъ Симбирска, „много бумагъ объ этомъ любопытномъ рабѣ“ [109]). Кромѣ литератур-

ныхъ отношеній Погодинъ привязался къ Языкову, какъ къ превосходной личности. „Проще, чище“, писалъ о немъ Погодинъ, „не видывалъ я ни одного человѣка“. Они вмѣстѣ читали Гизо, бесѣдовали о Ломоносовѣ и о необходимости соорудить ему памятникъ, о Жуковскомъ, вмѣстѣ странствовали по монастырямъ и въ Симоновѣ заслушивались пѣніемъ *со святыми упокой*, смотрѣли оттуда на Москву и съ того мѣста, съ котораго смотрѣлъ на царствующій градъ свой и самъ Грозный. Вмѣстѣ посѣщаютъ князя Вяземскаго, который къ Языкову питалъ особое расположеніе [110]). Языкову же повѣрялъ Погодинъ и свои литературныя произведенія и благодушно выслушивалъ отъ него безпристрастные отзывы; свидѣтельствомъ сего можетъ служить слѣдующее письмо его. „Вотъ, что я думаю покуда о вашей *Маѳѣ*: если вы желали въ ней изобразить духъ тогдашнихъ временъ — и только! То достигли своей цѣли. Разговоръ вообще очень живъ и идетъ безъ натяжекъ, особенно въ сценахъ, гдѣ есть народъ, выключая послѣднее дѣйствіе. Оно вообще холодно, смѣю сказать недѣйствительно. Характеръ Маѳы надобно было выразить ярче и мнѣ кажется, что вы очень слабо смотрѣли за выдѣлкою личностей вашихъ лицъ. Это, по моему, главный недостатокъ вашей Маѳы. Еще, стихи многіе не благозвучны, нѣкоторые неправильны. Надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за эти замѣчанія. Они мой *первый* опытъ въ критикѣ. Увѣряю васъ, что они исходятъ прямо отъ души и сердца и что въ нихъ не участвовало ничто, кромѣ чистаго желанія сказать вамъ правду; хотя бы и не истину. Пушкинъ, говорятъ, много написалъ новаго. Слухъ, что женитьба его разстроилась, оказался ложнымъ“ [111]).

Но питая справедливыя чувства къ Языкову, Погодинъ продолжалъ быть крайне несправедливымъ къ другу Пушкина, князя Вяземскаго и самого Языкова Баратынскому.

Въ числѣ писателей прославившихъ царствованіе императора Николая I, безспорно одно изъ почетныхъ мѣстъ занимаетъ Баратынскій. Но онъ, по свидѣтельству князя П. А.

Вяземскаго, „при жизни и въ самую пору поэтической своей дѣятельности не вполнѣ пользовался сочувствіемъ и уваженіемъ, которыхъ былъ достоинъ“ [112]). Писатель этотъ, подобно другу своему князю Вяземскому, былъ всегда своеобразенъ. „Чѣмъ болѣе вижусь съ Баратынскимъ“, писалъ послѣдній, тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ удивительно тонкій и глубокій, раздробительный. Возьми его врасплохъ, какъ хочешь, вездѣ и всегда найдешь его съ новою своею мыслію, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ“ [113]). „Чтобы расслушать всѣ оттѣнки лиры Баратынскаго“, справедливо замѣчаетъ И. В. Кирѣевскій, „надобно имѣть потоньше слухъ. Чѣмъ болѣе читаемъ его, тѣмъ болѣе открываемъ въ немъ новаго, незамѣченнаго съ перваго взгляда—вѣрный признакъ поэзіи, сомкнутой въ собственномъ бытіи; но доступной не для всякаго“ [114]). Шевыревъ и въ особенности Погодинъ не были почитателями музы Баратынскаго, за что̀ укорялъ ихъ и Пушкинъ. Погодинъ прямо сознавался: „къ Баратынскому не лежитъ мое сердце“ [115]); а по поводу поэмы Баратынскаго *Цыганка*, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Нѣтъ, — это не поэзія и далеко кулику до Петрова дня„ [116]). Съ И. В. Кирѣевскимъ у Погодина были безконечные споры о Баратынскомъ.

Хотя отсутствіе Шевырева было весьма чувствительно для Погодина, который имѣлъ въ немъ незамѣнимаго сотрудника по изданію *Московскаго Вѣстника*, но Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что пребываніе Шевырева въ Италіи „благотворно отвлекало его отъ современной литературной дѣятельности“ и служило ему приготовленіемъ къ профессорскому поприщу. Въ семейномъ Архивѣ М. А. Веневитинова сохранилось письмо Шевырева къ А. В. Веневитинову, которое подтверждаетъ справедливость сказаннаго Погодинымъ. „Въ отвѣтъ на твое милое письмо, любезный другъ Веневитиновъ“, писалъ Шевыревъ, „рѣшился поговорить съ тобой побольше. Изъ твоего письма я вижу, что ты вѣренъ своимъ прежнимъ чувствамъ: это сладко знать послѣ двухгодичной разлуки. Будьте всѣ вы также постоянны. Съ чего начну? Ужъ такъ

давно не говорили мы вмѣстѣ. Всего и не перескажешь... Я замѣтилъ, что главное средство къ сосредоточенію вниманія (что у насъ необходимо, ибо Русскіе вообще слишкомъ разсѣяны) есть указаніе цѣли, границъ, конца дѣлу. Я думаю, что первымъ писателемъ въ Россіи былъ бы теперь тотъ, кто бы вѣрнѣе показалъ назначеніе Русскаго въ ряду другихъ народовъ. Еслибы я былъ Академія или Университетъ я предложилъ бы эту задачу. Рѣшеніе этой задачи имѣло бы удивительно быстрое вліяніе на ходъ образованія нашего. У насъ же все должно быть съ сознаніемъ, потому намъ можно заранѣе указать цѣль нашу. Примѣръ въ Петрѣ, представителѣ всей Россіи, въ этомъ первомъ европейскомъ Русскомъ. Видишь мою старую привычку эпизодомъ уйти отъ дѣла: что дѣлать, начитался Гомера... У нась вообще со временемъ поступаютъ какъ съ деньгами: тратятъ, тратятъ его, какъ будто оно неистощимо, какъ будто жизнь безконечна—и это отъ того, что не видятъ цѣли. Отъ этого мы любимъ все отлагать. Вообще Русскіе не математики. Мы то торопимся, то медлимъ, а ровнаго нѣтъ въ насъ шагу. Еще у насъ Русскихъ двѣ крайности—квасъ и шампанское, азіатизмъ и французизмъ, изъ которыхъ послѣдній едва-ли не вреднѣе для русскаго. Онъ-то вбиваетъ въ насъ ту исключительность, односторонность, которая есть ядъ для русскаго и производитъ къ несчастію въ обществѣ холодность и даже отвращеніе ко всему родному. Онъ-то учитъ смѣяться надъ всѣмъ остальнымъ и весь міръ человѣческій ограничиваетъ однимъ Парижемъ; какъ ни говорятъ о теперешнихъ Французахъ, что они стали гораздо многостороннѣе противъ прежнихъ, но нація все та-же и иначе быть не можетъ, ибо жизнь Франціи вся держится на ея эгоизмѣ. Нѣтъ противоположностей столь отдаленныхъ, какъ русскій и французъ. Многосторонность и односторонность, терпимость и нетерпимость, безпристрастіе и пристрастіе — вотъ русскій и французъ. Для ума француза все человѣчество существуетъ для Франціи; у русскаго все для себя и человѣчество для человѣчества. Высшій комплиментъ француза:

mais vous avez l'air tout à fait Français; онъ, хваля тебя, обижаетъ въ тебѣ твою же націю. Націю Французскую я уважаю, ибо ни одной презирать не надобно, а эту тѣмъ больше, но индивидуумы Французы несносны, ибо всякій думаетъ: *я* цѣлая Франція, а отселѣ тотчасъ: *я* все человѣчество. Девизъ исто русскаго: *всякому свое.* Русскій послѣдній въ Европейскомъ человѣчествѣ, но на немъ сбудется писаніе Іисуса глаголюща: *первіи будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.* Эта мысль глубоко запала въ душу; наше будущее велико. Если ужъ русскій полюбитъ образованіе, то водворитъ его во всемъ человѣчествѣ и счастіе его собственное будетъ тѣсно связано съ образованіемъ послѣдняго дикаго. Русскій—человѣкъ по преимуществу. Опять я уклонился отъ дѣла, но нѣтъ—я къ нему близокъ. Какъ же несносны офранцуженные Русскіе. Эти существа сами же себя уничтожаютъ. Мой Князь *) спасенъ отъ этой порчи, къ сожалѣнію, заражающей все сословіе, къ коему принадлежитъ онъ, съ немногими исключеніями. Онъ будетъ Русскимъ. Теперь пора о себѣ сказать словцо и о своихъ планахъ. Что я служу отечеству путемъ ученымъ — это рѣшено. Теперь другіе два пути открываются передо мною — театръ и каѳедра. Для перваго у меня *Ромулъ*; для второго я имѣю кой что, но чувствую самъ свою молодость, я не хотѣлъ соединять этихъ двухъ путей, но меня принуждаютъ соединить ихъ. Обстоятельства предлагаютъ каѳедру, а у насъ въ Россіи надо ими пользоваться. Я признаюсь тебѣ самъ не рѣшился еще совершенно и Валленштейнствую. Впрочемъ у меня два плана сочиненій: *Ромулъ* и большое сочиненіе о литературѣ или лучше сказать: *Историческая Піитика.* Это сочиненіе мнѣ все равно предложить на бумагѣ или на лекціяхъ. Во всякомъ случаѣ я его напишу, но чтобы оно было зрѣло, нужно бы два года. Разсужденія пошлю въ Университетъ. Что будетъ — то будетъ, хоть только и то, что этотъ случай заставитъ меня скорѣе написать ихъ. Объ *Ромулѣ* что говорить тебѣ? Ты будешь

*) Александръ Никитичъ Волконскій.

бранить за предметъ, какъ и многіе, скажешь, что не пишешь Русской трагедіи? Да у насъ не слишкомъ ли много теперь націоналятъ? Я боюсь, чтобы не надоѣли этой національностью и чтобы только не изгадили дѣла. Безъ Италіи я не выбралъ бы этого предмета. Всѣ впечатлѣнія съ природы, одушевленныя Исторіею, захотѣли вмѣститься въ этомъ сочиненіи. Въ Римѣ я развернулъ первыя страницы Тита Ливія, съ Капитолія взглянулъ на колыбель Рима, имена всѣ тѣ же, мѣста тѣ же, небо то же, физіономія та же - и вспыхнула мысль о *Ромулѣ*. Въ немъ можетъ быть много будетъ пѣны, но изъ пѣны, говорятъ, все вышло. Если въ *Ромулѣ* вы найдете залогъ грядущаго отъ меня, то и тѣмъ буду доволенъ. Два дѣйствія написаны, а послѣ онъ уснулъ, хотя планъ и готовъ. Всѣ эти смутныя извѣстія, холера, волненія, все это разстроило совершенно цѣпь моихъ занятій. Трудно опять было собраться съ духомъ; храмъ Петра служилъ мнѣ большимъ утѣшеніемъ: какъ хорошо это небо подъ рукою! Да, обойму ли я тебя когда-нибудь въ немъ? Я прочелъ всего Данта или лучше заготовилъ его на всю жизнь. Что за богатство? Какъ этотъ человѣкъ въ себя вмѣстилъ весь вѣкъ свой! Итальянскій языкъ побѣжденъ, однако держу учителя. Читаю Петрарку и Аріоста. Что за языкъ—этотъ языкъ Итальянскій! У насъ въ немъ только находятъ звуки, а забываютъ его художественность, его красоту, собственно эстетическую. Я перевелъ цѣлую пѣсню изъ Тасса октавэми: это новая новинка у насъ въ Литературѣ. Не знаю, поймутъ ли и не знаю, вамъ ли драть за эту новинку уши или мнѣ. Написалъ и разсужденіе, которое также пойдетъ въ Университетъ. Напиши свое мнѣніе, какъ прочтешь, и что будутъ говорить. Я жду браней. Если путь къ каѳедрѣ откроется, то уткнусь крѣпче въ древніе языки, которыми я занимался да не профессорски. Прочелъ *Иліаду* и почти всю *Одиссею* въ подлинникѣ. Приняться хочется за Англійскій языкъ, Шекспиръ нуженъ въ оригиналѣ. Хочется пойти на Данта, да еще плечи слабы, я принялся было. Аріоста махну непремѣнно. Какъ милъ и какъ много

въ немъ симпатіи съ Русскими пѣснями. Не даромъ Пушкинъ въ первый разъ запѣлъ на ладъ его. Вѣкъ Владиміра у насъ еще не тронутый вѣкъ, да нужна октава. Охъ ужъ эти мнѣ гладкіе стихи, о которыхъ только что и говорятъ наши утюжники! Да, ихъ эмблема утюгъ, а не лира. Откликнись мнѣ также большимъ письмомъ и будь откровененъ, какъ я. Тебя занимаетъ Востокъ: дѣло славное, да учишься ли Восточнымъ языкамъ? Надо бы,—ты же имѣешь средства. Русскому, желающему пріобрѣсти Европейскую извѣстность, только и осталась дорога на Востокъ, а на Западъ всѣ пути заставлены. Только Русскіе въ состояніи объяснить Востокъ Европейцамъ, да они и созданы для этого кондукторства. Они просвѣщеніе Запада проведутъ туда и выдутъ оттолѣ съ полнымъ солнцемъ. Занимайся, занимайся Востокомъ, да прилежнѣе. Я думаю, и въ языкѣ-то у меня пропасть вещей, оттолѣ объяснится. Я пока преданъ Западу, да и безъ него у насъ нельзя быть. Но мнѣніями принадлежу нашему Востоку—Россіи, и во многомъ измѣнился противъ прежняго. Со мною случилось противное тому, что обыкновенно бываетъ съ нашею братьею—Скифами, ѣздящими на Западъ. Эту загадку разгадаю послѣ. Скажу только, что я, внѣ Россіи взглянувъ на Россію, узналъ ее лучше. Ходъ нашего образованія совершенно другой, нежели здѣсь; хотя и идетъ къ той же цѣли – къ совершенству. Пока довольно. Жду отъ тебя платы тою же монетою. Обними Одоевскаго, Титова, Кошелева и всѣхъ кто меня помнитъ, Любимова (если его знаешь), Павла Муханова. Соболевскій здѣсь. Онъ такъ меня тронулъ вчера. У княгини Волконской пѣли Русскія пѣсни (Итальянцы: ты вѣдь знаешь, что у ней и нѣмые глаголютъ) онъ слушалъ—вдругъ смотрю: Соболевскій утираетъ глаза, подхожу: въ три ручья слезы и бранитъ Итальянцевъ, что пѣть не умѣютъ. Говори послѣ этого, что у насъ нѣтъ mal du pays. Это меня такъ за сердце схватило, что я не могъ ихъ слушать безъ грусти... Въ Трастеверницахъ есть много чертъ, сдающихся на нашихъ мужичковъ. Только кровь горячѣе“. Въ Римѣ

вмѣстѣ съ Шевыревымъ жилъ и Рожалинъ, который писалъ Веневитинову: „Шевыревъ по-прежнему живъ, милъ, пишетъ, работаетъ хорошо и безъ конца. Удивительно, какъ этотъ человѣкъ, нисколько не выросшій, столько выноситъ. Говорить тебѣ, что онъ разбогатѣлъ свѣдѣніями, много сдѣлалъ, было бы излишне“ [117]).

X.

1830 годъ былъ послѣднимъ годомъ существованія *Московскаго Вѣстника*, хотя въ началѣ года, Погодинъ не только не думалъ прекращать свой журналъ, но даже мечталъ расширить кругъ его дѣятельности. Подъ 7 января 1830 года, вотъ что мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Издавать *Московскій Вѣстникъ* по-прежнему плану, при немъ *Нимфу* съ ста четырьмя картинками и *Бичъ*, полемическое прибавленіе. Согласились съ Надеждинымъ и выпили въ честь зачатія. Пригласить Михаила Дмитріева, Аксакова. Убьемъ всѣхъ. Очень пріятно проведено время. Космополитическія, патріотическія и филантропическія мечты!“ Исполненный надеждъ Погодинъ писалъ Шевыреву (отъ 20 января 1830): „Не думай такъ много о *Вѣстникѣ*. Всякая минута твоя мнѣ драгоцѣнна. За *Вѣстникъ* ты примешься послѣ. Я одолѣю его одинъ съ товарищами, которые помогаютъ мнѣ усердно, но не оставлю его ни за что. Это орудіе просвѣщенія. Статьи у меня славныя. Посмотри, что мы изъ него сдѣлаемъ со временемъ! Я нашелъ еще человѣка—*Надежду*! Ученость, воображеніе, наша пламенная любовь къ просвѣщенію, и онъ нашъ. Подробности послѣ. Не прервется *Вѣстникъ*, ибо мы начали его въ чистѣйшую минуту жизни, съ нашимъ незабвеннымъ Дмитріемъ Веневитиновымъ“. „Нужды нѣтъ“, писалъ Погодинъ въ другомъ своемъ письмѣ къ Шевыреву, „что *Московскій Вѣстникъ* имѣетъ теперь двѣсти пятьдесятъ подписчиковъ; но его читаютъ, уважаютъ лучшіе, достойнѣйшіе люди, и я горжусь симъ изданіемъ. Мы будемъ изливать черезъ него свѣтъ про-

свѣщенія. И ты, и ты, люби его и не малодушничай!“ [118]). Въ это время Погодинъ до такой степени сблизился съ Надеждинымъ, что одно встрѣтившееся намъ письмо послѣдняго начинается такъ: „Миша! Хочешь простить, такъ прости, а не хочешь, такъ чортъ съ тобой!“ „Заставьте Надеждина дѣлать“, писалъ Венелинъ Погодину, „работать, писать. Онъ съ умомъ, только пріучите его къ солиднымъ, а не къ метафизическимъ; это больше химеры, а пользы никакой, и за нимъ этотъ порокъ еще теперь“ [119]). Погодина возмущали не статьи Надеждина о Пушкинѣ, а эпиграмма, которую швырнулъ послѣдній въ своего критика. Толкуя объ этой эпиграммѣ у Аксакова, рѣшили: „гадко“, конечно со стороны Пушкина. При встрѣчахъ они вели безконечные разговоры и притомъ самые разнообразные: объ исторіи, о признакахъ настоящаго времени, университетѣ, объ исторіи философіи, о Русскихъ ученыхъ за монастырскими стѣнами, о Фесслерѣ, который привезъ Шеллингову философію въ Петербургъ, а Кутневичъ въ Москву, о Голубинскомъ, объ Аѳанасіи, которымъ они желали „дать дѣло“, о *Галлатеѣ*, о романѣ, о своихъ статьяхъ, о Французской Исторіи, объ отличительныхъ чертахъ Русской Исторіи, о заслугахъ Карамзина, о Кальдеронѣ, о первыхъ вѣкахъ Христіанства, о Святыхъ Отцахъ, о необходимости любви и пр. Послѣ одного изъ такихъ разговоровъ, Погодинъ воскликнулъ: „Новиковъ! Иду по твоимъ слѣдамъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ „допекалъ насмѣшками“ Надеждина „надъ его щами и кашею, и длинными періодами“. Объ этомъ сближеніи Погодина съ Надеждинымъ, Снегиревъ писалъ Анастасевичу: „Надеждинъ, неоправдавшій надежды, дѣйствуетъ у Погодина подъ рукою то шавкою, то лисою“ [120]).

Въ это время Надеждинъ преуспѣвалъ. „Каченовскій“, пишетъ онъ въ своей *Автобіографіи*, „внушилъ мнѣ мысль примкнуться къ Университету. Нокакъ? Что бы быть профессоромъ, надобно было имѣть университетскую степень; а я былъ только магистръ Духовной Академіи. Подумалъ, подумалъ и рѣшился держать въ Университетѣ экзаменъ. На магистра мнѣ

уже не хотѣлось; рѣшено было подвергнуться экзамену на доктора. Шагъ важный и тѣмъ болѣе страшный, что въ Московскомъ Университетѣ давно уже не было примѣровъ докторскихъ экзаменовъ. Я, однако не оробѣлъ, и вотъ, въ одно прекрасное утро явился къ ректору Университета И. А. Двягубскому съ просьбою о допущеніи меня къ испытанію на степень доктора по Словесному факультету. Старикъ Двигубскій смотрѣлъ на меня во всѣ глаза, тѣмъ болѣе, что я былъ до тѣхъ поръ никому неизвѣстенъ. Онъ, однако, принялъ мою просьбу и внесъ въ совѣтъ. Совѣтъ затруднился по той причинѣ, что счелъ себя не вправѣ допустить на испытаніе для степени доктора по Словесному факультету магистра Богословія. По счастью въ дипломѣ моемъ стояла фраза, что я имѣлъ степень *magistri sanctiorum humaniorumque litterarum*. Это послѣднее слово выручило меня. Рѣшено было впрочемъ представить этотъ казусъ на благоусмотрѣніе и рѣшеніе министра Народнаго Просвѣщенія князя Ливена. Прошли мѣсяцы, ничего. Я началъ сомнѣваться въ успѣхѣ; профессоры же рѣшительно отчаявались... Какъ вдругъ удивленъ я былъ пріѣздомъ ко мнѣ Каченовскаго, до тѣхъ поръ никогда меня не посѣщавшаго, который заѣхалъ ко мнѣ прямо изъ университетскаго совѣта съ извѣстіемъ, что о докторствѣ моемъ пришло разрѣшеніе министра. Я явился къ Мерзлякову. Тотъ напугалъ меня порядочно разсказомъ о томъ, чего отъ меня будутъ требовать. Но я устоялъ и наконецъ, получилъ приглашеніе на экзаменъ словесный. Страшно мнѣ было предстать предъ ученый ареопагъ. Меня экзаменовали профессоры Мерзляковъ, Каченовскій, Снегиревъ, Ивашковскій и Побѣдоносцевъ, въ присутствіи профессоровъ Цвѣтаева и Чумакова, какъ депутатовъ отъ прочихъ факультетовъ университета". По окончаніи экзамена, Надеждина спросили, выбралъ ли онъ предметъ для окончательной диссертаціи, которая по положенію отъ доктора требовалась непремѣнно на Латинскомъ языкѣ. Уже прежде онъ рѣшилъ съ Каченовскимъ, чтобы писать диссертацію о животрепещущемъ тогда вопросѣ, о романтизмѣ

Факультетъ утвердилъ эту задачу въ слѣдующемъ видѣ: *De origine, natura et fatis Poëseos, quae Romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica.* Въ сентябрѣ 1830 года Надеждинъ публично защищалъ свою диссертацію. По поводу его диспута, Погодинъ писалъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*: „Собраніе было блистательное и многочисленное; преосвященный Діонисій, протоіерей Архангельскаго Собора Кутневичъ, И. И. Дмитріевъ, князь С. И. Гагаринъ, Ѳ. В. Самаринъ и многіе другіе друзья просвѣщенія присутствовали на диспутѣ. Докторанту возражали на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ сперва студенты, потомъ профессоры и посѣтители, получали отъ него отвѣты скорые и удовлетворительные. Кстати здѣсь скажемъ: вотъ лучшее средство, кромѣ посѣщенія лекцій, познакомиться кому угодно съ Университетомъ, съ образомъ мыслей членовъ въ наукахъ, съ ихъ сужденіями, искусствомъ говорить, съ степенью ихъ познаній, съ степенью познаній самихъ студентовъ. Милости просимъ на диспуты! Они публичные, равно какъ экзамены и лекціи". По окончаніи диспута, Надеждинъ былъ утвержденъ въ степени доктора и возведенъ въ званіе ординарнаго профессора по каѳедрѣ Теоріи Изящныхъ Искусствъ и Археологіи.

Но содѣйствіе Надеждина по изданію *Московскаго Вѣстника* было только на словахъ, и питало лишь одну мечтательность Погодина, который вскорѣ и совершенно неожиданно писалъ Шевыреву: „Симъ годомъ *Московскій Вѣстникъ* прекращается. На слѣдующій годъ мною вмѣстѣ съ Надеждинымъ издается *Фонарь* въ двадцать четыре книжки, по нашему старому плану. При немъ три прибавленія: 1) *Русалка* (или *Нимфа*), которое выходитъ два раза въ недѣлю съ картинками модъ всего свѣта древнихъ и новыхъ; редакторъ Томашевскій. 2) *Литературная расправа* (или *Мечъ* и *Щитъ*), куда входятъ полемика, полнѣйшая библіографія и краткія рецензіи, разъ въ недѣлю. Редакторъ двухъ послѣднихъ прибавленій Аксаковъ. Каково! много, хорошо и дешево. Изданіе окупается шестью стами подписчиковъ, остальное дѣ-

лится между нами четырьмя и тобою пятымъ. Подробности еще не опредѣлены. Всѣ прибавленіи печатаются въ разныхъ типографіяхъ. Я многаго ожидаю отъ изданія этого. Только такимъ средствомъ, количествомъ и дешевизною, можно привлечь нашу публику къ новому. Прибавь къ этому мою репутацію. Чѣмъ больше подписки, тѣмъ больше и кругъ дѣйствія, и тогда-то будемъ мы сѣять благія сѣмяна просвѣщенія, искореняя плевелы Полевыхъ и Булгариныхъ. Это наша служба Отечеству. Основавъ журналъ, поведя его при себѣ полгода, я отправляюсь въ іюнѣ 1831 на полтора года въ чужіе края опять съ пользою и для журнала; потомъ соединимся: журналъ, типографія, книжная лавка, и пойдемъ работать. Впередъ, мой другъ! Во славу матушки Святой Руси! Придумывай же разныхъ вещей въ прибавленія, содержаніе и объявленіе о журналѣ, который предполагается для нашихъ медвѣдей въ два листа, и присылай скорѣе ко мнѣ, мы всѣ копимъ. И какія статьи пишутся, затѣваются. Надежда—Надеждинъ, если удастся соскоблить семинарскую кору, то онъ будетъ у насъ звѣздою большой величины. Все это тайна, и никто не знаетъ, кромѣ насъ четверыхъ. Духъ негодованія въ *Московскомъ Вѣстникѣ* отъ тебя перешелъ ко мнѣ“ [121]).

Всѣ эти предположенія, разумѣется, не состоялись. Надежда обманула, а настоящее *Московскаго Вѣстника* представляло довольно печальное зрѣлище быстраго шествія къ паденію.

Но прежде, чѣмъ будемъ оплакивать кончину *Московскаго Вѣстника,* скажемъ о томъ, что̀ происходило въ немъ въ послѣдніе мѣсяцы его существованія до появленія въ Москвѣ холеры, которая увлекла Погодина на иную, высшую дѣятельность.

XV. С. Т. Аксакову вздумалось помѣстить, безъ подписи своего имени, на страницахъ *Московскаго Вѣстника* свой юмористическій разсказъ подъ заглавіемъ *Рекомендація Министра,* а Погодинъ въ примѣчаніи къ нему на свою бѣду задѣлъ Булгарина, сказавъ: „въ ободреніе вамъ (т.-е. автору) ука-

зываю на примѣры негодяевъ полицейскихъ, представленные въ *Выжигинѣ* и принятые благосклонно отъ высшаго начальства“. Познакомимъ прежде нашихъ читателей съ этимъ разсказомъ С. Т. Аксакова.

„Довольно рано по утру, то-есть въ 11 часу, и въ пріемный день докладываютъ Министру, что какой-то чиновникъ съ рекомендательнымъ письмомъ проситъ позволенія представиться его восокопревосходительству. Министръ былъ человѣкъ неласковый на пріемы — „Чортъ бы его взялъ“, закричалъ онъ. — Что ему надобно? — Впусти его“. Чиновникъ входитъ тихими шагами, униженно кланяется и объясняетъ, что его высокопревосходительство обѣщался при случаѣ замолвить за него словечко. — „Вотъ тебѣ разъ“, заревѣлъ Министръ! — „Ты батюшка сумасшедшій: — я съ роду тебя не видывалъ“. — „Точно такъ, ваше высокопревосходительство, но вотъ письмо той особы, которой вы изволили обѣщать — попросить за меня“, и чиновникъ подалъ письмо съ низкимъ поклономъ. Письмо было отъ такого человѣка, которому нельзя было отказать. Министръ бѣсился, но дѣлать нечего. — „Ну хорошо“, — сказалъ онъ, „хоть я тебя не знаю и ты просишь важнаго мѣста, на которое много искателей, но такъ и быть: для его сіятельства я напишу письмо къ NN, а онъ для меня дастъ тебѣ мѣсто. Садись и пиши“. Чиновникъ сѣлъ за письменный столъ, взялъ бумагу, перо, обмакнулъ его въ чернильницу и съ подобострастіемъ ожидалъ диктовки. — „Пиши“, началъ Министръ, ходя большими шагами по комнатѣ: „милостивый государь мой... — Ну пиши какъ его зовутъ? — „Я не знаю, ваше высокопревосходительство“, съ трепетомъ и едва внятнымъ голосомъ отвѣчалъ чиновникъ... — „Ну вотъ батюшка, вѣдь ты глупъ! Не знаешь, какъ зовутъ того, кого надобно просить за тебя!... „Кажется Иванъ Ѳедоровичъ или Ѳедотовичъ...“ Ну пусть будетъ онъ Ѳедотовичъ, пиши: милостивый государь мой Иванъ Ѳедотовичъ! — Написалъ?“... — „Написалъ, ваше высокопревосходительство“. — „Покажи... — Ну батюшка, ты совсѣмъ дуракъ. Зачѣмъ ты поставилъ

знакъ восклицанія? Вѣдь онъ не Министръ и неравный мнѣ: пристало-ли моему знаку восклицанія стоять передъ нимъ вофрунтъ? — Точку, сударь, ему — точку. Пиши: податель сего письма извѣстенъ мнѣ...—Ну да чортъ тебя знаетъ, какъ ты мнѣ извѣстенъ!... „Письмо его сіятельства", промолвилъ чиновникъ...— Ну, — ну пиши: извѣстенъ мнѣ за способнаго и знающаго чиновника, а потому прошу васъ, милостивый государь мой, доставить ему мѣсто, коего онъ желаетъ; а я за оное останусь вамъ благодарнымъ... — благодарнымъ!...— Чортъ васъ побери обоихъ... – Есть за что мнѣ благодарить!... — Ну пиши: — съ моимъ почтеніемъ честь имѣю, и прочее какъ обыкновенно. Написалъ? Давай подпишу да и провались отъ меня...—„Ахъ ты болванъ",—закричалъ Министръ внѣ себя отъ гнѣва, взявъ письмо и прочитавъ его. – „Ну какъ тебѣ быть правителемъ дѣлъ, когда ты подъ диктовку трехъ словъ написать не умѣешь! Ты написалъ: имѣю честь *быть*... — Да развѣ я могу быть?... — Ты можешь быть, онъ можетъ быть (указалъ Министръ на человѣка прошедшаго мимо дверей).—А я могу *пребыть*;— развѣ не читывалъ рескриптовъ? какъ тамъ пишется? пребываемъ. – Я вѣдь Министръ. — Выскобли, сударь, — выскобли, — вотъ такъ"... Чиновникъ выскоблилъ; Министръ подписалъ. Рекомендація подѣйствовала, мѣсто было дано искателю, и онъ черезъ нѣсколько лѣтъ подлыми происками пріобрѣлъ довольную значительность, и даже, несправедливую впрочемъ, славу умнаго человѣка. Но Министръ всегда улыбался, когда слышалъ послѣднее и говорилъ: „полноте; онъ дуракъ; онъ думалъ, что я могу *быть*!" [122]).

Между тѣмъ Московскій полиціймейстеръ полковникъ и кавалеръ Ровинскій сдѣлалъ по Высочайшему повелѣнію запросъ Погодину, который на оный отвѣчалъ: „На объявленный вами вопросъ о сочинителѣ статьи *Рекомендація Министра*, помѣщенной въ мною издаваемомъ *Московскомъ Вѣстникѣ*, симъ отвѣчать честь имѣю. Я не зналъ, кѣмъ сочинена эта статья, и только думалъ па одного моего знако-

маго. Узнавъ о Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ, я отнесся къ нему съ вопросомъ, и онъ самъ объявилъ себя сочинителемъ, представляя отъ себя прилагаемое объявленіе"; а въ этомъ *объявленіи* С. Т. Аксаковъ заявляетъ: „Извѣстясь отъ издателя *Московскаго Вѣстника* г. Погодина, что Правительству благоугодно знать, кто писалъ статью *Рекомендація Министра*, симъ объяснить честь имѣю, что статья сія написана мною безъ всякаго намѣренія оскорбить кого нибудь. Таковый неумышленный съ моей стороны поступокъ предаю правосудному благоусмотрѣнію высшаго начальства". Разсказъ этотъ былъ замѣченъ въ Петербургѣ, откуда Венелинъ, ничего не зная объ авторѣ его, писалъ Погодину: „Говорятъ, что нѣтъ въ *Анекдотѣ о Министрѣ* ничего занимательнаго; утверждаютъ, что это здѣсь случилось въ самомъ дѣлѣ съ Лобановымъ, что въ городѣ умѣли разсказать гораздо занимательнѣе. Не знаю, кто вамъ сообщилъ эту статейку, если Кирѣевскій, то тѣмъ хуже вы сдѣлали, ибо онъ не хорошій прозаикъ. Мнѣ сказывали, что Лобановъ жаловался на васъ. Здѣсь слухъ носится, что Глинку на двѣ недѣли на гауптвахту, а другіе что-то и на васъ распространяютъ; это крайне меня огорчаетъ; покажите, что статейка не ваше сочиненіе, и дѣло съ концомъ" [123]). Дѣйствительно за напечатаніе этого *Анекдота*, какъ мы уже знаемъ, поплатился цензоръ С. Н. Глинка, который былъ заточенъ на гауптвахту близъ Ивана Великаго. О. С. Аксакова очень боялась, чтобы не выслали изъ Москвы ея мужа; а Погодинъ ее утѣшалъ тѣмъ, что поѣдетъ вмѣстѣ [124]). По всѣмъ вѣроятіямъ *Анекдотъ* этотъ произвелъ непріятное впечатлѣніе и въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія; ибо Персыщиковъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Вашъ *Вѣстникъ* считается журналомъ слишкомъ свободнымъ. И такъ остерегитесь. Это заключеніе слышалъ я отъ г. Щеглова, какъ цензора". Заступникомъ Погодина явился старый доброжелатель его Петръ Петровичъ Новосильцовъ. „Я былъ у князя Д. В. Голицына", писалъ онъ Погодину изъ Петербурга, „и пояснилъ ему все то,

что вы пишете ко мнѣ на счетъ Аксакова. Князь, принимая участіе въ г. Аксаковѣ, старался уже его оправдать; но что дѣлать, каждая муха въ Москвѣ является здѣсь слономъ, на то, что дѣлается, у насъ смотрятъ въ увеличительное стекло, а на то, что здѣсь, въ уменьшительное!... Князь приложилъ, полученное имъ отъ г. Аксакова письмо къ отношенію своему къ генералу Бенкендорфу и вчера ввечеру просилъ его объ немъ". Самъ же Аксаковъ писалъ Шевыреву: „нынѣшнею зимою, я имѣлъ неудовольствіе за одну пустую статью, напечатанную въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, которая не понравилась Правительству; теперь нѣсколько опасаюсь, чтобъ это не повредило моей службѣ. — Естьлибъ не дѣти — съ радостью убѣжалъ бы на Уралъ, ибо и безъ того

Въ нашъ дикій край лечу душою,
Въ просторъ степей, во мракъ лѣсовъ,
Гдѣ опоясаны дугою
Башкирскихъ шумныхъ кочевьевъ,
Съ ихъ безконечными стадами,
Озера свѣтлыя стоятъ;
Гдѣ въ ихъ кристалъ съ холмовъ глядятъ
Собравшись кони табунами;
Гдѣ быстрый катится Уралъ,
Подъ тѣнію Рифейскихъ скалъ!...

Вотъ вамъ и стихи, мой возлюбленный. Весною такъ стало грустно мнѣ по деревнѣ, что я написалъ строфъ десятокъ" [125]).

Кромѣ этого пассажа, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* обратила на себя вниманіе статья подъ заглавіемъ: *Взглядъ на кабинеты журналовъ и политическія ихъ отношенія между собою*. Въ этой статьѣ журналы сравниваются съ разными державами и лицами историческими. „Опытные наблюдатели Русской Словесности", читаемъ мы между прочимъ въ этомъ *Взглядѣ*, „давно уже замѣтили, что журналисты наши дѣйствуютъ между собою совершенно какъ государства, объявляютъ другъ другу войну, вторгаются въ предѣлы безъ объявленія, заключаютъ мирные договоры, перемирія, нарушаютъ условія, побѣждаютъ, сбираютъ контрибуцію, налагаютъ обя-

занности, возвышаютъ, понижаютъ голосъ, увеличиваютъ и уменьшаютъ требованія, воюютъ, сохраняютъ нейтралитетъ, и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ какой-то тактикѣ, стратегіи и дипломатикѣ. У нихъ есть своя Англія, своя Франція, своя Австрія, Испанія, Турція, Неаполь, Сицилія, и пр., свой старшій Катонъ (*Вѣстникъ Европы*), свой Донъ Мигуель (*Московскій Телеграфъ*), свой князь мира (*Отечественныя Записки*), свой Мегметъ-Паша (*Атеней*), своя Остъиндская кампанія (*Сѣверная Пчела* съ *Сыномъ Отечества* и *Сѣвернымъ Архивомъ*), своя венеціанка Біанка-Капелло Флорентинская герцогиня (*Галатея*), свои Децемвиры (*Литературная Газета*), свой кардиналъ Алберони (*Московскій Вѣстникъ*), свой Кай-Гракхъ (*Надоумко* *), свой Алжирскій Дей (*Словянинъ*), своя герцогиня Лавальеръ (*Дамскій Журналъ*)". По поводу этого *Взгляда* въ *Литературной Газетѣ* замѣчено: „Въ одномъ изъ Московскихъ журналовъ кому-то вздумалось взглянуть на кабинеты газетчиковъ и журналистовъ нашихъ, какъ на кабинеты образованныхъ державъ. Часто къ несчастію случается, что въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ совсѣмъ не видно и первоначальныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ тонкостяхъ. Вотъ два на то доказательства: Въ *Московскомъ Телеграфѣ* г. Ушаковъ, разбирая *Димитрія Самозванца* Булгарина, восклицаетъ: „Приступаю къ разсмотрѣнію романа, сочиненнаго моимъ короткимъ пріятелемъ, и о сихъ моихъ сношеніяхъ съ авторомъ предварительно увѣдомляю всѣхъ, острящихъ жало на новое произведеніе моего друга". Внимательный читатель видитъ здѣсь, что г. Булгаринъ избранъ игрушкою дипломатическихъ насмѣшекъ *Московскаго Телеграфа*; но истинно Европейскіе дипломаты гораздо сокровеннѣе облекаютъ свое тайное къ кому нибудь недоброжелательство. Въ *Московскомъ* же *Телеграфѣ* разобранъ романъ *Ягубъ Скупаловъ*, который названъ „безобразнымъ отвратительнымъ явленіемъ въ Русской Литературѣ. Вслѣдъ за тѣмъ издатель напоминаетъ читателямъ, что г. Свиньинъ, *находящійся съ нами въ пріятельскихъ сно-*

*) Надеждинъ.

шеніяхъ, человѣкъ умный и образованный, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наполнялъ этимъ романомъ свои *Отечественныя Записки*“ [126]).

Для большинства публики статья *Кабинеты Журналовъ* была недоступна; ибо чтобы понимать ее, необходимо было имѣть большой запасъ свѣдѣній по части Исторіи. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ слышалъ отъ Т. Н. Грановскаго, что статью эту „литературное преданіе приписываетъ Погодину“ [127]). И дѣйствительно въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующее, подтверждающее это преданіе, свидѣтельство: „Писалъ о *Кабинетахъ Журналовъ.* Ввечеру подбавилъ къ ней кое-что съ Надеждинымъ, и наконецъ Томашевскимъ“ [128]).

Однимъ изъ счастливыхъ результатовъ путешествія Погодина по Малороссіи было то, что въ *Московскомъ Вѣстникѣ* принялъ участіе извѣстный малороссійскій писатель Грицько-Основьяненко, который напечаталъ въ немъ отрывокъ изъ своей комедіи *Выборъ въ исправники*, въ которой дѣйствующія лица именуются: Выжимаевъ, Драчунинъ, Забойкинъ, Подтрусовъ, Думолкинъ, Скромовъ, Шельменко. Печатая эту комедію съ подобными героями, Погодинъ снабдилъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Для людей большого свѣта можетъ быть покажется страннымъ языкъ провинціальныхъ подъячихъ, курской крестьянки, малороссійскаго писаря,—но онъ вѣренъ, и картина списана съ натуры. Въ этомъ согласятся всѣ знающіе нашъ не столичный бытъ“ [129]). Увидавъ въ печати отрывокъ своей комедіи, самъ авторъ писалъ Погодину: „Общій нашъ знакомый П. П. Гулакъ-Артемовскій передалъ мнѣ лестные для меня и мною незаслуженные отзывы ваши. Приношу вамъ за сіе истинную благодарность, равно и за помѣщеніе отрывка изъ комедіи въ издаваемомъ вами *Вѣстникѣ.* Чрезъ это вы дали ей еще, при первомъ вступленіи въ свѣтъ, большій вѣсъ, нежели она сама по себѣ заслуживаетъ. Признаюсь: охота смертная, но участь горькая—скажу по пословицѣ. Видя все происходящее, совершающееся и послѣдствіе отъ этого, крѣпко бы желалъ что-нибудь сказать вопреки или къ исправленію,

но сказать-то неумѣется. Выпустишь въ свѣтъ; тутъ являются умники и начнутъ толковать: запятая не у мѣста, мысль не ясно выражена и пр. и пр.; а на намѣреніе ни малѣйшаго вниманія не обращаютъ и испускаютъ противъ робкаго, не смѣлаго, неопытнаго писателя свои желчныя остроты... Будетъ ли у насъ лучшее время? Весьма будучи далекъ отъ того, чтобы ставить себя хотя близко къ могущимъ писать, *я не выдержалъ* и написалъ на предметъ, на который у насъ никто не обращалъ вниманія. Первый меня ободрилъ С. Т. Аксаковъ. Но какъ предметъ сей неисчерпаемъ, то я рѣшилъ продолжать. Ваше одобреніе также много цѣню. Вы не судили ничего болѣе какъ одну цѣль. Благодарю васъ. У насъ повелось: кричатъ—*онъ не хорошо сказалъ, онъ не такъ сказалъ*! Почему же не скажутъ, *какъ* должно и *какъ* лучше сказать?.. Я не авторъ, а худой писачка, какъ и почеркъ доказываетъ; но не могу удержаться, чтобы не выставлять, что идетъ худо или что сдѣлаетъ для насъ современемъ худо. А потому прошу васъ убѣдительно, ежели еще что вздумаю прислать къ Сергѣю Тимоѳеевичу, судите безъ уваженія къ лицу; негодное отвергайте; я не самолюбивъ. Много у насъ происходитъ такого, что вамъ, гг. столичнымъ, и на мысль не приходитъ. Симъ вы обяжете меня къ большей благодарности. Жалѣю очень, что случай лишилъ меня въ прошедшемъ годѣ удовольствія лично съ вами познакомиться. Не болѣе часа и вы бы много обязали человѣка уже васъ знавшаго и цѣнившаго васъ какъ должно. Говоря много, забылъ о нужномъ сказать. Всѣ сосѣди кричатъ, какъ мы: это не у насъ, не у насъ. А между тѣмъ бранятъ: кто вынесъ соръ изъ избы—и я за ними. Нельзя ли меня обязать, чтобы и передъ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ закрыть или дать сомнѣніе о настоящемъ сочинителѣ“ [130]).

Между тѣмъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* появилось слѣдующее замѣчаніе на эту комедію: „Въ вышедшей въ свѣтъ комедіи, *Выборъ въ исправники,* или выборы дворянскіе, напечатано, что дворяне собираются на балотировку, и мѣтив-

шіе въ исправники ѣздятъ на обывательскихъ лошадяхъ безъ прогоновъ, и дорогою на станціяхъ упиваются простымъ виномъ;—можетъ быть, это только въ Курской, но какъ мнѣ извѣстно, въ другихъ губерніяхъ совсѣмъ не такъ водится.

Тамъ желающіе быть избранными въ исправники вотъ какъ поступаютъ: мѣсяцевъ за шесть ѣздятъ по дворянамъ, заговариваютъ издали о балотировкѣ, узнаютъ ихъ мнѣнія, потомъ зсываютъ къ себѣ, дѣлаютъ обѣды, завтраки, угощаютъ не простымъ, а горскимъ виномъ и наливочками: когда же приближаются выборы, то подзываютъ съ собою на балотировку бѣдныхъ дворянъ съ тѣмъ, чтобы клали шары на право, а прочимъ всѣмъ въ лѣвашово *). Предлагаютъ имъ всѣ издержки, какъ-то: возятъ на своихъ лошадяхъ, или почтовыхъ, дорогою потчуютъ на всякой станціи ерофеичемъ и пуншемъ съ кизляркою, а иногда и съ ромомъ; и при каждой рюмкѣ и чашкѣ кланяются и говорятъ: ваши слуги. По пріѣздѣ-жъ въ губернскій городъ нанимаютъ имъ общую квартиру и держатъ ихъ бѣдныхъ какъ въ конклавѣ до самого дня выбора. А какъ не всякій имѣетъ свой мундиръ, то желающій въ исправники пускается въ губернское правленіе и по всѣмъ палатамъ проситъ у приказныхъ служителей на прокатъ мундировъ и шпагъ, а шапочки, у кого какая есть; и весьма часто случается, что съ толстаго мундиръ попадетъ на худощаваго, съ худощавого на толстаго, и въ такихъ костюмахъ являются въ общую залу дворянскаго собранія и ходятъ за своими благодѣтелями, какъ утята за матерью: тогда тотчасъ можно узнать, сколько какой охотникъ въ исправники привезъ съ собою бѣлыхъ шаровъ.

Когда же будетъ выбранъ въ исправники, тогда противная сторона уже присоединяется къ нему; подходятъ съ поздравленіемъ, какъ будто и они положили шары свои на право, дабы воспользоваться пирушкою, которую уже необходимо долженъ дать всякій, вновь избранный исправникъ. Съѣзжаются гости, начинается попойка, и подчуются по разбору—

*) Это терминъ во время балотировки.

однихъ съ ромомъ, другихъ съ кизляркою; для почетныхъ гостей льется шампанское, а для мелкотравчатыхъ—горское. По окончаніи жъ выборовъ, уже эти бѣдные дворянчики, которыхъ везли такъ пышно и угощали на всякой станціи, поплетутся на протяжныхъ лошадяхъ, и то для каждыхъ двухъ дворянъ по одной подводкѣ съ тѣмъ, чтобы извощики ихъ дорогою кормили, и на каждомъ ночлегѣ давали порцію только уже по одному стаканчику ерофеича, но однакожъ за всѣ издержки отвѣчаетъ выборный исправникъ. И такъ у бѣдняжекъ этихъ въ каждые три года только и бываетъ раздолье во время выборовъ, и то на нѣсколько дней, котораго ожидаютъ какъ свѣтлаго праздника.

Однакожъ должно сдѣлать исключеніе. Есть много исправниковъ, которые истинно избираются противъ желанія и желали бы сами давать пирушки для того только, чтобы оставили ихъ въ покоѣ" [131]).

Погодинъ былъ весьма польщенъ вниманіемъ къ *Московскому Вѣстнику* знаменитаго Крылова,—этого, по выраженію Жуковскаго, „толстаго, пузатаго, сѣдаго, черноброваго, кругломордаго, стариннаго, въ каждомъ движеніи больше смѣшнаго, чѣмъ остраго". Погодинъ разумѣется посылалъ ему свой *Московскій Вѣстникъ*, хотя и не получилъ отъ него ни одной басни. „Вчера я былъ у И. А. Крылова", писалъ Погодину Д. Новиковъ, „онъ далъ мнѣ порученіе благодарить васъ за вниманіе къ нему; онъ съ удовольствіемъ читаетъ вашъ журналъ, собирается писать и благодарить васъ. Я далъ ему адресъ; но не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать о предполагаемомъ письмѣ, вы долго его не получите. Иванъ Андреевичъ умѣетъ такъ пріятно лѣниться, что невольно, даже съ улыбкою извинишь ему".

Въ противоположность Крылову, графъ Д. И. Хвостовъ не скупился на письма. Въ 1830 году онъ препроводилъ къ Языкову три тома своихъ стихотвореній. Добросердечный Языковъ былъ тронутъ этимъ знакомъ вниманія къ нему старика и написалъ ему благодарственное письмо, въ которомъ

Хвостовъ съ восторгомъ прочелъ слѣдующія строки: „Получивъ чрезъ г. Аладьина прекраснѣйшій подарокъ вашъ, я спѣшу принесть вашему сіятельству мою чувствительнѣйшую благодарность *прозою*; стихотворный же отвѣтъ предоставилъ я довесть до свѣденія вашего сіятельства посредствомъ *Московскаго Вѣстника* г. Погодину. Пусть же Бѣлокаменная узнаетъ прежде всѣхъ классическое мое уваженіе къ пѣвцу Кубры“. Это дало поводъ Хвостову осаждать Погодина и томами своихъ стихотвореній, и письмами. Прежде всего онъ отправилъ къ нему копію съ письма Языкова [32]), а на страницахъ *Московскаго Вѣстника* вскорѣ послѣ того появилось посланіе къ Хвостову Языкова:

Итакъ—мнѣ новая награда
Отъ музы доблестной твоей,
Младыхъ поэтовъ Петрограда
Серброволосый Корифей!
Ее съ поклономъ принимаю,
Умѣю чувствовать ее;
Но заслужилъ ли я,—не знаю—
Неоставленіе твое?
Ужъ не стихами ль про забавы,
Про удаль братскаго житья,
Про нѣгу дружбы вольнодумной,
Про незабвенные края,
Гдѣ пролетѣла шумно, шумно,
Лихая молодость моя?
Нѣтъ. Но за то, главою трезвой
На послѣдяхъ моей весны,
Отъ жизни праздничной и рѣзвой
Поникшей въ лоно тишины,
Теперь, какъ сердце не тревожитъ
Мнѣ красота веселыхъ дней,—
Достоинъ буду, Богъ поможетъ,
Я благосклонности твоей и пр. [133]).

Не довольствуясь этимъ, Хвостовъ писалъ Погодину: „Такъ какъ почтенный Н. М. Языковъ самъ избралъ васъ между мною и себя піитическимъ посредникомъ, то есть избралъ достохвальный журналъ вашъ мѣстомъ переписки нашей, почему и прошу покорно, если заблагоразсудите, помѣстить не-

медленно прилагаемый у сего стихами отвѣтъ Языкову въ журналѣ вашемъ:

Пѣвца Кубры почтилъ Языковъ похвалой;
Поэту милъ привѣтъ отъ музы молодой,
Которая, паря къ вершинамъ Геликона,
Не бросила стези Гомера и Марона.
Пускай пѣвецъ Кубры давно онъ знаетъ самъ,
Что если онъ когда и съ лирой въ Лету канетъ,
Потомства судъ его невольно воспомянетъ,
Повѣря огненнымъ Языкова стихамъ.

Вслѣдъ за симъ онъ посылаетъ Погодину IV-й томъ своихъ твореній, заключающій *Басни*; за тѣмъ V-й „для васъ", писалъ онъ Погодину, „и для моего поэта"; а въ другомъ письмѣ Хвостовъ называетъ Языкова „своимъ благодѣтелемъ". Чрезъ три мѣсяца Хвостовъ присылаетъ Погодину VI-й томъ, сопровождая эту посылку слѣдующими строками: „А. С. Пушкинъ не давно сказывалъ мнѣ, что Н. М. Языковъ всегда изъясняется на мой счетъ съ особливою благосклонностію. Также и князь П. И. Шаликовъ, что онъ, встрѣтясь съ *огненнымъ нашимъ поэтомъ* въ домѣ В. Л. Пушкина, слышалъ отъ перваго обо мнѣ весьма пріятные отзывы. Увѣрьте его, что я весьма чувствителенъ къ столь лестному для меня вниманію" [134]).

Но самъ А. С. Пушкинъ не всегда „изъяснялся" о графѣ Д. И. Хвостовѣ „со особливою благосклонностію". Такъ, когда разнесся въ Петербургѣ ложный слухъ о кончинѣ Хвостова, то Пушкинъ писалъ Плетневу: „Съ душевнымъ прискорбіемъ узналъ я, что Хвостовъ живъ. Посреди столькихъ гробовъ, столькихъ раннихъ или безцѣнныхъ жертвъ, Хвостовъ торчитъ какимъ-то кукишемъ похабнымъ. Перечитывалъ я на дняхъ письма Дельвига; въ одномъ изъ нихъ пишетъ онъ мнѣ о смерти Д. Веневитинова. Я въ тотъ же день встрѣтилъ Хвостова, говоритъ онъ, и чуть не разругалъ его: зачѣмъ онъ живъ? Вспомни мое пророческое слово: Хвостовъ и меня переживетъ. Но въ такомъ случаѣ именемъ нашей дружбы заклинаю тебя его зарѣзать—хоть эпиграммой".

Московскому Вѣстнику не былъ чуждъ и почтенный Бородинскій герой Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, который служилъ Отечеству и мечемъ, и перомъ. Въ это время онъ уже былъ извѣстенъ въ нашей литературѣ своимъ *Путешествіемъ по Сициліи* (Спб. 1828 г., въ двухъ частяхъ). Холера застала его въ Тамбовской деревнѣ (Кирсановскаго уѣзда) Ключахъ. Живя въ деревнѣ, онъ занимался литературою. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее его письмо къ Погодину: „Помня вашу старинную пріязнь ко мнѣ и доброе наше знакомство со времени покойнаго друга нашего Веневитинова, также вспоминаю, что при прощаніи нашемъ вы сами по добротѣ своей вызвались быть моимъ помощникомъ во время моего отсутствія, я дерзаю теперь утруждать васъ своею коммиссіей, и увѣренъ, что не отречетесь отъ нея, если можете: одолженіе сіе будетъ состоять въ томъ, чтобы напечатать особой книжкой прилагаемую при семъ піесу *Моръ*, плодъ моихъ безмолвныхъ, сладостныхъ часовъ. Знаю, что долженъ бы на сіе прислать и денегъ; но въ томъ-то и дѣло, что у меня ихъ нѣтъ: по милости страшной гостьи холеры у насъ всѣ дороги и сообщенія заперты, такъ что ни зерна хлѣба не можемъ продать, а съ хлѣба весь нашъ доходъ. И такъ, теперь амбаръ нашъ набитъ зерномъ, а кошелекъ и шкатулка совершенно пусты. По счастію, здѣсь такъ мало имѣешь нужды въ деньгахъ, что иногда забудешь про ихъ существованіе. Но дѣло не въ томъ. Если по дружбѣ своей можете принять на себя трудъ и издержку сего маленькаго изданія, то—сдѣлайте милость,—поспѣшите меня увѣдомить, и если не откажетесь, въ такомъ случаѣ, прошу васъ напечатать въ большую октаву, крупнымъ шрифтомъ, на хорошей бѣлой бумагѣ; признаюсь, хочется, чтобы было красиво. Здѣсь слухами насъ очень пугаютъ. И потому умоляю васъ не потаить и написать мнѣ сущую правду. При семъ для журнала вашего прилагаю два мои перевода изъ Шиллера: *Фантазія къ Лорѣ* и *Достоинство женщинъ*. До сихъ поръ, слава Богу, въ домѣ у насъ все благополучно. Но холера около насъ

какъ страшный змѣй извивается и смертоносный хвостъ его уже въ виду у насъ... Сейчасъ вспомнилъ я, что уже не далеко и Михайловъ день; заочно въ этотъ день выпью за здоровье ваше и пожелаю вамъ многія благополучныя лѣта. Теперь я вспомнилъ, какъ пріятно мы провели у васъ вечеръ этого дня, при открытіи *Московскаго Вѣстника.* И покойный Веневитиновъ былъ тогда съ нами. Потрудитесь также увѣдомить меня о нашихъ пріятеляхъ: Шевыревѣ, Рожалинѣ и Кирѣевскомъ. Гдѣ они теперь? Адресъ мой: чрезъ Тамбовъ, въ городъ Кирсановъ, въ село Ключи. При свиданіи скажите мой усерднѣйшій поклонъ князю Платону Мещерскому".

Не знаемъ, исполнилъ ли Погодинъ это порученіе Норова; но переводъ его изъ Шиллера *Фантазія къ Лорѣ* былъ напечатанъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ.*

Служба Андрея Александровича Краевскаго въ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора не мѣшала ему заниматься литературою и участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Въ это время его интересовалъ Дюпенъ, и онъ перевелъ его рѣчь, произнесенную 24 апрѣля 1821 года, въ общемъ собранія четырехъ академій: *О выгодахъ, проистекающихъ отъ промышленности и употребленія машинъ въ Англіи и Франціи.* Отправляя свой переводъ къ Погодину, Краевскій писалъ ему: „Посылая при семъ переведенную мною статью, прибѣгаю къ вамъ съ усерднѣйшею просьбою: въ свободное время пересмотрите ее и, если нужно будетъ, возьмите на себя трудъ исправить могущіе встрѣтиться недосмотры, оскорбляющіе правильность языка, и ошибки противъ точности перевода; надѣясь, что вы по расположенію своему ко мнѣ и по сродной вамъ снисходительности, не откажите мнѣ въ исполненіи сей просьбы, я нарочно выписывалъ изъ подлинника нѣкоторыя фразы, термины и собственныя имена на особо прилагаемой при семъ бумажкѣ и на поляхъ перевода". Вмѣстѣ съ тѣмъ Краевскій просилъ Погодина и о слѣдующемъ: „если въ продолженіе моего отсутствія", писалъ онъ, „проектъ объ учрежденіи гимназій будетъ приводиться въ исполненіе съ

поспѣшностію, и скорѣйшее возвращеніе мое покажется вамъ необходимымъ, то скажите о семъ Василію Петровичу Андросову, который извѣститъ меня о семъ". Этотъ переводъ Краевскаго Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* съ слѣдующимъ воззваніемъ отъ переводчика: „Всѣ почти рѣчи Дюпена переведены. Не вызовется ли кто-либо у насъ изъ друзей наукъ напечатать ихъ? О переводѣ можно судить по предложенному образчику" [135]).

Хозяйственныя дѣла *Московскаго Вѣстника* шли очень плохо. Разсылка журнала производилась съ примѣрною неисправностью. Изъ множества жалобъ по этому поводу приведемъ одну, это Бороздны. „Я былъ", писалъ онъ Погодину, „до сихъ поръ аккуратнымъ, ежегоднымъ подписчикомъ вашимъ, не смотря на злую критику Шевырева и ѣдкую эпиграмму на мой счетъ, будьте же и вы исправнымъ издателемъ". Во внѣшнихъ сношеніяхъ съ личностями, обращающимися къ редакціи *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ не всегда отличался *мягкостью формъ и круглостію обращенія*. Въ бумагахъ нашихъ сохранилось слѣдующее анонимное письмо къ Погодину, подтверждающее справедливость сказаннаго нами. „Вы предоставили мнѣ право", пишетъ нѣкто, „адресоваться къ вамъ съ моими записками—я это и сдѣлаю. Скажите, пожалуйста, могли ли вы сдѣлать такой пріемъ незнакомому человѣку, какимъ вы меня отпотчивали. Если обязанность журналиста состоитъ въ распространеніи просвѣщенія между соотечественниками, то позвольте сказать, что человѣколюбіе, а слѣдовательно, и гостепріимство занимаетъ не послѣднюю степень въ наукѣ просвѣщенія. Если вы не хотѣли со мною знакомиться, не желая этимъ унизить званіе литератора, что я могъ замѣтить изъ вашего пріема, по крайней мѣрѣ, по обязанности человѣка воспитаннаго, могли бы пригласить меня напиться чаю, могли бы извиниться передо мною гораздо учтивѣе, а не въ такихъ хватовскихъ выраженіяхъ. Неужели вы думаете, что одно только званіе журналиста даетъ право на благородное обхожденіе; повѣрьте,

что и въ военномъ званіи люди служатъ съ достоинствами. Скажу вамъ о себѣ: едва ли много найдете такихъ чтецовъ, каковъ, скажу безъ всякаго пристрастія, вашъ покорный слуга; слѣдовательно, оставя законы приличія, и литературное мое знакомство могло бы быть для васъ полезнымъ. Скажите, пожалуйте, въ чемъ состоитъ просвѣщеніе, какъ не въ добромъ расположеніи ко всѣмъ человѣкамъ, а вашъ пріемъ доказалъ противное. Вѣроятно, вы не вздумаете напечатать этой записки въ вашемъ журналѣ, потому что это будетъ служить для васъ совершеннымъ обличеніемъ. Сожалѣю, если всѣ гг. журналисты соревнуютъ вамъ такимъ же образомъ къ просвѣщенію, это ихъ весьма не рекомендуетъ. Пожелавъ вамъ распродажи вашего журнала, остаюсь, и пр." [136]).

Такъ просуществовалъ *Московскій Вѣстникъ* до появленія въ Москвѣ холеры.

XI.

Вступивъ въ *средину нашей жизненной дороги*, то-есть достигнувъ тридцати-лѣтняго возраста, Погодинъ оставался все тѣмъ же мечтателемъ, какимъ мы его видѣли въ юношескихъ годахъ его жизни. Въ началѣ 1830 года Погодинъ пролежалъ больнымъ двѣ недѣли [137]). „Но какія божественныя минуты", писалъ онъ Шевыреву, „были у меня въ болѣзни! Какъ живо чувствовалъ я однажды: и это сдѣлаю, и то сдѣлаю! Ахъ, хоть бы на одинъ часъ, на одну минуту увидѣться мнѣ съ тобою; взглянуть бы намъ другъ на друга, и умножиться силами. Всю жизнь—просвѣщенію себя и Отечества! Хоть умереть прежде срока, но оставить по себѣ память *Wer den Besten seiner Zeit genug gethan, der hat gelebt fur alle Zeiten* *). О, мое Отечество! Буду ли я достоинъ тебя? Другъ мой! Какое великое у насъ Отечество! Чѣмъ больше я думаю объ немъ, чѣмъ больше узнаю его, тѣмъ

*) Кто удовлетворилъ требованію лучшихъ людей своего вѣка, тотъ жилъ для всѣхъ вѣковъ.

больше благоговѣю предъ нимъ. Римъ! Ты поклонишься нашей Руси. Другъ мой, мы призваны участвовать въ великомъ дѣлѣ его образованія. Прочь страсти, прочь все мелкое и низкое! Учиться, работать, очищаться, апостольствовать! А человѣкъ? Боже мой, какое это твореніе! Боги ходятъ въ насъ по землѣ. Какіе у меня планы, сколько мыслей! И все исполнится, все. Руку! Впередъ! Прощай, теперь не могу писать больше" [138]). Извѣстный Ю. Н. Бартеневъ по поводу постигшей Погодина болѣзни писалъ ему: „Доброму моему и умному Михайлѣ Петровичу мое усерднѣйшее почтеніе. Сожалѣю о болѣзни вашей; берегите себя, вы по тѣлу изъ Агезилаевъ; впрочемъ не безъ пользы и болѣзни для любознательнаго и крѣпкаго духа; скорби тѣлесныя способствуютъ къ усовершенствованію и полнѣйшему развитію той способности нашего ума, которая и профессорскій разумъ вашъ держитъ въ зависимости: безъ болѣзней и мысленность не бываетъ такъ густа. Вызрѣвайте свѣтлая и добрая душа, и вводите вожделѣваніе духа вашего не въ одни мелочные предметы, на которые вы доселѣ тратились. Набивъ умъ и руку къ отчетливымъ фразамъ, пожалуй, любезный мой журналистъ расхохочется Бемо-Квакерскимъ моимъ апоѳегмамъ, я и забылъ, что Нѣмецкій полу-александризмъ, въ который такъ вѣруетъ г. Погодинъ,—не склеивается съ ученіемъ моихъ добрыхъ аскетическихъ старичковъ, а посему прекратимъ матерію. Черкните отъ меня поклонъ Шевыреву, съ желаніемъ, чтобы въ благословенной Италіи не продавалъ онъ своего Исавова старшинства за блюдо дичины, и чтобы Римскій пластицизмъ не погасилъ въ немъ сѣвернаго возвращенія" [139]). Въ это время Погодинъ продолжалъ мечтать объ уединеніи. „Ахъ другъ мой", писалъ онъ Шевыреву, „какъ хочется мнѣ исторгнуться изъ этого омута и погрузиться въ глубину своей души, вдали отъ людей. Уединеніе послѣ путешествія—мое счастье. Нѣтъ! безпрестанно я чувствую болѣе и болѣе, что не рожденъ для общества людскаго". Въ другомъ своемъ письмѣ къ Шевыреву, онъ пишетъ: „Какъ жаждетъ душа моя уединенія!

Прежде хотѣлъ я уединиться послѣ путешествія. Путешествіе мнѣ не достается, и я бросился бы теперь въ деревню. Тамъ, въ тишинѣ и спокойствіи, въ бесѣдѣ съ природою и мудрыми, протекла бы жизнь моя, и творческія думы созрѣли бы въ душевной глубинѣ. Ты не повѣришь, какъ эта мысль овладѣла мною: изъ-за алфавита, изъ-за корректуры вскакиваю и хожу по комнатѣ, мечтая объ этомъ счастливомъ времени. Придетъ ли оно? Десять лѣтъ я тружусь, до сихъ поръ ничего не видалъ себѣ, кромѣ неудачъ; неужели не исполнится и это желаніе? Нѣтъ оно исполнится, и ты пріѣдешь ко мнѣ на берегъ какой-нибудь Клязьмы или Истры съ новымъ своимъ сочиненіемъ, и я прочту тебѣ тоже, и мы выпьемъ по бокалу шампанскаго! Да увѣдомь меня, что стòитъ мраморный и что стòитъ гипсовый слѣпокъ съ Христа Тарвальдсена. Еще: какая лучшая картина, представляющая Христа молящагося и размышляющаго? Непремѣнно къ 1-му января я пришлю тебѣ двѣ тысячи рублей на закупки для моей будущей обители. Лѣтописи Италіи среднихъ вѣковъ, папскія письма, писателей, абрисы, карты, портреты, непремѣнно хочу я имѣть, и это все закупишь ты. Господи, да пошли же ты мнѣ хоть въ чемъ-нибудь удачу, чтобы я могъ получить все это безъ затрудненія!“ [140]) „Какъ хочется“, читаемъ мы въ его *Дневникѣ*, „изъ глубины уединенія прогремѣть противъ сихъ *дикихъ во фракахъ*! Церковь и модная лавка. Монахи и трактиръ“ [141]).

Путешествіе было также давнишнею мечтою Погодина; но въ это время онъ даже принялъ мѣры къ ея осуществленію. „Погодинъ“, писалъ Пушкинъ князю Вяземскому, „собрался ѣхать въ чужіе края, онъ можетъ обойтись безъ вспоможенія, но все-таки лучше бы... Поговори объ этомъ съ Блудовымъ, да пожарче“ [142]). Самъ же Погодинъ писалъ Шевыреву: „Скоро ли вырвусь я изъ этого душнаго чистилища? Думаю передать журналъ съ іюня и летѣть въ Италію. Какъ только подумаю о храмѣ Петра, о твоемъ Искіо, Неаполѣ, такъ и выростаютъ крылья. Здѣсь мнѣ по литературѣ и наукѣ

только-что непріятности, безпрерывно продолжающіяся; ни чести, ни выгодъ, ни удачи, хотя бы для шутки. Надо позабыться, освѣжиться, запастись волею, терпѣніемъ, матеріаломъ. Но съ чего начать? Не лучше ли съ Германіи, а въ Италію на возвратномъ пути, чтобъ оттуда въ Грецію, Египетъ, Іерусалимъ, Константинополь и Одессу? Мы все сговаривались съ Хомяковымъ на послѣднее путешествіе, но его мать не пускаетъ, а въ Европѣ, чай, можно найти попутчиковъ".

2 іюля 1830 года Погодинъ просилъ Совѣтъ Московскаго Университета объ исходатайствованіи ему позволенія отправиться въ чужіе края на одинъ годъ. Совѣтъ благосклонно принялъ его просьбу и сдѣлалъ представленіе. „Университетъ", увѣдомлялъ Погодинъ Шевырева, „отправляетъ меня на годъ путешествовать съ тремя тысячами, и если Министръ утвердитъ, то въ августѣ я на пути къ тебѣ". Въ ожиданіи рѣшенія министра Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* (подъ 4 августа 1830): „Ну, если мнѣ откажутъ опять въ путешествіи. Ужъ видно судьба, что-жъ покориться ей".

„Вы спрашиваете", писалъ Снегиревъ Анастасевичу, „зачѣмъ ѣдутъ Погодинъ и Шевыревъ въ чужіе края? Одинъ для усовершенствованія себя въ Русской Исторіи, а другой въ Русской Словесности. О Европеизмъ!" Но смутныя политическія обстоятельства въ разныхъ Европейскихъ государствахъ, „неблагопріятныя для занятія науками", разстроили путешествіе Погодина. „Неужели судьба", писалъ онъ Шевыреву, „остановила въ пятый разъ мое путешествіе, чтобъ оставить здѣсь на жертву холерѣ. Путешествовать я опять не могу и долженъ былъ подать самъ просьбу объ отсрочкѣ, а пора и жениться, тридцатый годъ. Все къ лучшему, говорятъ мнѣ исторія и сердце".

Венелинъ же писалъ ему: „Что за границу не могъ, не печалься, ибо заграницу можно очень легко заставить пріѣхать въ Россію. Секретъ къ этому скажетъ тебѣ Готье. А если только ѣздить для того, чтобы позѣвать тамъ на кого-

либо, или поглазѣть, сколько галокъ на крышѣ Берлинскаго магистрата, и наконецъ, чтобы пожевать раза два, какъ дѣлаетъ Русская знать, въ первѣйшихъ жевательныхъ залахъ Вѣны и Парижа, или выслушать, какъ пробормоталъ на-скоро какой-либо профессоръ свою лекцію, то тебѣ скажу, что все это можно видѣть и дѣлать на пути отъ Златоустовскаго до старой Конюшенной“.

Въ то время, когда Погодинъ хлопоталъ о путешествіи по Европѣ, въ Парижѣ разразилась, такъ называемая, іюльская революція, вслѣдствіе которой народъ послѣ трехдневнаго боя низвергнулъ короля и владычество духовенства, и повѣтріе, по слову Филарета, „безвѣрнаго и буйнаго мудрованія“ распространилось по Европѣ и коснулось Польши. Чуткій къ біенію политической жизни, Погодинъ былъ пораженъ этими событіями. Подъ 4 августа 1830 года мы читаемъ въ его *Дневникѣ*. „Извѣстіе, что Карлъ X сверженъ, владычество народа, герцогъ Орлеанскій, трехцвѣтная кокарда, Лафайетъ, Гизо министръ просвѣщенія. Что̀ сдѣлаютъ дворы? Вотъ узелъ. Признать Орлеанскаго значитъ признать власть народа. Не признать—такъ война, и кто жъ ручается за успѣхъ? Неужели восьмидесятилѣтній Карлъ отъ себя такъ упрямился? И если отъ посторонняго внушенія, то въ какихъ дуракахъ! Что за явленіе“. Всѣ эти событія повергли Погодина въ размышленіе. „Думалъ о политическихъ смятеніяхъ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „время неблагопріятное для музъ! Теперь я понимаю, почему упала Римская литература послѣ Августа“. Шевыреву же онъ писалъ: „А какова холера западная? Дня съ три я даже тосковалъ, размышляя о судьбѣ Европы“. Слухи о внутреннихъ дѣлахъ также смущали Погодина. 14 сентября 1830 года отмѣчено у него въ *Дневникѣ*: „У Аксаковыхъ. Вмѣсто Голицына, благороднаго рыцаря, поставятъ Чернышова, а военнымъ министромъ Клейнмихеля, о которомъ сказалъ Аракчеевъ: вспомните обо мнѣ, когда будетъ у васъ Клейнмихель. Видно, хотятъ взять возжи покрѣпче. Ахъ, какая непріятная перспектива. Уѣхать въ де-

ревню. Того и гляди, что ни за что, ни про что сошлютъ учителемъ въ уѣздное училище". Но опасенія Погодина, какъ извѣстно, не оправдались.

Мечтательность и практичность дружно уживались въ широкой натурѣ Погодина. Въ то время, когда онъ предавался мечтамъ объ уединеніи, путешествіи, любви, въ это самое время онъ купилъ себѣ прекрасный каменный домъ, съ вѣрными жильцами, стоящій на стрѣлкѣ четырехъ улицъ: двухъ частей Мясницкой, переулка Златоустовскаго и Лубянки. Домъ этотъ принадлежалъ князю Петру Ивановичу Тюфякину (одному изъ героевъ посмертнаго *романа въ письмахъ* князя Павла Петровича Вяземскаго). Кондитеръ Юрцовскій указалъ Погодину на этотъ домъ, и онъ тотчасъ же отнесся къ князю Тюфякину, который въ то время переселился на постоянное жительство въ Парижъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ Погодинымъ, князь Тюфякинъ, „благодаря дурному управленію", отъ этого дома не получалъ никакого дохода; а потому, при посредствѣ Новосильцовыхъ, Князь охотно уступилъ Погодину свой домъ за тридцать тысячъ" [143]). Замѣчательно, что домъ этотъ находился въ приходѣ древней церкви Гребенскія Божіей Матери, построенной великимъ княземъ Іоанномъ III, въ память покоренія Великаго Новгорода, но церковь эту въ то время хотѣли ломать. По этому поводу Погодинъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Судьба велитъ мнѣ ходатайствовать за Іоанна III, которымъ сооруженную церковь въ память покоренія Новгорода, мой приходъ, хотятъ ломать. Напишу письмо къ Филарету". Тутъ же Погодинъ спрашиваетъ: „не вѣчевой ли колоколъ у Гребенской"? На новоселье А. П. Елагина, Языковъ и Петерсонъ принесли Погодину хлѣбъ, соль, вино и елей" [144]), а Пушкинъ приходилъ поздравить съ новосельемъ [145]).

Совершивъ эту покупку, Погодинъ писалъ Шевыреву отъ 29 апрѣля 1830 года: „Поздравь меня на новосельѣ. Я купилъ домъ и совсѣмъ уже въ него перебрался и разобрался, и пишу теперь къ тебѣ съ высокаго Парнаса, съ котораго виды на нѣсколько верстъ кругомъ. Пріѣзжай: кабинетъ для тебя—

чудо! Не знаю, какъ удастся мнѣ эта спекуляція. Въ своемъ мезонинѣ я теперь царь: ни одинъ звукъ до меня не доходитъ, и я, окруженный книгами, имѣя предъ глазами живыя картины, занимаюсь всласть". Съ своей стороны и С. Т. Аксаковъ писалъ Шевыреву: „Погодинъ теперь у насъ владѣтельный герцогъ въ княжескомъ своемъ домѣ" [146]). Но враги, узнавъ, что Погодинъ дешево купилъ домъ, конечно, изъ зависти, пустили на него пасквиль, который даже прокрался въ печать [147]).

Если были у Погодина враги, то были и друзья, и послѣднихъ онъ имѣлъ, конечно, больше первыхъ. „Поздравляю васъ съ покупкою дома", писалъ Погодину почтенный Юрій Никитичъ Бартеневъ, „еще усерднѣе поздравилъ бы васъ, ежели бы вы, подобно пѣвцу *Онѣгина*, *очаровали* себя и потомъ огончаровали [148]).

XII.

Желаніе почтеннаго Ю. Н. Бартенева были напрасно. Погодинъ уже давно былъ *очарованъ*; но это очарованіе приносило ему одни страданія. Не смотря на то, что Трубецкіе переселились въ Петербургъ, бѣдное сердце Погодина продолжало пламенѣть къ княжнѣ Александрѣ Трубецкой и ужасное чувство ревности его мучило. Соперниками своими онъ считалъ то графа Протасова, то графа Комаровскаго, и этимъ объясняется его непріязненное чувство къ большому свѣту, къ которому принадлежали его соперники. Но чувство ревности не угасало въ немъ и тогда, когда графъ Протасовъ женился на княжнѣ Голицыной, а графъ Комаровскій на сестрѣ его друга Софьѣ Владиміровнѣ Веневитиновой. Погодина возмущалъ и образъ жизни, который вела княжна Трубецкая въ Петербургѣ. Зайдя какъ-то къ Всеволожскимъ, онъ слушалъ о нарядныхъ платьяхъ своей богини и съ грустью замѣтилъ: „тонетъ, тонетъ!" Между тѣмъ мысль объ ней не отступала отъ него. „Хотѣлъ писать *Рѣчь*", отмѣчаетъ онъ въ

своемъ *Дневникѣ*, „а сталъ думать объ Александрѣ. Ужъ не приближается ли она и магнетизируетъ. Перебиралъ ея слова, записки, свои отмѣтки въ журналѣ. Какъ восхищался я бывало всякою мыслью, которую хотѣлъ передавать ей. Опять мечта. Какъ хочется мнѣ напечатать свои повѣсти въ четырехъ частяхъ, посвящается другу, въ воспоминаніе о 1826 годѣ. Разнѣжившись, съ донесеніемъ къ Ольгѣ Семеновнѣ Аксаковой, но не одна, ибо чужіе". Но чтобы найти какой-нибудь исходъ терзавшему его чувству, Погодинъ усиленно продолжалъ писать повѣсть *Адель*, въ которой разсказывается вся исторія его любви къ княжнѣ Трубецкой и съ содержаніемъ которой мы отчасти знакомы. Для воспоминаній онъ ѣздилъ въ Знаменское въ отсутствіи хозяевъ и „обходилъ вездѣ" и при этомъ съ грустью восклицаетъ: „Какъ далеко до нея". Наконецъ, 17 ноября 1830 года Погодинъ кончаетъ *Адель*. „Что-то скажетъ Александра Ивановна, прочтя *Адель*?" спрашиваетъ Погодинъ. „Улыбнется, покраснѣетъ" [149]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Веневитиновъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „Трубецкіе на тебя сердиты за то, что ты ихъ забылъ. Вяземскій ушибъ себѣ очень больно ногу и теперь лѣчится. Познакомился ли съ невѣстою Пушкина? Какова!" [150]). Чувства свои къ княжнѣ Трубецкой Погодинъ любилъ повѣрять О. С. Аксаковой, а потому ей онъ и посвятилъ свою повѣсть *Адель*. Когда Погодинъ пришелъ къ Аксаковымъ въ день св. царицы Александры, Ольга Семеновна поздравила его съ „имянинницею", несчастный же влюбленный говоритъ ей „о магнитномъ приближеніи", а та гадаетъ ему на картахъ и выходитъ „семерка червонная рядомъ съ валетомъ" [151]). Въ то же время братъ его героини князь Николай Ивановичъ Трубецкой, проникнутый славою своихъ предковъ, мечтаетъ писать о знаменитомъ героѣ Смутнаго времени князѣ Дмитріѣ Тимофеевичѣ Трубецкомъ и за содѣйствіемъ въ этомъ благородномъ предпріятіи обращается къ своему наставнику. „Здравствуйте, другъ мой и наставникъ", писалъ князь Трубецкой, „здоровы ли вы? Мнѣ до васъ есть крайняя нужда; надѣюсь, что вы мнѣ

не откажете, напротивъ того, что будете стараться помогать мнѣ въ моемъ предпріятіи. Вотъ вамъ описаніе моего положенія. Я боленъ, очень страдаю грудью, и медики предписываютъ мнѣ лучшее лѣкарство, т.-е. велѣли мнѣ ѣхать за границу; я уже получилъ разрѣшеніе Великаго Князя и въ началѣ мая отправляюсь на воды въ Емсъ, оттуда на зиму въ Италію или въ Парижъ, какъ случится. Теперь я въ совершенномъ бездѣйствіи; но страсть къ наукѣ одолѣваетъ меня, и я занимаюсь такъ, какъ никогда бывало съ вами не занимался. Теперь обратилъ я все свое вниманіе на Отечественную Исторію и особенно на тѣ времена, гдѣ отличился нашъ предокъ, не смотря на то, что говорилъ о немъ великій Карамзинъ и пигмей Загоскинъ; желая имѣть всѣ возможные документы, относящіеся къ этой эпохѣ нашей Исторіи, я признаюсь, возлагаю всю свою надежду на васъ, почтенный мой наставникъ; я увѣренъ, что вы не откажете переслать мнѣ сюда копіи съ лѣтописей, хранящихся въ вашихъ архивахъ, и изъ которыхъ я могъ бы почерпнуть подробныя свѣдѣнія о характерѣ тогдашнихъ дѣйствующихъ лицъ. Откровенно вамъ сказать, я хочу писать повѣствованіе или лучше сказать романъ, въ которомъ выставлю достойнаго нашего предка во всемъ его блескѣ. Какой предметъ можетъ болѣе возпламенить перо Трубецкаго, но боюсь, чтобы сфера моего генія не была слишкомъ тѣсна для того; буду стараться и не ручаюсь за успѣхъ. Скажу вамъ еще, что планъ написанъ, и даже нѣкоторые отрывки, которые не замедлю прислать къ вамъ и надѣюсь на корректуру, что вы поправите все, что не будетъ вамъ нравиться. Я уже все досталъ здѣсь, что касается до того, съ помощью Блудова, который очень знакомъ съ братомъ, теперь недостаетъ мнѣ только Московскихъ документовъ. Будьте моимъ геніемъ“ [152]).

Въ это время дни, столь намъ знакомой по Знаменскому, Настасіи Павловны Новосильцовой были уже сочтены. Погодинъ, разумѣется, принималъ въ этомъ семейномъ горѣ живое участіе. Сначала онъ не видѣлъ опасности и даже,

зайдя какъ-то къ Новосильцовымъ, думая говорить о безсмертіи души, сталъ играть въ вистъ. На лѣто Новосильцовы переѣхали въ Сокольники. Однажды, посѣтивъ ихъ въ этой лѣтней резиденціи, Погодинъ убѣдился, что Настасія Павловна „умираетъ“; но это не помѣшало ему прочесть П. П. Новосильцову рѣчь, приготовленную для произнесенія въ Университетѣ. 24 августа 1830 года Погодинъ уже присутствуетъ на похоронахъ этой достойной женщины [153]), память которой князь П. А. Вяземскій почтилъ надгробною надписью:

.....дай намъ во слѣдъ тебѣ
Пройти терновый путь земнаго испытанья,
И средь грозы мірской, въ покорствѣ и борьбѣ,
Искать и ждать съ тобою на небесахъ свиданья! [154]).

Въ *Дневникѣ* своемъ Погодинъ отмѣтилъ: „Жаль Новосильцова, который на похоронахъ терзался“; а самъ Погодинъ думалъ между тѣмъ объ *Адели*.

Къ дому Аксаковыхъ Погодинъ былъ привязанъ двоякимъ интересомъ и сердечнымъ, и литературнымъ. Семейство это замѣняло Погодину отсутствующихъ Трубецкихъ, къ которымъ ѣздилъ онъ нѣкогда съ своими надеждами, успѣхами, неудачами. Особенно онъ былъ привязанъ къ О. С. Аксаковой. „Добрая, нѣжная, чувствительная и гуманистка“, писалъ онъ о ней къ Шевыреву [155]). Хотя С. Т. Аксаковъ въ одномъ своемъ письмѣ къ Погодину и пишетъ, что „грѣхъ сказать, чтобъ я рѣдко сердился на васъ возлюбленный Михаилъ Петровичъ“; но къ этому прибавляетъ: „да, только на минуту“, а въ наказаніе обязываетъ его пріѣхать къ нимъ обѣдать, такъ какъ то былъ день рожденія „слѣпой“ матери Сергѣя Тимоѳеевича [156]). Погодинъ сближался и съ друзьями Аксаковыхъ и раздѣлялъ съ ними радость и горе. Такъ, онъ скорбѣлъ о Ѳ. Ѳ. Кокошкинѣ, въ то время удрученномъ опасною болѣзнью. „Кокошкинъ очень боленъ“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и всѣ жалѣютъ. Это дѣлаетъ честь вообще людскому чувству. Всѣ неудовольствія смолкаютъ при видѣ смерти. Печальный его конецъ“. Въ то же время Пого-

динъ вмѣстѣ съ Аксаковымъ и Щепкинымъ нерѣдко посѣщали Троицкій трактиръ, гдѣ послѣдній разсказывалъ „забавныя подробности о Малороссіи“, которыя Погодинъ на лету записывалъ и потомъ вставлялъ въ свою повѣсть. М. А. Дмитріевъ повѣрялъ Погодину „много любопытнаго и важнаго въ прозѣ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчаетъ, что Дмитріевъ „задоренъ и раздражителенъ“. Когда племянникъ А. С. Шишкова впалъ въ крайнюю бѣдность, то Аксаковъ понудилъ Погодина помочь ему, и онъ волею и неволею принужденъ былъ выдать ему „Христа ради пятьсотъ рублей“. Черезъ Аксакова же Погодинъ сближается съ Верстовскимъ. Однажды, а именно 14 декабря 1830 года, Погодинъ отправился къ обѣднѣ и по этому поводу дѣлаетъ слѣдующую запись въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ обѣднѣ Верстовскаго. Понравилось, особенно *тя величаемъ*. А наша публика гадка. Какъ въ концертѣ, и не слушаетъ, что въ алтарѣ, разговариваетъ и шутитъ. Множество знакомыхъ, досадно мѣшающихъ. Чтобъ не было подозрѣнія на *14 декабря*“. У Аксаковыхъ не забывался и зеленый столъ. „Игралъ въ бостонъ“, записываетъ Погодинъ, „съ Щепкинымъ и проигралъ рублей тридцать. Поздно. И завтра будутъ мерещиться тузы“ [157]).

Въ семействѣ Аксаковыхъ дѣти были постоянно съ родителями, со старшими, жили ихъ жизнью, интересовались ихъ интересами. По свидѣтельству И. С. Аксакова, „*дѣтской* у нихъ не существовало, т.-е. не существовалъ тотъ замкнутый, разгороженный уголокъ, гдѣ подъ надзоромъ наемныхъ педагоговъ возрастаетъ молодое поколѣніе, въ какой-то искусственной, прѣсной атмосферѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительною жизнію“. Въ это время возрасталъ и укрѣплялся тѣломъ и духомъ старшій сынъ Аксаковыхъ, Константинъ. По свидѣтельству его брата, Ивана, онъ родился въ Заволжской вотчинѣ своего дѣда, селѣ Знаменскомъ, Ново-Аксаково тожъ. „Вліяніе отца окружало Константина Сергѣевича съ дѣттсва, сопровождало всю жизнь. И при всемъ томъ въ натурѣ Константина Аксакова не было ничего схожаго съ натурою Сергѣя Ти-

моѳеевича. Онъ, какъ говорится, *весь былъ въ мать*. Весь нравственный строй его существа, возвышенность помысловъ и стремленій, суровость въ отношеніи къ себѣ, строгость требованій, элементъ доблести и героизма - все это заложено было въ него матерью; все это было въ Константинѣ Аксаковѣ, какъ и въ его матери, не въ видѣ правила, руководящаго въ жизни, но составляло въ немъ и въ ней природную стихію. Внукъ турчанки Игель Сюмы и Софіи Николавны *Багровой*, Константинъ Аксаковъ совмѣщалъ съ нравственными свойствами матери эстетическій вкусъ и любовь къ литературѣ своего отца. Стихи Державина и Русская деревня вспеленали его, такъ сказать съ дѣтства. Четырехъ лѣтъ онъ выучился читать у матери, и первою его книгою для чтенія была *Исторія Трои*, изданія 1747 года. Такъ росъ и упражнялся въ чтеніи Константинъ Аксаковъ, а это чтеніе были все произведенія тогдашней классической литературы, начиная съ Хераскова. Когда ему минуло восемь лѣтъ, отецъ подарилъ ему въ богатомъ переплетѣ томъ стихотвореній Ивана Ивановича Дмитріева. По этой книгѣ, которую Константинъ Аксаковъ скоро зналъ наизусть, его мать учила читать дѣтей своихъ:

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать!

Или:

Мои сыны, питомцы славы,
Красивы, горды, величавы.

На такомъ героическомъ чтеніи воспитывала О. С. Аксакова своихъ дѣтей [158]). Въ это время Константинъ Аксаковъ готовился къ вступленію въ студенты Московскаго Университета. Въ числѣ наставниковъ его былъ извѣстный Венелинъ, принимавшій живое участіе въ развитіи своего питомца. Не упускалъ онъ его изъ виду и тогда, когда отправился въ путешествіе по Болгаріи. „Посматривайте за Константиномъ Аксаковымъ“, писалъ Венелинъ къ Погодину, „славная голова, только лѣнивъ“. Въ другомъ своемъ письмѣ, онъ настаиваетъ на томъ же: „За Костею Аксаковымъ смотрите

строго; это отличная голова. Учителя его очень хорошо сдѣлали бы, поступая съ нимъ методою Сократическою или вопросительною и заставляющею мыслить. Она образуетъ изъ хорошей головы хорошаго писателя, слѣдственно можетъ и изъ Костиной".

Молодое поколѣніе Аксаковыхъ относилось весьма сочувственно къ Погодину, и онъ съ своей стороны любовался имъ. Въ день рожденія Погодина (11 ноября 1830 г.), Константинъ Аксаковъ привѣтствовалъ его слѣдующимъ латинскимъ письмомъ: „Mi amabilis amice! Michael Petrides! Congratulor te cum tuo die natali, sed quidnam cupiam tibi? Habes enim omnium bonorum praestantissimum: scientiam; cupiam—ne divitias? Sed divitiae homini qui ponit omnem felicitatem in studio, non refert. Itaque cupiem alimentum tuo ingenio".

XIII.

По признанію самого Погодина, сближеніе его съ Венелинымъ много содѣйствовало развитію его любви къ Славянамъ; а потому онъ и издалъ въ свѣтъ сочиненіе Венелина о Болгарахъ, такъ какъ книга эта первая пустила въ оборотъ мысль, что Славяне до VI-го столѣтія скрывались у лѣтописцевъ подъ другими именами и принадлежали къ древнимъ племенамъ Европы. Книга эта была принята неблагосклонно не только Полевымъ, но и Арцыбашевымъ и самимъ Каченовскимъ. „Г. Венелину", писалъ Арцыбашевъ Погодину, „намекалъ я не объ однихъ именахъ; но и о томъ и о семъ, касающемся до сущности его книги; а какъ она состоитъ почти вся изъ теоремъ безъ доказательствъ, то и разсуждать о ней будетъ празднословіе одно. Благодарю покорно г. Венелина за переводъ путешествія Прискова и за *Ящероглазыхъ*. Истолкованіе о послѣднихъ кажется мнѣ дѣльнымъ; постараюсь только справиться: точно ли у ящерицъ голубые глаза?" [159]). Каченовскій еще рѣзче выступилъ противъ книги Венелина и печатно заявилъ о ней слѣдующее мнѣніе: „Со-

чинитель возымѣлъ благое желаніе и твердую мысль опровергнуть иностранныхъ розыскателей, Тунманна, Енгеля и проч., и обличить въ непростительномъ заблужденіи послѣдовавшихъ имъ историковъ. Главное въ томъ, что Болгаре Дунайскіе и Болгаре Волжскіе, и Авары, и Козары были чисто-начисто коренными Славянами, многочисленнѣйшимъ и почти единственнымъ господствующимъ народомъ на сѣверѣ не только при Аттилѣ, знаменитомъ Славянскомъ государѣ, но еще за много столѣтій до Рождества Христова, хотя въ оные отдаленные вѣка великіе и побѣдоносные предки наши гремѣли въ мірѣ и подъ другими именами – подъ именами Скиѳовъ (т.-е. неизвѣстныхъ), Сарматъ (сирѣчь ящероглазыхъ), Меланхленовъ (сирѣчь черноризцевъ и чернокафтанниковъ) и проч. и проч. Ничего нѣтъ мудренаго, что славянинъ Аттила царствовалъ надъ Болгарами: открывается, что сіи воители были Гунны, а Гунны и Славяне одно и тоже. Сего мало: даже самая Россія играла уже славную военно-политическую роль въ Европѣ, подъ скипетромъ Аттилы; ибо надобно знать, что Болгаре суть точно такіе же Русскіе, какъ Поляне, Древляне, Радимичи и проч. Вслѣдствіе чего, по автору, начало общей Русской Исторіи теряется во временахъ первобытной Скиѳіи; сильный переворотъ, произведенный Готами, заключаетъ періодъ первобытной общей Исторіи Россовъ, или вступленіе, а эпоха Гунно-Аваро-Козарской державы отъ Аттилы до Олега, или отпаденія Руси отъ Дакіи (отъ Болгаръ) составляетъ первый томъ общей Исторіи Россовъ и проч. Читая изслѣдованія о Болгарахъ, охотно извиняешь патріотическія выходки г-на Венелина противъ лжетолкователей, пристрастныхъ сыновъ Германіи, которую, мимоходомъ замѣтимъ, г. сочинитель называетъ Братовщиною, равно какъ подъ страною пѣтуховъ разумѣетъ онъ Галлію; невольно убѣждаешься и доказательствами его на то, что Аттила съ Гуннами своими были истые Словено-Руссы, а отнюдь не Татары и не Монголы, какъ толкуютъ Тунманны съ товарищами, завистники нашей древней славы. Но сколь велика сила предубѣжденія!

Патріотическая гордость мгновенно преткнулась о камень соблазна, какъ скоро возобновился въ нашей памяти герой Аттила, безъ обиняковъ уподобленный нынѣшнимъ Калмыкамъ у Гиббона (chap. XXXIV). Вотъ какъ сего царя Гунновъ описываетъ Іорнандъ, близкій къ нему по мѣсту и времени: „forma brevis, lato pectore, capite grandiori, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, simo naso, teter colore originis suae signa restituens“ *). Такимъ точно изобразилъ его и Кассіодоръ. Одно изъ двухъ: или оба древніе писатели столь же несправедливы передъ нами, какъ Енгель и Тунманъ, или Славянскій родъ сдѣлался благообразнѣе. Обстоятельство сіе впрочемъ ни мало не мѣшаетъ книгѣ г-на Венелина быть очень занимательною для охотниковъ до подобныхъ сочиненій“ [160]). По весьма понятному чувству, Погодинъ принималъ самое живое участіе въ успѣхѣ книги Венелина и его очень сердили нападки на нее; а потому онъ выступилъ противъ Каченовскаго съ весьма рѣзкою статьею, не смотря на то, что отношенія ихъ доселѣ были самыя миролюбивыя. Такимъ образомъ книгѣ Венелина выпалъ жребій быть яблокомъ раздора между Каченовскимъ и Погодинымъ, и съ того времени даже до конца жизни Каченовскаго вражда между ними не угасала. Статью свою Погодинъ озаглавилъ: *О трудахъ и выходкахъ профессора Каченовскаго.* „Первые опыты г. Каченовскаго“, писалъ Погодинъ, „на поприщѣ Исторіи были очень не важны и не заключали въ себѣ почти ничего новаго, — выписки и извлеченія изъ Шлецера, Добровскаго, Тунмана, полезныя потому, что между Русскими литераторами въ то время мало были еще извѣстны подлинники. Тогда же сдѣлано было имъ нѣсколько мелочныхъ выходокъ противъ *Исторіи Государства Россійскаго*, приправленныхъ неприличными шутками, выходокъ, въ которыхъ онъ разбиралъ частныя (даже не главныя) мысли въ предисловіи и

---

*) Низкаго роста, съ широкою грудью, съ огромнѣйшею головою, маленькими глазами, рѣдкою бородою, сѣдоватыми волосами, приплюснутымъ носомъ гнуснаго цвѣта, представляя признаки своего происхожденія.

записку о Москвѣ, минутное сочиненіе или экспромптъ Исторіографа, которое даже непозволительно, не только безполезно, было разбирать. Издатель *Московскаго Вѣстника* сказалъ въ въ 1828 году, что подобное изложеніе заслуживаетъ всякое порицаніе. Въ другомъ мѣстѣ еще прежде сказано имъ было: „до сихъ поръ сдѣлано у насъ нѣсколько мелкихъ замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго*, и авторы сихъ замѣчаній не заслуживали бы даже имени зоиловъ, еслибъ были и злонамѣренные. Ко второму періоду относятся изслѣдованія о древнихъ Русскихъ монетахъ, о Русской Правдѣ, нѣсколько косвенныхъ важныхъ замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго*, нѣсколько намековъ о Древней Исторіи въ изслѣдованіяхъ о Черниговской гривнѣ и объ Іоаннѣ экзархѣ, которыя нейдутъ въ сравненіе съ первыми опытами и даютъ г. Каченовскому право на почетное мѣсто между нашими изслѣдователями. Къ сожалѣнію наши недобросовѣстные литераторы умалчиваютъ съ умысломъ о сихъ послѣднихъ и безпрестанно нападаютъ на первыя, кои давно уже позабыть пора. Но зачѣмъ не перестаетъ шутить г. Каченовскій до сихъ поръ? Это не его орудіе. И, признаюсь, какъ отвратительно было читать насмѣшки *Телеграфа* надъ куньими мордками г. Каченовскаго, какъ прискорбно читать отрывокъ изъ *Литературныхъ Лѣтописей* Пушкина, въ которыхъ автору показались достаточными для его жгута даже скудельныя слова г. Полеваго: такъ досадно читать ироническій отзывъ г. Каченовскаго объ опытѣ г. Венелина. Слишкомъ коротко зная г. Каченовскаго и духъ его ученія, я напередъ зналъ, какъ трудно ему принять какое-либо изъ положеній г. Венелина: послѣдній толкуетъ о первыхъ вѣкахъ около Р. Х., а первый обрѣзываетъ, можетъ быть, Русскую Исторію XIII, XIV столѣтіемъ; послѣдній привязываетъ всѣ прежнія племена, въ Руси жившія, къ новому составному народу, а первый думаетъ, что они не имѣютъ никакого отношенія, и проч. Но почему же онъ не представилъ своихъ возраженій такъ, какъ должно ученому критику; почему не показалъ, по крайней

мѣрѣ, главныхъ ошибокъ г. Венелина, тѣхъ точекъ, съ которыхъ молодой авторъ совращается на путь ложный? Г-нъ Венелинъ и публика приняли бы тогда съ благодарностію поучительныя замѣчанія, любопытныя и потому, что въ нихъ показался бы человѣкъ, смотрящій на предметъ совершенно съ противоположной стороны. Написать же страничку съ пошлыми насмѣшками очень легко какъ на книгу г. Венелина, такъ и на всякую другую; но писать такія насмѣшки прилично только *Телеграфу*, а не почтенному профессору, не отличному ученому, котораго должно уважать въ г. Каченовскомъ;—и если онъ желаетъ вниманія и уваженія ученыхъ къ своимъ трудамъ, то долженъ прежде и къ чужимъ трудамъ оказывать то и другое, потому что не всякій способенъ забывать оскорбленія. Кстати замѣтимъ здѣсь и вообще, что такія оскорбленія никогда не проходятъ даромъ даже отъ публики. Какъ звонко отозвались нѣкоторымъ несносныя насмѣшки надъ купеческимъ званіемъ, столь же почтеннымъ и нужнымъ въ государствѣ, какъ дворянское и крестьянское, и надъ винокуренными заводами, хотя они, по замѣчанію Пушкина, и составляютъ пятно ужасное, какъ извѣстно всему нашему дворянству“ [161]).

Самъ же Венелинъ писалъ Погодину: „Не боялись ли вы возмутить желчь въ Каченовскомъ. Я смѣялся надъ его слабой иронiей. Кругъ то же самое мнѣ замѣтилъ, но въ видѣ возраженія. Добрый старичекъ просилъ Строева, чтобы вывѣдалъ у меня, не обидѣлся ли я его замѣчаніями. Они довольно занимательны, но въ цѣломъ ничто не измѣняютъ точно также какъ и замѣчанія Іакинѳа, которыя даже, напротивъ, подтверждаютъ меня. Однажды послѣ обѣда я перелистывалъ Болгаръ; вотъ тайное признаніе: со дня на день сильнѣе убѣждаюсь въ прочности основаній сей книжонки: съ какой стороны критикъ ни напади, то запутается въ другой, такъ что и не выберется безнаказанно. Я не понимаю, какъ могла вся эта всячина придти мнѣ въ голову и все въ скорое время! Многіе, или почти всѣ любуются Болгарами; только академики могутъ смотрѣть на юное твореніе академически; иначе

быть не можетъ. Но, другъ мой, основа всему не пыльная начитанность, а здравомысліе. Мнѣ кажется, опровергнуть Болгаръ невозможно, да и на возраженія возможные отвѣты готовы въ сочиненіи, только кратки и не развиты. Иные смотрятъ на меня съ любопытствомъ. Это меня бѣситъ. Я довольно несчастенъ, ибо ни малѣйшей капли не чувствую, что значитъ слава авторства; помню, что будучи въ Лицеѣ, далъ въ обществѣ пощечину моему соученику за то, что превозносилъ мои Латинскіе гексаметры. Странность характера! Къ многимъ боюсь и показываться. Я часто, еще въ Москвѣ, смотрѣлъ съ отвращеніемъ на Болгаръ, несмотря на это, бѣшусь опять на тѣхъ, которые порицаютъ, не взвѣсивъ безпристрастно все, что моя книга въ себѣ заключаетъ; въ этомъ случаѣ это происходитъ не отъ самолюбія, но отъ негодованія за несправедливость, или противъ глупости“ [162]).

Но журнальная полемика нисколько не помѣшала устройству путешествія Венелина по Болгаріи на счетъ Россійской Академіи. Ходатайство за него Шишкова имѣло успѣхъ.

XIV.

По представленію тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія, князя Ливена, 14 декабря 1829 года, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на поѣздку лѣкаря Венелина за Дунай. Составленъ былъ проектъ, по которому предполагалось объѣхать Большую и Малую Валахію съ Молдавіей, потомъ собственную Болгарію съ частью Ѳракіи. Цѣль была чисто научная, осмотрѣть архивы и книгохранилища; пріобрѣсть, списать или перевесть въ снимки замѣчательнѣйшія рукописи; пользоваться всѣми археологическими открытіями для уясненія Исторіи Славянской вообще и Русской въ особенности; но главнымъ образомъ—изучить народный Новоболгарскій языкъ, собрать его образцы и составить потомъ словарь и грамматику. Время и обстоятельства какъ нельзя лучше благопріятствовали подобной поѣздкѣ. Страны, означенныя въ маршрутѣ, за-

8

няты еще были отчасти Русскими войсками послѣ знаменитой кампаніи [163]). Вѣсть о Высочайшемъ соизволеніи на путешествіе Венелина достигла Москвы не ранѣе января 1830 года. „Получено“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „соизволеніе Государя на путешествіе Венелина. Радъ и онъ“. Въ тоже время Венелинъ былъ вызванъ въ Петербургъ, для полученія изъ Академіи инструкціи и путевыхъ денегъ. За два дня до полученія этого извѣстія у Погодина былъ вечеръ, на которомъ Погодинъ съ Надеждинымъ вели „умный разговоръ“ о переселеніи народовъ, о Готѳахъ, Словянахъ, Москвѣ, Наполеонѣ и о нашей литературѣ.

16 Января 1830 года, Погодинъ проводилъ Венелина въ нашъ царствующій градъ и при прощаніи Венелинъ „прослезился“, а Погодинъ отъ души пожелалъ ему добраго пути [164]). Любопытнѣйшія письма Венелина къ Погодину даютъ намъ возможность слѣдить за похожденіями нашего путешественника въ Петербургѣ и за дальнѣйшими его странствованіями.

„При выѣздѣ изъ Москвы“, пишетъ Венелинъ“, чтó-то налегло мнѣ какъ камень на сердце, ничѣмъ не могъ развлечься. Впрочемъ, къ вечеру разулыбнулся. Очень естественно: я всегда почитаю истинныхъ друзей главнѣйшимъ условіемъ земного счастія. Разставаясь съ вами, мнѣ казалось, разстаюсь съ счастіемъ. Прощаясь съ дорогимъ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ, я не могъ выговорить порядочнаго слова, выбѣжалъ изъ залы безъ головы и не зналъ какъ домой добрался. Впрочемъ, дорога отъ Клина до Петрополя была немного повеселѣе. Со мною ѣхали г. Амбаровъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора къ своему Шефу, именитый членъ историческаго и многихъ другихъ обществъ, кандидатъ Рѣдкинъ, да одинъ (о диво!) очень серьезный французъ. Почтенный членъ многихъ почтенныхъ обществъ уже у заставы разговорился о множествѣ своихъ должностей, ихъ важности и о своихъ депешахъ къ министру, съ коимъ ему.... надобно трактовать. Все это было мнѣ полезно знать, ибо внутри смѣшила и развлекала меня сатира. Въ другомъ дилижансѣ съ

нами ѣхалъ одинъ молокососъ съ дядькою вступить въ кавалерію, одинъ Московскій да одинъ Питерскій купецъ. Сей послѣдній на всякой станціи подпивалъ наливки или настойки, смѣшилъ и бранился. Отъ безпрерывнаго упоенія spiritu vini гдѣ-то ему понездоровилось; ему сказали, указывая на меня; вотъ докторъ; надлежало дать совѣтъ; я запретилъ употреблять сивуху. На слѣдующей станціи я вошелъ послѣдній, вижу его въ одной комнатѣ съ огромнымъ бокаломъ водки въ рукѣ. „Что это!“ вскричалъ я. „Микстура“, отвѣтилъ, смѣшавшись, мой паціентъ. Я сдѣлалъ ему проповѣдь, онъ далъ обѣщаніе слушаться, не потому что мои слова были убѣдительны, а изъ уваженія къ орламъ на моихъ пуговицахъ. Несмотря, однако, на обѣщаніе, на всякой станціи продолжалъ принимать двѣ-три порціи микстуры. Въ Валдаѣ, въ 3-мъ часу по-полуночи, мы вошли въ комнату надзирателя согрѣться, а мой паціентъ взобрался въ сосѣдній домъ, разбудилъ всѣхъ, сдѣлалъ тревогу, содержательница - нѣмка закричала гвалтъ, мы взобрались туда же, чтобы отозвать паціента. Нѣмка только что и горланила: „ахъ, какой микстуръ!“ (Онъ требовалъ микстуры). Но все это вздоръ“.

Наконецъ, въ воскресенье, въ четвертомъ часу пополудни, Венелинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, совершенно утомленный отъ безсонницы. „По пріѣздѣ“, пишетъ онъ, „не зналъ гдѣ остановиться; нигдѣ нельзя было отыскать комнатки, кромѣ одной въ Лондонѣ, на углу Невскаго проспекта противъ Адмиралтейства. Цѣна пять рублей за сутки. Здѣсь языкъ не доведетъ до Кіева, даже буточники не знаютъ домовъ, возлѣ коихъ стоятъ. Это мнѣ случилось два раза. Одна чухонская рожа насилу могла мнѣ сказать, что Гостинный дворъ на Невскомъ решпектѣ. Другой дуралей, коего просилъ привезти меня въ Канцелярію Министра Финансовъ, привезъ меня на дворъ Капитула Россійскихъ Орденовъ“ [165]).

Въ это время въ Петербургѣ проживалъ по дѣламъ Археографической Экспедиціи П. М. Строевъ. По справедливому замѣчанію Погодина, Строеву было „пропутешествовать по пе-

реднимъ труднѣе, чѣмъ по тундрамъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ справедливо возмущался тѣмъ, что ни одна душа въ Петербургѣ „не разспросила его объ Экспедиціи, а президентъ Академіи Уваровъ поговорилъ съ нимъ только о Вальтеръ-Скоттѣ" [166]). Но кромѣ Археографической Экспедиціи, Строевъ въ это время безуспѣшно хлопоталъ въ Петербургѣ о напечатаніи своего знаменитаго *Ключа* къ *Исторіи Государства Россійскаго*. Еще въ 1824 году, онъ сдѣлалъ самому Карамзину предложеніе составить *ключъ* къ его *Исторіи*. Исторіографъ согласился на это предложеніе. Съ того времени Строевъ посвящалъ этому по истинѣ египетскому труду все свое свободное отъ другихъ занятій время. „Помню", писалъ ко мнѣ покойный М. А. Максимовичъ (въ 1870 году), „когда бывало ни зайдешь къ П. М. Строеву, жившему въ домѣ Селивановскаго на Дмитровкѣ, вѣчно застаешь его надъ Ключемъ къ исторіи Карамзина". Объ этомъ трудѣ своемъ самъ Строевъ писалъ слѣдующее: „Сей тяжелый, чрезмѣрно утомительный трудъ, сія мелкая, но неоцѣненно важная критика, сводящая въ едино раздѣльныя мнѣнія и сужденія Историка, обнаруживающая обширность или тѣсные предѣлы его знаній, подстерегающая его ошибки и промахи и вмѣстѣ выясняющая блескъ его генія—сей трудъ и сія критика едва было не истощили мое терпѣніе". Когда Пушкинъ ознакомился съ этимъ трудомъ Строева, то писалъ князю П. А. Вяземскому: „Строевъ написалъ table des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову объ этомъ". Ходатайство это было безуспѣшно, точно также какъ и ходатайство графа Ѳ. А. Толстаго, который по этому поводу писалъ Строеву: „Хотѣлъ добиться отъ Ливена толку на счетъ *Ключа* твоего, но добился не въ пользу твою, онъ рѣшительно отказался, въ нынѣшнее военное время, безпокоить Государя побочными расходами" [167]).

По пріѣздѣ въ Петербургъ Венелинъ насилу отыскалъ Строева и Кеппена. „Бѣдный Строевъ", писалъ Венелинъ Погодину, „хлопочетъ какъ каторжный. Живетъ въ № 7 кон-

торы дилижансовъ. Совѣтовалъ не уступать, если станутъ торговаться; думаетъ пробыть здѣсь еще двѣ недѣли. Нынѣ по утру отправился къ Кругу; проклятый ванька завезъ въ Академію Художествъ. Академикъ принялъ меня флегматически. Исчертилъ и написалъ по краямъ моихъ Болгаръ, я просилъ сообщить мнѣ его замѣчанія; онъ согласился. Говорилъ, что не соглашается со мною, но ни поводовъ, ни мнѣнія своего не высказывалъ, а упомянутыя замѣчанія одни только поправки къ моему тексту. Вообще все это походитъ на Арцыбашевское: упрекалъ въ рѣзкомъ тонѣ, совѣтовалъ не спѣшить съ остальнымъ. Видѣлся у него съ Шегреномъ...". Отъ Круга Венелинъ отправился къ князю А. А. Шаховскому, которому онъ много былъ обязанъ устройствомъ своего путешествія. Князь Шаховской жилъ въ Коломнѣ. „Принялъ", писалъ Венелинъ, „по-московски, т. е. обрадовался, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, и утѣшило при свиданіи съ добрымъ москвитяниномъ. Ругаетъ Полеваго; у него былъ до меня Пушкинъ, тоже ругаетъ; статья объ *Исторіи Русскаго Народа* въ *Литературной Газетѣ* сего послѣдняго. Между нами сказано, мнѣ сообщено съ тѣмъ, чтобы не высказывать, скажите Сергѣю Тимоѳеевичу, но не далѣе. Шаховской мнѣ сказывалъ, что Жуковскій не сомкнулъ глазъ, пока не прочелъ моего теску *); хвалилъ. Порадуйте нашего общаго любезно-веселаго Михаила Николаевича Загоскина въ вознагражденіе за крикливую Пчельную статейку" [168]).

На другой день (23 января) Венелинъ посѣтилъ библіотекаря Россійской Академіи Соколова, который, по отзыву Бередникова въ письмѣ къ П. М. Строеву, „entre nous soit dit, былъ великій невѣжда„ [169]). Венелина онъ принялъ „довольно хорошо, и первое привѣтствіе заключалось въ вопросѣ: какова *Исторія Русскаго Народа*?!" Продержавъ Венелина „съ три четверти", велѣлъ проводить его къ самому Александру Семеновичу Шишкову. „Почтенный, бѣловласый старецъ", пишетъ Венелинъ, „принялъ ласково. Не

*) Юрія Милославскаго.

могъ смотрѣть на сѣдины безъ умиленія, продержалъ съ полтора часа. Говорилъ о Славянскомъ языкѣ, показывалъ огромный свитокъ, представляющій безконечную вѣтвь корня *кр.*, *гр.*, *хр.* Это меня поразило; все изложено чрезвычайно остроумно. Послѣ читалъ свои, очень хорошо изложенныя, замѣчанія на слова изъ Сравнительнаго Словаря. Нельзя его слушать безъ удовольствія". Въ полдень, 25 января, Венелинъ присутствовалъ въ засѣданіи Академіи. „Просили", писалъ онъ, „сѣсть за столъ. Прежде толковали о вызовѣ Шафарика, Ганки и Челаковскаго. Послѣ рѣшено приступить къ моему дѣлу, чтобы меня не задержать долго по-напрасну. Академикъ предложилъ вознагражденіе за проѣздъ изъ Москвы; вскорѣ за симъ мнѣ выдано сто рублей. Къ моему проекту прибавить не нашли ничего, кромѣ Хиландаря". Въ тотъ же день Венелинъ былъ на вечерѣ у Кеппена. „Было много народу", читаемъ мы въ его письмѣ, „кромѣ Строева. Выпучилъ глаза, я по-неволѣ покраснѣлъ. Я узналъ, что Кеппенъ успѣлъ довести до свѣдѣнія Президента, что у мѣня мало денегъ. Спасибо ему. Опять видѣлся съ Шегреномъ. Видѣлся съ Востоковымъ". Возвращаясь съ вечера, на Милліонной, у воротъ дома графа Литта, Венелинъ „столкнулся съ туркомъ". Это былъ повидимому служитель изъ свиты Галила, только что прибывшаго въ Петербургъ. Между тѣмъ Погодинъ, не успѣвъ получить писемъ Венелина, уже упрекалъ его: „Можно быть безтолкову", писалъ онъ ему, „но не такъ какъ вы, безтолковый изъ безтолковѣйшихъ, Юрій Ивановичъ! Десять дней въ Петербургѣ и ни строчки. Вѣдь намъ надо бы здѣсь получить по-крайней мѣрѣ, пять писемъ. Всѣ на васъ сердятся и не шутя, всѣ отъ меня и до Надиньки маленькой. Васъ надобно прибить". На этотъ незаслуженный укоръ Венелинъ отвѣчалъ: „Миніатюрное ваше письмецо, отъ 27 января, получить я имѣлъ честь. Можно быть умному, но не такъ какъ вы, умный изъ умнѣйшихъ Михаилъ Петровичъ! Десять строчекъ вздору, а о своемъ здоровьѣ и здоровьѣ любезнѣйшаго Сергѣя Тимоѳеевича, Ольги Семеновны и дѣтей ни слова!!

Отнесъ Кругу его экземпляръ Болгаръ; спрашивалъ не имѣю ли что сказать на его замѣчанія; просилъ по-чаще жаловать. Былъ у Министра, доказывалъ, что вамъ несправедливо отказано жалованье. Министръ будто сознавался въ томъ и обѣщалъ ваше дѣло исправить. Благодарность Кругу хлопотавшему. Впрочемъ, старикъ просилъ меня замѣтить вамъ свое негодованіе на ваше выраженіе „какъ не стыдно Академіи", онъ возразилъ: почему онъ можетъ (знать), зачѣмъ Академія не издаетъ Миллера? Во-первыхъ, портфелей его всѣхъ не имѣетъ, а только отдѣльныя части, и во-вторыхъ, г. Миллеръ описывалъ много соблазнительныхъ анекдотовъ, которые не могутъ быть сообщены публикѣ". Въ то же время и Кеппенъ писалъ Погодину; „сегодня много говорилъ я съ Ф. И. Кругомъ о дѣлахъ вашихъ. Князь Ливенъ обѣщалъ ему вновь обратить вниманіе на ваше требованіе и сдѣлать все, что возможно. Горе вамъ, если вы рѣшитесь возвратить 2000 рублей. Кругъ и, конечно всякъ, кто знаетъ лучше васъ князя Карла Андреевича, огорчится симъ поступкомъ. Князя многіе не понимаютъ; многіе противъ него декламируютъ—не зная ни обстоятельствъ, ни положенія, въ коемъ находится Министръ. Позвольте и мнѣ надѣяться, что вы опомнитесь! Могу васъ увѣрить въ томъ, что князь Карлъ Андреевичъ къ вамъ расположенъ".

Въ послѣдній день января мы видимъ Венелина опять на вечерѣ у Кеппена. „Тамъ нашелъ многихъ", писалъ онъ, „въ числѣ прочихъ Строева и Шегрена. Усѣлись порядкомъ. Все обращеніе здѣсь по такту... Ахъ, златая Москва!.. Спустя полчаса, какой-то старичекъ спросилъ громко Кеппена: Што здѣсь ли Шегренъ? А потомъ: ну, што пріѣдетъ ли Венелинъ? Петръ Ивановичъ, кончивъ занятіе, представилъ насъ, бродящую братію. Старичекъ: А-а-а, такъ это вы, и посадилъ меня возлѣ себя на диванъ. Это Языковъ. Другой звѣздчатый далъ руку, сказавъ, что имѣетъ ко мнѣ нужду, это Пейкеръ предсѣдатель какого-то департамента. Строева еще держатъ; бѣднякъ прожился: сказывалъ, что при-

нужденъ былъ занимать у почтеннаго Круга и мнѣ предвѣщаетъ подобную участь. Со мною поступили благосклоннѣе, чѣмъ съ бѣднымъ Строевымъ, дали сто рублей".

Между тѣмъ, чѣмъ-то недовольный Венелинымъ, Погодинъ въ письмѣ къ нему написалъ *милостивый государь*. По этому поводу Венелинъ писалъ: „Vous avez l'air piqué, т. е., fâché, cher Михаилъ Петровичъ. Это заключаю 1) изъ буквъ *М. Г.* idest *Милостивый Государь*. Это мнѣ не нравится, ибо гнѣву не должно быть между людьми, искренно уважающими другъ друга. 2) Изъ краткости сего письма. 3) Изъ обѣщанія не присылать больше подобнаго никогда. 4) Изъ того, что очень церемоніально кланяетесь. La cérémonie est un signe, que l'amitié a cessé, сказалъ одинъ Халдейскій мудрецъ. 5)... вотъ вамъ діалектика прошедшаго вѣка. Стало быть я уже не удостоюсь того, чтобъ вы поговорили со мной побольше, по-пространнѣе. Я вамъ цѣлый комментарій, а вы мнѣ по Суворовски; вѣдь вы не Суворовъ". Затѣмъ Венелинъ освѣдомляется о здоровьѣ Погодина, который въ это время былъ боленъ: „Какова грудь ваша? Побольше каши, по меньше мясища, какъ бы то ни было; вмѣсто квасу, ячменную воду съ сахаромъ и немножко клюквеннаго морсу. Я вамъ это вѣчно говорилъ, но вы все-таки не пробовали". Преподавъ эти медицинскіе совѣты, Венелинъ обращается къ другимъ предметамъ: „Здоровы ли Аксаковы? Добрые люди! Вы не даромъ ихъ любите. Не можете себѣ вообразить, сколь много хорошихъ книгъ о всѣхъ предметахъ вышло въ Германіи въ послѣдніе годы. Нѣмцы взяли верхъ надъ всѣми Европейцами... А у насъ ничего! Ни книгъ, ни юношества. Кругъ сказывалъ мнѣ, что Государю сдѣлано представленіе объ исправленіи Юліанскаго нашего календаря, посему должно будетъ повидимому принять Григоріянскій; оно бы отчасти и лучше; это препоручено разсмотрѣть Академіи Наукъ, и предложено будетъ Синоду на разсмотрѣніе. Выхлопоталъ, чтобы впустили въ Библіотеку. Какъ бы желалось пожить въ Библіотекѣ. Вотъ сокровище! Вѣчная хвала безсмертной Екатеринѣ! Я

не знаю еще, какая участь ожидаетъ книжонку о Болгарахъ въ Германіи, это очень любопытно. Впрочемъ, какъ бы то ни было, начало сдѣлано на Руси, и я этому очень радъ: неужели намъ вѣчно быть повторителями чужаго. Пожалуйста, point des cérémonies. Сегодня во Французскій театръ: между прочими *Мужа старика;* французъ такъ далеко отъ Щепкина, какъ небо отъ земли, или какъ Питеръ отъ Москвы, или какъ Нева отъ Неглинной. Бѣда, скоро постъ, а блиновъ и запаху не видишь, а квасу и капли. За урокъ Каченовскому отъ лица всѣхъ добрыхъ людей благодарю“.

По поводу одного посѣщенія Круга, Венелинъ написалъ очень любопытное письмо къ Погодину: „У Круга просидѣлъ довольно долго; засталъ за книгою; все штудируетъ, вѣчно съ указкою въ рукахъ. Вотъ народъ Дайчеры, съ коего надо брать примѣръ! Это порода образцовая, оригинальная; вотъ примѣръ Русскому юношеству, коего непостоянство меня очень не радуетъ. Я замѣтилъ, что наклонность Русскаго характера въ большей части своихъ чертъ тождественна съ Французскимъ. Я когда либо обрисую тѣхъ и другихъ въ противоположность Нѣмцамъ; объ этомъ у меня вдругъ налетѣло много мыслей вѣрныхъ, алмазныхъ; жаль только, что до сихъ поръ не собрался послѣдовать вашему примѣру *писать дневникъ мыслей.* Однимъ только Русскіе могли бы обыграть Французовъ и Нѣмцевъ—это *здравомысліемъ,* но Богъ вѣсть когда употребятъ его съ огромною пользою, по-крайней мѣрѣ этому мало поучаютъ съ большей части Русскихъ каѳедръ, преимущественно въ Медицинѣ. Вотъ что родилось или повторилось въ моей головѣ при входѣ къ Кругу. Онъ сказалъ мнѣ, что Россійская Академія просила отъ Академіи Наукъ мнѣнія касательно инструкціи. Надѣюсь, что мое дѣло пойдетъ скорѣе, чѣмъ Строева. Послѣ сего показалъ мнѣ медаль золотую съ Славянскою надписью, не все мнѣ прочесть, несмотря на то, что буквы цѣлыя; но сокращеніе словъ очень странное; двухъ словъ только не могъ разобрать; объ одномъ я предложилъ свою довольно правдоподобную догадку. Онъ просилъ

меня искать въ Молдавіи и Валахіи княгини Ѳеодосіи, коей она поднесена бояриномъ Николаемъ, великимъ дворникомъ, и сообщить ему свѣдѣнія". Въ отвѣтъ на пространныя и любопытныя письма Венелина, Погодинъ продолжалъ отвѣчать *по-Суворовски*. Это сердило Венелина. „Опять записки въ пять строкъ", писалъ онъ, еслибы это была шутка, то я бы не сердился; но какъ не такъ, то начинаю досадывать. Ужели человѣкъ съ умомъ не съумѣетъ ничего сказать, кромѣ пяти строкъ? Знаете, что я въ простыхъ разговорахъ не очень велерѣчивъ, а часто и не развязенъ, отчасти изъ скромности, отчасти, что не люблю противорѣчить другимъ, коихъ по чему либо уважаю, т.е., соглашаюсь изъ учтивости, разумѣется, съ незнакомыми, или же по причинѣ незнакомства, не зная, что въ лицѣ находится, т.-е., если лицо умнѣе меня, или такимъ его почитаю, то молчу, и охотнѣе слушаю. За то на бумагѣ я многорѣчивъ; письмо есть разговоръ; письмо лучше сближаетъ друзей, чѣмъ присутственный разговоръ. Въ письмахъ прекрасно излагаются мысли, и душевныя ощущенія. Знаете, что я довольно привязанъ къ Москвѣ; скучаю по ней, какъ любовникъ по невѣстѣ. Ужели не о чемъ вамъ мнѣ сказать". Въ томъ же письмѣ Венелина читаемъ: „Я дѣлаю свои наблюденія, Русскіе здѣсь все тѣми же Русскими, какими въ Москвѣ и индѣ: нижніе и средніе, а высшихъ Богъ знаетъ; не очень удалось взглянуть. У Сленина два раза столкнулся съ Пушкинымъ; кажется, что изъ него въ вѣкъ ничего не будетъ, кромѣ историческаго стихотворца (!)".

Посѣщеніе земляка своего, извѣстнаго юриста Михаила Андреевича Балугьянскаго, не оставило въ Венелинѣ пріятнаго впечатлѣнія. „Въ прошедшее воскресенье", писалъ онъ, „обѣдалъ у Балугьянскаго; чувствовалъ, что нахожусь не на своемъ мѣстѣ, не смотря на землячество. Это меня бѣсило: это не въ характерѣ Карпато-Россовъ". Петербургскія хлопоты также не радовали его. „Я все опасаюсь", писалъ онъ, чтобы не кончить по-Строевски. По неволѣ прохладились порывы къ подвигамъ, какъ уже и бѣдный Павелъ Михайло-

вичъ. Чтобы забыться, хожу въ Библіотеку. Выписываю, что ни попадется. На силу добился Іорнанда. Одно мѣсто изъ него противоставятъ мнѣ Кругъ и Каченовскій; я все его принималъ за сильный аргументъ противъ моихъ Болгаръ и Аттилы; открылъ книгу съ нетерпѣніемъ, выписалъ все огромное мѣсто и что же? Нѣтъ ничего вздорнѣе и слабѣе этого аргумента. Нѣтъ, другъ мой, Болгаре стоятъ какъ скала... Іорнандъ еще оправдываетъ меня".

Венелинъ не пренебрегалъ и Булгаринымъ. Впрочемъ, посѣтивъ его, писалъ Погодину: „Зашелъ къ Булгарину поглядѣть на рожу; первое привѣтствіе: „деретесь съ Полевымъ", но долго у него не оставался; просилъ почаще, но не былъ съ тѣхъ поръ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Венелинъ замѣчаетъ: „Какая вялость и бездушіе въ журналахъ, ни одной улыбки; даже и юмористика пана Ѳадея истощилась". Любопытно, что отъ Венелина достается и Гизо, который, по его словамъ, „*полевойствуетъ*, но только съ умомъ", и вслѣдъ за симъ спрашиваетъ Погодина: „Что *Марѳа*? Пожалуйста, поскорѣй съ этой бабой; она чудесная".

Между тѣмъ, наступилъ Великій постъ. „Былъ въ церкви на Литейной", писалъ Венелинъ отъ 23 февраля 1830 г., „было много гвардейскихъ солдатъ конныхъ; пѣли какъ ангелы заунывную постную; это меня до слезъ почти тронуло. Оттуда шагалъ по Петэршбурьхскому-Кузнецкому мосту; зашелъ въ Католическую; другое исповѣданіе, другой народъ, кажется, все да все графы, да бароны, между тѣмъ, какъ все бѣдные мѣщане, мастеровые. Передъ Казанскимъ я замѣтилъ одни только сани".

22 февраля 1830 года, Венелинъ извѣщалъ Погодина: „Строевъ послѣ-завтра ѣдетъ въ Москву, не кончивъ ничего. *Индексъ* его къ Исторіи Карамзина онъ выпросилъ обратно. Вчера просидѣлъ у него до 11-ти часовъ вечера; бѣдный Русакъ! Хочетъ быть у васъ; но разспросите его, разскажетъ вамъ всячину" [170]). Вслѣдъ за Строевымъ, а именно 17 марта 1830 года, вернулся въ Москву и Венелинъ.

XV.

Весною 1830 года, въ Москвѣ съѣхались три знаменитые путешественника: Строевъ, Венелинъ и Кухарскій. „Г. Строевъ", читаемъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, „послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ и Москвѣ, получилъ предписаніе Академіи Наукъ продолжать свое археографическое путешествіе по Россіи. Нынѣ онъ начнетъ осматривать книгохранилища съ губерніи Новогородской. Публика видѣла, какую богатую добычу представилъ Академіи Наукъ нашъ достойный соотечественникъ. Любители Исторіи заранѣе восхищаются плодами нынѣшнихъ египетскихъ трудовъ его. И въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя ожидать отъ г. Строева для грядущихъ историковъ, при его богатыхъ предварительныхъ свѣдѣніяхъ и опытности, послѣ личнаго обозрѣнія обширной сцены Россійской Исторіи и всѣхъ ея источниковъ. Пусть *Телеграфъ*, кидающійся, по выраженію одного литератора, на всѣхъ достойныхъ писателей, которыми гордится Словесность наша и которые составляютъ нашу надежду, И. И. Дмитріева, Пушкина, Баратынскаго, князя Вяземскаго, Дельвига, М. А. Дмитріева, Мерзлякова, Каченовскаго, Арцыбашева, Языкова, Хомякова, Шевырева, Андросова, Венелина, и проч., и проч.,—пусть *Телеграфъ* называетъ поиски г. Строева мечтою; но для истинныхъ друзей просвѣщенія такая *мечта* лучше тысячи всякихъ его Исторій. Желаемъ здоровья и душевной твердости неутомимому Археографу въ путешествіяхъ его по арктическимъ тундрамъ и тропическимъ гостинымъ. У насъ трубятъ часто о путешествіяхъ иностранцевъ въ Африку, Азію, Америку,—развѣ предпріятіе г. Строева требуетъ меньше пожертвованій, развѣ оно легче?

Столь же трудное путешествіе, на счетъ Россійской Академіи, въ Болгарію, Румелію, Молдавію, Валахію предпринялъ и *г. Венелинъ*, авторъ примѣчательной книги *О древнихъ и нынѣшнихъ Болгарахъ*. Чума, климатъ, варварство, невѣжество, ненависть Турковъ—вотъ съ чѣмъ онъ долженъ

будетъ сражаться на каждомъ шагу, но на что ни рѣшается чистая любовь къ наукѣ!

Наконецъ, о г. Кухарскомъ. Можно справедливо сказать, что въ Польшѣ особеннымъ и всеобщимъ вниманіемъ, обращеннымъ на сходство языковъ Славянскихъ, мы обязаны большому Польскому словарю, изданному докторомъ Линде въ Варшавѣ отъ 1807 до 14-го года въ шести томахъ in 4°. Ибо въ семъ словарѣ сравниваются Польскія слова съ словами всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Скоро увѣрились, сколь великая польза для всякаго Славянскаго языка проистекаетъ изъ такого сравненія, и при основаніи Варшавскаго Университета, 1816 года, опредѣлено быть въ ономъ и каѳедрѣ Славянскихъ нарѣчій. И для того, по предложенію Королевскаго Варшавскаго Университета, Министерство Просвѣщенія назначило профессора Кухарскаго путешествовать по всѣмъ Славянскимъ землямъ, для лучшаго познанія діалектовъ и собранія всего, касающагося до народовъ Славянскихъ. Съ тѣмъ намѣреніемъ составилъ себѣ профессоръ Кухарскій планъ путешествія и систему Славянской Филологіи, состоящую: 1) изъ грамматики діалектовъ Славянскихъ; 2) изъ географіи Славянскихъ земель; 3) политической исторіи и другихъ вспомогательныхъ наукъ исторіи; 4) исторіи литературы и изящныхъ искусствъ Славянскихъ народовъ и 5) изъ древностей Славянскихъ, заключающихъ въ себѣ четыре отдѣленія: состояніе религіозное, гражданское, военное и домашнюю жизнь древнихъ Славянъ. На всѣ сіи предметы обращалъ онъ вниманіе въ своемъ путешествіи, чтобъ дополнить и исправить или объяснить и собрать все, что до сихъ поръ мы имѣли отъ различныхъ писателей касательно сихъ предметовъ. Съ тою цѣлью выѣхалъ онъ изъ Варшавы, осенью 1825 года, и остановился прежде въ Краковѣ, гдѣ библіотекаремъ ученый Славянскій филологъ Бантке; отсюда отправился онъ въ Бреславль, гдѣ находится богатая центральная библіотека университета и архивъ, содержащій много любопытныхъ бумагъ, касающихся до Исторіи Силезіи, составлявшей часть древней Польши и до сихъ

поръ обитаемой Польскимъ народомъ. Въ Прагѣ пробылъ онъ семь мѣсяцевъ для изученія филологіи Чешской и всеобщей Славянской, въ чемъ ему много способствовалъ ученый аббатъ Добровскій. Въ Лузаціи живутъ до сихъ поръ Славяне, называющіеся Сербами, и потому изъ Праги перешелъ онъ къ нимъ, и въ Бауценѣ учился языку Верхне-Лузацкому, а въ Котбусѣ Нижне-Лузацкому. Въ Герлицѣ разсмотрѣлъ рукописи, оставшіяся послѣ доктора Антона, касательно діалекта Полабовъ и самого народа; въ особенности же здѣсь собиралъ онъ Славянскія географическія имена и пѣсни того народа. Изъ Берлина чрезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ возвратился къ Славянамъ Австрійскимъ, изъ Вѣны объѣзжалъ цѣлую Моравію и Сѣверную Венгрію, гдѣ живутъ такъ-называемые Словаки, и посѣщалъ поколѣніе Сотаковъ и Русиновъ, обитающихъ въ Карпатахъ въ восточной части Венгріи. Возвращаясь чрезъ Пестъ, перешелъ къ Славянамъ южнымъ, начиная отъ Единбурга въ западной Венгріи, гдѣ живутъ верхніе Хорваты, Нѣмцами называемые Wasserkroaten. Въ Герцѣ, столицѣ Стиріи. нѣтъ уже Славянъ; но есть каѳедра языка Славянскаго (Windisch), ибо цѣлая внутренняя Австрія населена Славянами и Краинцами. Изъ Марбурга, гдѣ начинается языкъ Славянскій, посѣтилъ также такъ-называемыхъ Вандаловъ на юго-западной границѣ Венгріи; послѣ пребыванія въ Лайбахѣ для изученія діалекта Краинскаго, посѣтилъ онъ Каринтію, для изслѣдованія, какъ далеко простираются Славяне на западѣ; по рѣкѣ Сora (Isonzo) прибылъ въ Герцъ и Тріестъ, откуда ѣздилъ въ Венецію для рукописей и книгъ Славянскихъ. Познакомившись съ діалектомъ Краинскимъ, перешелъ къ Кроатскому въ Аграмѣ, гдѣ занимался большею частію Кроатскою грамматикою и исторіею литературы. Въ прошедшемъ году съ началомъ весны объѣхалъ Истрію, Далмацію до Рагузы; въ сихъ земляхъ ему удалось сдѣлать наиважнѣйшія въ Славянской литературѣ открытія. Изъ Черногоріи (Monte negra) вывезъ онъ большое собраніе народныхъ Черногорскихъ пѣсенъ, составленное Симономъ Милитиновичемъ,

знаменитымъ сочинителемъ поэмы *Сербянка.* Война съ Турціею не позволила перейти къ Славянамъ, находящимся въ Турецкихъ владѣніяхъ; но какъ Сербы распространены по Венгріи, Славоніи, Кроаціи, Далмаціи и другимъ Австрійскимъ провинціямъ, то и имѣлъ онъ случай узнать все касательно сего народа; и только народъ Болгарскій остался ему неизвѣстнымъ. По возвращеніи изъ южныхъ провинцій останавливался въ Лембергѣ, для изученія языка и Исторіи Русиновъ. Въ концѣ осени прибылъ въ Кіевъ и потомъ въ Москву. Извѣстія о разныхъ его открытіяхъ и замѣчаніяхъ, касательно его науки, напечатаны въ разныхъ Польскихъ, Чешскихъ и Нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ. Важнѣйшее изъ нихъ есть открытіе Славянскихъ руническихъ надписей на двухъ шлемахъ, найденныхъ въ южной Стиріи. Замѣчательнѣйшее въ сихъ рунахъ есть то, что онѣ читаются отъ правой руки къ лѣвой, какъ писали въ первыя времена Греки и Этруски, процвѣтавшіе въ Италіи еще до Римлянъ. Г. Кухарскій отсюда ѣдетъ въ Петербургъ, и, по возвращеніи нынѣшнею осенью въ Варшаву, намѣренъ познакомить ученую публику въ подробной диссертаціи съ Славянскими рунами, и въ особенномъ сочиненіи съ своимъ путешествіемъ.

Всѣ сіи путешествія предприняты на иждивеніе Правительства. Слава Царю, который принимаетъ съ благоволеніемъ и утверждаетъ всѣ представленія, клонящіяся къ пользѣ наукъ. Музы благодарны" [171]).

Въ честь этихъ трехъ путешественниковъ Погодинъ далъ вечеръ, который описалъ въ письмѣ своемъ Шевыреву. „Языковъ здѣсь и Хомяковъ здѣсь. Вчера были они всѣ вмѣстѣ у меня и не доставало тебя для этой кадрили поэтовъ. Другая кадриль была Славянскихъ археологовъ: Константинъ Калайдовичъ, все еще слабый, но уже не сумасшедшій, Строевъ, ожидающій здѣсь отправленія во второе путешествіе, Венелинъ, получившій уже деньги, Кухарскій, профессоръ Варшавскаго университета, обозрѣвавшій всѣ Славянскія страны и пріѣхавшій сюда изъ Рагузы, очень ученый полякъ. Кстати

уже о вчерашнемъ вечерѣ. Были у меня еще Аксаковъ, Надеждинъ, которому хотѣлъ я внушить больше уваженія къ Пушкину, а послѣднему — хоть лучшаго мнѣнія, и удалось отчасти. Елагинъ, Томашевскій, разведшійся съ *Галатеею*, Курскій мѣщанинъ астрономъ, братъ Языкова, Перевощиковъ, Щепкинъ, Верстовскій, Максимовичъ, Всеволожскій". О знакомствѣ же своемъ съ Кухарскимъ Погодинъ писалъ Шевыреву: „Я успѣлъ въ послѣднее время сдѣлать много полезныхъ знакомствъ въ пользу просвѣщенія: съ Варшавскимъ профессоромъ Кухарскимъ, который пять лѣтъ обозрѣвалъ Славянскія земли, жилъ полгода у насъ въ Москвѣ, ученѣйшій филологъ и пламенный славянинъ". Въ томъ же письмѣ Погодинъ сообщаетъ Шевыреву о своемъ знакомствѣ съ однимъ ученымъ богемцемъ Шаурикомъ, который ѣдетъ теперь въ Прагу. „Повѣришь ли, онъ поклонился мнѣ въ ноги, плача, когда я проявилъ ему готовность войти въ литературныя сношенія съ Прагою. „Языкъ наша душа, а у насъ его убиваютъ, будемте же общими силами трудиться къ сохраненію его" [172]). Въ *Дневникѣ* же своемъ Погодинъ отмѣтилъ, что богемецъ Шаурикъ со слезами разсказывалъ ему о притѣсненіяхъ Австрійцевъ. „Мы, Челаковскій, Юнгманъ, Ганка сойдемся и плачемъ" [173]). Между тѣмъ, Кухарскій сообщилъ Погодину въ Русскомъ переводѣ статью проповѣдника Рихтера о Сербскомъ языкѣ *) въ отношеніи къ государству, церкви и народному образованію. Статью эту Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Въ ней предлагаются мѣры къ стѣсненію Славянскаго языка въ Германіи и противъ этихъ мѣръ сильно возсталъ Погодинъ въ своихъ къ ней примѣчаніяхъ: „Сербы живутъ посреди Германіи", пишетъ Рихтеръ, „окруженные чуждою имъ стихіею, подобно островитянамъ, брошеннымъ посреди морей южнаго полушарія". По этому поводу Погодинъ замѣчаетъ: „Это есть слѣдствіе политики Нѣмцевъ, которые от-

---

*) Сей Сербскій языкъ, на которомъ говорятъ въ Верхней и Нижней Лузаціи, принадлежитъ къ западному классу нарѣчій Славянскихъ, но имѣетъ много сходства и съ Сербскимъ восточнымъ языкомъ въ Сербіи.

дѣлило Сербовъ Нѣмецкими поселенцами отъ Поляковъ въ Силезіи. А Россія не раздѣляетъ такъ Нѣмцевъ". Въ заключеніе Рихтеръ призываетъ Нѣмцевъ: „Станемъ же низвергать, каждый кто можетъ, стѣны необразованности и односторонности; не будемъ воздвигать препятствій склонности какого нибудь Сербскаго прихода къ принятію Нѣмецкаго языка; станемъ лучше радоваться приближенію того мгновенія, когда внутри предѣловъ Германіи будетъ царствовать одинъ языкъ въ домахъ Господа, одна образованность въ городахъ и деревняхъ". „А мы", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „и въ духѣ Русской терпимости, пристыжающей Нѣмецкую нетерпимость, желаемъ, чтобъ Славяне говорили по-Славянски, Нѣмцы по-Нѣмецки, Французы по-Французски, „кійждо своимъ языкомъ да благодарилъ и славилъ Бога". Статья пастора Рихтера тѣмъ особенно любопытна, что представляетъ образъ мыслей Нѣмцевъ о народѣ Славянскомъ"[174]). Примѣчанія свои къ Рихтеру Погодинъ прочелъ ученому богемцу Шаурику, и онъ, говоритъ Погодинъ, „мнѣ въ ноги. Пріятнѣйшая минута!" [175]). Но въ *Сѣверной Пчелѣ* эти примѣчанія вызвали насмѣшки. Нѣкто писалъ съ Каменнаго острова въ Карлово къ Булгарину: „Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* напечатанъ переводъ прелюбопытной статьи одного Горлицкаго пастора, который убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ вытѣснить языкъ Славянскій, господствующій у простого народа въ Лузаціи. Издатель не удовольствовался помѣщеніемъ сей статьи и вздумалъ снабдить ее своими мнимоучеными замѣчаніями. Слогъ перевода соотвѣтствуетъ учености замѣчателя. Каковъ адвокатъ Славянскихъ языковъ!" [176]). Погодина эта выходка задѣла за живое и онъ написалъ отвѣтъ [177]).

Покойный Павелъ Александровичъ Мухановъ неоднократно говаривалъ намъ, что онъ, возвратясь съ Турецкой войны въ Москву, первый познакомилъ Погодина съ Славянами и заинтересовалъ его ихъ бытомъ. И дѣйствительно, въ этомъ знакомствѣ Погодинъ много обязанъ Муханову. Въ Февралѣ 1830 года, онъ вернулся въ Москву. „Павелъ Мухановъ

пріѣхалъ", извѣщалъ Погодинъ Шевырева, „увѣшанный орденами. Онъ съ большою и удивительною пользою для себя кончилъ кампанію; былъ въ Греціи, Смирнѣ" [178]). Погодинъ часто бесѣдовалъ съ нимъ и Хомяковымъ о Болгарахъ [179]). Мухановъ сближалъ Погодина съ людьми, отъ которыхъ онъ могъ бы почерпнуть свѣдѣнія подобнаго рода. „Совѣтую вамъ", писалъ онъ Погодину, „приступить поскорѣе къ отысканію подполковника генеральнаго штаба Ладыженскаго, у него есть статьи, но что всего лучше, вы найдете у него болгара, вспомнивъ о семъ сегодня поспѣшилъ васъ, какъ славянофила, увѣдомить, сдѣлайте сему болгару искусъ: вѣрно онъ сообщитъ вамъ нѣсколько пѣсенъ, пословицъ и пр. Заставьте его склонять имена, спрягать глаголы, но все это безъ отлагательства времени. Если вы опоздаете, то всѣ статьи, всѣ свѣдѣнія о языкѣ Болгарскомъ перебьютъ у васъ Китайскіе журналисты. Болѣе половины тома Венелина я прочелъ. Болгары описаны вѣрно, что замѣчу сообщу" [180]). Оказалось, что этотъ Ладыженскій былъ товарищемъ и стариннымъ пріятелемъ Погодина. „Отыскалъ Ладыженскаго", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „стариннаго товарища и пріятеля по гимназіи, который теперь ѣдетъ въ Пекинъ по особымъ порученіямъ. Очень радъ, и еще корреспондентъ въ *Московскій Вѣстникъ*. Разсказывалъ о Болгарахъ: какъ и они просили насъ идти въ Константинополь, обѣщая взнести сами всю сумму вмѣсто Турокъ. И ихъ оставили въ жертву. Это черное дѣло въ послѣднихъ происшествіяхъ" [181]).

Но интересуясь Славянами, Погодинъ не забывалъ и Россіи. Онъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ знаменитой Археографической Экспедиціи. Мы уже знаемъ, какъ неудачно было пребываніе П. М. Строева въ Петербургѣ. По возвращеніи въ Москву онъ долженъ былъ ожидать разрѣшенія Комитета гг. Министровъ относительно продолженія своего Археографическаго Путешествія. Въ это пребываніе свое въ Москвѣ и до отъѣзда въ концѣ апрѣля на Вологду [182]), Строевъ часто видѣлся съ Погодинымъ, который принималъ тогда

живое участіе въ успѣхахъ и неудачахъ нашего путешествующаго Археографа. Въ Дневникѣ Погодина мы читаемъ слѣдующія записи: „къ Строеву. Какія гадости съ нимъ дѣлали. Непріятное извѣстіе отъ Строева о бѣдномъ просвѣщеніи“ [183]); а Шевыреву Погодинъ писалъ: „Строевъ отправился на два года. Index къ Карамзину, раздраженный, принужденъ онъ былъ взять назадъ, и теперь онъ не печатается“ [184]).

Въ это время возвратился изъ Іерусалима и Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Погодинъ съ восхищеніемъ слушалъ его разсказы о Святомъ Градѣ, о пустыни [185]), и вѣроятно это заронило въ немъ желаніе самому совершить благочестивое путешествіе по Святымъ Мѣстамъ Востока. О томъ мечталъ онъ съ Хомяковымъ. Но эту завѣтную мечту Погодину удалось осуществить лишь въ преклонной старости. Въ тоже время Погодинъ лично познакомился съ другимъ нашимъ знаменитымъ путешественникомъ Іакинѳомъ. Почтимъ память его. О. Іакинѳъ стоитъ на ряду съ знаменитыми синологами прошлаго и настоящаго времени. Будучи уроженцемъ Казанской губерніи, онъ учился въ Казанской Семинаріи и Академіи, гдѣ пріобрѣлъ основательныя свѣдѣнія въ Богословіи и языкахъ классическихъ. Въ 1807 году, онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ начальникомъ IX православной миссіи въ Пекинѣ. Въ томъ же году, онъ отправился въ Китай. Прибывъ въ Пекинъ, Іакинѳъ на другой же день началъ учиться Китайскому языку и съ того времени съ увлеченіемъ предался изученію всей страны, ея населенія и литературы. Онъ былъ постоянно въ сношеніяхъ съ Китайцами, Монголами, Манджурами, Тибетцами, Корейцами и Туркестанцами. Одѣтый въ Китайское платье, Іакинѳъ постоянно вращался между ними и изучилъ Китайскій языкъ такъ, что говорилъ на этомъ языкѣ, какъ образованный китаецъ. О. Іакинѳъ прожилъ въ Китаѣ до 1820 года. Въ декабрѣ того же года, прибыла новая X-я миссія, начальникомъ которой былъ архимандритъ Іосифъ Каменскій. Уложивъ собранную библіотеку на пятнадцати верблюдахъ о. Іакинѳъ отправился

въ Россію. Не радости ожидали въ Отечествѣ нашего знаменитаго ученаго. На основаніи рѣзкихъ донесеній его преемника вся IX-я миссія была предана суду. Св. Синодъ, не принявъ во вниманіе никакихъ ученыхъ заслугъ Іакинѳа, лишилъ его священнаго сана и заточилъ въ Валаамскомъ монастырѣ. Подъ строгой эпитимьей онъ прожилъ тамъ съ 1822 по 1826 годъ. Руку помощи ему подалъ служащій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Шиллингъ фонъ-Капштадтъ. Будучи большимъ любителемъ восточныхъ языковъ, баронъ принялъ участіе въ томившемся въ заточеніи собратѣ и предложилъ несчастнаго узника въ переводчики Азіатскаго Департамента. Іакинѳъ былъ вызванъ въ Петербургъ, причисленъ къ Азіатскому Департаменту и помѣщенъ на жительство въ Александро-Невскую Лавру. Здѣсь онъ неутомимо принялся за работу, по заготовленнымъ еще въ Пекинѣ матеріаламъ, и сочиненія его возбудили большой интересъ въ ученомъ мірѣ, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ“ [186]). Венелинъ, будучи въ Петербургѣ, посѣтилъ Іакинѳа и писалъ Погодину: „къ Якинфу два раза ѣздилъ въ Невскій понапрасну, съ утра не бываетъ у себя. Вчера еще попытался, засталъ. Встрѣтилъ словами: „Я узналъ отъ Шегрена, что вы здѣсь и остановились тамъ-то, именно къ вамъ и собирался“. Онъ изготовилъ мнѣ троесловіе: Монголію, Чунгарію и Четырехъ Хановъ съ подписью: „отъ сочинителя“. Я разсыпался въ вѣжливостяхъ; онъ былъ очень доволенъ, вѣжливъ, affable и пріятенъ до чрезвычайности. Единственный въ своемъ родѣ изъ всѣхъ Петропольскихъ ученыхъ! Мы проговорили около двухъ часовъ о Монголіи, Китаѣ, Чунгаріи. Просилъ извинить за замѣчанія на Болгаръ, я, напротивъ, благодарилъ. Ѣдетъ съ барономъ Шиллингомъ только въ Кяхту, для собранія дальнѣйшихъ извѣстій о Монголіи и исправленія географической карты пограничной Монголіи. Сказывалъ мнѣ, что чрезъ Полеваго писалъ къ вамъ записку; чрезъ нѣсколько дней ѣдетъ въ Москву, пробудетъ сутки и обѣщался быть у

васъ“ [187]). 22 февраля 1830 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Іакинѳу. Отыскалъ и пріятныхъ два часа“.

XVI.

По возвращеніи въ Москву, 17 марта 1830 года, Венелинъ началъ приготовляться къ дальнему путешествію. Въ это время у него съ Погодинымъ возникли какія-то препирательства, о которыхъ даетъ смутное понятіе слѣдующая запись *Дневника* Погодина: „Ужасно разсердилъ безтолковый Венелинъ своими неосновательными возраженіями, что долженъ всѣ деньги взять съ собою, и нанять болгарина. А какъ было хорошо я устроилъ все это (Не стану спорить и отдамъ ему всѣ деньги теперь же. Ну, чего-жъ тутъ ждать отъ какого-нибудь Полеваго или чужаго. Былъ у Муханова и одобрилъ всѣ мои планы касательно Венелина; но, чортъ его взялъ, досадно, и не скажу ему ни слова поперекъ“ [188]). Но все это уладилось и кончилось миролюбиво; а къ письму Погодина къ Шевыреву Венелинъ съ Хомяковымъ сдѣлали слѣдующую любопытную приписку: „Право, славное дѣльце“, писалъ Венелинъ: „видѣть классическую страницу, какова Италія! Наблюдайте почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, рисуйте все съ натуры на мѣстѣ, а по воображенію можно и въ Москвѣ. Послѣ-завтра ѣду и я въ страну классическую, классическую для Руси, Литвы и Венгріи—въ Болгарію, отечество Баяна, Славянскаго Оссіана, отечество священнаго намъ языка и т. д. Ѣду на счетъ Россійской Академіи. Цѣль великая, позволили бы только мѣстныя обстоятельства. Прошу васъ отъ имени всѣхъ славянолюбцевъ, на возвратномъ пути не оставить безъ вниманія Славянскихъ жителей Краина, Каринтіи, Карніоліи, Штиріи и даже живущихъ по ту сторону Isonzo въ Венеціанскомъ королевствѣ отъ Гориціи къ Cividale и т. д. въ горахъ, о коихъ до сихъ поръ не могли еще добиться вѣрныхъ свѣдѣній. Я думаю, что даже въ самомъ Римѣ вы можете найти уроженцевъ Венеціанскихъ, Фіумскихъ,

Чивидальскихъ, Каподистрійскихъ, отъ коихъ могли бы почерпнуть многія свѣдѣнія о нашихъ соплеменникахъ тѣхъ странъ. Можно сдѣлать себѣ статьи особенныя: 1) о пространствѣ ихъ жилищъ, 2) объ оттѣнкахъ ихъ нарѣчія, 3) нравы, обыкновенія, костюмы, 4) домоводство, 5) собрать то, что напечатано на ихъ языкѣ. Побывайте въ Римѣ въ Русскомъ уніатскомъ монастырѣ; въ Ватиканской осмотрите Славянскія рукописи, ихъ содержаніе вообще, etc. Это для VI тома моихъ Болгаръ будетъ весьма нужно. Въ немъ-то васъ и поблагодарю". Хомяковъ къ этимъ строкамъ Венелина приписалъ: „Сколько вамъ препорученій! Да не спрашивайте у Итальнцевъ о Славянахъ: мы для нихъ варвары. Любезный Степанъ Петровичъ, полюбите Италію, наберитесь ея воздуха, ея воспоминаній и привезите ихъ намъ. Я немного ее видѣлъ и мало времени удалось мнѣ ею напитываться; за то теперь съ горемъ чувствую, что я ее уже утратилъ. Но проѣзжая черезъ Славянскія земли въ южной Австріи, говорите какъ можно болѣе съ жителями: васъ будетъ веселить ихъ радость, и хорошо напоминать имъ иногда о Россіи. Они своихъ сѣверныхъ братьевъ рѣдко видятъ. Прощайте, веселитесь, благодарите судьбу и пожалѣйте о насъ. Здѣсь ужасное однообразіе". Венелинъ со своей стороны возражалъ: „Не слушайтесь нашего любезнаго Хомякова; хотя бы Славянъ Италійскіе Латыны и почитали варварами, но если они сами просвѣщенны, непремѣнно съумѣютъ сказать о нихъ свое просвѣщенное мнѣніе; это для того, ибо, можетъ быть, что не возвратитесь чрезъ землю Славянъ: у обстоятельствъ свои причуды. Въ Москвѣ нѣтъ новостей, кромѣ того, что на-дняхъ праздновали Пасху" [189]).

8 Апрѣля, въ пятницу, 1830 года, Венелинъ въ сопровожденіи слуги Сидора, выѣхалъ изъ Москвы. По свидѣтельству его біографа, „какое-то грустное предчувствіе тѣснило сердце Венелина"; въ *Дневникѣ,* начатомъ именно съ этой эпохи, на самыхъ первыхъ страницахъ встрѣчаемъ мы выраженія какого-то безотчетнаго страха предъ отдаленною и

слишкомъ мало извѣстною страною, какое-то робкое сознаніе слабости собственныхъ силъ [190]). „Вы, чай, взглянули“, писалъ онъ Погодину, „хотя на минуту, какъ я, закуря трубку, помчался въ моей повозкѣ“. Путь его лежалъ на Одессу. На другой день онъ пріѣхалъ въ Калугу. „Меня“, писалъ онъ, „кибитка разстроила, я рѣшился переночевать. На станціи, ночью, появились у меня лихорадочные припадки, на другой день я пріѣхалъ къ брату въ Брынь въ 10 часовъ вечера. Принужденъ былъ немного полѣчиться. Въ субботу отправился въ путь, ночевалъ въ Козельскѣ. На другой день, ночью, подъ Орломъ, три часа отдохнулъ. Отъ Орла до Курска дорога чрезвычайно дурная“. Въ Курскѣ Венелинъ ночевалъ и провелъ вечеръ у астронома Семенова. Въ этомъ городѣ онъ нашелъ книжную лавочку Дмитрія Ивановича Полеваго, и по поводу ея писалъ: „Вездѣ жалуются, отъ одного конца Русской Вселенной до другаго о неохотѣ народа къ чтенію. Батюшки мои! Какое вездѣ ящероглазіе!“. Въ Курскѣ Венелину нашелся попутчикъ до Харькова. То былъ „молодой человѣкъ“, нѣкто Бистромъ. Путь до Харькова не обошелся безъ приключеній. „Ночью напали на насъ“, писалъ Венелинъ, „двое разбойниковъ, схватились за пристяжныя; къ счастью, ихъ было только двое; я принужденъ былъ схватиться за саблю, одинъ отскочилъ, а другаго Сидоръ такъ толкнулъ, что палъ навзничъ; на Сидора напалъ было одинъ съ огромными деревянными вилами, но, по счастію, онъ выхватилъ ихъ изъ рукъ его. Бросившись далѣе въ путь, на станціи догналъ насъ офицеръ Украинскаго Уланскаго полка, Коротковъ“.

Наконецъ, 1 мая 1830 г. нашъ путешественникъ вмѣстѣ съ уланомъ Коротковымъ пріѣхалъ въ Харьковъ. „Ввечеру же“, писалъ Венелинъ, „я осматривалъ городъ. Онъ довольно изрядный. На другой день былъ у ректора Дудровича, боленъ. Артемовскій принялъ меня очень ласково; показывалъ мнѣ подписку на ваши книги, но, къ сожалѣнію своему, замѣтилъ, что денегъ не собрано болѣе трехсотъ рублей, которые и вручилъ мнѣ. Вотъ вамъ мое меха-

ническое путешествіе; но исторію душевныхъ ощущеній выразить не могу довольно. Бѣда въ томъ, что безсонница и отвращеніе отъ пищи чрезвычайно усилили чувствительность моихъ нервовъ. *Не могу ѣхать по такой сторонѣ весело и хладнокровно, гдѣ на всякомъ шагу готовы зарѣзать; вотъ какова Русская чернь!*". Эти послѣднія строки, очевидно, не понравились Погодину и онъ сдѣлалъ къ нимъ странное примѣчаніе: „Вотъ когда уже начинаетъ обнаруживаться въ немъ бѣлая горячка, не оставлявшая и усиливавшаяся по временамъ до самой смерти". Самъ же Венелинъ жалуется на свою чувствительность. „Какъ несчастны люди", писалъ онъ, „чувствительные и съ Руссовскимъ характеромъ. Во всю дорогу одно чувство дружбы вашей, друзья мои, составляло всю отраду въ моихъ ощущеніяхъ". О пребываніи своемъ въ Харьковѣ Венелинъ писалъ: „Харьковъ славный городъ. Наружность Университета мнѣ очень понравилась, но самъ этотъ разсадникъ просвѣщенія, говорятъ, очень слабѣетъ; студентовъ едва двѣсти. Дѣлать наблюденія не имѣлъ ни духу, ни времени. Мысль, что не застану главной квартиры за Дунаемъ, меня вѣчно тревожила. При переѣздѣ чрезъ мостъ, я замѣтилъ спѣшащаго на встрѣчу Артемовскаго... Любезный человѣкъ! При утреннемъ моемъ визитѣ онъ не могъ было скрыть своего удивленія надъ моею молодостью. Я воображалъ васъ лѣтъ въ тридцать, тридцать два, съ большими бакенбардами, не смотря на то, что Михаилъ Петровичъ сказывалъ мнѣ, что вы недавно кончили курсъ, ибо часто есть и студенты пожилые".

2 мая въ пять часовъ пополудни Венелинъ выѣхалъ изъ Харькова. „Уланскій офицеръ", писалъ онъ, „дождался меня въ Харьковѣ только въ угодность мнѣ; онъ меня очень полюбилъ, а я его страхъ; славный малый—рязанецъ. Въ Малороссіи лошади вообще хороши. На первой станціи запрягали съ полчаса, что было довольно скоро; но, вообразите, у воротъ, будучи совсѣмъ готовыми, просидѣли слишкомъ четверть часа: ямщики хохлы; ни одному и ни другому не хотѣлось

ѣхать впередъ. „Поѣзжай ты“, кричалъ мой, „нѣтъ, ты“ отвѣчалъ вѣчно другой; споръ этотъ продолжался одними словами и былъ такъ смѣшонъ, что я не могъ удержаться отъ смѣху, но офицеръ, сначала тоже смѣявшійся, наконецъ, вспыхнулъ, велѣлъ, грозилъ то моему, то своему, но ничто не помогало; наконецъ, Сидоръ сталъ толкать кулакомъ въ спину своему, но безъ дѣйствія, пока самъ офицеръ не слѣзъ, не треснулъ въ рожу и не погналъ самъ лошадей въ дорогу“. Въ Елисаветградѣ Венелинъ разстался съ своимъ спутникомъ, который отсюда отправился въ свой полкъ. По дорогѣ отъ самой Полтавы до Николаева, Венелинъ наблюдалъ „за неисчисленнымъ множествомъ“ такъ называемыхъ *кургановъ* и *рытыхъ могилъ*. „Странно“, писалъ онъ, „что о нихъ мало писано. Это жилища кочевыхъ народовъ, можетъ быть, Татаръ, или же Мадьяровъ. Великое множество ихъ въ направленіи рѣкъ Большого и Меньшаго Ингула, поэтому можно бы заключить на Мадьяровъ, которые дѣйствительно здѣсь жили до прихода въ Венгрію, что подтверждаетъ одинъ византіецъ, именемъ Багрянородный, говоря, что послы ѣхали къ Мадьярамъ къ рѣкѣ Ingilis. Въ Малорусскомъ народѣ нѣтъ никакого, кажется, преданія объ этихъ жилищахъ; это доказываетъ, что они принадлежали иноплеменникамъ. Малороссы сторожевые курганы называютъ *могилами*, а корпуса съ ихъ боковыми валами, представляющими съ настоящей точки зрѣнія что то безобразное, разрытое, *рытыми могилами*. Одинъ молодчикъ похвастался мнѣ заключеніемъ, что рытыя могилы суть укрѣпленія противъ набѣга Крымскихъ Татаръ! Значительная часть Малороссіи и Новороссія совсѣмъ *бородавчата* отъ этихъ мнимыхъ могилъ“. При этомъ Венелинъ вспоминаетъ, что „въ нѣсколькихъ верстахъ до Боровска я проѣзжалъ чрезъ рѣчку *Нарову*, стало быть, и *Нарва* Русское слово. *Калуга* названа отъ *калъ*, нынѣ *грязь*; и дѣйствительно все пространство отъ Калуги до втеченія Угры въ Оку низменно и грязно; здѣсь обѣ рѣки далеко наводняютъ окрестности; Калуга, уменьшительная *Калужина*, отсюда и *лужа*,

лугъ, т.-е. грязное низменное мѣсто. Чрезъ Угру рѣку, я переправлялся въ одиннадцати верстахъ отъ Калуги; на противоположномъ берегу деревня, называемая *Угорскіе дворы*. Неужели отъ *Угры—угринъ* нарицательное мадьяра? Странно: должно, однако, замѣтить, что русскій народъ не могъ даромъ прилѣпить Мадьярамъ этого названія. Развѣ была въ Россіи другая Угра около Волги, но при нашествіи татаръ изглаженная изъ памяти Русскихъ? Въ двадцати верстахъ отъ Полтавы переправлялся чрезъ рѣку *Олту*, *Олтву;* стало быть, и Олта въ Валахіи, Aluta по латынѣ есть не Римское, а Русское названіе.

XVII.

8 Мая 1830 года, Венелинъ въѣхалъ въ Одессу и остановился въ Hôtel du Nord. „Черезъ часъ пустился", писалъ онъ, „по городу за нюхательнымъ табакомъ. Зашелъ въ маленькую табачную къ греку; завелъ разговоръ о Болгарахъ; онъ ихъ знаетъ; населяютъ въ огромной пропорціи всю Румелію; сказывалъ, что на-дняхъ изъ портоваго карантина выведено въ городъ до двухсотъ Болгарскихъ семействъ. Я пустился далѣе спрашивать о нихъ; но мало знаютъ о нихъ; по городу толкались для закупки Анадольскіе плѣнные Турки, отпускаемые домой. Въ одной лавкѣ я схватилъ одного болгарина, наблюдающаго за чистотою лавки; два года въ Одессѣ, одѣтъ по своему; по-Русски не умѣетъ; я пытался съ нимъ кое-какъ по-Болгарски, и дѣло пошло кое-какъ на ладъ. Онъ Сизопольскій уроженецъ, сказывалъ, что въ Румеліи въ селеніяхъ одни Болгаре, а Греки только по городамъ; много Болгаръ „въ Царьградѣ". Въ вечеру кое-какъ взгянулъ на городъ, гавань и поморскую набережную, которая сдѣлала бы честь и Петербургской Дворцовой или Англійской. Городъ вообще прелестенъ. Улицы всѣ широкія и прямыя, а въ точномъ выраженіи всѣ онѣ Невскіе проспекты. Видъ города съ Николаевской дороги очарователенъ; множество судовъ въ гавани. Сидору показа-

лось сосновою рощею. Харьковъ—Москва Малороссіи, а Одесса—Петербургъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ". Новыя впечатлѣнія не упраздняли въ душѣ Венелина памяти о друзьяхъ Московскихъ. „Дружба ваша", писалъ онъ, „друзья мои, согрѣваетъ мой духъ унылый. Если что меня журитъ, то если вспомню, что имѣю въ величавой Москвѣ друзей, то легче станетъ. Вспомните, что и самые боги не могли жить безъ дружбы. Бывало, собираются они въ Олимпійскомъ шинкѣ, куда нерѣдко и старый хрычъ Юпитеръ на костыляхъ ходилъ глазѣть на любезныя проказы Венеры, точно такъ, какъ и нынѣ дѣлаютъ Московскіе бородачи съ египетскими чернобровками на Якиманкѣ или на Болотѣ. И такъ, да, друзья мои, боги тогда только и веселились, когда были вмѣстѣ; какъ же быть и намъ смиреннымъ? Попеняйте Надеждину, что не пожаловалъ проститься; если же не хотѣлъ проститься, то не прощу ему и тѣмъ болѣе, что самъ обѣщалъ быть у меня" [191]).

Въ Одессѣ Венелинъ узналъ, что графъ Дибичъ выдерживаетъ карантинъ въ Тирасполѣ, а графъ Воронцовъ поѣхалъ къ нему на свиданіе. Это обстоятельство заставило Венелина ѣхать въ Тирасполь для представленія Фельдмаршалу. Повидимому, Венелинъ остался доволенъ пріемомъ. „Фельдмаршалъ", пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „принялъ меня довольно ласково, сожалѣлъ, что не можетъ мнѣ быть полезнымъ на мѣстѣ, и не предвѣщалъ успѣховъ, ссылаясь на глубокое невѣжество Болгаръ и вообще духовенства, даже и самаго высшаго; изъ духовенства Волошскаго указалъ только на Аржизскаго епископа. Главнымъ гнѣздомъ призналъ пространство между городами—Сливенъ, Шуменъ, Трънов, Казанъ; намекнулъ объ удобности посѣтить Сливенъ, гдѣ находился еще нашъ консулъ". А главное,—онъ снабдилъ Венелина рекомендательными бумагами къ предсѣдателю Дивана Валахіи и Молдавіи П. Д. Киселеву, въ Главный Штабъ и къ командиру 5-го пѣхотнаго корпуса генералу Роту, который долѣе всѣхъ имѣлъ оставаться за Дунаемъ [192]).

На обратномъ пути въ Одессу, Венелинъ посѣтилъ Нѣ-

мецкія колоніи. „На дорогѣ“, писалъ онъ, „я свернулъ въ тридцать верстъ отъ Тирасполя, въ Страсбургъ и Мангеймъ. Мнѣ, какъ беременной, заалкалось чухонскаго масла; въѣхалъ, велѣлъ посреди Эльзасцевъ остановиться. Спросилъ по-русски и сякъ, и такъ, ни зги не поняли, несмотря на то, что уже тридцать лѣтъ въ Ящероглазіи!! Есть надежда, что не поймутъ во вѣки вѣковъ; вотъ доказательство превращенія языковъ. Они едва ли оборотливѣе Малороссовъ. Haben sie Butter? спросилъ я. Вездѣ: *ништъ*. Вошелъ къ Страсбургскому Шульцу, снялъ шапку и руку въ карманъ. Нашъ діалогъ преисполненъ ништами. Выходя на улицу, спросилъ тоже у проходящей эльзасски; она, не отвѣчавъ ни слова, взглянула на меня, поправила чепецъ и захохотала. Результатъ моихъ ученыхъ изысканій былъ пустъ какъ желудокъ, и мы поскакали во свояси. Здѣсь четыре колоніи, лежащія рядомъ въ плодородной долинѣ *Кочурганъ*. На дорогѣ еще проѣзжали чрезъ одну и мимо одной. Здѣсь зажиточнѣе, но за то и догадливѣе; добылъ чухонскаго, ибо это была гостинница Мангеймская. Мангеймъ показался мнѣ Хохландіею, передъ воротами стояло три воза Малорусскіе. „Какъ ваше село зовуть?“ Не кажу, паночку“. Какъ не скажешь? „Не кажу, пане“. Ахъ ты, ..., какъ ты смѣешь не сказывать“, я взбѣсился и ляпнулъ бы бѣднаго мужичка, еслибы не подоспѣлъ ямщикъ съ повозкою, прогуливавшій своихъ коняковъ. Онъ мнѣ вдоль и поперекъ растолковалъ, что *не кажу* значитъ не знаю или не умѣю сказать“.

21 Мая 1830 года, Венелинъ вернулся въ Одессу. „Въ Одессѣ“, писалъ онъ, „много бабъ, но мало хорошихъ. Народъ здѣсь довольно смуглъ отъ зноя. Какъ разительно различіе въ чертахъ Греческихъ и Русскихъ! Здѣсь много Евреевъ; только что шатаются по улицамъ. Городъ мнѣ чрезвычайно нравится; онъ будетъ красивѣе Петрополя. Кто былъ въ Одессѣ лѣтъ пять, шесть тому, теперь не узнаешь. Улицы Невскіе проспекты. Здѣсь и тѣмъ пріятно, что видишь очень мало и рѣдко чернаго народу (какъ въ Москвѣ), символа бѣдности и

ящерогляжества (необразованности). Русскій языкъ господствующій. Впрочемъ наши любезные Русскіе вездѣ обезьяничаютъ. О Литературѣ Русской здѣсь мало знаютъ. Теперь понемногу начинаютъ заохочиваться. Клочковъ завелъ здѣсь недавно Русскую книжную лавку и библіотеку для чтенія. Сверхъ сего, съ нѣкотораго времени наѣхали сюда на службу воспитанники Московскаго Университета; теперь ихъ здѣсь человѣкъ съ двѣнадцать. Русскаго и Малорусскаго купечества довольно. Одесса многимъ обязана графу Воронцову. Третьяго дня былъ въ театрѣ. Выходишь изъ театра, взоръ твой поражается при ясномъ лунномъ сіяніи магическимъ безпредѣльнымъ видомъ Понта Эвксинскаго съ его Киммерійскими волнами и множествомъ судовъ въ гавани". Между тѣмъ пребываніе въ Одессѣ начало уже тяготить Венелина, а неисправная корреспонденція Московскихъ друзей бѣсила его. „Ожидать писемъ отъ васъ", писалъ онъ Погодину, „въ продолженіи пяти недѣль понапрасну и все еще не получать, убивать это драгоцѣнное время въ праздности, хуже для меня всякой каторги. Теперь еще прибавить сюда безпокойство и досаду, и вся комедія съ концемъ. Но съ вашей стороны это болѣе чѣмъ непростительно. Мнѣ уже надлежало быть давно въ Варнѣ!" Или ужели вы сами не чувствуете, сколь много должно мнѣ дорожить временемъ, тогда, когда войска наши тамъ находятся не надолго? Письмо, присланное чрезъ Сосницкаго я не считаю письмомъ. Какъ можно полагаться на одного газарднаго человѣка, коего обстоятельство могло своротить съ дороги во всѣ концы Вселенныя. И какъ не взбѣситься, когда вы пишете и спрашиваете чрезъ газартнаго человѣка, *куда писать* и *присылать деньги*! Это-то случайное письмо я получилъ только случайно; оно бы пролежало у канцелярскихъ чиновниковъ, изъ коихъ никто о мнѣ отъ роду не слышалъ, и коихъ я самъ не знаю. Счастье въ томъ, что тамъ случился Тепляковъ газарднымъ же образомъ" [193]). Письмо это произвело на Погодина крайне непріятное впечатлѣніе, и онъ съ сердцемъ записалъ въ свой *Дневникъ*: „Пренепріятное письмо

отъ Венелина, который сдуру дожидается отъ меня денегъ, нужныхъ ему черезъ годъ. Свяжись съ такою безтолочью. Аксакову же даже не рѣшился показывать этаго письма. Такъ досадно“ [194]).

Не мало сокрушала Венелина мысль о предстоящемъ путешествіи, которое, судя по сообщеніямъ, не предвѣщало ему большихъ успѣховъ. Мы уже знаемъ, что въ этомъ увѣрялъ его и фельдмаршалъ Дибичъ. Во время пребыванія Венелина въ Одессѣ, вышелъ изъ карантина Герасимъ, митрополитъ Адріанопольскій; онъ сообщилъ путешественнику нашему самыя вѣрныя свѣдѣнія о положеніи своей обширной епархіи. „Во всей моей епархіи“, говорилъ онъ, „вы не найдете почти ничего; всѣ христіанскіе обыватели разбрелись, несмотря на объявленіе султаномъ амнистіи“. Этого мало: офицеры, прибывшіе въ Одессу изъ главной квартиры, утверждали единогласно, что за Дунаемъ все пусто, ни одной деревни, ни одного домика на ногахъ; жители Турецкіе еще прежде ушли за Турецкими войсками; христіане продолжали слѣдовать за Русскими, чтобы селиться въ Буджакѣ, Браиловскомъ округѣ, Молдавіи и Валахіи. Въ двѣ стороны тянулись обозы изъ Болгаріи: за Балканы къ Туркамъ и за Дунай къ Русскимъ. Наконецъ прибавьте къ этому появленіе холеры и приготовленіе чумы [195]).

Подъ гнетомъ этихъ извѣстій, Венелинъ писалъ Погодину: “За Дунаемъ, говорятъ, опасно: много бродягъ, а въ Балканахъ шайки. Говорятъ всѣ, и даже Болгаре, что у Болгаръ нѣтъ ничего важнаго для археолога. Но если что есть, такъ во внутренностяхъ Македоніи“. [196]).

Несмотря на все это, Венелинъ все-таки рѣшился ѣхать и доносилъ Россійской Академіи: „Мнѣ предлежитъ, какъ вижу, пожинокъ на нивѣ послѣ бури, града и вѣтра“ [197]).

XVIII.

Вечеромъ, 26 іюня 1830 года, Венелинъ оставилъ свой Hôtel du Nord и отправился въ практическую пристань, чтобы

сѣсть на корабль, плывущій въ Варну: но его не пропустили „ибо было уже послѣ битой зари", и онъ принужденъ былъ переночевать въ комнатѣ дежурнаго, который оказался грекъ. „Я просилъ его", писалъ Венелинъ, „чтобы чуть свѣтъ увѣдомить шкипера, тоже грека, обо мнѣ; а меня въ тоже время разбудилъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ услугу тѣмъ, что шкипера отпустилъ въ 5, а меня разбудилъ въ $6^1/_2$, когда судно снялось съ якоря и приплыло въ воды чумныя. Никогда не забуду этого дня. Тутъ-то я узналъ черту Греческаго характера".

4 іюля, ровно въ полдень, путешественникъ нашъ приплылъ въ Варну. „Въ 4 часа, прибравшись и пріоблизнувшись", писалъ онъ, „я катнулъ съ шхиперомъ къ берегу. Побродивъ по узкимъ, кривымъ, душнымъ, худо вымощеннымъ улицамъ Варны, чрезъ часа два сѣлъ опять на катеръ и причалилъ къ судну. На другой день я опять въ городъ съ бумагами. Генералъ Ротъ принялъ меня довольно ласково; велѣно тотчасъ отвести мнѣ квартиру. Квартиръ пустыхъ было много, но всѣ безъ окошекъ. Стекла въ Турціи не знаютъ; на мѣсто онаго загораживаютъ окошки деревянными рѣшетками. Жителей въ Варнѣ очень мало, да и то всякій сбродъ, большею частію выголодалый. Наше начальство поступило великодушно; помогало народу чѣмъ могло: сухарями, etc.

Я просилъ, чтобы меня поселили съ Болгарами, чтобы болѣе къ нимъ привыкнуть, и къ ихъ языку. Въ Варнѣ извощиковъ нѣтъ; тяжести, выгружаемыя съ судовъ, разносятъ по городу наемные Турки; ихъ довольно много зѣваетъ у пристани. Какъ только мы причалили, тотчасъ вызвался одинъ османецъ за десятка три копѣекъ предложить свою спину. Прибывъ на квартиру, я расположился отдохнуть на единственной мебели, довольно узкой лавицѣ: это внутренняя; переднюю занимали хозяева: болгаринъ Вулче, жена его молодая и очень миловидная Гина, девятилѣтняя ихъ дочь Верьба и пяти лѣтъ сынъ Маринко. Житье въ Варнѣ было бы очень скучное; къ счастію Венгерскіе Славяне въ тотъ же день поселились на дворѣ и подъ моими окошками съ своими по-

возками и товарами. И въ Россіи они шатаются подъ именемъ Венгерцевъ. Они очень разговорчивы, велерѣчивы; очень часто поигрывали на своихъ органахъ. На звукъ Вѣнскихъ вальсовъ стекался на мой дворъ всяческій народъ. На другой день я приступилъ къ ученымъ розыскамъ. Это было Воскресеніе. Хотѣлъ познакомиться съ митрополитомъ и духовенствомъ. Въ 7 часовъ утра отправился къ обѣднѣ; мнѣ сказали, что уже отошла: однако, я рѣшился посѣтить всѣ три Варнскіе монастыря. Въ первомъ сказали, что митрополитъ со всѣмъ своимъ клиромъ далъ тягу въ Крымъ, и что всѣми монастырями завѣдываетъ одинъ только *папасъ*, живущій въ митрополіи. Я просилъ провести меня къ папасу; не засталъ дома. Отворили митрополитанскую церковь; вошелъ, чуть кое что разглядѣлъ въ темнотѣ. Выходя изъ церкви, такъ ушибъ себѣ голову объ соборную крышу, что звѣзды изъ глазъ посыпались градомъ. Папаса я встрѣтилъ на улицѣ; воротился въ его келью, прежде митрополитскую, столь не обширную, примѣрно сказать, какъ казака Ильина. Я спросилъ его о рукописяхъ, объ архіерейскомъ архивѣ; онъ не понялъ ни того, ни другаго. Послѣ объясненія сказалъ, что у митрополитовъ никогда не бываетъ никакихъ бумагъ и писцовъ, и что только одни Москвитяне заводятъ такіе дома (канцеляріи), гдѣ вѣчно пишутъ. Я опять чрезъ толмача: не имѣютъ ли монастыри дарованныхъ имъ патріархами грамотъ? Или не можетъ ли онъ мнѣ ихъ доставить и мнѣ уступить за деньги? Отвѣтъ утвердительный. Я обрадовался. И вотъ что вышло: мой папасъ дня черезъ два предлагаетъ мнѣ Греческую азбуку печатную. Развязка: онъ думалъ, что я хочу учиться Греческой грамотѣ. Это меня научило, что въ Турціи къ духовенству нечего обращаться. Послѣ сего я пустился пріискивать грамотнаго болгарина; ни одного не нашелъ. У многихъ спрашивалъ про рукописныя книги. Сначала одинъ обрадовалъ меня тремя; приноситъ, что же, три разные его билета отъ Русскихъ начальствъ. Онъ былъ правъ, ибо *книга* на Болгарскомъ просторѣчіи значитъ *свитокъ бумаги*. Представить

себѣ не можете какія трудности должно прежде преодолѣть, пока не объяснишь то, что спрашиваешь. Для этого и грамотный недостаточенъ, ибо рѣдкій доучился до того, чтобы тебя понялъ. Одинъ грекъ (лавочникъ), который мнѣ показался нѣсколько смышленнымъ и коего я принялъ было за болгарина, отвѣчалъ мнѣ: „ну если такъ дорожишь этими рукописями, такъ неужели не умѣешь подѣлать ихъ самъ!“ Впрочемъ, вообще вся Восточная Болгарія чрезвычайно пуста для археолога; въ ней-то меньше всѣхъ жило Болгаръ, коихъ главная сила за Балканами. Ѣхать туда, по плану инструкціи, невозможно было; ибо для сего надлежало сноситься съ Турецкимъ правительствомъ, что главнокомандующій поручилъ генералу Роту; но какъ скоро намѣревались оставить Варну, то времени для истребованія фирмана недоставало; кромѣ сего, по увѣренію Адріанопольскаго митрополита, я тамъ ничего не могъ надѣяться; наконецъ, жители Болгаре переселились гуртомъ въ Валахію и Молдавію; конечно, если Богъ дастъ здоровье, я ихъ тамъ отыщу. Итакъ не осталось болѣе дѣлать ничего, кромѣ довольствоваться тѣмъ кускомъ, который еще занятъ нашими войсками. Посему въ Варнѣ заблаговременно сталъ собирать нѣкоторыя народописныя и языкописныя свѣдѣнія о Болгарахъ. Съ хозяевами я скоро очень свыкъ; къ счастью, хозяйка довольно щебетливая женщина: оба родомъ изъ-подъ Шумлы, говорятъ не очень чистымъ Болгарскимъ нарѣчіемъ, болѣе привыкли къ Турецкому; насилу могъ я имъ вдолбить въ голову, что между собою Болгарамъ грѣхъ говорить по Турецки. Въ короткое время я такъ пріучился по Болгарски, что разговариваю уже безъ переводчика; только трудно ихъ пріучить, чтобы говорили со мною чисто по своему, а то вѣчно ломаютъ Русскій. Хозяинъ весь въ опухоли. Я взялся вылѣчить его, только за лѣкарствомъ надлежало ѣздить восемь верстъ за городъ. Меня хвалили всѣмъ своимъ Болгарамъ, *что я твердѣ хубавъ боѣринъ*. Отъ нихъ и отъ другихъ Болгаръ я узналъ многое кое-чего полезнаго, и собралъ нѣсколько пѣсенъ. Въ гостинецъ, между прочимъ,

скажу, что *Переаславль* столица Болгарскихъ царей, гдѣ царевалъ два года Святославъ, нынѣ Эски Стамбулъ у подошвы Балкановъ. Это важно: тамъ и теперь развалины. Преданіе о Разградѣ или Радинѣ-Градѣ. Болгаре не принимаютъ календарныхъ Греческихъ именъ, всѣ у нихъ пародныя: и теперь еще между ними найдешь сотни Бояновъ, Горденовъ, Тилановъ съ ихъ уменьшительными". Венелинъ не упускалъ случая провѣрять свою книгу о Болгарахъ. Такъ по поводу имени Тиланъ, онъ писалъ Погодину: „Мнѣ попалъ на глаза одинъ молодой болгаринъ, именемъ Тило уменьшительное отъ Тиланъ. Знаешь, другъ мой, что это имя для меня щекотливо; я поразспросилъ его подробнѣе объ этомъ имени, онъ меня увѣрилъ, что оно чисто Болгарское, что имъ зовутъ больше въ молодости; а въ старости лучше *Тиланъ*, только еще замѣтилъ, что Греки портятъ ихъ имена. Какъ? „Я служилъ въ лавкѣ у одного Грека въ Филиппополѣ; онъ и его семейство меня вѣчно называли Богъ знаетъ почему *Атилою*". Я спросилъ, не портятъ ли и другихъ именъ? Почти также обходятся и съ другими, и грекъ охотнѣе назоветъ тебя *Абойо*, вмѣсто *Бойо*. Любятъ акать etc. Слава Богу! Я будучи въ Москвѣ опасался еще кое-чего, не смотря на всю основательность 1-го тома. Слава Богу! Ученіе наше, другъ мой, оправдывается зѣло. И въ другихъ отношеніяхъ россизмъ Болгаръ черезъ-чуръ выказывается. Я видѣлъ въ Варнѣ съ полдюжины Болгаръ изъ Адріанополя и окрестностей Месемвріи: точь, точь, т. е. до нитки одѣты, какъ въ восточной подмосковной и Рязанки. Возьми, дружище, бутылку Донскаго, поѣзжай къ любезному С. Т. Аксакову, выпейте на радость по бокалу; дай отвѣдать тѣмъ, коимъ по вкусу наше Русское ученіе".

Сверхъ ожиданія, Русскія войска, стоящія въ Варнѣ, получили отъ генерала Рота поздравленіе съ скорымъ походомъ, именно въ исходѣ первой половины Августа (1830 г.). Это понудило Венелина 22 Іюля взять лошадей и ѣхать изъ Варны по дорогѣ на Коварну. „Бѣдные хозяева", писалъ

онъ, „разрыдались при отъѣздѣ, и даже турокъ, отъ коего купилъ пистолеты, выпивъ стаканъ запрещеннаго соку, со вздохомъ сказалъ: *пекъ бояръ, хорошъ московъ,* и вслѣдъ за мною возопилъ: *да сдѣлаетъ Алла дни твои мягки какъ ковры*". Венелинъ проѣхалъ Мангалію, Кюстенджи и прибылъ въ Бабадагъ, гдѣ нашелъ довольное число Болгаръ, большею частію Разградскихъ и только одного грамотѣя. Въ Гирсовѣ, Венелинъ переправился черезъ Дунай и въ день Преображенія Господня прибылъ въ Силистрію и поселился у одного стараго молдавана. Еще не доѣзжая Силистріи, Венелинъ почувствовалъ себя очень дурно. Чрезмѣрная жажда, тошнота, головная боль и ломота по всему тѣлу его мучили. По пріѣздѣ въ Силистрію нашъ путешественникъ слегъ. „Сильные горячечные припадки", писалъ онъ Погодину, „сопровождаемые самымъ безпокойнымъ бредомъ, сдѣлали увертюру болѣзни. Я лежалъ безъ памяти; Дурнограй (такъ называлъ онъ своего лакея Сидора) перепугался. Къ счастію въ городѣ одинъ трансильванецъ содержитъ вольную аптеку, въ коей можно имѣть почти все. Судя по страданію, я не думалъ пережить этой болѣзни. Сидоръ охалъ и наконецъ сталъ спрашивать, что ему дѣлать если я умру. Я старался поскорѣе сбить горячку на лихорадку. Теперь вижу, что поступилъ съ собою героически". Во время болѣзни Венелина прибыли въ Силистрію его Варнскіе хозяева и навѣщали больного; а „щебетливая" Гина вѣчно просила его покушать, прибавляя: *язъ ти нагoтувомъ да ядеши.*

Въ Силистріи, Венелинъ не нашелъ ничего археологическаго. „Болгаръ въ сей епархіи", писалъ онъ, „немного, въ крѣпости ихъ довольно, но они всѣ иногородцы. Эпархіальное духовенство состоитъ изъ грека митрополита и нѣсколькихъ поповъ, при немъ находящихся. Нельзя себѣ представить бѣдности Болгарской іерархіи; ее почти нѣтъ; всѣмъ завладѣли Греки. Вообще въ Силистріи я дѣлалъ однѣ народо- и землеписныя наблюденія; поѣздилъ нѣсколько по окрестностямъ. Селенія во внутренности большею частію Турецкія (къ

Варнѣ), другія еще не заселены послѣ войны, а въ Болгарскихъ нѣтъ никакихъ священниковъ. Такимъ образомъ внутренность между Терновымъ, Софьею, Видиномъ и Рущукомъ безъ духовенства".

Во время войны нашей съ Турціей, въ 1829 году, изъ Болгаріи все, что только могло, хлынуло селиться за Дунай, а Болгарію слѣдовало Венелину „отыскивать внѣ Болгаріи", за ея границами, за Дунаемъ.

Такимъ образомъ, нашему путешественнику оставалось отправиться въ столицу Валахіи, что и сдѣлалъ онъ.

XIX.

Въ день Іоанна Богослова, 26 сентября 1831 года, въ пятницу, въ 4-мъ часу, показались нашему путешественнику куполы Бухарештскіе. „Никогда", писалъ онъ, „Нимвродъ или славная Семирамида не въѣзжали въ свой Вавилонъ такъ торжественно, какъ я въ столицу Валахіи". По пріѣздѣ сюда Венелинъ былъ сильно огорченъ извѣстіемъ о появленіи холеры въ Москвѣ. „Бѣдная Москва!, писалъ онъ, бѣдная Россія! бѣдная литература! и въ той и другой карантины! Еще въ прошломъ году, опасался я на счетъ литературной здоровенности въ Россіи, когда моихъ *Болгаръ* объявили чумными". Увѣдомляя о холерѣ, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ сожалѣніе, что Венелинъ переселился въ Бухарестъ, а не перебрался за Балканы въ Македонію и на Аѳонскую гору. На это Венелинъ въ письмѣ своемъ возражаетъ Погодину: „Вопервыхъ", пишетъ онъ, „*инструкція* меня къ тому не обязывала; во-вторыхъ, для сего нужно гораздо болѣе издержекъ и времени. Надо было тебѣ знать Волоховъ, а тамъ говорить". Но особенно оскорбило Венелина замѣчаніе Погодина, что этихъ его *поѣздокъ* нельзя назвать *путешествіемъ*. „Говорить это", возражалъ Венелинъ, „cela est de me dire tout bonnement une vittive! Грубость. Моихъ трудовъ, моего пожертвованія времени, здоровья нельзя назвать путешествіемъ! Ну

если это говоритъ тотъ, на коего безпристрастіе, или даже заступничество и дружбу можно бы положиться, что скажутъ послѣ болѣе злые люди, или даже академики! Развѣ ты не можешь понять, другъ мой, что ученое путешествіе въ какой либо странѣ требуетъ долговременнаго наблюденія, иначе оно будетъ поверхностнымъ и не ученымъ. Въ Валахіи проживали иные иностранцы до десяти лѣтъ для однихъ наблюденій, несмотря на то много еще Волошскаго избѣгло отъ ихъ наблюдательнаго взора. Требовать, чтобы я кромѣ Молдавіи, Валахіи и Болгаріи объѣхалъ и всю Забалканскую Болгарію въ полтора года, съ малыми средствами—значитъ, чтобы я пробѣжалъ всю почти Турцію, взглянулъ только мелькомъ и въ скорости поѣздки не сдѣлалъ ничего! Дороги вездѣ опасны отъ разбоевъ, множество низамовъ бѣгаетъ и разбойничаетъ по всѣмъ областямъ, этимъ же ремесломъ занимаются и мирные Турки, и самые Болгаре; голодъ и нужда ко всему заставятъ. Вѣдь знаешь, что единственно любовь къ наукѣ вызвала меня сюда, по сему можешь предположить, что по внутреннему побужденію не оставлю ничего, чтобы могло заставить провести означенное съ большею пользою. Но скажу еще тебѣ, что я Румелію и Македонію уже довольно таки знаю, что нѣкоторыя лица, тамъ бывшія, и многіе изъ тамошнихъ уроженцевъ спрашивали меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ, *откуда я это знаю?* Вотъ видишь, что несмотря на мою лѣнь, какъ могутъ сказать добрые Россіяне и *бабство*, какъ именно выразился ты, я могу имѣть и составить такое описаніе сей страны, кокого Россія еще не имѣла на своемъ языкѣ и можетъ быть и не скоро имѣла бы. Наконецъ, скажу, что мое путешествіе въ своемъ родѣ *первое* со стороны Россіи, не должно быть послѣднимъ. Сколько Французовъ не было въ одномъ Египтѣ въ разныя времена!.. Здѣсь дороговизна ужасная. Вообще гдѣ Русскіе, тамъ и дорого; нанесли денегъ, которыя отъ большаго количества должны были упасть въ цѣнѣ".

О своихъ же занятіяхъ въ Бухарестѣ Венелинъ писалъ: „Теперь собрано и списано у меня Славянскихъ грамотъ всего

тридцать одна, изъ коихъ я взялъ пять вѣрныхъ снимковъ для Исторіи Славянской Палеографіи. Онѣ любопытны и по слогу, и по почерку. Я ахнулъ, когда увидѣлъ первую; ни зги разобрать! Это не по Русскому; тутъ мнѣ надлежало быть Строевымъ, Калайдовичемъ въ совсѣмъ особенномъ родѣ. Ты не повѣришь, какую каторгу я неренесъ пока не составилъ себѣ ключа къ чтенію. Архивъ Княжества не существуетъ; находится въ немъ списокъ грамотъ Волошскихъ съ 1775 года; но это для меня не такъ важно; Славянскія же носятся по рукамъ ихъ владѣльцевъ. Теперь уже разбираю легко довольно трудныя штуки, и уже опасаюсь, чтобы не прослыть Дакійскимъ Строевымъ; но у Русскаго своя экспедиція, свои писцы, а я одинъ. Сверхъ сего меня трогаютъ не только эти ветоши, но всякая всячина, какъ ты самъ можешь воображать, по причинѣ двухъ факультетовъ. У меня теперь въ головѣ планъ на два, на три сочиненія, но, вѣдь не разорвусь на трое. А прочее для Академіи. 1) Собраніе пѣсенъ. 2) Собраніе грамотъ и древностей. 3) Грамматика. 4) Лексиконъ. Наконецъ еще что-то въ особенномъ еще родѣ: *физико-софистическое*, или новая книга *бытія* для мыслителей нашего времени. Эта вещица очень хорошая, я снялъ ее съ натуры, въ полъ-часа, сидя на берегу Чернаго моря подъ стѣнами Кюстенджи, тамъ, гдѣ сиживалъ нѣкогда влюбчивый Овидіяника; вещь, которую одобрятъ и богословы, и софисты; это собственно историко-физическія и психическія открытія или замѣчанія. Напримѣръ, время рожденія горъ, рѣкъ, морей; что Валахія и Венгрія были прежде моремъ, что у человѣка не пять чувствъ, а пятнадцать; предложенія совсѣмъ новой науки, но очень нужной и пр“. На извѣщеніе же Погодина, что Венелину не должно ожидать отъ него частыхъ писемъ потому де, что ему нѣкогда писать, а тому читать, Венелинъ восклицаетъ: „Боже мой! Какая нелѣпица!.. Я предполагаю въ тебѣ друга, любезный Михаилъ Петровичъ; но вѣдь дружествомъ услаждаемся единственно посредствомъ взаимнаго изліянія, сообщенія чувствъ, мыслей, взаимныхъ услугъ; въ

противномъ случаѣ дружба не имѣетъ никакой прелести, а ты въ Варну адресовалъ мнѣ, какъ изъ насмѣшки, лоскутокъ бумажки въ три пальца не больше; въ Бухарестъ прислалъ деньги безъ записки, безъ письма. Видишь, что твоя чудачечная краткость лишаетъ меня именно того, въ чемъ я нахожу величайшее услажденіе въ жизни. Не можешь жаловаться, что не объ чемъ писать; дружба такъ велерѣчива, такъ краснорѣчива! Она сама по себѣ цѣлая философическая энциклопедія! Скажешь, нѣкогда? Дружба всегда найдетъ время; этого мало: дружба всегда готова жертвовать. Скажешь, я *лаконикъ*? Можно быть съ другими лаконикомъ, но съ дружбою никогда, ибо лаконизмъ противенъ ея свойству. Извини, Михаилъ Петровичъ, что я и изъ Питера, и изъ Одессы и изъ Букареста вѣчно жалуюсь на твою скупость въ дружеской корреспонденціи. Здоровы-ли Аксаковы? Уже и Сергѣй Тимоѳеевичъ такъ занятъ? Вѣрно и онъ попалъ въ чумный совѣтъ? Стало быть если не получу письма въ два дюйма, то надо будетъ думать, что вы, казавшіеся быть друзьями, перемерли. Тогда мнѣ не зачѣмъ возвращаться въ Москву; уйду куда либо пасти овецъ, и если не могъ найти друзей между людьми, то найду ихъ между косматыми хранителями стада, между тѣми животными, которыя между человѣками приняты за эмблему дружеской вѣрности и привязанности“.

Въ концѣ 1830 года, Погодинъ получилъ отъ Венелина слѣдующее любопытное письмо. „Въ Митрополіи находится порядочная библіотека. Въ ней находятся сочиненія, которыя я искалъ понапрасну въ Петроградской Публичной и Московской Университетской. Митрополіею завѣдуетъ Рымникскій митрополитъ. Нынѣ я обѣдалъ у президента обѣихъ Княжествъ Кисилева. Принялъ лучше чѣмъ Ротъ, у коего я познакомился съ нѣкоторыми генеральско-штабскими; есть между ними любители Археологіи. Всѣ Валахи нынѣ заняты своимъ Римскимъ происхожденіемъ: они никогда не будутъ привержены къ Славянамъ. Нынѣ они стараются изгнать Славянскія буквы, бывшія у нихъ отъ начала Христіанства един-

ственными, изгнать какъ изъ церкви, такъ и изъ храмовъ Темиды. Сверхъ сего объявили войну всѣмъ Славянскимъ словамъ, коихъ въ Волошскомъ языкѣ множество. Одинъ учитель, какъ мнѣ сказывали, въ училищѣ Св. Саввы въ Букарестѣ, предписывалъ ученикамъ, подъ наказаніемъ говорить впередъ: не *ай фостъ ла острову?* (былъ ли ты на островѣ?) но вмѣсто того: *ай фостъ ла инсула*! Въ Австріи прежде всего стали выходить Волошскія учебныя книги Латинскими буквами. Несмотря однако на подобныя покушенія, ежегодно печатаются въ Будинѣ новыя Волошскія сочиненія и переводы прекрасными церковными буквами, которыя тамъ красивѣе, нежели гдѣ либо въ Россіи. Наконецъ прибавлю, что Волошская газета, издаваемая въ Букарестѣ, печатается нашими гражданскими. Издатель однако преобразовалъ отчасти нашъ алфавитъ и можно сказать больше изуродовалъ оный, чѣмъ Вукъ Стефановичъ, несмотря на то, что нашъ алфавитъ можетъ выражать всѣ возможныя Волошскія слова. Странно, что позволяютъ подобныя реформаціи, вѣдь же этимъ самымъ изуродуются тѣ вещи или слѣдствія, которыя можетъ имѣть въ виду правительство и политика. Что Шевыревъ! Что Рожалинъ? Что Пушкинъ, Хомяковъ, Языковъ? Если ничего, такъ скажи имъ, пусть стыдятся ѣсть хлѣбъ Русскій понапрасну, только скажи отъ себя, а не отъ меня, имъ такъ малоизвѣстнаго. Заставь Надеждина потѣть надъ чѣмъ либо!“

Въ Бухарестѣ Венелинъ пробылъ пять мѣсяцевъ. „Я предался, писалъ онъ оттуда Погодину, работѣ“. Черезъ день хожу въ Митрополію, тамъ работаю и беру на домъ. Выходить почти некуда, только по дорогѣ въ Митрополію захожу пообѣдать и обыкновенно прежде отпускаю пожевать мою скотину (т. е. лакея Сидора). Посему видишь, что не о чемъ писать; ибо нѣтъ у меня никакихъ приключеній, посему безъ пройдошества, авантюрьерства не могутъ быть ни исторія, ни комедія. И такъ все ограничивается домашнимъ моимъ бытомъ“. Въ томъ же письмѣ Венелинъ сообщаетъ Погодину и о результатахъ своихъ занятій въ Бухарестѣ. „Грамотъ те-

перъ у меня сорокъ, снимковъ семь и порядочныя выписки изъ фоліантовъ, между прочимъ замѣчу, что Гаммеръ въ прошедшемъ году издалъ первую осаду Вѣны *theils aus den unbekannten einheimischen, theils aus türkischen Quellen erzählt* (такъ сказалъ онъ въ заглавіи), между тѣмъ, какъ все это описаніе переведено почти въ слово, или *вольно* переведено изъ Латинскаго описанія сей осады, приложеннаго Леунклавіемъ къ его Annales turcici, напечат. 1596 года въ Франкфуртѣ и перепечатаннаго въ Memorabilibus 1603 года. Любопытно видѣть, какъ Гаммеръ въ описаніи упомянутой осады по Турецкимъ источникамъ, доселѣ неизвѣстнымъ, исчисляетъ ad unguem единственно тѣ обстоятельства, которыя находятся въ упомянутой нѣсколько разъ изданной статьѣ, съ тою однако разницею, что то мѣсто, въ коемъ говорится, что султанъ отпустилъ въ Вѣну трехъ Нѣмецкихъ плѣнныхъ, давъ имъ по одному Венгерскому червонцу, перемѣнилъ на то, что Нѣмцы отпуская (въ замѣнъ) Турецкихъ двухъ плѣнныхъ дали по два червонца, по свидѣтельству такого-то приведеннаго имъ писателя. Впрочемъ прибавилъ онъ къ сему описанію нѣсколько Турецкихъ статей, въ коихъ однако нѣтъ ничего почти, чѣмъ бы могъ воспользоваться Европейскій историкъ.

Здѣсь снѣгу еще нѣтъ: въ городѣ грязь; впрочемъ благополучно и все тихо; по крайней мѣрѣ я ничего не слыхалъ. Здоровъ ли ты, Михайло Петровичъ? Кланяйся домашнимъ; не умеръ ли кто? Поцѣлуй Аксаковыхъ. Попроси Сергѣя Тимоѳеевича, если досугъ у него, обрадовать меня нѣсколькими строками. Во время скуки и грусти, я всегда почти перечитываю старыя письма друзей et cela me fait beaucoup de bien. Et bien! Si l'on ne veut pas faire l'aumône de soi-même, il faut en demander; c'est la maxime de tous les mendians. Allons, soyez heureux, mes amis, ne perdez pas votre temps pour des bagatelles; c'est ce que je fait aussi et j'apprends à présent l'iroquois pour en développer devant vous toute l'éloquence persuasive pour obtenir de vous une aumône.

Новый 1831 годъ Венелина засталъ въ Бухарестѣ, от-

куда онъ продолжалъ сообщать Погодину о результатахъ своихъ занятій. Такъ въ письмѣ отъ 5 января 1831 года, мы между прочимъ читаемъ: „Мнѣ не попадались еще грамоты старѣе 1437 года, большая часть XVII вѣка, слогъ хуже и ошибочнѣе, кажется отъ того, что въ эту эпоху Волошскій языкъ сталъ брать верхъ надъ Болгарскимъ. Однообразность въ большей части грамотъ довольно скучна; содержаніе ихъ большею частію права, или даже судебныя дѣла. Надъ иною приходится прокоптѣть цѣлые два-три часа; а послѣ не найти въ ней ничего замѣчательнаго. Вѣчныя сокращенія, уродливое правописаніе затрудняютъ работу. Остальные часы я исключительно посвящаю изученію Византійцевъ, изъ коихъ иные находятся въ Митрополитской библіотекѣ. Теперь у меня лежатъ фоліанты: Михаила Дуки, Лаоника Халкокондилы, Никифора Григоры и Хроникона Акрополита. Я радъ былъ случаю этому, тѣмъ болѣе, что ихъ никогда не читалъ, ибо не вездѣ ихъ найти можно, а въ Москвѣ, кажется, ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Хрониконъ Акрополита я почти весь переписалъ въ Латинскомъ переводѣ съ многими выписками изъ Греческаго текста. Изъ прочихъ же я дѣлаю выписки. Дѣло въ томъ, что археологу совершенно нельзя обойтись безъ Византійцевъ. Какой богатый источникъ! На сей разъ по крайней мѣрѣ могу сказать съ истиннымъ удовольствіемъ, что при сличеніи ихъ я сдѣлалъ весьма важное открытіе для Исторіи Русской. Это есть особенная черта, никѣмъ еще не замѣченная, въ Исторіи Россійской: черта юговосточная. Это меня болѣе радуетъ, чѣмъ двадцать грамотъ. Другихъ монастырей я еще не посѣщалъ. Нѣкоторые Болгаре Филиппопольскіе мнѣ сказывали, что въ Рыльскомъ монастырѣ почти ничего не находится археологическаго. Замѣчу, что я нынѣ нахожусь въ подобномъ же положеніи, въ которомъ находился третьяго года въ Архангельскѣ и знаменитый нашъ археографъ Строевъ. Не смотря на самое скромное мое поведеніе, многіе изъ нашей мелочи поглядывали на меня довольно косо. Идучи домой изъ Митрополіи, я по дорогѣ заходилъ обѣдать въ одно мѣсто,

гдѣ часто обѣдаютъ и многіе изъ нашихъ чиновниковъ или же офицеровъ. Я ни объ комъ никогда не заботился и не забочусь, однако иные полюбопытствовали поспроситься у меня, гдѣ я служу и давно ли въ Бухарестѣ, чѣмъ занимаюсь. Обстоятельство, что я не служу ни въ одной канцеляріи, можетъ быть кому показалось важнымъ для недовѣрчивости, что я занимаюсь стариною, грамотами, вещь непонятная для такихъ людей, которые отъ роду не знаютъ, что за животное Археографія, историческая старина, Палеографія и т. д. Сначала эта недовѣрчивость смѣшила меня, но когда гримасы дошли до того, что однажды одинъ мудрецъ въ полголоса напомянулъ разговаривавшимъ за другимъ столомъ быть осторожнымъ (предъ мною) въ словахъ, когда иные не стали туда ходить, я поневолѣ взбѣсился на пошлость этихъ дураковъ, но чтобы не лишать ихъ застольнаго спокойствія, я пересталъ ходить туда и началъ обѣдать въ другомъ мѣстѣ, но и здѣсь замѣтилъ подобныя же опасенія, я опять перебрался въ другую столовую. Тутъ играли и въ биліардъ. Однажды одинъ штабъ-офицеръ, который обѣдалъ съ своимъ знакомымъ насупротивъ меня, мигнулъ обо мнѣ глазомъ, категорически высказалъ своему знакомому: „это, братецъ, человѣкъ опасной руки“. Я сжалъ плечами, и пересталъ обѣдать и тамъ; не стало болѣе куда ходить по близости, цѣлые три дня, питаясь дома кускомъ хлѣба и сыра, я нигдѣ не обѣдалъ пока не упросилъ Нановича принять меня за свой столъ... Ты знаешь, что послѣ скучныхъ архивныхъ трудовъ нужно душевное отдохновеніе, т. е. развлеченія, и этого я себя лишаю. Но этого недовольно: однажды идучи изъ Митрополіи, на базарѣ я услышалъ голосъ: кто-то по Волошски велѣлъ кому-то идти смотрѣть куда пойдетъ этотъ Русскій... и вскорѣ замѣтилъ, что одинъ еврей пустился за мною... 1-го января Нановичъ далъ вечеринку. Всѣ гости Болгаре. Къ крайнему моему неудовольствію и тутъ я замѣтилъ, что я даже опасенъ и для Болгаръ!!!“

Пробывъ пять мѣсяцевъ въ Букарештѣ, Венелинъ отпра-

вился въ Молдавію, и потомъ по Бесарабіи въ Кишеневъ, гдѣ оставался два мѣсяца и оттуда писалъ Погодину (отъ 3 мая 1831): „Я прибылъ въ Кишеневъ 30 Апрѣля, здѣсь хочу кое-чѣмъ заняться, а преимущественно пѣснями. Жалѣю, что проклятая холера помѣшала знаменитому нашему Строеву достроить свои чудеса! Надо замѣтить, впрочемъ, что я не Строевъ покамѣстъ. Молись и трудись: только не жалуйся на труды; ибо они поддерживаютъ и здоровье, и карманъ и репутацію. Вотъ три главныя нужды человѣчества“. На обратномъ пути въ Москву, Венелинъ останавливался въ Харьковѣ, откуда Квитка (отъ 13 августа 1831) писалъ Погодину: „Неожиданный случай доставилъ мнѣ пріятнѣйшее удовольствіе познакомиться съ г. Венелинымъ. Жаль только, что очень короткое время пробылъ съ нимъ, и то въ театрѣ“. Но въ Брыни *) онъ застрялъ у своего брата и оттуда написалъ весьма любопытное письмо къ Погодину (отъ 14 сентября 1831 года). „Вотъ уже три недѣли какъ я живу въ деревнѣ. Какъ славна жизнь уединенная и безмятежная. Надняхъ прочелъ *De Divinatione* (Цицерона)... Въ первый разъ читаю эти вещи, и какъ удивлялся, что у стараго стряпчаго нашелъ многое, не только своихъ мыслей, но даже и обороты о мысляхъ! Въ VI части *Московскаго Вѣстника* тебѣ не очень нравится порядокъ мой въ изложеніи Болгаръ; что-то и мнѣ казалось похожее. Но и ты не правъ, и я не правъ; Цицеронъ на сторонѣ Болгаръ. Тебѣ, другъ мой, не нравилось нѣсколькократкое повтореніе одного и того же въ моихъ Болгарахъ; но я тебѣ замѣчу, что Цицеронъ съ своими богами былъ въ такомъ же затрудненіи, какъ и я съ моими Болгарами. Вотъ что онъ говоритъ въ извиненіе за частыя повторенія: Nam si singulas disciplinas (всякое мнѣніе порознь) percipere magnum est, quanto majus omnes? quod facere iis necesse est, quibus propositum est veri reperiendi caussa et contra omnes philosophos et pro omnibus dicere. Dictum est omnino hac de re alio loco diligentius; sed quia nimis indociles quidam

*) Калужской губерніи Жиздринскаго уѣзда.

tardique (тупоумie) sunt, admonendi videntur saepius *). Бѣдный Цицеронъ! Онъ тоже сражался съ *фокусниками и съ исчезаніями*; послушай что онъ говоритъ съ порядочною язвительностью: sed nescio, quomodo isti philosophi superstitiosi et paene fanatici quidvis malle videntur, quam se non ineptos. Evanuisse mavultis et extinctum esse id quod si umquam fuisset, certe aeternum esset quam ea quae non sunt credenda non credere **). Дѣло идетъ насчетъ существованія подземной силы въ Оракулѣ Дельфійскомъ. Жаль, что я его не читалъ прежде со вниманіемъ. Вотъ въ сообщеніяхъ какого человѣка я провелъ недѣлю [198]).

XX.

Слѣдуя за Венелинымъ въ его путешествіи, мы слишкомъ надолго отдалились отъ Москвы, резиденціи нашего героя, а потому поспѣшимъ туда вернуться.

26 іюня 1830 года, Императорскій Московскій Университетъ торжественно праздновалъ семидесятипятилѣтнюю годовщину своего существованія. Въ этотъ достопамятный день Погодину выпалъ счастливый жребій быть ораторомъ. Совѣтъ Университета поручилъ ему произнести *Слово о значеніи университетовъ вообще и въ особенности Русскихъ*. Съ энтузіазмомъ приступилъ онъ къ исполненію этого порученія. „Душа“, писалъ онъ, „въ восторженномъ состояніи: представлялъ себѣ *Рѣчь* свою и обращеніе къ Петру, и объ Ломоносовѣ, и о

*) Вѣдь если изучить всякое мнѣніе порознь есть дѣло великое, то сколь большее [было бы дѣло изучить] всѣ? А это послѣднее необходимо дѣлать тѣмъ, которые предназначили себѣ ради отысканія истины говорить и противъ всѣхъ философовъ и за всѣхъ. Впрочемъ, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ сказано подробнѣе; но такъ какъ нѣкоторые слишкомъ непонятливы и тупоумны, то, кажется, слѣдуетъ напоминать имъ (объ этомъ) почаще.

**) Но не знаю какимъ-то образомъ эти философы суевѣры и чуть не изувѣры—повидимому, желаютъ чего-то больше, чѣмъ то, чтобы не быть глупыми. Вы лучше хотите, чтобы исчезло и уничтожилось то, что, еслибы когда-либо существовало, навѣрное было бы вѣчнымъ, нежели не вѣрить тому, чему не слѣдуетъ вѣрить.

Муравьевѣ; вы чистые, благородные, я младшій между вами. О Россія, о мое Отечество! Плакалъ, ходя по комнатѣ". Онъ молится въ Успенскомъ Соборѣ: „да дастъ ми, благовѣствующему, глаголъ силою многою". Между тѣмъ въ Университетскомъ Совѣтѣ его спрашиваютъ: „Что же *Рѣчь*"? Отвѣчаетъ: „Печется, за мною дѣло не станетъ", и приэтомъ замѣчаетъ: „Изъ чего понукаютъ безтолковые. Пишется, и часто навертываются слезы". 15 іюня 1830 г., въ четыре часа утра, онъ кончилъ *Рѣчь*. „Слава Богу!". Переписавши, прочелъ Пушкину. „Радъ. Новыя штуки подвернулись и у меня часто навертывались слезы". Къ утѣшенію Погодина и почтен ный старецъ Сандуновъ былъ „въ восторгѣ отъ его *Рѣчи*". Но чтеніе *Рѣчи* ректору Двигубскому произвело на Погодина мрачное впечатлѣніе. „Схватка съ грубымъ Двигубскимъ", писалъ онъ, „о мѣстахъ незначущихъ въ *Рѣчи*, а объ важныхъ—ни слова. Осадилъ" [199]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что проницательный графъ А. Н. Панинъ былъ не высокаго мнѣнія объ этомъ Ректорѣ Императорскаго Московскаго Университета: „И. А. Двигубскій", писалъ онъ, „остылъ къ наукамъ. Этотъ человѣкъ такъ безхарактеренъ и лукавъ, при посредственномъ умѣ, что никогда нельзя быть увѣрену въ его мнѣніи о самыхъ маловажныхъ предметахъ" [200]).

Наконецъ наступилъ торжественный день, 26 іюня 1830 года. До начала акта Погодинъ отправился въ Университетъ, чтобы „примѣриться къ залѣ" [201]). Актъ начался. Цвѣтаевъ сказалъ слово о вліяніи правовѣдцевъ па усовершенствованіе Римскаго Законодательства. Снегиревъ въ Латинскомъ словѣ изложилъ Исторію первоначальнаго Университета въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны [202]). Дошла очередь и до Погодина. „Читаетъ и воспламеняется". Сказавъ, что Россія не имѣла почти ни одного внѣшняго обстоятельства, наравнѣ съ западными Европейскими государствами „возбуждающаго душевную дѣятельность, внутреннее волненіе, любопытство, начало просвѣщенія", ораторъ спрашиваетъ: „Какимъ же образомъ при столь важныхъ препятствіяхъ суще-

ствуетъ у насъ просвѣщеніе?... Какимъ же образомъ могли у насъ образоваться Ломоносовы, Муравьевы, Карамзины, Платоны? Кто произрастилъ намъ этотъ богатый плодъ, на который смѣло мы можемъ указать Европѣ? Кто“? И ораторъ отвѣчаетъ: *Правительство*. „Такъ скажу, безъ лести, по внутреннему убѣжденію, внимательно изучая Отечественную Исторію... Благословимъ же теперь память великихъ самодержцевъ Россіи... *Рюрика*, которому судьба назначила славный жребій поставить на первую ступень гражданскаго образованія то дикое общество, почти семейство, которое нынѣ разродилось въ обширнѣйшую на свѣтѣ Имперію, гдѣ никогда не заходитъ солнце; *Владиміра I*, озарившаго насъ свѣтомъ Христіанской религіи... *Іоанна III*, соединившаго разсѣянныя части Россіи въ одно политическое цѣлое... *Бориса Годунова*, въ 1606 году, замышлявшаго основать университетъ въ Москвѣ... *Ѳеодора*, основателя Заиконоспасской Академіи, *Божественнаго Петра*, который въ глухой стѣнѣ Россіи прорубилъ широкое окно въ Европу, Петербургъ; кланялся Лейбницу за его наставленія и совѣты, привлекъ иностранцевъ, посылалъ своихъ подданныхъ учиться въ чужіе края, учился самъ, завелъ многія школы въ городахъ, умирающею рукою уже писалъ уставъ Академіи Наукъ; который смѣло, по выраженію поэта, самодержавною рукою сѣялъ просвѣщеніе. *Елисавету*, основавшую въ 1755 году Университетъ Московскій на краеугольной мысли Ломоносова, по ходатайству Шувалова. *Екатерину II*, учредительницу гимназій и народныхъ училищъ. *Александра I*, въ 1805 году даровавшаго Университету уставъ. Завидую будущимъ ораторамъ, которымъ предоставлено прославить царствующаго нынѣ императора Николая I, дарующаго университетамъ въ новыхъ уставахъ необходимыя пособія и средства уравниться съ вѣкомъ и удовлетворить требованіямъ соотечественниковъ. Я могу только указать теперь на зарю этого великаго преобразованія, блестящую для насъ въ новомъ уставѣ цензурномъ и постановленіяхъ для гимназій и уѣздныхъ училищъ. Да осѣнитъ мысль

его Богъ Своею благодатію, да поможетъ исполнить великія предпріятія, къ благу Отечества устремленныя, да пошлетъ мудрыхъ и благонамѣренныхъ совѣтниковъ и помощниковъ"! Въ заключеніе ораторъ произнесъ: „Къ вамъ долженъ я обратиться теперь, студенты Московскаго Университета, юная надежда Россіи! Къ трудамъ неусыпнымъ и постояннымъ призываю васъ именемъ науки и Отечества! Подъ державою благополучно царствующаго нынѣ императора Николая I, живо чувствуя честь и славу быть Русскими, имѣя предъ глазами высшую цѣль Отечества и человѣчества, вслѣдъ за тѣмъ славнымъ крестьяниномъ, который, по выраженію нашего общаго наставника, изъ рыбачьей хижины шагнулъ въ Академію и вступилъ въ состязаніе съ Франклиномъ, кто изъ нихъ скорѣе обезоружитъ громоноснаго Юпитера, — по примѣру достопочтеннаго Карамзина, котораго вся жизнь есть, кажется, одинъ ясный день истиннаго ученаго, дѣятельнаго, человѣколюбиваго, спокойнаго,—выходите на поле вашего дѣленія; чистые, искренніе благородные не щадите силъ своихъ и попеченій; отъ ранней зари и до темнаго вечера кровію и потомъ орошайте землю, — и жатва обильная будетъ вашею сладостною наградою, и имя Русское запишется въ книгѣ ума человѣческаго, въ которой столько бѣлыхъ страницъ для васъ оставлено, и благодарное Отечество ваше украсится новою, блистательнѣйшею, драгоцѣннѣйшею славою, и правосудный Монархъ сторицею вознаградитъ и оцѣнитъ ваши подвиги, и удивленная Европа принуждена будетъ наконецъ повѣрить Фернейскому отшельнику, что свѣтъ приходитъ отъ Сѣвера..

Възаключеніе моей рѣчи, почтеннѣйшіе посѣтители, я долженъ, по обыкновенію, засвидѣтельствовать благодарность за удостоеніе насъ своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ. Но не оскорблю ли я васъ этою благодарностію?

Нынѣшній день — не нашъ праздникъ исключительно; это праздникъ всей Россіи, вашъ собственный: подъ симъ священнымъ кровомъ воспитываются ваши дѣти, сыны Отечества, подъ симъ священнымъ кровомъ воспитывались вы сами. Вы

должны были принять участіе въ нашемъ торжествѣ, — и я, видя предъ своими глазами это блистательное и многочисленное собраніе, могу только радоваться вмѣстѣ съ вами, что просвѣщеніе находитъ у насъ столько почитателей.

Но да позволено мнѣ будетъ изъявить чувствованіе предъ своими прежде наставниками, нынѣ товарищами, за лестную честь быть ихъ органомъ въ этотъ великій день. Младшій между вами, милостивые государи, я высоко цѣню отличіе, вами мнѣ оказанное, и употреблю всѣ силы, чтобъ своими трудами, своимъ усердіемъ, удостоиваться болѣе и болѣе права принадлежать къ вашему почтенному сословію, и возблагодарить васъ за доставленіе мнѣ сей счастливѣйшей минуты въ моей жизни!“ [203]).

Послѣ Погодина, взошелъ на каѳедру больной и слабый Мерзляковъ и пропѣлъ свою лебединую пѣснь:

Цвѣти нашъ вертоградъ священный,
Крѣпися въ силахъ, зрѣй въ плодахъ;
Какъ былъ, пребуди неизмѣнный
Общественныхъ источникъ благъ!
Подъ Николаевымъ покровомъ
Явись въ обильѣ, въ блескѣ новомъ и пр.

Рѣчь Погодина имѣла полный успѣхъ [204]). „Я говорилъ“, писалъ онъ Шевыреву, „на нашемъ юбилейномъ актѣ рѣчь и прославилъ торжественно просвѣщеніе. Много писалъ я въ ней со слезами на глазахъ и произнесъ, говорятъ, съ чувствомъ. Да начнется же ею новая эра въ исторіи нашего Университета; всѣ мы съ чистымъ сердцемъ принимаемся теперь служить Отечеству и наукамъ. Да благословитъ насъ Богъ и пошлетъ намъ Своего Духа-утѣшителя! За рѣчью послѣдовали рукоплесканія, которыхъ я сперва очень испугался, почитая ихъ слѣдствіемъ какой-нибудь интриги съ намѣреніемъ запятнать меня въ глазахъ университетскихъ стариковъ; но послѣ раздались такія же стихамъ Мерзлякова, и я успокоился: они были точно выраженіемъ невольнаго удовольствія. *Рѣчь* моя неважна, ибо я написалъ большую половину ея

экспромтомъ, среди размышленій о *Мареѣ*, но кое-что сказано горячо и ново, и вотъ причина успѣха".

Рукоплесканія начали А. А. Елагинъ и Н. М. Языковъ, а публика подхватила. „Какъ благодаренъ я вамъ милый папенька", писалъ И. В. Кирѣевскій изъ Мюнхена, „и за то, что вы не позабыли подѣлиться съ нами университетскимъ засѣданіемъ. Знаете ли, что оно и насъ тронуло до слезъ. И народъ, который теперь можетъ быть одинъ въ Европѣ способенъ къ восторгу, называютъ не просвѣщеннымъ! Поцѣлуйте Погодина, поздравьте его и поблагодарите отъ насъ за подвигъ горячаго слова. Какъ бы я отъ сердца похлопалъ вмѣстѣ съ вами!" [205]). И ни одна молодежь была въ восторгѣ отъ *Рѣчи* Погодина. Самъ степенный Мудровъ былъ „безъ памяти" отъ нея [206]); а Графъ Д. И. Хвостовъ писалъ счастливому оратору: „Я въ празднованіе юбилея Московскаго Университета съ особливымъ удовольствіемъ читалъ произнесенную вами рѣчь. Въ ней много новыхъ мыслей, превосходныхъ мѣстъ, прекраснымъ языкомъ писанныхъ. Жаль только, что вы остановились на мысли Мерзлякова, что Ломоносовъ попалъ изъ Академіи на Геликонъ. Сія мысль не принадлежитъ достопамятному Алексѣю Ѳедоровичу. Справиться можно по годамъ, что я прежде его сказалъ стихами о Ломоносовѣ.

Шагнулъ—оставя сѣнь отцову
Отъ Бѣлыхъ водъ на Геликонъ.

Мерзляковъ ослабилъ только мысль стихотворца выраженіемъ: изъ *Академіи на Геликонъ*. Сей путь есть общій каждому поэту, по пословицѣ: *не ученаго въ грамотѣ въ попы не поставятъ*" [207]).

Лестные отзывы о *Рѣчи* приходили къ Погодину и отъ скромныхъ и неизвѣстныхъ тружениковъ изъ глубины провинцій и конечно утѣшали его. „Мой товарищъ г. Горбуновъ", писалъ одинъ изъ таковыхъ, „доставилъ мнѣ счастіе прочесть ваше *Слово о назначеніи университетовъ вообще и въ особенности Русскихъ*, исполненное глубокихъ мыслей, благороднѣйшихъ чувствованій, вашему сердцу только свойствен-

ныхъ, и высокаго патріотизма, которыя привели меня въ совершенный восторгъ и заставили проливать радостныя слезы. Половиною бы жизни моей пожертвовалъ я за то, чтобъ быть студентомъ на актѣ, слышать торжественныя рукоплесканія вамъ и принять участіе въ обращеніи, которое сдѣлано вами, въ вашемъ словѣ, къ моимъ товарищамъ, — но враждебная судьба лишила меня этого счастія, оставя въ удѣлъ одно сожалѣніе о невозвратной потерѣ".

Мы уже знаемъ, что въ торжественный день семидесяти пяти-лѣтней годовщины Императорскаго Московскаго Университета, въ числѣ ораторовъ былъ и профессоръ И. М Снегиревъ, произнесшій рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Рѣчь эта подверглась строгой критикѣ профессора того же Университета А. М. Кубарева. Подъ псевдонимомъ *Евдокимъ Лущенко* изъ Кіева, онъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, издаваемомъ, какъ извѣстно, тоже профессоромъ Московскаго Университета, *Письмо къ Редактору Московскаго Вѣстника*, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Признаюсь, что я самъ плохой латинистъ, но обучаясь еще въ дѣтствѣ моемъ въ Кіевской Академіи, получилъ страсть къ этому языку. И съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Кіевскую Академію, не перестаю заниматься языкомъ Цицероновымъ, коего судьба нынѣ, какъ кажется, не весьма завидна въ Московскомъ Университетѣ. Разительнымъ тому доказательствомъ служитъ разсужденіе, на которое я намѣренъ теперь обратить вниманіе Россійскихъ филологовъ и которое весьма не похоже на разсужденія преждебывшаго или преждебывшихъ профессоровъ языка Латинскаго. Признаюсь, милостивый государь, въ жизни моей мало я читывалъ сочиненій сему подобныхъ; я не могъ прочесть ни одной страницы,—что я говорю?—почти ни одного періода безъ того, чтобы не спотыкнуться на какое-нибудь слово, или фразу, или цѣлую мысль" [208]). Прочитавъ эту критику, Снегиревъ разумѣется озлобился, а потому нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ сообщеніи Надеждина, что Снегиревъ „ругаетъ Погодина безъ пощады"; да и самъ Погодинъ ждалъ

мести отъ своего товарища по профессорству. „О Снегиревѣ ничего не слышу, но не можетъ быть, чтобъ этотъ ...... не дѣйствовалъ". Самъ же Снегиревъ вотъ что писалъ Анастасевичу: „Аксаковъ другъ и сотрудникъ Погодина пропустилъ наглую и клеветливую брань на мою рѣчь, одобренную Университетомъ, поставляя опечатки въ ошибки и дѣлая обидныя для лица и мѣста выходки. Ее писалъ сумасшедшій нашъ магистръ Кубаревъ, подбитый злонамѣренными недоброхотами, которымъ грезится, будто я въ союзѣ съ Полевымъ, тогда какъ я никогда ни на кого не писывалъ критикъ и пасквилей. Сами дѣйствуя скопомъ, они воображаютъ, что и другіе противъ нихъ также дѣйствуютъ. Подобныя выходки журнальныя и внушенія Погодинской дружины могутъ имѣть дурныя слѣдствія не для одного лица, но для мѣста и общества гражданскаго"... Посылая же Анастасевичу, опечатки своей рѣчи, Снегиревъ писалъ: „Въ оправданіе свое посылаю вамъ и барону Розенкампфу опечатки Латинскія, которыя Погодинъ съ сумасшедшимъ Кубаревымъ вмѣнили мнѣ въ ошибки, съ наглыми восклицаніями. О честности цензора Аксакова, ихъ союзника, скажетъ вамъ Полевой, имѣющій у себя неоспоримыя доказательства" [209]).

Но Кубаревъ не умолкалъ и о томъ же предметѣ написалъ другую статью и напечаталъ въ *Телескопѣ* [210]), журналѣ, издаваемомъ тоже профессоромъ Московскаго Университета Н. И. Надеждинымъ. Это окончательно озлобило Снегирева и противъ Кубарева, и противъ Погодина, и противъ Надеждина. „Снегиревъ", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „на стѣну лѣзетъ за статью и всѣ университетскіе разсердились. Онъ кричитъ революція! Толковалъ съ Аксаковымъ, какъ предупредить, потомъ съ Кубаревымъ". Самого же Погодина Снегиревъ прямо называлъ „революціонеромъ" и говорилъ, что студенты „почитаютъ его Лелевелемъ и это написано въ корридорахъ". „Пожалуй", предполагаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „онъ самъ разбойникъ напишетъ или подговоритъ". Дѣйствительно, Снегиревъ писалъ Анаста-

севичу: „Незадолго предъ Польскою революціею, Погодинъ вздумалъ было читать въ Университетѣ Польскую Исторію; нѣкоторыя его выходки, нравившіяся молодежи, заставили Ректора остановить сіе чтеніе и поручить ему Всеобщую Исторію. Теперь онъ въ союзѣ съ Надеждинымъ, Строевымъ и пр."; а встрѣтившись какъ-то съ Петромъ Григорьевичемъ Фроловымъ, Снегиревъ сказалъ ему, что у Аксаковыхъ „собирается шайка либераловъ"; но когда Фроловъ ему замѣтилъ: „Стало и я въ томъ числѣ, я тамъ всегда", Снегиревъ отвѣтилъ ему: „нѣтъ, вы человѣкъ честный". Въ *Дамскомъ Журналѣ* появилась статья, подписанная *Я. Непогодинъ*, въ которой Надеждинъ, по словамъ Погодина, обвиняется „чортъ знаетъ въ чемъ. Это вѣрно работы Снегирева, какіе подлецы!" [211]).

Какъ бы то ни было, но возникло между профессорами одного и того же Университета полемика весьма соблюдательная для ихъ студентовъ. Между тѣмъ, явился защитникъ Снегирева и подъ иниціаломъ *П.*, напечаталъ въ томъ же *Телескопѣ антикритику*, на которую Кубаревъ написалъ *рекритику* и въ ней выражаетъ подозрѣнія, что сіе *антикритика* „написана самимъ Сочинителемъ *Рѣчи* и безпощадно обличаетъ Снегирева въ плохомъ знаніи Латинскаго языка; а заключаетъ свою *рекритику* такими жесткими словами: „читая его, т.-е. Снегирева, болѣе и болѣе соглашаетесь съ Сочинителемъ только въ одной несомнѣнной истинѣ словъ Священнаго Писанія, коими онъ заключаетъ апологію, то-есть что *злоба измѣняетъ разумъ*, истина, коею объясняется другая, заключающаяся въ сихъ словахъ Священнаго Писанія: *въ злохудожну душу не внидетъ премудрость*. Если же и бываетъ, то, что такія *злохудожныя души* низкими коварствами и происками достигаютъ цѣли своихъ желаній, которая состоитъ въ томъ, чтобы со вредомъ для цѣлаго общества, къ стыду своего мѣста и съ поруганіемъ сана, коимъ они недостойно облекаются, вредить всѣмъ частнымъ людямъ, не допускать къ полезнымъ для общества подвигамъ честныхъ гражданъ; все однако-жъ, сіи, говорю, *злохудожники* должны страшиться, что

ихъ коварства, низость, безуміе, невѣжество, рано или поздно изобличатся; ибо по словамъ нашего знаменитаго поэта:

Какихъ не вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться;
Не можно вѣкъ носить личинъ:
И истина должна открыться" [212]).

По всѣмъ вѣроятіямъ эта полемика вызвала слѣдующее замѣчаніе графа А. Н. Панина: „Снегиревъ знаетъ Древности Отечественныя лучше чѣмъ Латинскій языкъ, на которомъ онъ изъясняется грубо и неправильно. Снегиреву слѣдовало бы отдать Археологію отдѣльно отъ Эстетики, а Латинскій языкъ препоручить магистру Кубареву". [213]).

XXI.

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ торжества семидесяти - пятилѣтней годовщины Московскаго Университета, а именно 26 іюля 1830 года, скончался Алексѣей Ѳедоровичъ Мерзляковъ. „Во все продолженіе своей жизни", справедливо сказалъ Надеждинъ, „Мерзляковъ былъ постояннымъ жрецомъ искусства, коего таинство преподавалъ. Изъ отдаленной глуши, въ которую забросило его рожденіе, онъ подалъ о себѣ вѣсть стихотвореніемъ; и съ тѣхъ поръ, цѣлую четверть вѣка, бывъ вѣнчаннымъ поэтомъ Московскаго Университета, сошелъ въ гробъ съ пѣснію лебедя! Послѣдніе дни Мерзлякова были омрачены несправедливымъ забвеніемъ, огорченіями и оскорбленіями; но надъ прахомъ его долженъ возродиться фениксъ его славы" [214]).

Еще въ концѣ 1827 года, Комитетъ устройства учебныхъ заведеній поручилъ Мерзлякову составить для гимназій новую Риторику съ присовокупленіемъ краткой Піитики. Возложенное на него порученіе Мерзляковъ исполнилъ въ концѣ 1829 года. А. А. Перовскій, занимавшій тогда должность предсѣдателя Комитета учебныхъ пособій, писалъ Министру Народнаго Просвѣщенія (14 января 1830 года): „Комитетъ, разсмотрѣвъ ру-

кописи Мерзлякова нашелъ, что онѣ суть не что иное, какъ почти буквальный переводъ извѣстной книги Гейнзія *Der Redner und Dichter* и переводъ очень неудачный съ прибавленіемъ авторовъ Древнихъ и Европейскихъ изъ Эшенбурга и съ присовокупленіемъ Русскихъ весьма недостаточныхъ. Что касается до примѣровъ, то оные или переведены изъ Гейнзія же, или заимствованы безъ разбора изъ старыхъ нашихъ Риторикъ и Піитикъ, а потому всѣ почти обветшалые. Такъ въ примѣръ ироніи приводится: *Счастливы тѣ народы, у коихъ боговъ полны огороды!* или для показанія слога сатиры приводится сатиръ Антіоха Кантемира *къ уму своему*. Даже самыя опечатки старыхъ примѣровъ неисправлены какъ слѣдуетъ". На основаніи этого отзыва, Комитетъ устройства учебныхъ заведеній опредѣлилъ: рукопись возвратить Мерзлякову съ увѣдомленіемъ, что оная не можетъ быть признана учебною для гимназій нашихъ книгою, что исполнено княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ 13 февраля 1830. Въ то же время Комитетъ устройства учебныхъ заведеній, на основаніи отзыва того же Перовскаго, что изданная профессоромъ Кошанскимъ *Россійская Риторика*, основана будучи „на нынѣшнемъ состояніи нашей Словесности, можетъ быть съ пользою употребляема въ нашихъ гимназіяхъ". Въ это время въ Петербургѣ пребывалъ Перевощиковъ, который, узнавъ объ участи, постигшей трудъ Мерзлякова, писалъ Погодину (отъ 12 февраля 1830 года); „Забылъ написать непріятность: Мерзлякова Риторика въ дѣло не пошла; онъ что-то перевелъ только. Очень жаль" [215]). Конечно это очень огорчило Мерзлякова.

Въ началѣ того же 1830 года вышелъ въ свѣтъ знаменитый переводъ *Иліады*, совершенный Гнѣдичемъ. „Наконецъ", писалъ Пушкинъ, „вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ *Иліады*! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой Древности; когда

поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго, высокаго подвига. Русская *Иліада* предъ нами. Приступаемъ къ ея изученію". Этотъ отзывъ чрезвычайно польстилъ Гнѣдича: „Любезный Пушкинъ!", писалъ онъ, „сердце мое полно, а я одинъ, прими его изліяніе. Едва - ли цѣлое похвальное слово, величиною съ Пиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти нѣсколько строкъ. Обнимаю тебя. Не ѣшь ли ты сегодня у Андріё пирога съ бобомъ". Пушкинъ отвѣчалъ (отъ 6 января 1830): „Я радуюсь, я счастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ *Газетѣ*, могли тронуть васъ до такой степени. Незнаніе Греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору *Иліады* вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну" [216]). На этотъ трудъ Гнѣдича обратилъ вниманіе и Императоръ Николай I. По свидѣтельству Гоголя „однажды былъ вечеръ въ Аничковомъ Дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралося; но Государь долго не выходилъ. Уединившись, онъ развернулъ *Иліаду* и увлекся нечувствительно ея чтеніемъ во все время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принеся на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣній. Въ душѣ Пушкина это оставило сильное впечатлѣніе, и плодомъ его была эта величественная ода:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали" [217]) и пр.

Но не такъ восторженно, и по весьма *почтенной* причинѣ, отнесся Погодинъ къ этому достопамятному событію въ нашей Литературѣ. „*Иліаду*", писалъ онъ, „будетъ разбирать

Надеждинъ. Браво! Гнѣдичъ не упомянулъ о Мерзляковѣ, а трубитъ о Дельвигѣ. Стыдъ" [218]). И это обстоятельство очень огорчило несчастнаго Мерзлякова. За семь мѣсяцевъ до своей кончины, вотъ что онъ писалъ своему вѣрному и признательному ученику Погодину: „Очень сожалѣю, что вы нездоровы, это я слышалъ въ Университетѣ; да мнѣ сказали притомъ, что вы и выздоровѣли. Благодарю за билетъ всеусерднѣйше. Самъ я оправляюсь еще худо: однако, слава Богу, могу уже выходить. Постараюсь побывать у васъ непремѣнно. Гексаметрами и амфибрахіями, какъ вы ихъ называете, я началъ писать тогда, когда еще Гнѣдичъ былъ у насъ въ Университетѣ ученикомъ и не зналъ ни гексаметровъ, ни пентаметровъ и даже не писалъ стихами, свидѣтель этому *Вѣстникъ Европы* и господинъ Востоковъ, который именно приписываетъ мнѣ первую попытку въ своемъ *Разсужденіи о стихосложеніи*, такъ какъ пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ были пѣты въ Москвѣ и Петербургѣ прежде, нежели Дельвигъ существовалъ на свѣтѣ. Теперь не могу указать пьесы моей въ *Вѣстникѣ Европы*, издаваемомъ кажется еще Жуковскимъ, но ее можно отыскать. Въ *Вѣстникѣ* есть многія пьесы этой мѣры, относящіяся къ *Павлову времени*, напримѣръ: *Призываніе Калліопы на берега Непрядвы*. Я надѣюсь доставить вамъ эти пьесы. Побѣдоносцевъ Петръ Васильевичъ обѣщалъ мнѣ доставить эти номера; ибо я теперь собираю всѣ мои сочиненія, чтобы выбрать изъ нихъ что-нибудь путное. Гнѣдичъ, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокошкина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать этимъ родомъ стиховъ, и укорялъ меня за то, что я послѣ возставалъ противъ нихъ (спустя лѣтъ десять) въ *Письмѣ моемъ изъ Сибири*, читанномъ въ собраніи и напечатанномъ. Это всѣ знаютъ. Просто сказать вамъ: Гнѣдичъ умышленно молчитъ обо мнѣ, дабы быть творцомъ гексаметровъ и поподличать предъ журналистами, которые теперь ему нужны. Нынѣ всѣ литераторы позабыли совѣсть и торгуютъ всѣмъ, чѣмъ могутъ... А Гнѣдичъ еще себя называетъ моимъ пер-

вымъ почитателемъ и другомъ. Прощайте. Постараюсь вамъ доставить какъ можно скорѣе документы, хотя для меня и безполезные, но чрезъ это по крайней мѣрѣ докажу, что всѣ *Гнѣдичи — тѣ же Булгарины; Булгаринъ жилъ и довоспитывался у Гнѣдича.* Вы это знаете или нѣтъ"? [219]).

Вслѣдствіе этого письма Погодинъ печатно заявилъ слѣдующее: „Въ предисловіи къ переводу *Иліады*, которымъ подарилъ Русскую Словесность г. Гнѣдичъ, говорится объ опытахъ гексаметрами Жуковскаго и Дельвига, — и ни слова о гексаметрахъ Мерзлякова, который прежде всѣхъ въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое опущеніе, и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ документы въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку Русской Словесности". Надеждинъ также вступился за Мерзлякова и въ своемъ разборѣ Русскаго перевода *Иліады*, отдавая переводчику полную честь „за избраніе для перевода *Иліады* гексаметровъ, вопреки кривотолкамъ старовѣрамъ, приладившихъ ухо къ одному домественному распѣву Александриновъ", Надеждинъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ переводчика въ томъ, что онъ „напрасно увѣрился, что стихъ сей былъ для него стихомъ, *не имѣвшимъ образцовъ.* Образцы сіи давно существовали. Еще въ началѣ третьей четверти прошедшаго столѣтія, достопочтенный М. Н. Муравьевъ представлялъ Вольному Россійскому Собранію, существовавшему при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, опытъ стихотворенія въ гексаметрахъ, кои почтенный перелагатель *Иліады* не погнушался бы и нынѣ признать своими. Этотъ частный опытъ могъ, однакожъ, быть не всѣмъ извѣстенъ. Но и въ такомъ случаѣ—честь торжественнаго введенія гексаметра въ святилищѣ Русской Словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго профессора и поэта А. Ѳ. Мерзлякова, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ *Одиссеи* и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гексаметрахъ, за долго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія *Иліады*" [220]).

Но когда все это писалось, Мерзляковъ *отложилъ всякое житейское попеченіе* и дни его были изочтены. Послѣднее юбилейное стихотвореніе онъ писалъ уже больнымъ и сказалъ своей женѣ: *такъ я докажу же моимъ врагамъ, что у меня есть силы* [221]) и эти слова были послѣднею данью земному. На другой же день послѣ университетскаго юбилея, усладившаго, такъ сказать, его послѣднюю литературную минуту, Мерзляковъ легъ на смертный одръ, съ котораго уже не вставалъ. Въ это время онъ жилъ въ Сокольникахъ. Наканунѣ кончины, супруга его присылаетъ сказать Погодину, что Алексѣй Ѳедоровичъ очень боленъ. Погодинъ тотчасъ же отправился въ Сокольники и засталъ Мерзлякова уже при смерти. Но умирающій узналъ своего вѣрнаго ученика и между ними произошелъ такой разговоръ:

— „Я переѣду къ вамъ.

— Зачѣмъ? (спросилъ Мерзляковъ).

— Махать мухъ.

— Я знаю, что вы меня любили всегда"...

Возвратясь домой, Погодинъ задумалъ послать Мерзлякову тюфякъ; но вслѣдъ за этимъ получаетъ извѣстіе, что онъ уже скончался. „Бѣдный!" восклицаетъ Погодинъ, „и плакалъ горько. Въ такомъ загонѣ и забытіи, непризнанный, неоцѣненный, чувствуя свое безсиліе. Мочи нѣтъ какъ жалко! Сколько онъ сдѣлалъ и все не въ честь. Правда и то, что самъ онъ отчудился отъ всего. Никто не поддержалъ его. Думалъ объ его жизни". Получивъ это прискорбное извѣстіе, Погодинъ отправился ко вдовѣ и вызвался принять на себя всѣ погребальныя хлопоты. Но эти хлопоты раздѣлили съ Погодинымъ и Цвѣтаевъ и Снегиревъ. 29 іюля было назначено погребеніе. „По попамъ, архіереямъ", писалъ Погодинъ, „въ Университетъ, въ жесточайшіе жары. Ну ужъ и мы. Сняли маску. Ночевалъ у нихъ и мучился, видя, что къ сроку ни экзекуторъ, ни гробовщикъ не являются. Боялся, чтобы не вышло замѣшательства" [222]).

Несмотря на свои враждебныя отношенія къ Погодину,

Снегиревъ принялъ живѣйшее участіе въ погребальныхъ хлопотахъ. „Преосвященный Діонисій“, писалъ онъ Погодину, „весьма расположенъ и готовъ отдать послѣдній долгъ покойному. Не угодно-ли будетъ съ нимъ повидаться и уладить. Еслибъ случился и Викарій и Митрополитъ, почетный членъ Московскаго Университета, то они бы сдѣлали честь и себѣ и знаменитому поэту-оратору и критику, столько вмѣстившему въ себѣ дарованій и столько оказавшему услугъ отечественному просвѣщенію. Я желалъ бы, чтобы и Великій Князь Михаилъ почтилъ его память, какъ дѣлывали Государи“. Между тѣмъ Будринъ писалъ Погодину: „Преосвященный Діонисій отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что чрезвычайно усталъ сегодня въ крестномъ ходѣ; но, какъ слышно, тутъ дѣйствуетъ г. Снегиревъ. Преосвященный Инокентій сказалъ: *онъ отдохнетъ!* И такъ не нужно-ли еще попросить преосвященнаго Діонисія вамъ самимъ. Преосвященный Инокентій сказалъ мнѣ, чтобъ я попросилъ еще отца архимандрита Виталія, ректора семинаріи, между прочимъ и отъ его имени. Я былъ у него и онъ обѣщалъ быть при выносѣ и служить обѣдню. И такъ будетъ два архимандрита. Свѣчи надобно. Пять въ трикиріи и одну для архіерея. „Чаю пить“, сказалъ онъ, „не буду: некогда; а свиту можете угостить. Денегъ никто не возьметъ ни копѣйки—строго запрещено Преосвященнымъ Митрополитомъ“ [223]). Въ это же время самъ Погодинъ „спорилъ съ канальей гробовщикомъ“ [224]). 29 іюля 1830 года, былъ отданъ послѣдній священный долгъ покойному преосвященными: викаріемъ Московской митрополіи Инокентіемъ и епископомъ Діонисіемъ, съ архимандритами Виталіемъ и Арсеніемъ и протоіереемъ Василіемъ Богдановымъ. Гробъ Мерзлякова былъ орошенъ слезами и родныхъ и чужихъ. Товарищи и ученики несли его на себѣ изъ слободки до церкви Тихвинской Богоматери, что въ Красномъ Селѣ, гдѣ нынѣ Алексѣевскій монастырь, а послѣ отпѣванія отъ церкви до Ваганьковскаго кладбища, гдѣ тѣло его и предано землѣ“ [225]). „Нѣсколько поколѣній учениковъ“, писалъ

Погодинъ, „умилительно и старые и молодые. Несъ на себѣ до церкви. Поперхнулся и весь день прокашлялъ. Пѣшкомъ на Ваганьково по жару“ [226]).

При погребеніи присутствовалъ и самъ И. И. Дмитріевъ. „Мы лишились Мерзлякова“, писалъ нашъ знаменитый писатель, „Я былъ у него на погребеніи въ Сокольникахъ. Прекрасное утро, сельскіе виды, повсюду зелень, скромный домикъ, откуда несли его въ церковь; присутствіе двухъ архіереевъ, трехъ кавалеровъ со звѣздами, изъ коихъ два были Кудрявцевъ и Бантышъ-Каменскій, и подлѣ гроба, на подушкѣ, одинъ только крестикъ Владиміра: все какъ-то сказывало, что погребаютъ поэта [227]). Почтенный Московскій профессоръ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ принималъ также живое участіе въ отданіи послѣдняго долга своему товарищу. „Кромѣ васъ, какъ пригласителя“, писалъ онъ Погодину, „никому неприлично благодарить преосвященныхъ, архимандритовъ и пр. Но раздѣлимся пополамъ; я поблагодарю преосвященнаго Діонисія, Богоявленскаго архимандрита и Василія Ивановича, а вы преосвященнаго Инокентія и Ректора. Князь С. М. Голицынъ прислалъ для г. Мерзляковой 540 р.“ [228]).

Старый другъ и товарищъ Мерзлякова, М. Т. Каченовскій, почтилъ память его слѣдующими теплыми словами: „Въ 26-й день сего іюля въ 4-мъ часу по полудни скончался Алексѣй Θедоровичъ Мерзляковъ, знаменитый нашъ поэтъ, ораторъ, критикъ и профессоръ. Потеря горестная для любителей просвѣщенія и талантовъ, невознаградимая для друзей незабвеннаго и для всѣхъ, которые, умѣя цѣнить достоинство души благороднѣйшей — чуждой даже поползновеній къ злонавѣтливости, коварству, любостяжанію, чуждой вообще низкихъ склонностей сердца — по связямъ общежитія имѣли случай наблюдать нравственный его характеръ. Проводя лѣтнее время въ Сокольникахъ близъ заставы, тамъ сочинилъ онъ и послѣднее стихотвореніе *Юбилей,* ровно за мѣсяцъ передъ кончиною своею, произнесенное имъ на торжественномъ актѣ Университета. Уже обреченный могилѣ, доживая дни изочтенные,

Мерзляковъ прочиталъ послѣднее твореніе свое съ чувствомъ, съ выразительною живостію; оно и принято было со знаками полнаго удовольствія отъ всѣхъ слушателей. Угасавшій зракъ Поэта прояснился при столь лестномъ благоволеніи—но можно было замѣтить, что и напряженіе силъ изнемогшихъ ускорило для него разлуку со здѣшнимъ міромъ.

Литературная жизнь Мерзлякова принадлежитъ Россійской публикѣ и славѣ. Онъ медлилъ издавать свои стихотворенія, изъ коихъ многія наизусть поются юношествомъ и читаются стариками. Я почти увѣренъ, что и не думалъ онъ собирать прозаическихъ своихъ сочиненій, изъ которыхъ можно составить книжки, драгоцѣнныя своимъ содержаніемъ. Благодѣтельный законъ ограждаетъ нынѣ отъ притязаній алчнаго корыстолюбія произведенія ума авторскаго, котораго собственность остается неприкосновенною. Мерзляковъ оставилъ семейство, оставилъ дѣтей: они да воспользуются плодами родительскихъ трудовъ, необходимыми при сиротствѣ и нѣжномъ возрастѣ.

Почій въ мірѣ, товарищъ, память твоя пребудетъ незабвенною между Русскими“.

Мерзляковъ умеръ, „какъ Пиронъ“, писалъ Снегиревъ Анастасевичу, „не бывши, академикомъ. Это грѣшно для Академіи Россійской, что она не уважила его достоинствъ и трудовъ. Мерзлякову трудно найти и соперника и преемника; онъ соединялъ въ себѣ многое, бывши поэтомъ, ораторомъ, критикомъ, и сверхъ того добрымъ человѣкомъ, хотя по разнымъ отношеніямъ несчастнымъ, испыталъ въ жизни много скорбей, сократившихъ дни его“ [229]).

Погодинъ искренними слезами оплакалъ кончину своего любимаго наставника, которому онъ до конца дней его оставался вѣренъ.

„Нашъ чистый, нашъ добрый, нашъ славный Мерзляковъ скончался“, писалъ онъ Шевыреву, „и въ какомъ положеніи: бѣдный, забвенный, оскорбленный, унылый! Какъ горько было мнѣ смотрѣть на него, лежащаго въ постелѣ: такъ блистательно начать свою жизнь и такъ жалостно кончить ее.

Сердце ныло у меня. Пятеро дѣтей остались безъ куска хлѣба, но я увѣренъ, что они получатъ всякое пособіе отъ Правительства. Приняты мѣры. Я радъ, что въ *Рѣчи* своей и послѣ я успѣлъ сказать ему пріятное. Между прочимъ я сказалъ ему: „если мнѣ придется, чрезъ двадцать пять лѣтъ празднуя столѣтіе Университета, говорить еще рѣчь, я вспомню о нынѣшнихъ вашихъ стихахъ, „и исполню“ [230]). „Жаль, жаль Мерзлякова“, отвѣчалъ Шевыревъ, „я ужъ зналъ объ этомъ. Еще грустнѣе были твои подробности. Да, въ немъ былъ огонь священный; передъ смертью онъ долженъ былъ вспыхнуть. Иначе не бываетъ. Въ такихъ людяхъ душа праздно не разстается съ тѣломъ“ [231]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ сталъ уговаривать Шевырева, чтобы онъ поступилъ въ Университетъ на каѳедру Мерзлякова. „Мѣсто его“, писалъ онъ Шевыреву, „по чистой моей совѣсти и внутреннему убѣжденію, принадлежитъ тебѣ. Это не голосъ друга, а голосъ университетскаго профессора и патріота, который преданъ пользѣ и славѣ Отечества и просвѣщенія. Я вижу въ тебѣ еще много недостатковъ, но они исправятся, и ты будешь у насъ достойнымъ преемникомъ славнаго Мерзлякова. Умъ, познанія, даръ слова, піитическій талантъ, энтузіазмъ, любовь къ просвѣщенію — аксіосъ. Въ субботу я написалъ ужъ письмо къ Титову и Одоевскому; завтра Авдотья Петровна Елагина напишетъ къ Жуковскому. Здѣсь надѣюсь убѣдить многихъ профессоровъ. Молодъ—да развѣ Мерзляковъ старше началъ свое поприще? Разумѣется старики наши этого не понимаютъ. Но въ Петербургѣ должны убѣдиться, что университетъ можно поставить на надлежащую степень, только не допуская профановъ ни на одно значительное мѣсто. Ну какъ мы всѣ примемся вмѣстѣ за сѣяніе! А разумѣется твоего отказа я не предполагаю: и честь и польза. Да что и говорить пустое! Ты можешь кончить свое путешествіе, какъ хочешь, а между тѣмъ пусть преподаетъ пока Побѣдоносцевъ. Соперниками будутъ, думаю: онъ, Раичъ,

Перевощиковъ, Бутырскій, Глаголевъ и Давыдовъ. Если объявятъ конкурсъ, тѣмъ лучше" [232]). Но строгій къ себѣ, Шевыревъ, на этотъ вызовъ отвѣчалъ: „Предложеніе твое мнѣ лестно, но я еще молодъ и прежде двухъ лѣтъ не возмогу возложить на себя такого святаго долга. Требованія увеличились съ вѣкомъ. Я былъ увлеченъ службой въ разныя стороны. Мнѣ надо сосредоточиться, пропасть перечесть. Короче — вотъ былъ мой планъ доселѣ: теперь я весь преданъ Италіи, искусству, исторіи ея и ея древнимъ, частію и *Ромулу*. Будущій годъ хотѣлъ я посвятить на слушаніе лекцій въ какомъ-нибудь университетѣ, и заключивъ три года путешествія, — въ Россію, и цѣлый годъ ничѣмъ не заниматься, какъ Русскимъ, включивъ сюда и Славянское со всѣми нарѣчіями и исторіею, а тамъ изыти на поприще. Особенно же мои мысли сосредоточивались у театра, сцены и школы театральной. Отселѣ хотѣлъ я выйдти вмѣстѣ съ *Ромуломъ*. И такъ не прежде двухъ лѣтъ, ибо чувствую, что мнѣ еще много, и много спѣть. Сколько хочется прочесть книгъ, непремѣнно здѣсь на мѣстѣ. О дѣла, дѣла! Что касается до соперниковъ, то со всѣми пойду въ конкурсъ, кромѣ Давыдова... Онъ мой наставникъ, и ему я многимъ обязанъ. Слѣдовательно, съ нимъ я спорить не стану: это всякій имѣлъ бы право назвать хвастовствомъ непростительнымъ. Въ адъюнкты къ нему — съ охотою. Пусть дадутъ мнѣ пока маленькую часть, — одну Эстетику; но для этого надобно музей, а то къ чему слѣпыхъ учить краскамъ? Но все не прежде двухъ лѣтъ. До тѣхъ поръ ни шагу" [233]).

XXII.

Княгиня З. А. Волконская была патріотка въ самомъ возвышенномъ значеніи этого слова. Живя въ Римѣ, она привитала мыслію и чувствомъ въ Москвѣ. Доказательствомъ сего можетъ служить ея предположеніе объ учрежденіи *Эстетическаго Музея при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ*.

Проектъ этого Музея, разработанный Шевыревымъ и одобренный знаменитымъ Торвальдсеномъ, княгиня Волконская доставила Погодину. „Мы, Русскіе“, читаемъ въ проектѣ, „съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что изящныя искусства, благодаря попеченіямъ правительства, глубоко вкоренились у насъ и принесли плоды, дающіе намъ право и въ сей отрасли просвѣщенія войти въ достойное состязаніе съ другими народами. Художники Русскіе со славою вознаграждаютъ пожертвованія и оправдываютъ ожиданія Монарха и Отечества. Но желательно бы было, чтобъ изящныя искусства не ограничивались одними мастерскими художниковъ, но вошли бы непосредственно въ кругъ общественнаго воспитанія и образовали бы въ народѣ чувство эстетическое. Сей цѣли невозможно достигнуть, не имѣя передъ очами лучшихъ произведеній рѣзца, кисти и циркуля.

Петербургъ богатъ сими способами: въ Эрмитажѣ, Академіи Художествъ, во многихъ частныхъ галлереяхъ, между сокровищами оригинальными, изящные слѣпки и копіи могутъ дать понятіе объ искусствѣ всякому, желающему проникать въ его тайны. Москва, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ галлерей, отдаленныхъ отъ города, какъ-то: князя Юсупова въ Архангельскомъ и графа Шереметева въ Останкинѣ, не имѣетъ сихъ сокровищъ. Предметъ сего проекта пособить недостатку и, съ одобренія высшаго правительства, въ Москвѣ, подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ Императорскаго Московскаго Университета, если онъ благоволитъ изречь на то свое согласіе, основать Эстетическій Музей или полное собраніе гипсовыхъ слѣпковъ, а по возможности и мраморныхъ копій, съ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній ваянія древняго, средняго и новаго; копій съ отличныхъ картинъ разныхъ школъ классической живописи и, наконецъ, моделей со всѣхъ славнѣйшихъ памятниковъ архитектуры, Древностью и Средними вѣками потомству завѣщанныхъ. Къ сему со временемъ присоединятся и модели разныхъ утварей древней жизни, образцы коихъ съ такою роскошью представ-

ляются намъ въ Музеѣ Неаполитанскомъ. Однимъ словомъ, оный Музей долженъ въ миніатюрѣ представить всѣ сокровища искусства и древности.

Нужно ли доказывать пользу такого заведенія? Вспомнимъ только, что каѳедра Эстетики и Древностей въ Московскомъ Университетѣ оживится, когда передъ очи слушателей сойдетъ великолѣпный Олимпъ, и всѣ зданія, утвари, все наслѣдіе древней жизни, предстанетъ не въ неясныхъ словесныхъ описаніяхъ, а въ живыхъ моделяхъ; вкусъ изящнаго, который при благотворномъ свѣтѣ наукъ, разливается быстро по нашему Отечеству, получитъ новую пищу; артисты Московскаго театра здѣсь научатся граціи и величію положеній, а прочіе художники, къ оному принадлежащіе, здѣсь найдутъ вѣрныя модели для сцены. Но можно ли истощить когда нибудь пользу и удовольствіе, отъ такого заведенія произойти имѣющія“?

По предположенію княгини Волконской, этотъ Эстетическій Музей долженъ былъ состоять изъ девяти отдѣленій: 1. Какъ преддверіе къ искусству Греческому, составятъ памятники искусства Египетскаго и Этрусскаго. 2. Изобразитъ переходъ отъ искусства символическаго къ его совершенному и самостоятельному развитію и будетъ заключать въ себѣ несомнѣнныя сокровища рѣзца Греческаго. 3. Представитъ цвѣтъ всего искусства древняго и будетъ содержать статуи всѣхъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ миѳологіи древней. Оное отдѣленіе можетъ быть наименовано *Олимпомъ*. 4. Будетъ содержать группы и олицетворитъ тотъ періодъ искусства, когда оно, сошедъ съ величаваго спокойнаго Олимпа на землю, стало рѣзцомъ выражать на мраморѣ страсти человѣческія. 5. Составится изъ портретовъ и бюстовъ, оставленныхъ Древностію, и олицетворитъ тотъ періодъ искусства, когда оно обратило всю силу опытнаго рѣзца на изображеніе личнаго человѣчества. Періодъ сей начатъ Лизиппомъ, творцемъ бюста Александра Македонскаго. 6. Должно изобразить намъ христіанское искусство, воскресшее подъ рѣзцомъ Микель Анджело. 7. Представитъ уклоненіе искусства отъ простоты Гре-

ческаго и отъ пути, показаннаго Микель-Анджеломъ, къ формамъ насильственнымъ, искривленнымъ, и олицетворитъ вѣкъ Бернини и его послѣдователей. 8. Представитъ намъ въ произведеніяхъ Кановы и Торвальдсена не только совершенное возвращеніе къ простотѣ искусства древняго, но и преображеніе онаго при вліяніи религіи христіанской. Въ особомъ 9-мъ отдѣленіи будутъ находиться модели Колизея, Пантеона, Форума Римскаго, Помпеи, Геркуланума, театра древняго, храма *Пестумскаго*, храма Агригентскаго въ Сициліи, гробницы Сципіоновъ, храма св. Петра", и проч.

Этотъ замѣчательный проектъ княгиня Волконская заключаетъ желаніемъ, чтобъ Императорскій Московскій Университетъ, „всегда ревностный къ пользѣ общей, не отстранилъ отъ себя новаго подвига во славу наукъ, ему по праву принадлежащаго; чтобъ г. Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ, всегда неутомимо усердный ко благу древней столицы, и г. попечитель сего Университета, князь Сергій Михаиловичъ Голицынъ, отъ коего Москва ожидаетъ новыхъ подвиговъ къ ея нравственному обновленію, обратили вниманіе на сей проектъ—чтобъ любовь къ искусству въ жителяхъ обѣихъ столицъ пробудила и поддержала твердое рвеніе къ исполненію онаго" [234]).

Само собою разумѣется, что Погодинъ, всегда мечтавшій и свою собственную обитель украсить портретами великихъ людей и копіями съ изящнѣйшихъ произведеній ваянія и живописи, чтобы всякимъ взглядомъ изощрялся вкусъ, возвышалась душа и даже домъ свой на Мясницкой, купленный у князя Тюфякина, называлъ *Парнасомъ*, весьма восторженно отнесся къ этому проекту княгини Волконской и не замедлилъ писать Шевыреву: „Третьяго дня получилъ отъ тебя проектъ Эстетическаго Музея, и въ восторгѣ. Да здравствуетъ Княгиня! Она алмазными буквами вписываетъ свое имя въ лѣтопись Москвы или, лучше, всей Россіи. Ея подарокъ дороже, значительнѣе цѣлой области съ народонаселеніемъ. Нынѣшній разъ пишу къ тебѣ только объ этомъ, и вотъ мои мысли

утвержденныя благонамѣреннѣйшими нашими профессорами, которымъ я показывалъ планъ. Пять тысячъ сумма, столь незначительная, что поднимать Москву и Петербургъ на собраніе ея не нужно. Университетъ одинъ можетъ взнести вдругъ десять и больше; а послѣ, когда основаніе будетъ положено, можно будетъ обнародовать планъ и пригласить доброхотныхъ дателей чрезъ князя Волконскаго и князя Голицына, и чрезъ журналы. И потому планъ дѣйствія долженъ быть вотъ какой: Княгиня да пришлетъ проектъ прямо въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета. Ты потрудишься переписать въ другой разъ — точно въ томъ видѣ какъ онъ у меня. Предложеніе должно быть подписано княгинею З. А. Волконскою. Въ одно время съ предложеніемъ въ Совѣтъ Университета имѣютъ быть препровождены копіи точныя съ него при письмахъ отъ Княгини въ Петербургѣ къ Блудову, князю Ливену и другимъ значительнымъ людямъ, напримѣръ, Уварову, Строганову; въ Москву — къ князю Сергію Михаиловичу Голицыну (который будетъ, кажется, нашимъ верховнымъ попечителемъ) и Сергію Аполлоновичу Волкову, который будетъ, кажется, его помощникомъ. Это родъ циркуляровъ, и, слѣдовательно, Княгиня, дѣйствуя во благо Отечества, можетъ разослать ихъ, не взирая на лица, хотя бы ей и незнакомыя и низшія. Въ бумагѣ, въ Совѣтъ, на концѣ, имѣетъ быть сказано для вѣсу, что копіи я-де ужъ послала къ такимъ-то, а въ письмахъ къ нимъ: „вотъ и копія съ предложенія моего въ Университетъ". Въ проектѣ особенно ударить должно вотъ на что: и, можетъ быть, долго не случится быть такому счастливому стеченію обстоятельствъ (я подразумѣваю: познанія, вкусъ, любовь къ искусствамъ, долгое пребываніе Княгини въ Италіи и знакомство съ первыми людьми по сей части въ этой странѣ); слѣдовательно, грѣхъ предъ Отечествомъ и просвѣщеніемъ ими не воспользоваться etc. Скорѣе, какъ можно, я мечтаю ужъ объ исполненіи. Университетъ (которому, безъ его вѣдома, не такъ давно купили минеральный ненужный кабинетъ за 25 тысячъ рублей)

согласится тотчасъ, а въ Петербургѣ, приготовленные люди подтвердятъ, и да здравствуютъ княгиня Зинаида Волконская и ея помощникъ! Но какъ она въ короткое время успѣетъ: выбирать, заказывать, разсчитываться во всѣхъ городахъ Италіи? Гдѣ она возьметъ времени? Если бы ей угодно было выписать меня *(свѣтлая мысль!)* къ себѣ на полгода, отъ сентября до февраля, для сношеній съ художниками подъ ея руководствомъ, освѣдомленій, улаженія, отправленія, дабы въ Москвѣ помочь уставить, если не самому сдѣлать? И мало ли—сколько причинъ можешь найти ты. А какъ бы это было славно! Я принялъ бы хотя страдательное участіе въ прекрасномъ дѣлѣ, проѣхался бы по Европѣ, поцѣловалъ бы тебя. А каково это? И все это возможно! Если Княгиня одобритъ мою мысль, то напишите въ проектѣ и слѣдующее: „а для сношеній съ художниками и проч. и проч., я прошу выслать мнѣ чиновника изъ Университета и указываю на адъюнкта Погодина, наиболѣе мнѣ извѣстнаго и для того способнаго. На проѣздъ его (чиновника) и шестимѣсячное пребываніе нужно три тысячи рублей“. Прочее я добавлю и отъ себя. Съ завтраго принимаюсь опять за Итальянскій языкъ“.

Къ проекту этому отнесся также чрезвычайно сочувственно Павелъ Александровичъ Мухановъ, что видно изъ слѣдующихъ его строкъ къ Шевыреву: „Съ восторгомъ читалъ ваше письмо изъ Рима. Проектъ Эстетическаго Музея въ Москвѣ—мысль счастливѣйшая! а всѣхъ счастливѣе вы; ибо находитесь на развалинахъ міра классическаго, и все изящное столь къ вамъ близко! Наслаждайтесь и возвратитесь къ намъ скорѣе со всѣмъ изящнымъ, которое столь необходимо для чистыхъ радостей Москвы“ [235]).

Въ это время Московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ приблизилъ къ себѣ Погодина, который, пользуясь симъ случаемъ, пропагандировалъ проектъ княгини Волконской предъ этимъ просвѣщеннымъ и вліятельнымъ сановникомъ. „Къ главнокомандующему“, записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, прочелъ проектъ княгини Волконской. Онъ

взялся хлопотать. Но принялъ безъ особенной ласки. Спрашивалъ о службѣ, о Шевыревѣ, Мицкевичѣ“ [236]). Увѣдомляя объ этомъ Шевырева, Погодинъ писалъ: „Вчера прочелъ я проектъ князю Дмитрію Владимировичу, и онъ взялся убѣждать нашего сильнаго попечителя, князя Сергія Михайловича Голицына, и открыть со временемъ подписку для распространенія Музея, которому основаніе должно положить правительство. И такъ, по полученіи бумагъ отъ васъ, я немедленно дамъ знать ему, и начнется дѣйствіе. Между тѣмъ затрубимъ въ журналахъ и публикѣ. Я могу тогда получить и на дорогѣ инструкцію, чтобъ обратиться въ Италіи въ помощники нашей благодѣтельной Княгини“.

Но все это дѣло осталось одною прекрасною мечтою, и благая мысль княгини Волконской и Шевырева не осуществилась. Погодинъ въ досадѣ на эту неудачу излилъ Шевыреву свое негодованіе въ слѣдующихъ нѣсколько ексцентричныхъ выраженіяхъ: „Университету“, писалъ онъ, „никакихъ предложеній ученыхъ дѣлать нельзя; ибо теперь это—скопище невѣждъ, плутовъ и эгоистовъ. О музеѣ я удержалъ у себя всѣ бумаги, ибо и Правительству теперь не до дѣлъ такого рода“ [237]).

XXIII.

Въ то время, когда избранный кругъ почитателей и учениковъ съ горькими слезами провожалъ *въ путь всея земли* Алексѣя Θедоровича Мерзлякова, Москву посѣтила знаменитая пѣвица Зонтагъ.

Московскій главнокомандующій князь Д. В. Голицынъ въ честь ея далъ блестящій балъ. На страницахъ *Московскаго Вѣстника* было напечатано описаніе этаго торжества, написанное Н. Ф. Павловымъ. „Я видѣлъ блистательное общество“, читаемъ въ этомъ описаніи, „тысячи огней, толпу народа на площади, надъ которой катился спокойный мѣсяцъ и снова сердце мое трепетало при звукахъ голоса, необъясняемаго ни

какими поэтическими сравненіями. 28 іюля въ палатахъ Генералъ-Губернатора данъ праздникъ, который начался концертомъ, кончился баломъ. Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ почтилъ сей праздникъ своимъ присутствіемъ. Мы слышали голоса извѣстныхъ любительницъ и любителей музыки; мы слышали Германскаго соловья, который пролетѣлъ Европу изъ края въ край. Въ концертѣ пѣли Анна Сергѣевна Шереметева, Прасковья Арсеньевна Бартенева, Александръ Петровичъ Лачиновъ, Елизавета Алексѣевна Акулова, князь Василій Петровичъ Голицынъ. Загремѣла другая музыка, зашумѣлъ балъ. Хотя иногда задумывается человѣкъ при мысли о правахъ другаго, но право давать балы должно исключительно принадлежать вельможамъ; тутъ все такъ свѣтло, такъ нарядно, такъ изобильно. Начался вальсъ. Г-жа Зонтагъ безпрестанно мелькала въ его вихрѣ. Наконецъ однообразный порядокъ природы, полагающій конецъ и нашей печали, и нашей радости, прекратилъ этотъ памятный пиръ".

Концерты Зонтагъ привлекали къ себѣ многихъ. Во Французскомъ журналѣ *Преній* писали, что ея появленіе „разливало жизнь въ тѣхъ городахъ, гдѣ политика не одушевляетъ народа". По свидѣтельству Н. Ф. Павлова, въ Москвѣ „стекались слушать ея, прервавъ на время любимые наши разговоры о домашнихъ дѣлахъ ближняго, и о ней только говорили. Нѣкоторые просвѣщенные поклонники искусства пріѣзжали изъ деревень въ ея концерты, въ которыхъ встрѣчалъ я даже почтенныхъ согражданъ въ старинной Русской одеждѣ. Лѣтомъ наша столица такъ безлюдна! Иные въ помѣстьяхъ отцовъ наслаждаются природой; иные, по примѣру муравья, заготовляютъ запасъ на зиму, похвальная предусмотрительность"; но всѣ они собрались на время въ Москву, чтобы услышать голосъ пріѣзжей пѣвицы [238]). Герой нашъ также наслаждался звуками голоса Зонтагъ. Сначала отправился онъ въ раекъ. „Очень пріятно", пишетъ онъ, „но не до глубины сердца. Съ Перевощиковымъ, Томашевскимъ, Щепкинымъ. Перевощи-

ковъ смѣшилъ: вѣдь, чай, кузнецова дочь; какую дудку онъ сковалъ ей“. Кромѣ того Погодинъ имѣлъ счастливый случай попасть къ ней на репетицію и пришелъ въ восторгъ: „какъ проста и мила. Ангелъ“ [239]). Шевыреву же онъ писалъ: „Здѣсь была Зонтагъ и очаровала“ [240]). Даже самъ степенный академикъ Кругъ увлекался пѣніемъ Зонтагъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія его строки къ его почитателю Погодину: „Мы слышали г-жу Зонтагъ, къ сожалѣнію, лишь какъ концертную пѣвицу, и тѣмъ не менѣе она подтвердила не только свою славу, но превзошла ожиданія и знатоковъ, и людей, непонимающихъ музыки. Она обладаетъ превосходнымъ голосомъ. Съ величайшею техникой у ней соединяется замѣчательная вѣрность интонаціи. Трудная задача – сочетать силу и вмѣстѣ нѣжность голоса—разрѣшена ею какъ нельзя лучше. Съ какимъ искусствомъ она выполняетъ и простую мелодію и пѣніе вычурное, съ фіоритурами (колоритурное), словно она шалитъ, играетъ звуками. Слушателей всего болѣе подкупаетъ однако внутреннее чувство пѣвицы, гдѣ слышится ея благородная душа: и эти звуки дѣйственны, ибо все идущее отъ сердца, идетъ прямо къ сердцу“. Но Н. Ф. Павловъ всѣхъ болѣе былъ очарованъ Зонтагъ и, не довольствуясь прозой, онъ пѣлъ ей:

На мигъ одинъ, пѣвица рая
Помедли здѣсь, не улетай;
И насъ на небо похищая,
Еще землѣ не отдавай [241]), и пр.

У старыхъ профессоровъ Московскаго Университета былъ обычай держать при своихъ домахъ пансіоны, для приготовленія юношей къ университету. Слѣдуя по стопамъ ихъ, и Погодинъ завелъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Мясницкой подобный же пансіонъ, но свѣдѣній объ этомъ учрежденіи, за исключеніемъ нѣскольких отрывочныхъ строкъ изъ писемъ Погодина къ Шевыреву, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ. „Семейства моего теперь“, писалъ онъ, „двадцать пять человѣкъ; ужъ и корову купилъ“. Въ другомъ письмѣ онъ со-

общаетъ: „У меня теперь одиннадцать пансіонеровъ съ которыхъ не беру меньше восьмисотъ съ каждаго, а съ другихъ при урокахъ тысячу пятьсотъ и тысячу двѣсти. Это приноситъ мнѣ хорошій доходъ, и кромѣ содержанія себя и семейства остается въ скопъ“. Поведеніе воспитанниковъ причиняло иногда безпокойство Погодину. „Мои студенты“. писалъ онъ, „ушли въ трактиръ ужинать. Разсердился и Богъ знаетъ что̀ представилось“ [242]).

Однимъ изъ питомцевъ Погодина былъ извѣстный своимъ добродушіемъ Иванъ Θедоровичъ Золотаревъ. Въ 1830 году, онъ отправился изъ Москвы въ Дерптъ для поступленія въ число студентовъ тамошняго Университета. Въ числѣ товарищей его по Дерптскому Университету былъ извѣстный писатель графъ В. А. Соллогубъ, который въ своихъ *Воспоминаніяхъ* посвятилъ И. Θ. Золотареву нѣсколько теплыхъ строкъ. „Скажу“, пишетъ графъ Соллогубъ, „нѣсколько словъ о тѣхъ изъ моихъ товарищей, съ которыми впослѣдствіи я сохранилъ дружественныя отношенія. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый Пироговъ, потомъ Иноземцевъ, сыновья историка Карамзина—Андрей и Владиміръ; наконецъ извѣстный всему Петербургу И. Θ. Золотаревъ, съ которымъ мы навсегда остались друзьями близкими. Золотаревъ былъ типъ добронравнаго, благодушнаго юноши, воспитаннаго въ благочестивомъ домѣ. Отецъ его, человѣкъ зажиточный, былъ нотаріусомъ въ Москвѣ. На сколько я уже начиналъ быть неряшливъ, на столько Золотаревъ былъ аккуратенъ и разсудителенъ. У него было, однако, двѣ слабости: первая изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ ежедневно отправлялся на почту освѣдомиться, нѣтъ ли для него писемъ—ему никто никогда не писалъ, но это его не обезкураживало, и онъ, все-таки, каждый день ходилъ на почту; вторая его слабость была менѣе игриваго свойства: онъ былъ страстный охотникъ играть на скрипкѣ, а природа ему отказала рѣшительно въ музыкальныхъ способностяхъ; мы жили на одной квартирѣ, и читатели легко могутъ себѣ представить мой ужасъ. Особенно гнусно выходилъ у него одинъ

переходъ въ минорный тонъ“ [243]). Золотареву выпалъ жребій быть посредникомъ между Погодинымъ и профессорами Дерптскаго Университета. 27 августа 1830 года, мы его видимъ уже въ Дерптѣ, откуда онъ писалъ Погодину: „Пишу къ вамъ письмо сіе изъ маленькаго Нѣмецкаго города, куда судьба привела меня довершить мое образованіе, полученное мною подъ вашимъ руководствомъ. Простившись съ вами, напутствуемый вашимъ благословеніемъ на подвиги на поприщѣ ученія, 4 августа оставилъ милую родину мою — Москву бѣлокаменную, и пустился въ предлежавшій мнѣ путь; посѣтилъ градъ Св. Петра, удивлялся этому граду, коего не одно только наименованіе напоминаетъ тамъ объ этомъ божественномъ Петрѣ, коего геніемъ онъ воздвигнутъ. Обозрѣвъ сколько могъ предметы, достойные любопытства, и поклонившись праху незабвеннаго Карамзина, я по десятидневномъ пребываніи отправился въ Дерптъ, куда и прибылъ въ пятницу 22 августа. Въ воскресенье былъ съ письмомъ вашимъ у почтеннѣйшаго мужа, равно всѣми здѣсь любимаго и уважаемаго — у Эверса. Онъ очень боленъ глазами, но, не смотря на то, узнавъ, что я имѣю письмо отъ васъ, принялъ меня и я имѣлъ счастіе быть имъ обласканъ, какъ нельзя болѣе; онъ разспрашивалъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ, говорилъ со мною о Московскомъ Университетѣ. Онъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ самъ будетъ отвѣчать вамъ, касательно вашихъ съ нимъ ученыхъ сношеній. Имѣя отъ васъ порученіе къ профессору Бунге, я также былъ у него и имѣлъ честь вручить ему вашу книгу. Онъ принялъ ее весьма охотно. Дерптъ городъ маленькій, но прекрасный. Здѣсь все учится! И для сего есть всѣ способы. Здѣсь все дышетъ любовію къ просвѣщенію. Профессора и студенты — главный классъ въ городѣ. Эверсъ любимъ здѣсь студентами какъ отецъ, обходится съ ними какъ съ друзьями“.

Но не долго пришлось Золотареву наслаждаться покровительствомъ Эверса. Въ ноябрѣ 1830 года Дерптскій Университетъ и наука понесли незамѣнимую утрату: „Съ прискорбіемъ“, писалъ Золотаревъ Погодину, „спѣшу увѣдомить

васъ о кончинѣ почтеннаго и добраго нашего Эверса. До послѣдней минуты Эверсъ равнодушно переносилъ все, чѣмъ страдало бренное тѣло, и умеръ тихо и спокойно. Студенты неутѣшно опечалены смертію добраго Эверса. Въ послѣдніе дни передъ его кончиною студенты цѣлыми толпами приходили навѣдываться о состояніи больного. Они любили его искренно и онъ точно былъ сего достоинъ“). Въ другомъ письмѣ Золотаревъ писалъ Погодину: „Университетъ здѣшній лишился въ Эверсѣ попечительнаго ректора и одного изъ лучшихъ своихъ профессоровъ, студенты—ректора, профессора—друга, коего они уважали и любили искренно, ученый свѣтъ достойнѣйшаго своего сочлена! Густавъ Филипповичъ скончался въ прошедшую субботу, 8 ноября въ 11 часовъ, по полуночи. Давно разстроенное здоровье его задолго еще до его кончины совершенно его ослабило! Больной на сіе никакого вниманія не обращалъ и никакъ не покидалъ ученыхъ своихъ занятій... Вся помощь Дерптской медицины, пламенныя желанія всѣхъ знавшихъ покойнаго не могли возстановить его здоровья. Главная болѣзнь его была поврежденіе легкихъ, а болѣзнь глаза, по увѣренію здѣшнихъ врачей, была ни что иное, какъ послѣдствіе главной болѣзни — поврежденія легкихъ. Завтра тѣло покойнаго будетъ предано землѣ и печальный обрядъ сей будетъ совершенъ съ большою пышностію. Пожалѣйте же обо мнѣ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я не могъ и не успѣлъ пользоваться наставленіями Эверса. Судьба лишила меня сего удовольствія и лишила безвозвратно. Ректоромъ здѣшняго Университета назначенъ профессоръ *Парротъ*, сынъ академика Паррота, извѣстный своею ученою экспедиціею на Араратъ. Каѳедра покойнаго, полагаю, долго останется еще праздною, да и кто замѣнитъ намъ Эверса?

Осмѣливаюсь въ заключеніе письма убѣдительнѣйше просить васъ, почтенный мой наставникъ, удостоить меня письмомъ своимъ, ежели у васъ останется когда-нибудь хотя нѣсколько свободныхъ минутъ досуга отъ вашихъ занятій. Г. Бунге исполнилъ ваше желаніе въ разсужденіи поправки нѣ-

которыхъ словъ въ книгѣ вами издаваемой. По случаю карантиннаго оцѣпленія Москвы, считаю неудобнымъ послать оную къ вамъ въ настоящее время".

Къ этому же времени относится первое знакомство Погодина съ извѣстнымъ Петербургскимъ профессоромъ и историкомъ Николаемъ Герасимовичемъ Устряловымъ. Поводомъ къ этому знакомству послужила, изданная Устряловымъ въ 1830 году, книга Маржерета *Состояніе Россійской Державы*, въ Русскомъ переводѣ и съ примѣчаніями переводчика. Этотъ трудъ свой Устряловъ препроводилъ Погодину при слѣдующемъ письмѣ: „Представляя на просвѣщенный судъ вашъ прилагаемую при семъ книгу, я льщу себя надеждою, что вы, милостивый государь, отзоветесь о ней въ вашемъ журналѣ съ тѣмъ же безпристрастіемъ, которое всегда отличало ваши критическіе разборы. Признаюсь откровенно, что благосклонное вниманіе публики для меня особенно важно: оно подкрѣпитъ мое намѣреніе издать лучшія сочиненія иноземныхъ писателей XVI-го вѣка о нашемъ Отечествѣ и преимущественно рукописныя: Паарле, Бера и другіе въ подлинникѣ съ Русскими переводами. Начало сему труду уже сдѣлано, продолженіе онаго будетъ зависѣть отъ участи Маржерета" [244]).

XXIV.

Поглощенный дѣятельностью журналиста и исполненіемъ обязанностей, связанныхъ съ званіемъ профессора университета и педагога, а также и свѣтскими увлеченіями, Погодинъ умѣлъ однако удѣлять время и на занятія литературою. Окончивъ свою *Марѳу*, онъ приступилъ къ печатанію ея и въ тоже время у него является мысль написать *Бориса Годунова* съ цѣлію положить „гирю противъ Карамзина и Пушкина".

Печатаніе *Марѳы* происходило въ самый разгаръ холеры въ Москвѣ, когда трагикъ нашъ игралъ почтенную

роль успокоителя угнетенныхъ страхомъ смерти жителей первопрестольной столицы. Печатая, онъ мечталъ, что *Мареу* „будетъ играть Семенова и публика въ восторгѣ засвидѣтельствуетъ ему свою благодарность“ [245]). Конечно съ этою цѣлію читалъ онъ знаменитой актрисѣ свою трагедію. Чтеніе это имѣло успѣхъ, по крайней мѣрѣ вотъ что писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину: „Мало въ жизни имѣлъ я столь пріятныхъ минутъ, какъ вчера и за васъ и за себя. Восторгъ произвела *Мареа* въ высочайшей степени. Катерина Семеновна Семенова была почти больна, когда я пріѣхалъ; а уѣзжая, я оставилъ ее цвѣтущею здоровьемъ; она была блѣдна, уныла а потомъ сдѣлалась весела, румянецъ во всю щеку, разговорила весь домъ и ходила по комнатамъ, повторяя нѣкоторыя выраженія. *Мареу* у меня отняла. Однимъ словомъ это было торжество. Три бокала шампанскаго долженъ былъ я выпить за ваше здоровье“. Но трагедія его на сценѣ все таки не появилась. Какъ бы утѣшая себя Погодинъ писалъ Шевыреву: „у меня нѣтъ ни любви, ни насильственной смерти, ни трехъ единствъ. Главное дѣйствующее лицо народъ. Играть ее невозможно до тѣхъ поръ, пока не будетъ хорошихъ пятидесяти актеровъ для всякаго вѣстника и простолюдина“ [246]). А въ предисловіи къ *Мареѣ*, которая явилась въ свѣтъ безъ подписи имени автора, читаемъ: „Сочинитель этой трагедіи, трудясь и имѣя цѣль на другомъ поприщѣ, не драматическомъ, не можетъ судить съ вѣроятностію о произведеніи въ новомъ для себя родѣ, — не вѣритъ своимъ друзьямъ, которые, разумѣется, смотрятъ на него съ пристрастіемъ, — а съ другой стороны стыдится представить публикѣ сочиненіе, совершенно недостойное ея вниманія. Вотъ причина, почему онъ хочетъ теперь остаться неизвѣстнымъ. Если изъ голоса критики онъ узнаетъ, что недостатки его трагедіи выкупаются сколько нибудь ея достоинствами, и онъ удѣлилъ время для нея отъ занятій, составляющихъ сущность его жизни, не напрасно, то объявитъ свое имя; въ противномъ же случаѣ, отложитъ ее спокойно къ числу неудавшихся опытовъ. Историкъ Русскій, любя и

человѣческія, и государственныя добродѣтели, может сказать: „Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность Новгородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи". Сіи слова Карамзина положены въ основаніе трагедіи. Въ изображеніи буйныхъ вѣчей сочинитель слѣдовалъ также ему и Лѣтописямъ: и едваль найдется нѣсколько выраженій, которыхъ бы онъ не указалъ въ памятникахъ того времени. Говорить о вымышленныхъ чертахъ (битвѣ, лицѣ Борецкаго, заговорѣ князей удѣльныхъ, и проч.) было бы излишне: знающіе Исторію легко увидятъ сами, гдѣ отъ нея уклоняется трагедія".

Кромѣ трагедій, Погодинъ, какъ намъ извѣстно, писалъ и повѣсти. Почтенный ректоръ Харьковскаго университета, Артемовскій-Гулакъ, былъ почитателемъ этого рода его произведеній. „Ваши повѣсти", писалъ онъ Погодину, „приводятъ меня въ восторгъ и глубоко запечатлѣлись въ душѣ моей. Надъ вашей *Преступницей* я плакалъ какъ ребенокъ. *Черная Немочь* такъ поучительна, такъ превосходна, такъ оригинальна, что невольно, право, пожелаешь, чтобы побольше *такихъ болѣзней* являлось въ Словесности нашей" [247]). О его повѣсти *Преступница* въ *Литературной Газетѣ*, между прочимъ, сказано: эта повѣсть „принадлежитъ къ роду уголовной литературы, которая въ чести у насъ и уже обогащена нѣсколькими произведеніями того же автора" [248]). Такимъ образомъ, въ 1830 году, Погодинъ является предтечею столь прославившагося въ наши дни Достоевскаго.

Хотя Погодинъ и писалъ Шевыреву, что поэма его *Исторія* и что онъ ей себя посвящаетъ и любитъ ее болѣе и болѣе, но труды его, въ теченіе 1830 года, въ этой любимой имъ области ограничиваются только тремя рецензіями. Разбору его подверглось сочиненіе Доброклонскаго, подъ заглавіемъ: *Краткая Исторія Россійской Дипломатики* (М. 1830). Въ этомъ разборѣ, Погодинъ, между прочимъ, укоряетъ автора за то, что онъ не обратилъ вниманія на союзъ Іоанна III съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Союзъ этотъ Погодинъ находитъ „примѣчательнѣйшимъ, важнѣйшимъ, можетъ быть, изъ всѣхъ союю-

зовъ въ нашей Исторіи". Этотъ союзъ, по мнѣнію рецензента, есть твердый камень въ основаніи нашего политическаго бытія, и по этому поводу онъ приглашаетъ разсмотрѣть отношенія Россіи, Польши, Литвы, Орды, Крыма того времени *).

Книга Кайданова *Начертаніе Исторіи Государства Россійскаго* (Спб. 1829) также обратила на себя вниманіе Погодина. Отдавая справедливость второй половинѣ этой книги, отъ Іоанна III до нашихъ временъ, въ которой, по мнѣнію Погодина, „всѣ главныя происшествія исчислены ясно, вѣрно, хотя и безъ оттѣнковъ, хотя часто и на ряду съ маловажными". Первою же частію книги, въ которой заключается наша Древняя Исторія, Погодинъ остался недоволенъ. Находясь въ то время еще подъ вліяніемъ Каченовскаго и критики Арцыбашева на Карамзина, Погодинъ писалъ: „Всѣ ложныя понятія, господствовавшія въ Россійской Исторіи до нашего времени, о какой-то Рюриковой монархіи, о какихъ-то столицахъ, о какомъ-то благоустроенномъ правительствѣ, о какихъ то политическихъ видахъ и ошибкахъ первыхъ князей полудикихъ, о какихъ-то правахъ на титло великаго, о какомъ-то героизмѣ, о какой-то мудрости, о какомъ-то гражданскомъ просвѣщеніи, всѣ сказки повторяются безъ малѣйшаго измѣненія". Въ заключеніе Погодинъ выражаетъ сожалѣніе, что наши профессора Исторіи не сказали ни слова объ этомъ новомъ руководствѣ, и при этомъ вспоминаетъ, что „подъ начальствомъ безсмертнаго Михаила Никитича Муравьева, понимавшаго всю важность своей должности въ государствѣ, всю святость просвѣщенія, умѣвшаго уважать высокій санъ ученаго и съ отеческою нѣжностью воспитывать юные

---

*) Это желаніе М. П. Погодина въ настоящее время исполняется. Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ изданы древнія Посольскія книги, подъ заглавіемъ: *Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи* съ Польшею, съ 1482—1560 г. (*Сборникъ*, т. XXXV и LIX); съ Крымскою и Ногайскою ордами и съ Турціей, съ 1487—1533 г. (*Сборникъ*, т. XLI); съ Нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи, съ 1533—1558 г. (*Сборникъ*, т. LIII). Кромѣ этихъ, вскорѣ ожидается появленіе въ свѣтъ еще нѣсколькихъ томовъ. Редакторомъ этого замѣчательнаго изданія, какъ вышедшихъ такъ и печатающихся томовъ, состоитъ Г. Ѳ. Карповъ.

таланты, Московскій Университетъ издавалъ *Ученыя Вѣдомости*, въ коихъ знаменитые профессора того времени съ такимъ достоинствомъ и пользою поучали своихъ соотечественниковъ разборомъ выходившихъ сочиненій. Почему же теперь нѣтъ?"

Въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ напечаталъ обширную рецензію и на второй томъ *Исторіи Русскаго Народа*. Рецензію свою онъ заключаетъ такими словами: „Хотя и прекращаю свой журналъ, но не оставлю въ покоѣ Историка, котораго обличать давно положилъ себѣ за правило, вмѣняю себѣ въ литературную службу, и по мѣрѣ выхода его томовъ, буду имѣть честь представлять публикѣ свои рецензіи въ *Телескопѣ*". Обращаясь же къ своимъ знакомымъ, Погодинъ говоритъ: „Тѣмъ особамъ, кои принимаютъ участіе въ моихъ занятіяхъ и которыя, можетъ быть, посѣтуютъ на меня за неблагодарное употребленіе времени, отвѣчаю, что на такія рецензіи я посвящаю поздніе вечера, назначенные для отдохновенія, для общества; а какое же общество можетъ быть забавнѣе *Исторіи Русскаго Народа*" [249]). Въ тоже время у Погодина явилась мысль сдѣлать палеографическое собраніе для Академіи и Университетовъ и попросить у Малиновскаго пособія. Думалъ онъ также издать *Горе отъ Ума* и одновременно мечталъ о Владимірѣ Мономахѣ [250]). Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1830 года печаталъ онъ и давніе свои труды, какъ напримѣръ, переводъ изъ Аста, сдѣланный имъ еще въ 1824 году, о разселеніи людей послѣ потопа [251]).

Въ 1830 году, важный постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ занималъ сынъ недостаточнаго дворянина Тверской губерніи, Арсеній Андреевичъ Закревскій. Императоръ Николай I унаслѣдовалъ отъ брата своего довѣренность къ Закревскому. Въ біографіи графа П. Д. Киселева, написанной А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, находится много свидѣтельствъ объ умѣ, политической независимости и сердечномъ благородствѣ Арсенія Андреевича Закревскаго; а Русская литература и наука должны помянуть его словомъ благодарности: онъ

усладилъ жизнь несчастнаго Баратынскаго въ Финляндіи, и онъ же сочувствовалъ и содѣйствовалъ знаменитой Археографической Экспедиціи П. М. Строева. Будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, Закревскій былъ озабоченъ учрежденіемъ библіотекъ въ губерніяхъ [252]). „Николай Семеновичъ Мордвиновъ", писалъ Закревскій Погодину, „сообщилъ мнѣ свои предположенія о пользѣ, какую можетъ принести заведеніе въ губерніяхъ публичныхъ библіотекъ для чтенія. Убѣждаясь совершенно въ истинѣ таковыхъ видовъ, внушенныхъ просвѣщенною любовію къ отечественному благу, я нахожу и съ своей стороны, что всякое побужденіе къ распространенію просвѣщенія само собою весьма важно, и что доставленіе полезныхъ свѣдѣній о наукахъ и искусствахъ будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на положеніе промышленностей, а слѣдственно, и народнаго богатства. По симъ уваженіямъ, я сдѣлалъ распоряженіе о заведеніи публичныхъ библіотекъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, кромѣ столицъ и Финляндіи. По любви вашей къ просвѣщенію, я вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою, не заблагоразсудите ли и вы споспѣшествовать учрежденію таковыхъ библіотекъ, обогащая ихъ, по мѣрѣ возможности и средствъ вашихъ, тѣмъ занимательнымъ журналомъ, надъ изданіемъ коего изволите трудиться" [253]). Само собою разумѣется, что Погодинъ, съ полнымъ сочувствіемъ отнесясь къ этому призыву Министра, вызвался пожертвовать учреждаемымъ библіотекамъ свой *Московскій Вѣстникъ* и другія книги на восемь тысячъ рублей [254]). Закревскій благодарилъ жертвователя въ такихъ выраженіяхъ: „Получивъ пріятное извѣщеніе ваше о пожертвованіи, каковое изволите дѣлать въ пользу публичныхъ библіотекъ, по губерніямъ учреждаемыхъ, покорнѣйше прошу васъ принять чувствительнѣйшую благодарность мою за участіе ваше въ семъ общеполезномъ предпріятіи" [255]).

Когда же Смоленскій губернаторъ Н. И. Хмѣльницкій обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ Пушкину, то онъ отвѣтилъ губернатору слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ:

„Милостивый государь Николай Ивановичъ! Спѣшу отвѣтствовать на предложеніе вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбія; я бы за честь себѣ поставилъ препроводить сочиненія мои въ Смоленскую библіотеку, но, вслѣдствіе условій, заключенныхъ мною съ Петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни одного экземпляра, а дороговизна книгъ не позволяетъ мнѣ и думать о покупкѣ. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Алексанрдъ Пушкинъ“. Но къ этому письму, онъ приписалъ: „Давъ оффиціальный отвѣтъ на оффиціальное письмо ваше, позвольте поблагодарить васъ за ваше воспоминаніе и попросить у васъ прощенія, не за себя, а за моихъ книгопродавцевъ, не высылающихъ вамъ, вопреки моему наказу, ежегодной моей дани. Она будетъ вамъ доставлена непремѣнно, вамъ, любимому моему поэту; но *не ссорьте меня съ Смоленскимъ губернаторомъ*, котораго, впрочемъ, и уважаю столь же, сколько васъ люблю“ [256]).

Въ то время, когда *Вѣстникъ Европы*, *Московскій Вѣстникъ*, *Галатея* и *Атеней* въ Москвѣ, а *Литературная Газета* въ Петербургѣ, клонились къ паденію, на горизонтѣ нашей литературы возникали два альманаха, одинъ въ Одессѣ, а другой въ Москвѣ.

Питомецъ Московскаго Университета, Михаилъ Петровичъ Розбергъ, переселившись въ Одессу, задумалъ изданіе альманаха и по этому поводу обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Одесса“, писалъ онъ, „имѣетъ много притязаній на столичныя замашки, въ подражаніе Петербургу и Москвѣ, затѣваетъ издать къ святой недѣлѣ литературный альманахъ, подъ названіемъ *Евксинскихъ, или Южныхъ Цвѣтовъ*. Картинки къ сему альманаху: портретъ герцога Ришелье, видъ Аюдага и видъ Одесскаго приморскаго бульвара уже заказаны въ Вѣнѣ. Графъ Воронцовъ, отъѣзжая за-границу, поручилъ изданіе *Евксинскихъ Цвѣтовъ* мнѣ и г. Морозову, служащему въ его канцеляріи. Многое готово для

нашего альманаха, на многое мы еще надѣемся. Содѣйствіе ваше въ семъ предпріятіи составляетъ одну изъ пріятнѣйшихъ нашихъ надеждъ. Если можно, удѣлите намъ какую-нибудь повѣсть, разсказъ, или что вамъ заблагоразсудится, и позвольте именемъ вашимъ украсить страницы перваго, чисто литературнаго изданія, возникающаго на берегахъ Чернаго моря. Основаніе здѣшняго альманаха составятъ статьи, имѣющія посредственное или непосредственное отношеніе къ здѣшнему краю. Вы прежде были въ довольно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Александромъ Шишковымъ 2-мъ; не можете ли доставить намъ и отъ него чего-либо, особенно изъ перевода *Валленрода*. Извините докучливой моей просьбѣ. Если встрѣтитесь съ Максимовичемъ, скажите ему, что я намѣренъ и къ нему писать о нашемъ альманахѣ, въ твердомъ увѣреніи, что и онъ не откажется сообщить намъ статейку".

Въ Москвѣ же на развалинахъ падающихъ столповъ журнальнаго міра Н. А. Мельгуновъ задумалъ водрузить альманахъ. Какъ человѣкъ близкій къ *Московскому Вѣстнику*, Мельгуновъ обращается къ А. В. Веневитинову и привлекаетъ его къ соучастію. „Пишу къ тебѣ", читаемъ въ его письмѣ, „съ двоякою цѣлію: 1) возобновить съ тобою переписку, 2) предложить тебѣ быть вкладчикомъ въ общій нашъ альманахъ, который имѣетъ быть изданъ къ будущей святой недѣлѣ, и гдѣ участниками всѣ наши. Подробнѣе узнаешь отъ Одоевскаго. Есть твоя повѣсть у Кирѣевскаго: позволь ее отиснуть. Сверхъ того, какъ наблюдатель Петербургскаго общества, ты могъ бы прислать намъ нѣсколько сценъ изъ свѣтской жизни, или по крайней мѣрѣ нѣсколько оригинальныхъ каламбуровъ. Впрочемъ, что хочешь, только пришли и пришли непремѣнно. Свербѣевъ, Баратынскій, Кирѣевскій, Кошелевъ, Хомяковъ, Шевыревъ, я, мы всѣ участвуемъ, я прошу Князя о томъ же. Жаль, что поздно придумали, а то бы надо было отписать къ Титову". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ письмѣ Мельгунова мы читаемъ слѣдующее: „По пятницамъ мы собираемся у Свербѣевыхъ, по воскресеньямъ у Кирѣевскихъ,

иногда по четвергамъ у Кошелевыхъ, и время отъ времени у Баратынскаго. Два - три раза въ недѣлю мы всѣ въ сборѣ; дамы — непремѣнныя участницы нашихъ бесѣдъ, и мы проводимъ время какъ нельзя веселѣе: Хомяковъ споритъ, Кирѣевскій поучаетъ, Кошелевъ разсказываетъ, Баратынскій поэтизируетъ, Чаадаевъ проповѣдуетъ или возводитъ очи къ небу, Герке дурачится, Мещерскій молчитъ, мы остальные слушаемъ; подчасъ наша бесѣда оживляется хоромъ цыганъ, танцами, бѣганьемъ въ запуски, гдѣ особенно отличается Христіанъ Иванычъ *). Спроси его, онъ тебѣ скажетъ. Пріѣзжай провести съ нами нѣсколько вечеровъ; право, веселѣе, чѣмъ въ вашемъ Питерѣ. Павловъ еще въ деревнѣ, пишетъ повѣсти; Скарятинъ завелъ славную академію, онъ берется сдѣлать нѣсколько гравюръ для нашего альманаха. Ты видишь, что всѣ участвуютъ; даже Энгельгардъ берется быть нашимъ переплетчикомъ—ты знаешь тесть Баратынскаго?—Еще одно: придумай названіе для альманаха; до сихъ поръ не нашли приличнаго. Окрести его, будь воспріемникомъ нашего первенца" [257]).

Но этотъ первенецъ, кажется, не явился на свѣтъ Божій. „Мельгуновъ", писалъ Погодинъ Шевыреву, „прекрасный, предобрый, преблагонамѣренный человѣкъ; но не совѣтую тебѣ вступать съ нимъ ни въ какія обязательныя сношенія. У него нѣтъ основательности: c'est un homme à projets. Нынѣшній годъ у него было такихъ мыльныхъ пузырей двадцать. Что же толку" [258]).

XXV.

Въ послѣднюю четверть 1830 года Москву посѣтило страшное бѣдствіе.

„Губительная болѣзнь", повѣтствуетъ Филаретъ, „нѣсколько лѣтъ опустошавшая не-христіанскія страны Азіи, простер-

*) Христіанъ Ивановичъ Герке, воспитатель старшаго брата А. В. Веневитинова, умершаго въ дѣтствѣ.

лась и на христіанскія страны Европы. Въ прошедшемъ (1829) году показалась она въ предѣлахъ Отечества нашего: уступила предохранительнымъ средствамъ попечительнаго Правительства, но въ нынѣшнее лѣто явилась вновь. Мы, до сего дня пощаженные, благословимъ долготерпѣніе къ намъ Бога! Но *Ангелъ погубляющій видѣнъ; мечъ его извлеченъ: онъ* угрожаетъ" [259]).

28 августа 1830 года, министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскій доложилъ императору Николаю I, что эпидемическая болѣзнь, холера, въ нынѣшнемъ году вошла въ Россійскіе предѣлы изъ Персидскихъ городовъ: Решта, Зинзилаха и Тавриса. Приняла направленіе вверхъ по Волгѣ и на семъ пути обнаружилась въ Астрахани 19-го іюля. Слѣдуя далѣе, она показалась 4-го августа въ Царицынѣ; а 8-го —въ Саратовѣ. Со стороны Правительства приняты всѣ полицейскія и врачебныя мѣры къ предохраненію народнаго благоденствія. „Но не взирая на сіе", писалъ Закревскій, „язва холера пожрала уже множество народа, а быстрое распространеніе ея по разнымъ направленіямъ угрожаетъ дальнѣйшими бѣдствіями".

„Слѣдствіемъ этого донесенія было учрежденіе Центральной Коммиссіи для прекращенія холеры; начальствующимъ этою Коммиссію по избранію Государя былъ назначенъ самъ А. А. Закревскій. Коммиссія эта должна была дѣйствовать въ Саратовѣ, какъ въ центральномъ мѣстѣ заразы [260]). Положеніе этого несчастнаго города въ такихъ чертахъ изображаетъ одинъ изъ учениковъ Погодина: „съ 7-го августа и до перваго числа сентября, Саратовъ былъ опустошаемъ ужасною холерою и представлялъ собою плачевную картину бѣдствій человѣческихъ: большая часть жителей покинула городъ; многолюдныя улицы опустѣли; одни только гроба встрѣчались на каждомъ шагу. Несчастіе сіе было тѣмъ разительнѣе, что здѣшніе жители, пришельцы изъ разныхъ краевъ, неимѣющіе совершенно никакого общаго характера, тотчасъ упали духомъ и предались отчаянію и унынію. Я не избѣгнулъ общей

участи и при всемъ своемъ хладнокровіи долженъ былъ испытать припадки этой ужасной болѣзни, но Провидѣніе спасло жизнь мою и я снова утѣшаюсь надеждою, хотя еще разъ въ этой жизни, увидѣть васъ, незабвенный наставникъ и благодѣтель".

Вотъ въ эту-то юдоль плача и страданій, на встрѣчу грозной смерти, немедленно же отправился облаченный обширнымъ полномочіемъ достопочтенный Арсеній Андреевичъ Закревскій. „Завтра чрезъ Москву", извѣщалъ С. Т. Аксаковъ Погодина, „проѣдетъ министръ Закревскій. Это секретъ" [261]). Императорскій Московскій Университетъ принялъ живѣйшее участіе въ семъ народномъ бѣдствіи и изъ его среды былъ избранъ знаменитый Матѳей Яковлевичъ Мудровъ въ главные врачи Центральной Коммиссіи. 4 сентября 1830 года, въ 5 часовъ пополудни, сей другъ человѣчества получилъ „строгое предписаніе" университетскаго начальства, чтобы чрезъ двадцать четыре часа по полученіи сего, отправиться въ Саратовъ. На другой же день, 5-го числа, въ самую грязную и ненастную погоду, и въ опредѣленный срокъ, онъ выѣхалъ изъ своего дома. Мудрова сопровождалъ другой профессоръ Московскаго Университета Александръ Егоровичъ Эвеніусъ. Вслѣдъ за ними полетѣлъ туда же Іустинъ Евдокимовичъ Дядьковскій [262]), бывшій тоже гордостью Московскаго Университета. Погодинъ, какъ самъ членъ Университета, не могъ остаться равнодушенъ къ этимъ подвигамъ своихъ собратій. „Мудровъ", писалъ онъ, „въ двадцать четыре часа посылается въ чуму. Какое славное порученіе. Остановить смерть, которая со всѣми ужасами несется на Отечество. Я поѣхалъ бы съ удовольствіемъ. Говорю это можетъ быть потому, что не докторъ". Его также очень радовала участливость тогдашнихъ студентовъ къ народному бѣдствію. „Съ удовольствіемъ услышалъ", писалъ онъ, „что многіе студенты вызываются ѣхать съ Мудровымъ въ чуму. Вотъ въ какихъ случаяхъ обнаруживается Русскій характеръ". Въ такихъ случаяхъ обнаруживался характеръ и нашего героя, какъ коренннаго русскаго,

и проявлялись силы его духа. Ко всякой печали, ко всякому бѣдствію, онъ относился съ полною покорностію волѣ Божіей, всегда всеблагой. Грядущее бѣдствіе готовился онъ встрѣтить и встрѣтилъ съ мужествомъ вѣрующаго христіанина и ни на минуту не терялъ онъ, такъ сказать, равновѣсія духа. „У Аксаковыхъ о холерѣ", писалъ онъ, „помолиться, обдуматься, и да будетъ, что угодно Богу. Началъ запасаться припасами на всякій случай".

Когда же холера, въ своемъ опустошительномъ шествіи приближалась къ Москвѣ, Погодинъ писалъ статью объ Исторіи, думалъ о трагедіи *Іоаннъ III* и спокойно размышлялъ о будущей жизни. „Холера приближается", писалъ онъ. „Надо принимать мѣры. Я какъ-то спокоенъ. Двѣ-три ясныя минуты: должно быть какая-нибудь великая мысль, которая преобразуетъ составъ гражданскаго общества. Въ чьей головѣ она хранится" [263])? „Принимайте же", писалъ Погодину Языковъ, „рѣшительныя мѣры противъ холеры. Главное: не робѣйте. Надобно умирать геройски, какъ на войнѣ" [264]).

Во дни народныхъ бѣдствій, а также и торжествъ, по чину древнему, на которомъ зиждется благосостояніе царствъ, долженъ прежде всего раздаваться гласъ Царя и гласъ помазавшаго его на Царство Святителя. По счастію, въ то время такъ и было. И сердца вѣрующія, не смущаемыя никакимъ чуждымъ вторженіемъ въ область освященную, съ благоговѣніемъ и радостію услышали и гласъ Святителя, и гласъ Царя.

Когда слухъ о приближеніи холеры къ Москвѣ достигъ до ея Архипастыря, то онъ писалъ своей родительницѣ: „Въ Петербургъ ѣхать я отложилъ, почитая долгомъ въ сомнительное время быть у своего мѣста и чтобы умирать съ своими" [265]). Когда же смертельная язва вступила уже въ предѣлы близкіе царствующему граду, Филаретъ, митрополитъ Московскій, по освященіи церкви святителя Василія Великаго, на Тверской, 18 сентября 1830 г., произнесъ достопамятное слово:

„Вкратцѣ буду бесѣдовать съ вами, братія, хотя не мало

сказать надобно. Продолжившіяся молитвы не позволяютъ быть долгому слову. Послушайте не долго, но внимательно.

Въ молитвахъ упоминалось о губительной язвѣ во дни Давида и о чудесномъ ея прекращеніи (2 Цар. XXIV). Воспоминаніе сіе здѣсь къ мѣсту, теперь ко времени.

Царь Давидъ впалъ въ искушеніе тщеславія; хотѣлъ показать силу своего царства и повелѣлъ исчислить всѣхъ способныхъ носить оружіе, тогда какъ такое исчисленіе совсѣмъ не было въ употребленіи у Евреевъ. И праведникъ не безопасенъ отъ паденія, если вознерадитъ.

Еще не кончилось исчисленіе народа, какъ царь почувствовалъ въ совѣсти своей обличеніе грѣха и страхъ наказанія отъ Бога. Въ самомъ дѣлѣ явился пророкъ, и, по повелѣнію Божію, предложилъ Давиду на выборъ одно изъ трехъ наказаній: войну, голодъ, моръ. Примѣчайте изъ сего примѣра, что война, голодъ, моръ и подобныя бѣдствія, хотя кажутся приключеніями случайными, хотя происходятъ частію отъ извѣстныхъ причинъ естественныхъ, тѣмъ не менѣе, однако, суть орудія правосудія Божія, употребляемыя для наказанія согрѣшившихъ человѣковъ.

Давидъ смирился передъ Богомъ, безропотно покорился суду Его и совершенно предался въ волю Его. *Да впаду убо въ руцѣ Господни*, сказалъ онъ. *И даде Господь смерть во Израили отъ утра до часа обѣдняго.* Здѣсь примѣтьте скорый плодъ смиренной покорности судьбамъ Божіимъ. Не три мѣсяца несчастной войны послалъ Богъ, не три года голода, и моръ не на три дня, какъ угрожалъ пророкъ сначала, но уже только *отъ утра до часа обѣдняго.*

Открылось наказаніе грѣха, и совершилось покаяніе Давида. *И рече Давидъ ко Господу: егда видѣ Ангела біюща люди, и рече: се азъ есмь согрѣшивый.* Давидъ совершенно покаялся во злѣ грѣха, и тотчасъ раскаялся Господь о злѣ наказанія. *И рече Ангелу погубляющему люди: довольно нынѣ, отъими руку твою.* Примѣчайте спасительное дѣйствіе покаянія.

Чтобы довершить дѣйствіе помилованія, избавленія и спасенія, пророкъ, по наставленію Ангела, побудилъ Давида поставить *Господеви олтарь, на гумнѣ Орны Іевусеанина*, тамъ, гдѣ впослѣдствіи времени созданъ и храмъ Соломоновъ. *И созда тамо Давидъ олтарь Господеви, и вознесе всесожженія и мирная. И послуша Господь земли, и отъятъ язву отъ Израиля.* Примѣчайте необходимость молитвы во время общественныхъ бѣдствій, и въ особенности пользу молитвы, приносимой торжественно предъ олтаремъ, по наставленію духовному и небесному, по установленію Божественному.

Братія! не видится ли намъ нѣчто подобное грозному видѣнію Давида? Не видимъ ли и мы *Ангела Господня стояща между землею и небомъ, и мечъ его извлеченъ въ руку его, простертъ на Іерусалимъ* (*1 Пар.* XXI, 16)? Не смотрите большими глазами страха, которые обыкновенно видятъ то, чего нѣтъ, и не видятъ того, что есть: взирайте острымъ и мужественнымъ окомъ проницанія и благоразумной предосторожности.

Что же намъ дѣлать? Я думаю, то же, что сдѣлали Давидъ и жители Іерусалима при видѣ *Ангела погубляющаго. Паде Давидъ и старѣйшины Израилевы, облеченіи во вретище на лице свое.* То же должно намъ дѣлать, чѣмъ Ниневитяне отвратили опредѣлительно предсказанную имъ погибель. *Вѣроваша мужіе Ниневійстіи Богови, и заповѣдаша постъ. И возопиша прилежно къ Богу, и возвратися кійждо отъ пути своего лукаваго, и отъ неправды сущія въ рукахъ ихъ* (*Іон.* III. 5—8).

Повергнемъ, братія, сердца наши предъ Богомъ во смиреніи, въ покорности неисповѣдимымъ судьбамъ Его. Признаемъ не только правосудіе Бога, готоваго карать грѣхи наши, обличающаго наше житіе, недостойное имени христіанскаго, но и Его милосердіе и долготерпѣніе, которое не вдругъ, не прежде другихъ поражаетъ насъ, а показываетъ поразившее другихъ, намъ же только грозящее наказаніе, и,

какъ бы предохраняя, говоритъ: *аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (*Лук.* XIII, 5).

Покаемся, братія, и принесемъ плодъ достойный покаянія, то-есть исправленіе житія. Отложимъ гордость, тщеславіе и самонадѣяніе. Возбудимъ вѣру нашу. Утвердимся въ надеждѣ на Бога и на имя Іисуса Христа, Ходатая Бога и человѣковъ Спасителя грѣшныхъ и погибающихъ. Исторгнемъ изъ сердецъ нашихъ корень золъ, сребролюбіе. Возрастимъ милостыню, правду, человѣколюбіе. Прекратимъ роскошь. Откажемъ чувственнымъ желаніямъ, требующимъ ненужнаго. Возлюбимъ воздержаніе и постъ. Облечемся если не во вретище, то въ простоту. Отвергнемъ украшенія изысканныя, ознаменованныя легкомысліемъ и непостоянствомъ. Презримъ забавы суетныя, убивающія время, данное для дѣланія добра. Умножимъ моленія, тайныя на всякомъ мѣстѣ, и во всякое время, общественныя, по руководству Святыя Церкви. Употребимъ внимательно, благовременно, благонадежно, всегда благотворное и всецѣлебное врачевство, мирную, безкровную жертву, пріобщеніемъ Пресвятаго тѣла и крови Христовы.

Хотя ни Ангелъ, ни пророкъ не приходилъ побудить насъ къ созданію благопріятнаго Богу, а для насъ благодатнаго олтаря: но, благодареніе Богу, христолюбивое усердіе, не престаетъ созидать олтари и храмы: и на одной недѣлѣ не одинъ олтарь освященъ, и еще не одинъ готовится къ освященію *).

Господи! послушай земли, смиренно призывающей Твое пренебесное Имя и отъими язву отъ Россіи. Сохрани градъ сей, и вѣрою живущихъ въ немъ. Благослови плодоносящихъ и добродѣющихъ во святыхъ храмахъ Твоихъ!

Буди, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя! Аминь“ [266]).

Съ прискорбіемъ должны мы упомянуть, что нашлись злые

*) 14 сентября сего 1830 года освященъ храмъ св. великомученицы Екатерины, въ Екатерининскомъ Институтѣ; 18 дня храмъ св. Василія Великаго, на Тверской; 19 дня храмъ св. чудотворцевъ Черниговскихъ, за Москвою рѣкою; 20 олтарь св. священномучениковъ Херсонскихъ на Даниловскомъ кладбищѣ.

люди, которые сдѣлали доносъ на Митрополита и увѣряли, что Филаретъ, упоминая въ этой проповѣди о покаяніи царя Давида, намекаетъ какъ будто на то, что грѣхи царей навлекаютъ гнѣвъ Божій на подвластные имъ народы.

Не взирая на сіе, старецъ Шатровъ въ своемъ стихотвореніи *Осень 1830 года*, воспѣвалъ:

Слышу звукъ громовъ словесныхъ:
Вдохновенный Филаретъ—
Отъ источниковъ небесныхъ
Черпая ученья свѣтъ—
Какъ духовный воевода,
Духи цѣлаго народа
Успокоивъ, говоритъ:
Какъ Отецъ, насъ Богъ караетъ,
—Обратимся къ покаянью,
Сотворимъ любви дѣла—
И стихійному вліянью
Не подвергнутся тѣла и пр.

Стихи эти тѣмъ болѣе понравились Митрополиту, что онъ видѣлъ въ нихъ какъ-бы защиту отъ доноса и когда графъ М. В. Толстой привезъ къ нему на Троицкое подворье Шатрова, то Владыка, принявъ его ласково, сказалъ ему: „Хотя амигдаль расцвѣлъ на главѣ вашей и помрачились смотрящіе въ оконца *), по слову Соломона, но стихи ваши кажутся юношескими. Да обновится убо яко орля юность ваша“. При прощаніи Владыка благословилъ поэта иконою и подарилъ ему двѣсти рублей.

Не смотря на гнусный доносъ, дѣйствіе владычнаго слова было таково, что, по свидѣтельству современниковъ, „никогда, ни прежде, ни послѣ, не бывало такого благочестиваго настроенія между Московскими жителями. Храмы были полны ежедневно, какъ въ свѣтлый день Пасхи; почти всѣ говѣли, исповѣдывались и причащались Святыхъ Таинъ, какъ бы готовясь къ неизбѣжной смерти„ [267]). Само собою разумѣется, что Погодинъ не остался празднымъ зрителемъ сего бѣдствія. Онъ является къ Московскому Главнокомандующему и заяв-

*) Шатровъ былъ слѣпецъ.

ляетъ ему, что „въ минуту опасности всякій гражданинъ можетъ подавать голосъ въ пользу общую“ и что „для прекращенія нелѣпыхъ слуховъ, производящихъ уныніе въ городѣ“, ему „кажется необходимымъ издавать ежедневный бюллетень и трудъ этого изданія изъявилъ готовность принять на себя. Получивъ на это согласіе, Погодинъ отправился въ Кремль. „Умилительное чувство“, писалъ онъ, „какъ народъ у Архангельскаго Собора рядъ за рядомъ упалъ на колѣни. Прислушивался. Къ Аксаковымъ съ извѣстіями“ [268]).

Съ 23 Сентября 1830 года при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и отдѣльно стала выходить, подъ редакціею Погодина, *Вѣдомость о состояніи города Москвы*. Въ объявленіи объ этомъ изданіи, между прочимъ, сказано: „Для сообщенія обывателямъ вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи города, столь необходимыхъ въ настоящее время и для пресѣченія ложныхъ и неосновательныхъ слуховъ, кои производятъ безвременный страхъ и уныніе, Московскій военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ предписалъ издавать при временномъ Медицинскомъ Совѣтѣ особливую вѣдомость, въ которой будутъ сообщаться оффиціальныя извѣстія о приключившихся внезапныхъ болѣзняхъ и смертяхъ; извѣстія о дѣйствіяхъ холеры въ прочихъ мѣстахъ; разныя наставленія о томъ, какія должно жителямъ принимать предосторожности; извѣстія о мѣрахъ, принимаемыхъ правительствомъ для отвращенія заразы“. Увѣдомляя объ этомъ Шевырева, Погодинъ писалъ: „Я съ 21 сентября съ утра до вечера въ Медицинскомъ Совѣтѣ, по уши въ вѣдомостяхъ и рапортахъ. Наконецъ, дожилъ я до такого сочиненія, разсмѣйся, которое раздается обывателямъ безденежно“. Такъ началась почтенная дѣятельность Погодина во время холеры.

„Между страхомъ и надеждою“, читаемъ въ его письмѣ къ Шевыреву, „пишу къ тебѣ, любезный Степанъ Петровичъ. Помолись о Москвѣ въ храмѣ св. Петра и ибо мнѣ особенно, если я достойнѣе другихъ. Въ южной и юго-восточной Россіи свирѣпствуетъ зараза cholera morbus. Есть близко Москвы. Всѣ мѣры взяты теперь: вездѣ карантины, городъ оцѣпленъ,

Университетъ запертъ, фабрики распускаютъ. На-дняхъ у насъ нѣсколько человѣкъ умерло съ признаками сомнительными, а городъ унылъ было ужасно. Я спокоенъ. Четвертаго дня упало было сердце, но теперь лучше. Ужасно сойти со свѣта, не исполнивъ своихъ надеждъ; если же онѣ суетны, неосновательны, то да не идетъ чаша мимо! Вчера былъ въ Кремлѣ; умилительное зрѣлище, какъ народъ около собора повалился весь на колѣни; какія выраженія лицъ! Слѣпые! И холера, можетъ быть, благодѣяніе Божіе: она тревожитъ души и возбуждаетъ сонныхъ людей! Мудровъ, Дядьковскій, Закревскій посланы въ Саратовъ, центръ городовъ болѣзненныхъ. Но въ двухъ верстахъ отъ него, въ деревнѣ, холеры нѣтъ. Болѣзнь свирѣпствуетъ въ простомъ народѣ. Астрахань, Саратовъ, Тифлисъ принесли ужъ ей жертву, теперь она въ Пензѣ, на Дону и еще въ нѣкоторыхъ городахъ. Мы ждемъ къ себѣ Государя. Да сохранитъ его Богъ за чадолюбіе! Это произведетъ удивительный эффектъ. Мы взяли всѣ мѣры: закупили провизіи на полгода, наняли въ домъ доктора, приготовили лекарства.—Между тѣмъ, *Марѳа* моя отпечатана кромѣ двухъ листовъ. На всякій случай вотъ мое завѣщаніе. Имѣніе мое: домъ, библіотека, экземпляры. Мнѣ должны: Юрцовскій 2000 р., Загряжскій 2000 р. Пономаревъ около 800 р.; я долженъ: 12000 р. Генингтѣ, 5000 р. Кузнецову, Ширяеву за напечатаніе *Вѣстника* тысячи полторы пока; съ нимъ можно разсчесться *Марѳою.* У Аксакова, на провизію, и проч., беру только 1500 р. Ему заплатить можно отъ пансіонеровъ, которые мнѣ должны всѣ. Венелину останусь около тысячи, другую нынѣ посылаю отъ *Марѳы.* Еще: я заплатилъ ужъ 700 руб. ассигн. Шишкову за его право печатать театръ, которые можно взять со всякаго книгопродавца. Библіотеку оставляю тебѣ. Имѣніе—матери по ея смерть; послѣ нея раздѣлить между братомъ, сестрой и тобою. Или лучше: библіотеку и всѣ экземпляры мои, право печатать мои сочиненія —тебѣ, а прочее имъ. Изъ книгъ моихъ раздай пріятелямъ на память. Костенькѣ Аксакову отбери побольше. Но вотъ

тебѣ важнѣйшее завѣщаніе: напиши непремѣнно трагедію *Борисъ Годуновъ.* Онъ не виноватъ въ смерти Димитрія: въ этомъ я убѣжденъ совершенно, и съ того свѣта, если попаду туда, пришлю тебѣ дополненіе къ моимъ доказательствамъ. Надо же снять съ него опалу, наложенную кромѣ вѣковъ Карамзинымъ и Пушкинымъ. Представь человѣка, котораго обвинить стеклись всѣ обстоятельства; и онъ это видитъ и дрожитъ ужъ будущихъ проклятій. Въ моемъ разсужденіи найдешь много матеріаловъ и убѣжденій. Да, не оставь Венелина, и если пойдетъ хорошо моя *Мароа* или повѣсти, дай ему тысячку-другую. Но что я говорю? Я не умру, мы еще увидимся съ тобою, и я напишу и Бориса, и Самозванца, и Шуйскаго, и Грознаго“ [269]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ написалъ было письмо и завѣщаніе къ Аксакову; но вскорѣ самъ сознается что это лишнее: „Вѣдь я“, писалъ онъ, „не ожидаю смерти. Зачѣмъ же писать это, какъ будто для *театральнаго эффекта*“.

Но не до *театральныхъ эффектовъ* было въ то время Погодину. Какъ редакторъ Холерныхъ Вѣдомостей, онъ попалъ въ самый центръ отчаянной борьбы слабаго человѣка съ страшною, неумолимою, стихійною силою. Утѣшая ближнихъ, въ тоже время ему и самому надлежало быть ежеминутно готовымъ *неосужденно предстати страшному Престолу Господа Славы.* „Утро и вечеръ у Генералъ-Губернатора“, читаемъ въ его *Дневникѣ,* „и въ типографіи за составленіемъ *Вѣдомости.* Докторскія смѣшныя претензіи. Маркусъ, Газъ, Оппель. 24 Сентября со страхомъ, 25 съ надеждою. У меня такъ теперь нажужжали въ ушахъ о холерѣ, что та сдѣлалась общимъ мѣстомъ. Я въ центрѣ всѣхъ извѣстій и между тѣмъ могу ли сказать что историческое! Извольте-жъ теперь вѣрить свидѣтельствамъ прошедшимъ. Между тѣмъ, какъ все у насъ дѣлается. Сенаторы торопятся донести, что больницы открыты, а между тѣмъ, тамъ нѣтъ ничего. При опасности боятся заглянуть туда. Медики не принимаютъ никакихъ общихъ мѣръ и заботятся только о протоколахъ. Почему не вы-

зовутъ теперь изъ Саратова или Астрахани доктора, знакомаго съ холерою? Въ Оренбургѣ, по свидѣтельству многихъ самовидцевъ, рѣшительно выздоравливали всѣ, кому подана была помощь, а у насъ всѣ занемогающіе умираютъ. Запретили въѣздъ и выѣздъ, не предупредивши. Много живыхъ похоронили, говорятъ, и по городу ходитъ много смѣшныхъ анекдотовъ. И если пройдетъ болѣзнь, Маркусы скажутъ: мы остановили ее. Нѣтъ, господа, не вы, а развѣ Богъ спасетъ насъ. Бюллетени—преважная теперь вещь, и ни одна душа не позаботится о нихъ. Все ищи и проси самъ, и если этого не сдѣлаешь, то и не будетъ ничего“ [270]). Подобно Ростопчинскимъ афишамъ въ 1812 году, Погодинскіе бюллетени сдѣлались предметомъ общаго вниманія, и Хомяковъ изъ своего сельскаго уединенія писалъ Погодину: „При отъѣздѣ изъ Москвы обѣщалъ я вамъ посильные вклады въ *Вѣстникъ*; теперь по ежедневнымъ бюллетенямъ вижу я, что у васъ новое, не совсѣмъ забавное занятіе, объявлять Россіи – сколько добрыхъ людей въ Москвѣ на тотъ свѣтъ отправляется. И такъ литература на время въ сторонѣ, дѣло не до нея. Къ вамъ, какъ болѣе всѣхъ знающему, что на нашей родинѣ дѣлается, съ просьбой обращаюся. Возьмите на себя трудъ доставить небольшой вкладъ, посылаемый отъ матушки, слѣдующимъ образомъ: сто рублей для бѣдныхъ генералу Стаалю и сто въ Тверскую больницу *отъ неизвѣстнаго*. Здѣсь вдали отъ Москвы не умѣли придумать, какъ адресовать эти деньги. Ваши сношенія позволятъ вамъ, вѣроятно, это сдѣлать легко, а кажется, я довольно знаю Михаила Петровича, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ на меня не будетъ сердиться за доставленный ему трудъ въ этомъ случаѣ. У насъ за горами, за долами, какъ говорится, сердце переломило о бѣдной Москвѣ. Когда-то дождемся, что она очистится; вы, можетъ быть, подумаете, что тутъ входитъ нѣсколько эгоизма, что мы боимся за себя и думаемъ, что перешедши нѣсколько тысячъ верстъ, холерѣ не трудно перепрыгнуть какія нибудь двѣсти верстъ; какъ бы то ни было, а я могу васъ увѣрить, *что даже въ 12-мъ году*

не съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали газетъ, чѣмъ мы ваишихъ бюллетеней. Нужно ли мнѣ прибавить, съ какимъ удовольствіемъ я всегду взгляну на подпись, доказывающую мнѣ неоспоримо, что по крайней мѣрѣ одинъ пріятель въ Москвѣ живъ и здоровъ" [271]). А изъ своего Остафьева князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Сначала было очень тяжело; тяжело и нынѣ, особливо же при полученіи Московской почты, когда она приноситъ страшные итоги Погодина; но человѣческая природа не выдерживаетъ долгаго сильнаго напряженія и привыкаетъ къ своему положенію. Такъ было и со мною. *Фонъ-Визинъ* будетъ обязанъ за свою біографію холерѣ. Что дѣлаетъ литература наша въ эту холерическую годину? Въ числѣ новостей ограничиваюсь убійственною литературою Маркуса и Погодина, а прочаго не читаю" [272]).

XXVI.

Московскій военный генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, почитая священнымъ долгомъ своимъ обезопасить, по мѣрѣ силъ, Москву отъ пагубной заразы, обратился къ почтеннымъ особамъ съ просьбою о содѣйствіи ему въ семъ важномъ дѣлѣ. Этотъ призывъ нашелъ полное сочувствіе, и приглашенные единогласно положили составить соединенный совѣтъ, раздѣливъ оный по занятіямъ на двѣ части. Изъ числа членовъ перваго совѣта приняли на себя обязанности имѣть надзоръ и попеченіе по частямъ города, сенаторы: Озеровъ—по Срѣтенской, Башиловъ—по Лефортовской, Дурасовъ—по Пречистенской, Тучковъ—по Покровской, Бухаринъ—по Таганской, Писаревъ—по Серпуховской, князь Урусовъ—по Прѣсненской, Яковлевъ—по Пятницкой, Бразинъ—по Якиманской, фонъ-Бринъ — по Мясницкой; оберъ-прокуроры сенатскіе: князь Гагаринъ—по Арбатской, князь Лобановъ-Ростовскій по Басманной, Дегай — по Хамовнической; генералъ-маіоры: Бутурлинъ — по Мѣщанской, Стааль — по Сущевской; дѣйствительные статскіе совѣтники: Самаринъ —

по Городской, Гедеоновъ—по Новинской, Апухтинъ—по Рогожской, статскій совѣтникъ Юній—по Яузской и Голохвастовъ—по Тверской. При поименованныхъ лицахъ состояли слѣдующіе члены Медицинскаго Совѣта: Пфеллеръ, Зубовъ, Броссе, Сейделеръ, Мухинъ, Герцогъ, Рихтеры, Левенталь, Оппель, Гейманъ, Лодеръ, Римихъ, Коршъ, Поль, Янихинъ, Высоцкій, Альфонскій, Гаазъ и Альбини. Отличительною чертою нашего знаменитаго партизана и поэта Д. В. Давыдова была та, что гдѣ только являлась опасность Отечеству, то онъ неукоснительно туда являлся. Испытавши годину 1812, онъ явился участникомъ и годины 1830 г. И мы совершенно неожиданно въ Холерныхъ Вѣдомостяхъ Погодина читаемъ: „Д. В. Давыдовъ, столь прославившійся въ войну 1812 года, принялъ на себя должность надзирателя надъ двадцатью участками въ Московскомъ уѣздѣ“.

Въ то же время князь Д. В. Голицынъ какъ о появленіи холеры въ Москвѣ, такъ и о принятыхъ имъ мѣрахъ донесъ императору Николаю I. Государь не замедлилъ отвѣтомъ. *Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ*, писалъ Онъ князю Голицыну, *получилъ я ваше печальное извѣстіе. Увѣдомляйте меня съ эстафетами о ходѣ болѣзни. Отъ вашихъ извѣстій будетъ зависѣть мой отъѣздъ. Я пріѣду дѣлить съ вами опасности и труды. Преданность въ волю Божію! Я одобряю всѣ ваши мѣры. Поблагодарите отъ меня всѣхъ, кои помогаютъ вамъ своими трудами. Я надѣюсь всего болѣе теперь на ихъ усердіе.* По поводу этихъ достопамятныхъ строкъ, Погодинъ въ своихъ *Вѣдомостяхъ* написалъ: „Европа удивлялась Екатеринѣ II, которая привила себѣ оспу, въ ободрительный примѣръ для нашихъ отцовъ. Что скажетъ она теперь, когда услышитъ о готовности Николая дѣлить такіе труды и опасности наравнѣ со всѣми своими подданными?... Родительское сердце не утерпѣло“.

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, несмотря на то, что холера все болѣе и болѣе усиливалась въ Москвѣ, Государь явился въ своей первопрестольной столицѣ, и 29 сен-

тября 1830 года онъ уже стоялъ предъ священными вратами Успенскаго Собора и внималъ слову Филарета, митрополита Московскаго: „Благочестивѣйшій Государь! Цари обыкновенно любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца твоего, и милосердно хранитъ тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срѣтаемъ тебя, Государь, да идетъ съ тобою воскресеніе и жизнь“.

„Нельзя описать восторга“, писалъ Погодинъ, „съ которымъ встрѣтилъ Его народъ, тѣхъ чувствованій, которыя изображались на всѣхъ лицахъ: радость, благодарность, довѣренность, преданность... Станемъ молиться и надѣяться“ [273]). Восемь дней Государь провелъ въ Москвѣ и дѣлилъ всѣ опасности. Во время его пребыванія, наступилъ праздникъ Трехъ Святителей Московскихъ (5 октября). Въ этотъ день Филаретъ священнодѣйствовалъ въ Успенскомъ Соборѣ, и, въ присутствіи Государя, произнесъ Слово. „И въ праздникъ“, сказалъ Владыка, „теперь не время торжествовать, потому что исполняется надъ нами Слово Господне: *Превращу праздники ваши въ жалость, и вся пѣсни ваши въ плачъ (Амос. 8,10).* И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ несвободно богословствовать: потому что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова. Должно нести то, что рождаетъ находящій день: надобно, безъ попеченія о чинѣ слова, говорить то, что внушаетъ и чего требуетъ настоящее время.

Ангелъ погубляющій ходитъ по стогнамъ и по домамъ; большую часть обитателей оставляетъ неприкосновенными; не многихъ касается; нѣкоторыхъ поражаетъ. Видите, что мѣра грѣховъ нашихъ полна: ибо начинается необычайное наказаніе. Но видите и то, что бездна милосердія Божія неисчер-

пана и не заключена: ибо *не вскорѣ возгорается ярость Его*" (Псал. 11. 12).

Обращаясь къ Государю, Владыка произнесъ: „Много должно утѣшать и ободрять насъ, братія, и то, что творитъ среди насъ Помазанникъ Божій, Благочестивѣйшій Государь нашъ. *Онъ не причиною нашего бѣдствія, какъ нѣкогда былъ первою причиною бѣдствія Іерусалима и Израиля Давидъ* (хотя, конечно, по грѣхамъ и всего народа): однако съ Давидовымъ самопожертвованіемъ пріемлетъ онъ участіе въ нашемъ бѣдствіи. Видитъ нашу опасность и не думаетъ о своей безопасности; устремляется къ намъ въ ту самую минуту, какъ примѣчаетъ опасность. Государь! Тебѣ нѣтъ нужды подвергать себя нашей опасности; наши грѣхи привлекли на насъ бѣдствіе; облегчай оное, поколику можешь; но не приближайся къ мѣстамъ, кои посѣщаетъ гнѣвъ Божій. Нѣтъ, говоритъ Онъ, *да впаду въ руцѣ Господни*; иду туда, гдѣ вознесена грозная рука Господня, чтобы какъ можно болѣе раздѣлять скорбь, какъ можно дѣятельнѣе облегчать бѣдствіе возлюбленнаго мнѣ народа. Государь! мы знаемъ, какъ близка къ сердцу твоему твоя древняя столица: но Россія на раменахъ твоихъ; Европа предлежитъ заботливымъ очамъ твоимъ, Европа, зараженная гораздо болѣе смертоноснымъ повѣтріемъ безвѣрнаго и буйнаго мудрованія; противъ сей язвы нужно тебѣ укрѣпить преграду; для сего потребно бдительное наблюденіе происшествій, многіе совѣты, дополненіе рядовъ твоего воинства. Такъ, говоритъ онъ, мой долгъ предупреждать и ту опасность; но непреодолимая сила отеческой любви и сострастія влечетъ меня къ сердцу Россіи, болѣзненно трепещущему.

Защитниче нашъ, виждь, Боже, и *презри* на *лице христа Твоего* (Псал. LXXXIII, 10); пріими жертву его человѣколюбія, и умилосердися надъ народомъ его!".

Въ заключеніе, обратясь къ гробамъ почивающихъ въ Успенскомъ Соборѣ Святителей, митрополитъ сказалъ: „Къ вамъ обращаюсь и мысленно припадаю, Богоутвержденные

столпы здѣшняго священноначалія, Петре, Алексіе, Іоно, Филиппе! Чего не можетъ сдѣлать сіе скудное и безсильное слово, чего недостаетъ въ моемъ собственномъ немощномъ и неплодотворномъ покаяніи, да сотворитъ то да восполнитъ ваша благоприступная къ Богу молитва, и обилія данныя вамъ благодати. Да не упасетъ смерть стада вашего. Да сохранится оно, и почіетъ въ мирѣ, въ безопасности жизни временной, въ надеждѣ жизни вѣчной, не сокрушаемое, но руководимое и ограждаемое жезломъ Верховнаго Пастыреначальника, Іисуса Христа, Начальника жизни, прославленнаго во Святыхъ, во вѣки аминь" [274]).

7 октября, Государь изволилъ отбыть изъ Москвы. „Въ продолженіе своего пребыванія здѣсь", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „Онъ разсмотрѣлъ всѣ мѣры, принятыя мѣстнымъ правительствомъ, начерталъ общій образъ дѣйствія, далъ наставленіе всѣмъ начальникамъ, ободрилъ ихъ своимъ царскимъ словомъ, одушевилъ своимъ высокимъ примѣромъ, принесъ теплыя молитвы въ древнемъ Русскомъ храмѣ Успенія Божіей Матери. И такъ, недѣля, которую удѣлилъ онъ для Москвы, не пропадетъ для его *Исторіи*. Москвитяне будутъ помнить ее долго: отцы съ сердечною признательностью разскажутъ дѣтямъ объ этой чистой жертвѣ, принесенной имъ на олтарь Отечества, и она дойдетъ до потомства скорѣе многихъ побѣдъ, торжествъ и завоеваній". Однимъ словомъ, пріѣздъ Царя въ чумный городъ произвелъ животворное дѣйствіе. „Много чертъ", пишетъ Погодинъ, „достойныхъ занять мѣсто въ исторіи добродѣтелей, другъ человѣчества замѣчаетъ въ наше время. Молодой врачъ съ утра до вечера, забывая даже о пищѣ, ходитъ за несчастными и радуется случаю дѣлать добро; пожарный служитель, сажая въ карету больныхъ, крестится; заслуженный генералъ дожидается больныхъ у воротъ своей больницы, вынимаетъ ихъ самъ изъ кареты, кладетъ на постель; и наконецъ, самъ Государь, въ цвѣтѣ лѣтъ, отъ любимой супруги и дѣтей, летитъ въ зараженный городъ, чтобъ своимъ присутствіемъ оживить упавшихъ духомъ. Благо на-

роду, который во всѣхъ своихъ сословіяхъ содержитъ такой божественный огонь!“ [275]).

Подвигъ Государя произвелъ на современниковъ сильное впечатлѣніе, и избранные изъ нихъ сохранили это впечатлѣніе въ поученіе потомкамъ. „Пріѣздъ Государя въ Москву“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „есть точно прекраснѣйшая черта. Тутъ есть не только небоязнь смерти, но есть и вдохновеніе, и преданность, и какое-то христіанское и царское рыцарство, которое очень къ лицу Владыкѣ. Странное дѣло, мы встрѣтились мыслями съ Филаретомъ въ рѣчи его Государю. На-дняхъ, въ письмѣ къ Муханову, я говорилъ, что изъ этой мысли можно было бы написать прекрасную статью журнальную. Мы видали царей и въ сраженіи. Моро былъ убитъ при Александрѣ, это хорошо, но тутъ есть военная слава, есть point d'honneur, нося военный мундиръ и не скидывая его никогда, показать себя иногда военнымъ лицомъ. Здѣсь нѣтъ никакого упоенія, нѣтъ славолюбія, нѣтъ обязанности. Выѣздъ Царя изъ города, объятаго заразою, былъ бы, напротивъ, естественъ и не подлежалъ бы осужденію; слѣдовательно, пріѣздъ Царя въ таковой городъ есть точно подвигъ героическій. Тутъ уже *не близъ царя—близъ смерти,* а *близъ народа—близъ смерти*“ [276]). „А каковъ Царь!“, писалъ Хомяковъ Погодину, „право, рѣдкій примѣръ смѣлости и великодушія. Безъ лести можно его хвалить и въ стихахъ и въ прозѣ“.

Самъ Пушкинъ былъ до глубины души умиленъ этимъ событіемъ. „Посылаю вамъ“, писалъ онъ ему же, „изъ моего Патмоса Апокалипсическую пѣснь. Напечатайте, гдѣ хотите, хоть въ *Вѣдомостяхъ*, — но прошу васъ и требую, именемъ нашей дружбы, не объявлять *никому* моего имени“.

...Одровъ я вижу длинный строй,
Лежитъ на каждомъ трупъ живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болѣзней. Онъ,
Не бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь, ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ чумѣ,
И въ погибающемъ умѣ

Рождаетъ бодрость. Небесами
Клянусь, кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой! [277]).

XXVII.

Между тѣмъ, холера, по отбытіи Государя изъ Москвы, все болѣе и болѣе усиливалась и распространялась. Всѣ были подъ страхомъ смерти, а карантинныя мѣры усиленною строгостію своею дѣлали общее положеніе еще болѣе тяжелымъ. Подъ удручающимъ впечатлѣніемъ такого безотраднаго положенія вещей, 12 октября 1830 года, въ день, въ который Москва празднуетъ свое освобожденіе отъ нашествія Французовъ, Филаретъ, митрополитъ Московскій, произнесъ въ Успенскомъ Соборѣ: „Еще праздникъ и еще слышится мнѣ грозное слово Господне: *превращу праздники ваши въ жалость, и вся пѣсни ваши въ плачъ (Амос. 7, 10).*

Не славу пробуждать и не торжественныя пѣсни воспѣвать намъ нынѣ. И сіе не потому, чтобы позволительно было во время прещенія Божія прекратить благодареніе Богу за его прежнія благодѣянія. Нѣтъ! должно, и во дни гнѣва Божія, съ благодареніемъ воспоминать прежнія по гнѣвѣ милости Божіи, какъ потому, что сего требуетъ справедливость, такъ и потому, что сіе должно подавать намъ надежду возобновленія милости къ намъ Божіей и по настоящемъ гнѣвѣ Его. И не только за прежнія благодѣянія Божіи, но и за настоящее скорбное посѣщеніе Божіе должно благословлять Бога, по примѣру Іова: *яко Господеви изволися, тако бысть; буди имя Господне благословенно во вѣки (Іов. 1. 21).* Но какъ и праведный Іовъ, при столь благодатномъ чувствованіи сердца, уступилъ немощи естества человѣческаго, и съ самымъ посѣщеніемъ Божіимъ, которое было скорбное, а не радостное, сообразовался тѣмъ, что *возставъ, растерза ризы*

своя, и остриже власы главы своя, и посыпа перстію главу свою (20), въ знаменіе печали, то и намъ приличнѣе нынѣ образъ печали, нежели радости, и по духовной немощи нашей, и по смиренію предъ грознымъ посѣщеніемъ Божіимъ, и наипаче по грѣховности нашей. Ибо какъ посѣщаетъ нынѣ насъ Богъ, безъ сомнѣнія, по грѣхамъ нашимъ; то всего паче потребно для насъ покаяніе, а съ покаяніемъ сообразнѣе печаль, нежели радость, только бы печаль была по Богѣ, котораго мы оскорбили грѣхами нашими. *Печаль бо*, говоритъ Апостолъ, *яже по Бозѣ покаяніе нераскаянно во спасеніе содѣловаетъ* (2 Кор. VII. 10).

Покоримся судьбѣ Божіей во всемъ: послѣдуемъ всякому мановенію Провидѣнія. Примемъ, какъ часть наказанія Божія, и то, что во славу Божію совершаемое нами служеніе не можетъ нынѣ совершиться съ подобною прежней радостію, торжественностію и пространствомъ общенія" [278]).

Отъ 23 октября 1830 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „И теперь не могу сообщить тебѣ пріятныхъ извѣстій; впрочемъ; слава Богу, болѣзнь уменьшается у насъ. Въ Саратовѣ и уѣздахъ холера прекратилась, въ прочихъ мѣстахъ дѣйствуетъ очень слабо. Удивительное дѣло! До сихъ поръ нельзя убѣдиться, заразительна ли она или нѣтъ. Въ Москвѣ есть генералъ Стааль, который начальствуетъ надъ Сущевскою временной больницею; онъ вынимаетъ больныхъ изъ кареты, кладетъ на постель, спитъ подлѣ нихъ, разсматриваетъ умершихъ и безъ всякихъ предосторожностей, и до сихъ поръ здоровехонекъ. Скажутъ, его организмъ не принимаетъ заразы; но то-же дѣлаютъ его люди, служители при больницѣ, докторъ. Въ Москвѣ теперь около ста студентовъ, которые служатъ больнымъ, и никто почти не умеръ. Изъ всѣхъ докторовъ умерло двое. Съ другой стороны, на пространствѣ отъ Астрахани до Москвы есть множество мѣстъ, гдѣ холеры не было, и вотъ еще странность: въ одной деревнѣ она есть, а за сто саженъ нѣтъ. Сарепта, огражденная, спаслась совершенно. Рѣшительно то, что безъ магнита (простуды, страха, обремененія желудка,

гнѣва) она не пристаетъ, и потому-то подвергаются ей больше неосторожные и невоздержные простолюдины. Доктора спорятъ, и я насмотрѣлся на ихъ штуки. Газъ, напримѣръ, въ засѣданіи Медицинскаго Совѣта начинаетъ рѣчь: „По всѣмъ моимъ тщательнымъ наблюденіямъ и многократнымъ опытамъ, я удостовѣрился, что кровопусканіе есть самое убійственное средство, и потому вотъ вамъ мой ланцетъ, г-нъ Маркусъ!“ (секретарь совѣта). Въ эту же минуту съ другой стороны Мухинъ начинаетъ: „По всѣмъ моимъ наблюденіямъ и опытамъ, я удостовѣрился, что кровопусканіе есть спасительное средство“. Рѣшительное первое лѣкарство—произвесть испарину въ тѣлѣ. Изъ Смоленска пріѣхалъ одинъ мѣщанинъ, который лечитъ припарками изъ трухи. Захваченная болѣзнь всегда почти вылечивается. Нѣсколько дней городъ былъ въ уныніи, улицы опустѣли, кое-гдѣ развѣ увидишь человѣка, карету съ больнымъ или Иверской Божіей Матерью. Теперь мы и привыкли, да и опасность уменьшилась, такъ всѣ повеселѣли. Между тѣмъ, присутственныя мѣста закрываютъ. Добрый нашъ Государь въ Твери. У меня хлопотъ много: всякій день выходитъ по большому полулисту кругомъ *Вѣдомости.* Да дѣло вотъ въ чемъ: за вѣрность списковъ мнѣ надо сражаться съ утра до вечера съ невѣжествомъ и небрежностію. И съ этимъ управиться можно; но являются еще патріоты и филантропы, которые, безъ всякаго образованія и понятія, хотятъ мудрить по своему и мѣшаютъ вмѣсто помощи. Прибавь еще самолюбіе суетное. Чортъ васъ возьми, дураковъ, предосадно. Чемъ бы дѣлать, а они топорщатся. Авось Богъ дастъ, чрезъ недѣлю все пройдетъ“ [279]). Въ тоже время Каразинъ писалъ Погодину: „Поздравляю васъ отъ всего сердца на новомъ поприщѣ благотворенія. Донесите пожалуйста князю Дмитрію Владиміровичу, ибо полагаю, что вы ему докладываете лично, что я послалъ подъ адресомъ г. издателю *Московскихъ Вѣдомостей* средство противъ холеры, которое *вѣрно*, лишь бы только было употреблено надъ разнемогающимся еще. Это Русская баня. Предохранительное же для пріема внутрь, ко-

торое я вамъ, какъ другу, рекомендую, состоитъ въ горькой водѣ, по утрамъ на тощій желудокъ принимаемой. Смѣсь изъ одной части полыня, или одного трилистника и двухъ частей хмелю, въ томъ видѣ какъ онъ хлѣбниками и пивоварами употребляется; наливается кипяткомъ и поставить немножко попрѣть. Сей смѣси одной щепотки на чашку кипятку довольно. Но послѣ должно простудить и пить холодное" [280]).

Но, не смотря на всеобщую скорбь и уныніе, Погодинъ не унывалъ и энергично дѣйствовалъ въ отведенномъ ему кругѣ; у него является мысль издать вѣдомость о холерѣ. „Она", пишетъ онъ, „можетъ принести мнѣ тысячъ десять для заплаты долговъ". Въ тоже время онъ находитъ необходимымъ составить алфавитъ больныхъ. „Вотъ", замѣчаетъ онъ, единственное средство добраться истины. Боюсь только, чтобъ изъ Петербурга, видя безпрерывныя ошибки, не прислали какого-нибудь академика, а тогда опять мои труды подъ ноги" [281]). Замѣтимъ здѣсь, кстати, что все печатаемое Погодинымъ всегда отличалось забавными опечатками. Не ускользнули отъ нихъ и издаваемыя имъ *Вѣдомости о состояніи города Москвы*, и на одну изъ этихъ опечатокъ указываетъ ему Кавелинъ: „Въ 36-мъ нумерѣ *Вѣдомости*", писалъ онъ Погодину, „въ статьѣ о пожертвованіяхъ отъ неизвѣстнаго, напечатано: *15 арапниковъ.* Сіе произошло, вѣроятно, отъ опечатки написаннаго слова *арапчиковъ.* Нужно исправить сію ошибку, замѣнивъ слово: *арапниковъ* словомъ *червонцевъ*" [282]).

Увеличеніе смертности увеличило и сиротство, безпомощность и бѣдность, а все это вызывало усиленіе благотворительности. Съ утѣшеніемъ можно сказать, что всѣ сословія дружно приносили жертвы деньгами, вещами, даже домами. Голицыны, Шереметевы, Самарины, Пашковы, Лепешкины, Аксеновы, Рыбниковы и многіе другіе принесли въ это время весьма значительныя жертвы. И старецъ Шатровъ, въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи *Осень 1830 года*, не прибѣгая къ риторикѣ, а заглядывая только въ Погодинскія Вѣдомости, имѣлъ право сказать:

Тѣ о страждущихъ вздыхаютъ
И заботятся о нихъ;
Тѣ отшедшихъ поминаютъ,
Ублажаютъ память ихъ;
Тѣ сиротъ и вдовъ покоютъ,
Кровъ для нихъ надежный строютъ;
Тѣ охотно подаютъ
Старикамъ осиротѣвшимъ,
Въ нуждахъ, въ горѣ посѣдѣвшимъ,
Хлѣбъ насущный и пріютъ.
Все подвиглось на услугу:
И сенаторъ, и купецъ,
Всѣ содѣйствуютъ другъ другу
По сочувствію сердецъ;
Всѣ къ святой стремятся цѣли...
—Дѣйствуютъ купцы какъ братья,
А дворяне какъ отцы...
—Сыплетъ золото дворянство,
Духовенство и гражданство,
Сыплетъ щедрою рукой;
Все, что должно для болящихъ,
Все, что нужно для скорбящихъ,
Льется полною рукой. [283])

Въ самый разгаръ холеры, графъ Дмитрій Николаевичъ Шереметевъ обратился къ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ: „Первою обязанностію считаю принесть вашему сіятельству мою душевную благодарность, что удостоили пріобщить и меня къ числу моихъ соотчичей, подающихъ въ толь тяжкую годину помощь страждущему человѣчеству. Назначеніе Воздвиженскаго моего дома для призрѣнія бѣдныхъ пріемлю за великую честь и удовольствіе, объ отданіи коего въ распоряженіе комитета, на сей предметъ учрежденнаго, я съ симъ вмѣстѣ предписалъ Московской домовой моей канцеляріи; равно и о томъ, дабы весь тотъ домъ, въ теченіе сорока пяти дней, отапливать моими дровами и продовольствовать, въ теченіе помянутаго времени, всѣхъ призрѣнныхъ въ ономъ пищею на мой счетъ, если вашему сіятельству угодно будетъ осчастливить меня вашимъ на то благоволеніемъ". Печатая это письмо въ своихъ холерныхъ *Вѣдомостяхъ*, Погодинъ справедливо замѣтилъ: „Имя

Шереметевыхъ драгоцѣнно для Московскихъ жителей. Вотъ новое право ихъ на живѣйшую благодарность“ [284]).

Ровно чрезъ тринадцать дней послѣ этого письма, а именно 26 октября 1830 года, Филаретъ, митрополитъ Московскій, священнодѣйствуя въ храмѣ Пресвятыя Троицы Страннопріимнаго въ Москвѣ дома графа Шереметева, по случаю его обновленія, произнесъ слѣдующее:

„Сіе мѣсто приводитъ мнѣ на память человѣка богатаго, который не потерялъ своего имени въ дѣлахъ ничтожныхъ, который не оставилъ безъ вниманія бѣднаго и больного Лазаря у воротъ своего великолѣпнаго дома, но заботливо искалъ его по чужимъ домамъ; и бѣдному и больному Лазарю построилъ сей пространный домъ, приготовилъ неистощимыя пособія для жизни и врачеванія, и сіе великолѣпное дѣло человѣколюбія довершилъ устроеніемъ сего величественнаго храма, чтобы Лазарь имѣлъ удобность не однимъ терпѣніемъ до конца, но и другими упражненіями благочестія готовиться къ лону Авраамову. Отче Аврааме, отче вѣрующихъ и человѣколюбивыхъ! обыми, если можно, и за насъ въ блаженныхъ нѣдрахъ твоихъ, вмѣстѣ съ душею терпѣніемъ спасавшагося Лазаря, душу человѣколюбіемъ спасавшагося раба Божія болярина графа Николая; и да почіетъ она въ свѣтлыхъ обителяхъ вѣчно благословеннаго и благословляющаго Твоего сѣмени, Господа нашего Іисуса Христа, которому ты берегъ души древнія, и который, для душъ древнихъ и новыхъ, *Единъ есть воскрешеніе и жизнь, и покой!* [285]).

XXVIII.

Вращаясь среди народнаго бѣдствія и неся весьма нелегкіе труды, герой нашъ умѣлъ до такой степени сохранить присутствіе духа, что не только бодрствовалъ самъ, но ободрялъ и утѣшалъ своихъ упавшихъ духомъ друзей, хотя отъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго у него самого иногда „подиралъ морозъ по кожѣ“ [286]). „Верстовскій, Загоскинъ,

Кубаревъ“, писалъ онъ Шевыреву, „дрянь-дрянью: оробѣли и носу не кажутъ никуда“ [287]). Живя по сосѣдству съ почтеннымъ Гульяновымъ, Погодинъ, во время разгара холеры, имѣлъ съ нимъ постоянное общеніе. „Почтеннѣйшій сосѣдъ!“, писалъ ему однажды Гульяновъ, „со дня постигнувшихъ васъ заботъ, я не нашелъ минуты съ вами свидѣться, хотя и былъ у васъ неоднократно. Желалъ бы, однакожъ, услышать изъ устъ вашихъ, что говорятъ и толкуютъ въ засѣданіяхъ врачебнаго совѣта“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Гульяновъ совѣтуетъ Погодину напомнить неосторожнымъ „спасительное наставленіе Іисуса, Сына Сирахова: *Не пресыщайся во всякой сладости и не разливайся на брашна: Ибо во многѣхъ брашнахъ недугъ будетъ, и пресыщеніе приближитъ даже до холеры: Пресыщеніемъ бо мнози умроша, внимаяй же приложитъ житіе*“ (37,32 до конца) [288]).

Особенно трогательны были отношенія Погодина въ это страшное время къ его старинному другу, Кубареву. По своей мнительности, тотъ впалъ въ совершенное уныніе, и при этомъ написалъ странное духовное завѣщаніе, въ силу котораго все его достояніе должно идти „въ пользу дочерей“ какихъ-то ремесленниковъ. Завѣщаніе это держалъ онъ въ тайнѣ; но когда объ ономъ провѣдалъ Погодинъ, то „сказалъ ему объ участкѣ для бѣдной родни, а онъ и слышать не хочетъ“. Чтобъ нѣсколько успокоить своего совершенно упавшаго духомъ друга, Погодинъ уговорилъ его переѣхать къ нему въ домъ. Но, на бѣду, у него въ домѣ одинъ жилецъ, нѣмецъ, заболѣлъ холерою и умеръ [289]). „У меня въ домѣ“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „во флигелѣ жилецъ—нѣмецъ умеръ холерою, и трупъ пролежалъ двѣнадцать часовъ до ночи; другой тогда же занемогъ, и я не испугался. Но вотъ въ чемъ было замѣшательство. Накануиѣ я перетащилъ къ себѣ жить Кубарева, который у себя дома умиралъ отъ страха (такъ обробѣлъ), и какъ нарочно у меня тогда же случилось несчастіе. Насилу скрыли отъ него. Къ Аксаковымъ я ѣзжу только подъ окошко. Всѣ заперлись: Загоскинъ,

Верстовскій, какъ зайцы. Елагины всѣ здоровы; не ѣзжу къ нимъ, чтобы не принесть случайно заразы, ибо я безпрестанно говорю съ такими людьми, кои отъ умирающихъ. Для своихъ пансіонеровъ и семейства я закупилъ провизіи на шесть мѣсяцевъ, нанялъ въ домъ лѣкаря, etc. Но полно объ этомъ“ [290]). Когда же о случившемся въ домѣ Погодина узнали Аксаковы, то Сергѣй Тимоѳеевичъ писалъ ему: „Не могу изъяснить, какъ поразило меня, брата и Н. И. Надеждина, ваше письмо, другъ мой, Михаилъ Петровичъ!.. Жена ничего не знаетъ, и я не понимаю, какъ объяснить ей ваше отсутствіе? Молю Бога, и увѣренъ въ душѣ моей, что Онъ васъ помилуетъ. Только, ради Христа, не теряйте духа и не пренебрегайте предосторожностями. Увѣдомьте меня непремѣнно о себѣ. Если вы не напишите ни слова, то это меня поразитъ. Хочу сказать женѣ, что вы переѣхали жить къ Военному Губернатору или Оберъ-Полиціймейстеру. Она же знаетъ ваше намѣреніе. Вотъ тяжелое положеніе, какого я не воображалъ. У меня Вѣра и Оленька нездоровы головною болью и жаромъ, и что же? Уже сутки не могу добиться Высотскаго. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ получаемъ добрыя вѣсти, что холера въ приступахъ своихъ ослабѣваетъ. Какой жилецъ нѣмецъ? Кто еще занемогъ, неужели больные лежатъ у васъ въ домѣ. Надеждинъ хотѣлъ было ѣхать къ вамъ, но я не пустилъ: что за польза?“ Съ своей стороны, и Надеждинъ принялъ участіе въ своемъ другѣ. „Ободрись, братецъ!“ писалъ онъ ему, „и не пугайся опасности, какъ она близко къ тебѣ ни заѣхала! Богъ милостивъ! Вы напугали насъ всѣхъ ужасно. И одно только извѣстіе, что ты успокоился, можетъ загладить вину твою предъ нами! Къ чему такъ много тревожиться? Люди ѣздятъ и по больницамъ, и, слава Богу, возвращаются здоровехоньки! Припомни, что ты самъ писалъ въ своемъ бюллетенѣ: „мужество де есть главное дѣло!“ Мнѣ очень бы хотѣлось побывать у тебя и позабавить своимъ присутствіемъ; скажи-ка, можно ли до тебя добраться?“ [291]). Повидимому, въ этихъ ободреніяхъ Погодинъ

не нуждался. Въ самый разгаръ холеры и своей дѣятельности, онъ писалъ Шевыреву: „Я снялъ себѣ чудную копію съ Маріи Карла Дольче, и по цѣлымъ часамъ сижу надъ ней въ сердечномъ умиленіи и восторгѣ. *Буди мнѣ по глаголу Твоему*". По этому поводу Гульяновъ писалъ ему: „Я Заступницей вашей сорадуюсь съ вами. Честь живописцу, и вамъ поздравленіе" [292]).

Умиляясь предъ чуднымъ изображеніемъ Пресвятыя Дѣвы, Погодинъ въ то же время спокойно читаетъ Вальтеръ-Скотта, думаетъ приняться за Овидія или Шлецера и сожалѣетъ, что все „отрываютъ его отъ дѣла". Бесѣдуетъ съ Кубаревымъ о Наполеонѣ, Байронѣ, Шиллерѣ, Руссо, Тацитѣ, Катонѣ, Цицеронѣ, Ливіи, размышляетъ о состояніи Европы, задумывается о *Борисѣ Годуновѣ*, „хохочетъ" надъ *Исторіею Русскаго Народа* Полеваго и думаетъ о революціи, а съ 25 октября начинаетъ ѣздить къ Аксаковымъ, у которыхъ толкуетъ о холерѣ и играетъ въ бостонъ [293]).

Между тѣмъ, И. В. Кирѣевскій, узнавъ въ Вѣнѣ, что въ Москвѣ свирѣпствуетъ холера, какъ „истый рыцарь", прискакалъ въ Москву къ своимъ и, по свидѣтельству Погодина, „ругалъ Нѣмцевъ на повалъ: ни чести, ни человѣколюбія, ни любви къ наукамъ" [294]). Еще въ письмѣ изъ Германіи И. В. Кирѣевскій писалъ: „Нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ, нѣтъ народа плоше, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе Нѣмцевъ! Булгаринъ предъ ними геній!". Вслѣдъ за Иваномъ вернулся въ Москву и Петръ Кирѣевскій, съ которымъ дорогою приключилось весьма непріятное происшествіе. Онъ проѣхалъ черезъ Варшаву наканунѣ возмущенія. Курьеръ, привезшій извѣстіе о вспыхнувшемъ возмущеніи, пріѣхалъ къ Кіевъ нѣсколькими часами прежде Кирѣевскаго. Въ Кіевѣ, въ полиціи, отказались дать свидѣтельство для полученія подорожной; полиціи показалось страннымъ, что человѣкъ спѣшитъ въ чумный городъ, изъ котораго всѣ старались выѣхать. Польское окончаніе фамиліи на *скій*, паспортъ, въ которомъ было прописано, что при г-нѣ Кирѣевскомъ человѣкъ, между

тѣмъ, какъ онъ возвращался одинъ, ибо человѣкъ былъ отпущенъ нѣсколько мѣсяцевъ прежде, — всѣ эти обстоятельства показались подозрительными, и полиція не дозволила ему выѣхать изъ города безъ высшаго разрѣшенія. Мюнхенскаго студента потребовали явиться къ генералъ-губернатору, который принялъ Кирѣевскаго строго и сухо; предложивъ ему нѣсколько вопросовъ и выслушавъ отвѣты, въ раздумьѣ началъ ходить по комнатѣ. Молодой Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ начальническимъ пріемамъ, пошелъ вслѣдъ за нимъ. „Стойте, молодой человѣкъ!“ воскликнулъ генералъ-губернаторъ, закипѣвшій отъ негодованія. „Знаете ли вы, что я сейчасъ же могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?“. „Если у васъ есть возможность это сдѣлать“, спокойно отвѣчалъ Кирѣевскій, „то вы не имѣете права это сдѣлать!“ „Ступайте“, сказалъ г. губернаторъ, нѣсколько устыдившись своей неумѣстной вспыльчивости, и въ тотъ же вечеръ приказалъ выдать подорожную“ [295]). На этотъ разъ холера не коснулась семьи Кирѣевскихъ, и оба брата нашли здоровыми своихъ близкихъ и друзей. „Кирѣевскіе здѣсь оба“, писалъ Погодинъ Шевыреву „и ругаютъ Нѣмцевъ безъ памяти. У меня начались съ ними схватки за поэзію Баратынскаго и древность Дельвига, но хочу ихъ прекратить, а признаюсь, съ удовольствіемъ посмѣялся надъ пустотою литературной синицы“ [296]).

Въ самый разгаръ холеры пріѣхалъ въ Москву и А. В. Веневитиновъ и все холерное время не выѣзжалъ изъ нея. У него Погодинъ познакомился съ графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ [297]).

Между тѣмъ „смерть“, по слову Филарета, „уже перестала распространять свою власть, и болѣзнь начала уступать здравію“. 20 ноября 1830 года Погодинъ писалъ Шевыреву: „Слава Богу, холера въ Москвѣ проходитъ и городъ ожилъ. Ну, братъ, насмотрѣлся, наслушался я всякой всячины въ нашихъ совѣтахъ. Для отдохновенія и освѣженія принимаюсь за Овидія“ [298]).

Мы уже знаемъ, что въ концѣ августа 1830 года, Пушкинъ, уже будучи женихомъ, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа отправился въ свою Нижегородскую деревню и тамъ застигнутый карантинами прожилъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. „Отдѣленный отъ всего міра, онъ предался творчеству съ жаромъ и постоянствомъ". „Теперь", писалъ онъ Плетневу, „мрачныя мысли мои поразсѣялись, пріѣхалъ я въ деревню и отдыхаю. Около меня холера-морбусъ. Знаешь-ли что это за звѣрь?.. Ты не можешь вообразить какъ весело удрать отъ невѣсты, да и засѣсть стихи писать. Жена не то, что невѣста. Куда! жена свой братъ! При ней пиши сколько хошь.— А невѣста, пуще цензора Щеглова, языкъ и руки связываетъ. Что за прелесть здѣшняя деревня! Вообрази степь да степь, сосѣдей ни души, ѣзди верхомъ сколько душѣ угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не мѣшаетъ" [299]). По свидѣтельству біографовъ Пушкина, ни одна еще осень въ его жизни не порождала столько разнородныхъ произведеній„ [300]). „Изъ *Московскихъ Вѣдомостей*", писалъ онъ Погодину, „единственнаго журнала, доходящаго до меня, вижу, любезный и почтенный Михайло Петровичъ, что вы не оставили матушки нашей. Дважды порывался я къ вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ, откуда простираю къ вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего не пишетъ. Думаютъ, что я холерой схваченъ или зачахъ въ карантинѣ. Не знаю, гдѣ и что̀ моя невѣста. Знаете ли вы, можете ли узнать? Ради Бога узнайте и отпишите мнѣ: въ Лукьяновскій уѣздъ въ село Абрамово для пересылки въ село Болдино. Если при томъ пришлете мнѣ вѣчевую свою трагедію, то вы будете моимъ благодѣтелемъ, истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ раскритиковалъ; а то ничего не дѣлаю; даже браниться не съ кѣмъ. Дай Богъ здоровья Полевому! Его второй томъ со мною и составляетъ утѣшеніе мое". Погодинъ же уже напечаталъ свою *Марѳу*, но не выпустилъ ее въ свѣтъ. Въ отвѣтъ на это письмо Пушкина онъ послалъ ему отпечатан-

ный экземпляръ, и получилъ отъ него болѣе чѣмъ лестный отзывъ о своемъ произведенiи. „Я было опять“, писалъ Пушкинъ, „къ вамъ попытался, доѣхалъ до перваго карантина; но на заставѣ смотритель, увидѣвъ, что ѣду по собственной, самонужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? Въ утѣшенiе нашелъ я ваше письмо и *Мароу*. И прочелъ ее два раза духомъ. Ура! Я было, признаюсь, боялся, чтобы первое впечатлѣнiе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ—я все таки при томъ же мнѣнiи: *Мароа* имѣетъ Европейское высокое достоинство. Я разберу ее какъ можно пространнѣе. Это будетъ для меня изученiе и наслажденiе. Одна бѣда: слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности. И съ языкомъ поступаете какъ Iоаннъ съ Новгородцами. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его—усѣченiй, сокращенiй—тьма. Но знаете что? И эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе (разумѣется сообразно съ духомъ его). И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу чѣмъ чопорная наша правильноеть. Не посылаю вамъ замѣчанiй (частныхъ), потому что некогда намъ будетъ перемѣнять, что требуетъ перемѣны. До другаго изданiя—покамѣстъ скажу вамъ, что анти-драмматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: разговоръ Борецкаго съ Iоанномъ, Iоаннъ не сохраняетъ своего величiя (не въ образѣ рѣчи, но въ отношенiи къ предателю). Борецкiй, хотя и новгородецъ, съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Iоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Iоанну. Развивъ драмматически (то есть умно, живо, глубоко) его политику, вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего, вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное... остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана великаго, что и выполнитъ со всеусердiемъ вашъ покорнѣйшiй пономарь. О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые, вѣроятно, подымутъ его до царя (и по дѣломъ), а вы ихъ послушайтесь.

Для васъ же пришлю я подробную критику, надстрочную. Простите, до свиданія. Поклонъ Языкову. Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли Русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а князь Шуйскій? А князья удѣльные? Я вамъ говорю, что это все достоинства *Шекспировскія*" [301]).

Въ день Николая чудотворца и Государевыхъ имянинъ было снято наружное оцѣпленіе Москвы. „Ты не можешь себѣ представить", писалъ Погодинъ Шевыреву", что это была за радость: нарочно иные ѣздили прогуляться за заставу". „Поздравляю", писалъ князь П. А. Вяземскій — И. И. Дмитріеву, „съ выздоровленіемъ Москвы. Слышу, что и Англійскій клубъ уже ожилъ. Ко мнѣ прилетѣлъ уже въ ковчегъ воронъ послѣ потопа,—*Телеграфъ*, котораго я давно не видалъ. Онъ все въ своемъ допотопномъ положеніи" [302]).

Вслѣдъ за симъ радостнымъ событіемъ вернулся и Пушкинъ въ Москву. Подъ 11 декабря 1830 года читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина: „къ Пушкину. Услышалъ опять очень лестную похвалу о *Марѳѣ*, и много прекрасныхъ замѣчаній. Удивлялся, что языкъ ему кажется слишкомъ неправиленъ. Онъ наработалъ множество. Я сказалъ ему, что буду писать Бориса и Димитрія. Пишите, а я отказываюсь. Говорили о Франціи, Польшѣ, литературѣ. Напрасно они говорятъ отвлеченности". Въ то-же время Пушкинъ прочелъ Погодину и свою девятую *пѣснь Онѣгина* „Прелесть!" [303]). Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, Пушкинъ отправился въ Остафьево, къ князю П. А. Вяземскому и среди его семейства прочелъ свое знаменитое стихотвореніе *Моя Родословная*, написанная имъ въ Болдинѣ, по слѣдующему поводу: Булгаринъ, въ *письмѣ изъ Карлова на Каменный островъ*, напечаталъ: „Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ: и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобы это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого они есть); однакожъ это не сдѣлаетъ глаже и

умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ открыто, что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ мулата или, не помню, отъ мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ негритянскій принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ негра за бутылку рому! Думали ли тогда, что къ этому негру прицѣпится стихотворецъ?—Vanitas vanitatum" [304]). Оскорбленный этою выходкою, Пушкинъ писалъ: „Въ одной газетѣ, почти оффиціальной, сказано было, что прадѣдъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II) генералъ-аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому. Прадѣдъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе. Простительно выходцу не любить ни Русскихъ, ни Россіи, ни Исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволять всякому выходцу клеветать, но не похвально ему за Русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ Лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ" [305]). По этому-то поводу Пушкинъ написалъ *Моя Родословная* и впервые прочелъ ее въ Остафьевѣ. „Я живо помню", писалъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, „какъ онъ во время семейнаго вечерняго чая, расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ будто катаясь на конькахъ и потирая руки, декламировалъ, сильно напирая на *я мѣщанинъ, я мѣщанинъ, я просто Русскій мѣщанинъ*. Съ особеннымъ наслажденіемъ Пушкинъ прочелъ врѣзавшіеся въ мою память четыре стиха:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,

Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками.

Но князь П. А. Вяземскій, изъ своей любви къ Пушкину, совѣтовалъ ему не распространять этихъ стиховъ, опасаясь, что они вооружатъ противъ него и безъ того озлобленныхъ враговъ. Что, къ несчастію, и случилось. Сообщая это, князь П. П. Вяземскій весьма глубокомысленно замѣчаетъ: „Самолюбіе поэтовъ ставитъ ихъ въ нелогическое положеніе, они не уважаютъ ничтожности и требуютъ отъ этихъ ничтожностей, чтобы онѣ уважали и цѣнили достоинство поэта“ [306]).

За свою полезную дѣятельность во время холеры, Погодинъ былъ почтенъ слѣдующимъ письмомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына. „Съ появленіемъ въ Москвѣ болѣзни холеры представилась надобность издавать ежедневныя вѣдомости о состояніи сей столицы, и вы охотно приняли на себя этотъ трудъ. Сверхъ того, вы участвовали въ занятіяхъ бывшей коммиссіи для составленія вѣрныхъ списковъ объ умершихъ отъ холеры, и многія другія порученія отлично усердно исполняли, способствуя тѣмъ мѣстному начальству къ приведенію въ исполненіе принятыхъ мѣръ къ прекращенію болѣзни. За всѣ труды и безпокойства, подъятые вами для пользы человѣчества, я справедливымъ нахожу принести вамъ полную мою признательность, увѣдомляя притомъ, что объ отличномъ усердіи вашемъ въ исполненіи возлагаемыхъ на васъ, во время бывшей въ Москвѣ эпидеміи, порученій, я, вмѣстѣ съ симъ, сообщилъ г. Попечителю Учебнаго Округа“. Зайдя какъ-то къ доктору Маркусу, Погодинъ узналъ, что докторъ этотъ за свою дѣятельность во время Московской холеры получилъ „около восьми тысячъ пенсіи“ и по поводу этой щедрой награды, Погодинъ спрашиваетъ: „Не будетъ ли и мнѣ чего?“ и тутъ же самъ себѣ отвѣчаетъ: „А развѣ ты ѣздилъ и просилъ!“ Когда же Маркусъ прислалъ Погодину свою книгу о холерѣ, то онъ съ прискорбіемъ за-

мѣтилъ, что въ этой книгѣ даже имени его не упоминается. *И онъ позабылъ*! [307]).

XXIX.

Въ концѣ 1830 года, *Литературная Газета* доживала свои послѣдніе дни. Одинъ изъ ея почитателей писалъ, что въ ней былъ ощутителенъ недостатокъ „той быстроты въ движеніи, того разнообразія, которыя составляютъ главный интересъ всякой газеты“ [308]). Ходомъ ея былъ недоволенъ и самъ Князь П. А. Вяземскій. „На *Литературную Газету*“, писалъ онъ Пушкину, „надежды мало. Дельвигъ лѣнивъ и ничего не пишетъ, а выѣзжаетъ только на Сомовѣ“ [309]).

На это Пушкинъ отвѣчалъ: „Дельвигъ въ самомъ дѣлѣ лѣнивъ, однакоже его *Газета* хороша; ты много оживилъ ее. Поддерживай ее, покамѣстъ нѣтъ у насъ другой. Стыдно будетъ уступить поле Булгарину. Дѣло въ томъ, что чисто литературной газеты у насъ быть не можетъ; должно принять въ союзницы или моду, или политику. Соперничать съ Раичемъ и Шаликовымъ какъ-то совѣстно. Неужто Булгарину отдали монополію политическихъ новостей? Неужто кромѣ *Сѣверной Пчелы* ни одинъ журналъ не смѣетъ у насъ объявить, что въ Мексикѣ было землетрясеніе, что камера депутатовъ закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволенія? Справься-ка съ молодыми министрами и съ Бенкендорфомъ... Да и неприлично Правительству заключать союзъ—съ кѣмъ? Съ Булгаринымъ и Гречемъ. Пожалуйста поговори объ этомъ втайнѣ. Если Булгаринъ будетъ это подозрѣвать, то онъ, по своему обыкновенію, пустится въ доносъ и клевету и съ нимъ не справишься“ [310]).

Между тѣмъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* и *Сѣверной Пчелѣ* появлялись непрестанныя выходки противъ такъ называемой ими *литературной аристократіи*, органомъ которой они почитали *Литературную Газету*. Возмущенный этими выходками, Пушкинъ напечаталъ въ *Литературной Газетѣ*, безъ

подписи своего имени слѣдующее: „Новыя выходки противъ такъ называемой *литературной нашей аристократіи* столь же недобросовѣстны какъ и прежнія. Ни одинъ изъ извѣстныхъ писателей, принадлежащихъ будто бы этой партіи, не думалъ величаться своимъ дворянскимъ званіемъ. Напротивъ, *Сѣверная Пчела* помнитъ, кто упрекалъ поминутно г. Полеваго тѣмъ, что онъ купецъ, кто заступился за него, кто осмѣлился посмѣяться надъ феодальной нетерпимостью нѣкоторыхъ чиновныхъ журналистовъ. При семъ случаѣ замѣтимъ, что если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше, не въ примѣръ прочимъ, грамотное: этому смѣяться нечего. Но пренебрегать своими предками изъ опасенія шутокъ Полеваго, Греча и Булгарина, непохвально, а не дорожить своими правами и преимуществами — глупо". Въ заключеніе Пушкинъ сказалъ: „Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII-го столѣтія пріуготовили крики: *Аристократовъ къ фонарю* и ничуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ*. Avis au lecteur" [311]).

Строки эти Полевой принялъ исключительно на свой счетъ и разразился въ *Московскомъ Телеграфѣ*. „Издатель *Телеграфа*", писалъ онъ, „есть одна изъ тѣхъ цѣлей, въ которыя всего чаще стрѣляетъ *Литературная Газета* своимъ критическимъ горохомъ. До сихъ поръ издатель *Телеграфа* молчалъ, смѣялся надъ соперниками, неопасными и неловкими. Но теперь одна изъ статеекъ *Литературной Газеты* вынуждаетъ у него нѣсколько не шутливыхъ словъ. *Литературная Газета* замахнулась на него камнемъ; онъ выхватываетъ этотъ камень, и бросаетъ его ей обратно, прямо въ лобъ. Съ чего беретъ *Литературная Газета*, что Полевой насмѣхается надъ дворянскими грамотами ея издателей? Нигдѣ и ничего не говорилъ Полевой объ этомъ, и не могъ говорить, ибо все помѣщаемое въ его журналѣ есть доказательство, что основаніемъ всѣхъ его дѣлъ и мыслей были и будутъ — уваженіе къ гражданскому порядку, законамъ, отече-

ству, заслугамъ Рускаго дворянства, желаніе счастія и благоденствія отчизнѣ. Правда, Полевой не станетъ самъ добиваться дворянства, ибо смѣетъ думать, что въ глазахъ соотечественниковъ званіе купца, въ которомъ онъ родился, ни чуть не унижаетъ его; Полевой не почитаетъ въ то же время дворянскаго званія ручательствомъ за умъ, добродѣтель, и еще менѣе за литературное достоинство человѣка. Совершенная правда! И вотъ за послѣднее-то мнѣніе *Литературная Газета* ставитъ шутки Полевого на ряду съ эпиграммами Маратовъ и Французскихъ революціонныхъ газетчиковъ. И издатели *Литературной Газеты* не стыдятся своего: Avis au lecteur! И это значитъ у нихъ: аристократовъ къ фонарю! Какъ назвать такія ничтожныя, бѣдныя средства защиты? Я хотѣлъ только указать на литературную недобросовѣстность *Литературной Газеты*. Опроверженія она не стоитъ и не заслуживаетъ. Я почитаю себя выше преній о подобныхъ предметахъ. Дѣло въ томъ, что *Литературная Газета* есть послѣднее усиліе жалкаго литературнаго аристократизма, и вотъ вся загадка! Грамотъ на литературное достоинство герольдія нынѣшней критики не только не утверждаетъ современнымъ литературнымъ аристократамъ, но оспариваетъ оныя и у тѣхъ литературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ бояръ. Теперь не даютъ пропуска на Парнассъ тѣмъ, которые лѣтъ за десятокъ называли себя помѣщиками Парнасскими. Разумѣется, что такимъ помѣщикамъ горько приходится, но—что дѣлать! Литературный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ. На него нападалъ и всегда будетъ нападать *Телеграфъ*. Различіе между дворянствомъ и литературнымъ аристократизмомъ весьма легко понять. Положимъ, напримѣръ, что князь Вяземскій напишетъ дурные стихи, а я смѣло скажу ему объ этомъ; онъ Князь! Что за нужда? Развѣ княжество его стихами записано въ родословную книгу, и стихи его копія съ дворянской грамоты? Княжество его при немъ, а поэтъ онъ все-таки будетъ плохой. Ришелье былъ министръ великій и кардиналъ, но стихи писалъ прегадкіе.

Прошу литературныхъ аристократовъ вѣрить, что въ числѣ моихъ недостатковъ нѣтъ литературной трусости! Дворянскія грамоты и дипломы ученые не спасутъ отъ меня худыхъ писателей, хотя бы они были самые знаменитые друзья. Уже нѣсколько лѣтъ тяжба судится публикою, и едва ли рѣшится она въ мою невыгоду. По крайней мѣрѣ, не литературнымъ аристократамъ выиграть ее!"

Въ 1830 году, въ Москвѣ вышла книжка подъ заглавіемъ: *Купеческій сынокъ, или слѣдствіе неблагоразумнаго воспитанія. Нравственно-сатирическій романъ.* Въ этой книжкѣ Полевой обращаетъ вниманіе на слѣдующія стихи:

Одинъ *купеческій* сынокъ—
Позвольте умолчать прозванье!
Назвать его я-бъ очень могъ,
Но это какъ-то *въ ихнемъ званьѣ*
Обиднѣй нежели *у насъ:*
У насъ коль мотъ—какое дѣло?
У нихъ шалятъ не такъ-то смѣло.

„Слова", замѣчаетъ Полевой *„ихнее званіе, у насъ, у нихъ,* суть доказательства, что сочинитель нравственно-сатирическаго романа—дворянинъ. „Если большая часть нашихъ писателей дворяне, то сіе доказываетъ только, что Дворянство наше грамотное: этому смѣяться нечего".—Воля ваша, господа издатели *Литературной Газеты*! Посмотрѣвъ на нашу литературу, начиная съ вашей *Газеты* до *Купеческаго сынка*, если не засмѣешься, то, по крайней мѣрѣ улыбнешься и усомнишься въ грамотности нѣкоторыхъ дворянъ-литераторовъ [312]).

Къ удовольствію Полеваго, статьею Пушкина остался очень недоволенъ и графъ Бенкендорфъ, который въ письмѣ своемъ (отъ 22 Августа 1830 года) Министру Народнаго Просвѣщенія обращаетъ вниманіе на „неприличность статьи, помѣщенной въ *Литературной Газетѣ* (№ 45), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ Министра уѣдомить его: „какимъ образомъ сія статья могла быть пропущена цензурою и кто именно сочинитель оной?" Въ отвѣтъ на этотъ запросъ, князь Ливенъ препроводилъ Бенкендорфу весьма основательное объясненіе

цензора Щеглова, который писалъ: „Статья *Литературной Газеты* написана въ отвѣтъ на ироническіе выходки *Московскаго Телеграфа* противъ такъ называемой *литературной аристократіи.* Пропустилъ я сію статью по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому что не нашелъ въ ней ничего противнаго ни религіи, ни духу Россійскаго Правительства и во 2) потому, что стремленіе *Московскаго Телеграфа* выставить съ дурной стороны Руское Дворянство, чрезъ осмѣиваніе онаго почти въ каждой книжкѣ разными критическими пьесами; насмѣшки же надъ дворянскимъ состояніемъ нѣкоторыхъ нашихъ писателей я находилъ противными духу нашего Правительства и считалъ ихъ вредными для государственнаго устройства Россіи, слѣдовательно заслуживающими сильнаго опроверженія по крайней мѣрѣ напоминаніемъ сочинителямъ ихъ, что униженіе высшаго сословія государства какимъ бы то ни было образомъ ни къ какой благонамѣренной цѣли вести не можетъ“.

Когда же Максимовичъ въ своей *Денницѣ* напечаталъ: „Извѣстные писатели наши, коихъ многіе журналы на своемъ техническомъ языкѣ называютъ *знаменитыми, аристократами* въ семъ году сдѣлались предметомъ нападокъ *Московскаго Телеграфа,*“ [313]) то по поводу этихъ строкъ князь П. А. Вяземскій писалъ автору ихъ: „Охота вамъ держаться терминологіи вралей и въ слѣдъ за ними твердить о *литературной аристократіи,* объ аристократіи *Газеты*? Хорошо полицейскимъ и кабацкимъ литераторамъ горланить противъ аристократіи, ибо они чувствуютъ, что людямъ благовоспитаннымъ и порядочнымъ нельзя знаться съ ними; но вамъ съ какой стати приставать къ ихъ шайкѣ? Брать ли слово *аристократія* въ смыслѣ дворянства, то кто же изъ насъ не дворянинъ, и почему Пушкинъ чиновнѣе Греча или Свиньина? Брать ли его въ смыслѣ *не дворянства,* а *благородства* духа, вѣжливости, образованности, выраженія, то какъ же рѣшить отъ него отстраняться и употреблять его въ видѣ браннаго слова, вслѣдъ за *санкюлотами* Французской революціи, ибо

они составили сей словарь или дали сіе значеніе? Брать ли его въ смыслѣ аристократіи талантовъ, то есть аристократіи природной, то смѣшно же вымещать Богу за то, что онъ далъ Пушкину голову, а Полевому лобъ и Булгарину языкъ. Обвиняйте *Газету* въ блѣдности, въ безжизненности, о томъ ни слова: я стою не за нее и нахожу, что во многомъ вы справедливы. Но мнѣ жаль видѣть, что и вы тянете туда же и говорите о *знаменитостяхъ, объ аристократіи.* Оставьте это *Сѣверной Пчелѣ* и *Телеграфу*, но непринадлежащему шайкѣ ихъ неприлично марать себѣ ротъ ихъ грязными поговорками. Если мнѣ не вѣрите, спросите Кирѣевскаго: я увѣренъ, что онъ будетъ моего мнѣнія". [314]).

Несмотря на свою близость съ Пушкинымъ, Погодинъ къ органу его относился весьма несочувственно. „*Литературная Газета*", писалъ онъ Шевыреву, „дрянь, и я съ торжествомъ поддразниваю Ивана Кирѣевскаго. Не знаю ужъ, какъ перевалится она за этотъ годъ: ни одной статьи важной, а новости заднимъ числомъ. Вотъ то-то и есть; море сжечь трудно *синицамъ*" [315]). Значитъ, по приговору Погодина, и самъ Пушкинъ попалъ въ *синицы*! Но, какъ бы въ отвѣтъ на эти строки, издатель *Литературной Газеты*, баронъ Дельвигъ, печатно заявилъ: „Нѣсколько журналистовъ, которымъ *Литературная Газета* кажется печальною и очень скучною, собираются нанести ей рѣшительный, по ихъ мнѣнію, ударъ; они хотятъ обрушить на нее страшную громаду брани, доведенной ими до nec plus ultra неприличія и грубости, и тѣмъ отбить у насъ подписчиковъ. Издатель *Литературной Газеты*, привыкшій хладнокровнымъ презрѣніемъ отвѣчать на ихъ отчаянныя выходки, надѣется спокойно выдержать и сей втайнѣ приготовляющійся бурный потокъ. Онъ не будетъ отбраниваться даже и тогда, когда сверхъ всякаго чаянія демонъ корыстолюбія имъ овладѣетъ" [316]).

Въ нумерѣ 62-мъ своей *Газеты* баронъ Дельвигъ имѣлъ неосторожность помѣстить четверостишіе на Французскомъ языкѣ Казиміра де-ла-Виня, на памятникъ, который въ Парижѣ

предполагали воздвигнуть жертвамъ 27—29 іюля 1830 года. Кромѣ того, баронъ Дельвигъ заподозрилъ правдивость оффиціальныхъ извѣстій, помѣщаемыхъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Все это воздвигло бурю на *Литературную Газету* и къ величайшему удовольствію Полевого, Булгарина, Греча и др., прекратило ея существованіе.

Графъ А. Х. Бенкендорфъ, въ письмѣ своемъ отъ 30 октября 1830 года, довелъ до свѣдѣнія Министра Народнаго Просвѣщенія, что въ этой *Газетѣ* (№ 61) помѣщены, „ни къ какой стати, четыре стиха Казиміра де-ла-Виня на памятникъ, который въ Парижѣ предполагаютъ воздвигнуть жертвамъ 27, 28, 29 іюля“. Въ томъ же письмѣ Бенкендорфъ проситъ поставить на видъ цензору В. Н. Семенову, которому должно быть извѣстно, что „по приказанію моему сообщаются издателямъ *Сѣверной Пчелы*, для помѣщенія въ ихъ газетѣ, разныя оффиціальныя свѣдѣнія и статьи. Между тѣмъ, г. Семеновъ, къ крайнему моему удивленію, позволилъ напечатать въ *Литературной Газетѣ* замѣчаніе о мнимой будто бы ложжности сихъ извѣстій. Сіе кажется мнѣ неприличнымъ, ибо ослабляетъ довѣріе публики къ извѣстіямъ, кои Правительство находитъ нужнымъ сообщать къ ея успокоенію“. Личное объясненіе издателя *Литературной Газеты* съ Бенкендорфомъ не послужило въ пользу перваго. По крайней мѣрѣ вотъ что писалъ Бенкендорфъ, отъ 8 ноября 1830 года: „Личный мой разговоръ по сему предмету съ барономъ Дельвигомъ и самонадѣянный, нѣсколько дерзкій образъ его извиненій меня еще болѣе убѣдилъ въ моемъ заключеніи“ и дѣло кончилось тѣмъ, что Дельвигу „запретили изданіе *Газеты*“. Весьма естественно, что это распоряженіе опечалило истинныхъ патріотовъ. „И такъ“, писалъ Пушкинъ Плетневу, „Русская Словесность головою выдана Булгарину и Гречу! Жаль—но чего смотрѣлъ и Дельвигъ? Охота ему была печатать конфектный билетецъ этого несноснаго Лавинья. Но все же Дельвигъ долженъ оправдаться предъ Государемъ. Онъ можетъ доказать, что никогда въ его *Газетѣ* не было и тѣни не

только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству. Поговори съ нимъ объ этомъ,—а то шпіоны литераторы заѣдятъ его какъ барана, а не какъ барона". А князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „Каково кажется вамъ запрещеніе *Литературной Газеты*? По журнальному достоинству она подлежала выговору, но въ политическомъ отношеніи была совершенно невинна. И какая польза отъ того, что Цензурный Уставъ писанъ не Шихматовымъ, а Дашковымъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія Блудовъ, а не какой нибудь Фотій, когда ни тотъ ни другой не могутъ отстаивать существующаго закона, или писателей, лишаемыхъ законныхъ правъ своихъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Государь уважилъ бы истину, еслибы кто раскрылъ ее передъ нимъ. Но всѣ молчатъ. Не даромъ сказалъ мой фонъ-Визинъ: *Тутъ нѣтъ вѣрности къ государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ.* Впрочемъ, что и говорить о паденіи *Литературной Газеты*, когда общее землетрясеніе ставитъ верхъ дномъ всю Европу. Какой будетъ этому конецъ, а пока нехорошо! Между тѣмъ и подъ шумомъ взрывовъ вулкановъ политическихъ и паденій газетъ, царствъ, дописываю въ тишинѣ своего *фонъ-Визина*" [317]).

Самъ же баронъ Дельвигъ писалъ Пушкину: *Литературная Газета* выгоды не принесла и притомъ запрещена за-то, что въ ней напечатаны были новые стихи де-ла-Виня. Люди истинно привязанные къ своему Государю и чистые совѣстію, ничего не ищутъ и никому не кланяются, думая, что чувства вѣрноподданническія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопочутъ изъ корыстолюбія марать честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойныя примѣрнаго наказанія, а я слыву карбонаріемъ.

Это было послѣднимъ письмомъ барона Дельвига.

XXX.

5 Ноября 1830, Погодинъ извѣщалъ Шевырева: „Холера коснулась и журналистовъ: *Галатея* простудилась, *Атеней* объѣлся, а у *Вѣстника Европы* поднялась желчь. Они не будутъ издаваться" [318]).

Прекращая изданіе *Вѣстника Европы,* М. Т. Качановскій счелъ долгомъ проститься съ публикою и сказать ей свои *Послѣднія Слова* отъ лица *Вѣстника Европы.* „Въ изнеможеніи отъ долготы дней", читаемъ въ этомъ прощальномъ словѣ, „при концѣ бытія своего, но еще вполнѣ владѣя способностями разсудка и памяти, завѣщаю современникамъ послѣднія слова старческой опытности.

Умираю смертію обыкновенною, по чину естества неизбѣжною для всѣхъ органическихъ созданій. Необыкновенно лишь то, что избыткомъ жизни, двумя съ половиною мѣсяцами прибавочнаго существованія, обязанъ я (кто бы подумалъ?) безжалостной, опустошительной холерѣ, столь гибельной не только для читателей, но и для самихъ журналовъ. Благодарить ли виновницу общаго бѣдствія за ея даръ злополучный? Увы! подобно Карлу V, заживо отпѣтому услужливымъ братствомъ, я, находясь еще въ сонмѣ живыхъ, долженъ былъ слышать не погребальныя пѣсни, не мольбы о грѣхахъ моихъ, а неистовое глумленіе и скоморошеское кощунство отъ нѣкоторыхъ изъ новаго поколѣнія журналовъ, незрѣлыхъ смысломъ, дерзкихъ волею, велерѣчивыхъ, бранчивыхъ, хвастливыхъ. Утѣшительно умирать съ тою мыслію, что я воздвигъ враговъ незлопамятныхъ и ни мало не опасныхъ попечительному своему издателю, который дѣлалъ для меня все, что могъ при другихъ занятіяхъ своихъ, но который неспособенъ и невластенъ былъ запятнать мои страницы ни постыдною угодливостью, ни коварною лестью, всегда готовою изгибаться, принимать на себя всякія личины, являться во всякихъ видахъ—готовою, смотря по обстоятельствамъ, превратиться изъ кроткаго агнца въ рыкающее плотоядное чудовище. Сему такъ

и быть надлежало! Не столько жалуюсь, что не сохранилъ меня отъ сваръ и хлопотъ полемическихъ, сколько благодарю его, что соблюлъ непорочность мою непричастною журнальному дружеству, вѣтротлѣнному, ничтожному и своею пустотою, и своимъ непостоянствомъ.

Но что ни было бы, я все предаю забвенію; самъ у всѣхъ прощенія прошу и въ винахъ своихъ, и въ тщетныхъ обѣтахъ. Великодушные читатели да отпустятъ грѣхи мои всяческіе!.. Безграмотная наглость и зазорное корыстолюбіе—*avri sacra fames*—отнынѣ, да не безславятъ Русской журналистики!.. Да восторжествуетъ ученая благонамѣренность!.. Молю, сострадательную руку подписать мое имя подъ страницею... Бьетъ послѣдній часъ... умираю"...

Эти *Послѣднія Слова* вызвали слѣдующія строки въ *Московскомъ Телеграфѣ*: „*Вѣстникъ Европы*, начатый Карамзинымъ, умеръ просто отъ старости. Онъ былъ юнъ и свѣжъ въ современный свой періодъ, когда отъ *Мареы Посадницы* и *Бѣдной Лизы* ахали и кричали; поддерживался, когда пишущихъ и читающихъ можно было пересчитать по пальцамъ; упалъ, когда общество ушло впередъ, а онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ за двадцать пять лѣтъ" [319]). Даже самъ Максимовичъ въ своемъ *Обозрѣніи Русской Литературы 1830 г.* иронически отнесся къ отходящему въ вѣчность старцу! „*Вѣстникъ Европы*", писалъ онъ, „уже нѣсколько лѣтъ жившій въ уединеніи, въ послѣдній годъ явился съ новымъ девизомъ: *стоять и правду говорить*!—и довольно таки посудилъ о безпомощной литературѣ нашей. Трогательно было слышать, когда онъ, послѣ благоугодныхъ трудовъ, запѣвая старую пѣсню свою о поэзіи Пушкина, совѣтовалъ ему сжечь *Бориса Годунова.* Такъ старцы-отшельники въ мирной пустынѣ своей толкуютъ о суетѣ давно ими оставленнаго міра"! [320])

Сдѣлавшись редакторомъ *Вѣдомостей о состояніи города Москвы,* Погодинъ мечталъ, что это поспособствуетъ увеличенію числа подписчиковъ на *Московскій Вѣстникъ.* „Авось", писалъ онъ Шевыреву, „изъ числа двадцати тысячъ моихъ

теперешнихъ читателей (т.-е. читателей *Вѣдомостей)*, останутся мнѣ вѣрными хоть пятьсотъ“ [321]). Но эта новая дѣятельность Погодина съ соединенною съ нею надеждою не оправдалась и только лишила его возможности быть аккуратнымъ со своими подписчиками на *Московскій Вѣстникъ* и принудила его предъ ними печатно оправдываться. „Занимавшись“, писалъ онъ, „по порученію высшаго начальства изданіемъ ежедневной *Вѣдомости о состояніи города Москвы*, въ продолженіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ, я не имѣлъ времени трудиться для журнала, и потому не могъ выдать послѣднихъ нумеровъ въ свое время. Ихъ осталось восемь, и, приступая нынѣ къ изданію, я кончилъ бы оное по обыкновенному порядку — не ближе іюня мѣсяца. По этой причинѣ я рѣшился издать двѣ остававшіяся части не нумерами, и увѣренъ, что моимъ читателямъ пріятнѣе получить не полное количество листовъ, но немедленно, чѣмъ полное, но къ такому отдаленному сроку. Притомъ четыре года представляя имъ лишніе листы, я надѣюсь, что они не посѣтуютъ на меня за это невольное уменьшеніе“ [322]).. Мы уже видѣли, что въ началѣ 1830 года Погодинъ еще энергично настаивалъ на продолженіи изданія *Московскаго Вѣстника*; но скудное число подписчиковъ, или, говоря иными словами, неуспѣхъ журнала, понудилъ Погодина прекратить его изданіе, къ тому же *надежда* и упованіе, его Надеждинъ, въ это время задумалъ открыть свою лавочку. „Съ тяжкимъ вздохомъ“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „прекращаю я *Московскій Вѣстникъ* и принимаю въ свое завѣдываніе историческую часть въ *Телескопѣ* Надеждина“ [323]). Наконецъ въ самомъ концѣ послѣдней книжки *Московскаго Вѣстника* 1830 года, вышедшей въ свѣтъ въ 1831 году, мы читаемъ слѣдующее: „Прекращая *Московскій Вѣстникъ*, долгомъ поставляю засвидѣтельствовать искреннюю мою благодарность... не публикѣ, коей благосклонности я не искалъ и не получалъ, — но почтеннымъ нашимъ литераторамъ и ученымъ, которые въ продолженіе четырехъ лѣтъ удостои-

вали сей журналъ своимъ вниманіемъ, ободреніемъ и дѣятельнымъ участіемъ.

Московскимъ Вѣстникомъ, сознаюсь откровенно, очень много не исполнено изъ того, что предполагали мы сами, съ незабвеннымъ Дмитріемъ Веневитиновымъ, Шевыревымъ и прочими сотрудниками, въ пылу юношескихъ надеждъ, начиная изданіе. Но онъ смѣло можетъ сказать, что усердно старался, по мѣрѣ силъ своихъ, знакомить молодыхъ любознательныхъ соотечественниковъ съ новыми усиліями ума въ области наукъ, преимущественно Исторіи и теоріи изящныхъ искусствъ; что желалъ безъ лицепріятія, по своему разумѣнію, обращать ихъ вниманіе на примѣчательныя современныя произведенія Русской Словесности; что ревностно боролся съ дерзкими шарлатанами, которые сѣютъ плевелы на священной нивѣ отечественнаго просвѣщенія, боролся тогда еще, какъ сами *корифеи* наши, возставшіе теперь за личныя оскорбленія, поддерживали ихъ, къ стыду своему, легкомысленнымъ покровительствомъ и наконецъ, что смѣло вразумлялъ посредственныхъ педантовъ въ ихъ собственныхъ недостаткахъ, дабы впредь они принимали какой-нибудь скромный опытъ робкаго, но достойнаго юноши, предстающаго на судъ публики,—съ меньшею грубостью, если ужъ по несчастному расположенію души не могутъ этого сдѣлать съ большимъ доброжелательствомъ или должнымъ уваженіемъ. И благосклонность судей безпристрастныхъ, истинныхъ ревнителей добра, служила ему сладостною наградою, утѣшительнымъ свидѣтельствомъ, что его труды и старанія въ этомъ отношеніи были не совсѣмъ излишни, не совсѣмъ напрасны.

Въ заключеніе, я, какъ издатель, долженъ просить еще извиненія у тѣхъ читателей, которыхъ ожиданіямъ я не соотвѣтствовалъ, великодушнаго прощенія у тѣхъ, кого оскорбилъ въ своемъ журналѣ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, вѣдѣніемъ, а болѣе всего невѣдѣніемъ, и наконецъ пожелать своимъ собратіямъ журналистамъ возможныхъ успѣховъ ко благу отечественнаго просвѣщенія.

Оставляя журнальное поприще, я, съ своей стороны, не

оставлю начатаго дѣла и буду предлагать историческія статьи, теоретическія и критическія, въ *Телескопъ*" [324]).

Задѣвъ въ этомъ прощальномъ словѣ доброжелательныхъ себѣ *корифеевъ*, Погодину пришлось *не отъ корифеевъ* выслушать слѣдующее о своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ*: „Рожденный подъ хоругвію стиховъ Пушкина, усиліемъ юныхъ литераторовъ, *Московскій Вѣстникъ* доказалъ другое, то, что съ альманачными дарованіями и не отдавши самимъ себѣ отчета въ трудѣ, не должно почитать себя готовыми учить другихъ. Напрасны были крики, клики, критики и стихи" [325]).

По поводу прекращенія *Московскаго Вѣстника*, Венелинъ писалъ Погодину: „Ты хорошо сдѣлалъ, что бросилъ *Вѣстникъ*; вѣдь ты не годишься въ журналисты. Сидоръ мой всплеснулъ руками отъ радости при извѣстіи о кончинѣ Московскихъ журналовъ: „*Туда имъ и дорога*", воскликнулъ онъ, „*оттого-то Богъ и наказываетъ Москву, ибо съ тѣхъ поръ, какъ расплодились въ ней журналы, перестало и благочестіе*. Неужели и дряхлый *Вѣстникъ Европы* опечалитъ Европу своимъ прекращеніемъ? Впрочемъ, *Атеней* былъ всегда сухъ" [326]).

Будучи уже въ глубокой старости и вспоминая старину, Погодинъ писалъ: „Мы были увѣрены въ громадномъ успѣхѣ *Московскаго Вѣстника*; мы думали, что публика бросится за именемъ Пушкина, котораго лучшій отрывокъ, сцена лѣтописателя Пимена съ Григоріемъ, долженъ былъ начать первую книжку. Но увы, мы жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ, и главною виною былъ я, несмотря на всѣ убѣжденія Шевырева: 1) я не хотѣлъ пускать, опасаясь лишнихъ издержекъ, болѣе четырехъ листовъ въ книжку, до тѣхъ поръ, пока не увеличится подписка, между тѣмъ какъ *Телеграфъ* выдавалъ книжки въ десять и двѣнадцать листовъ; 2) я не хотѣлъ прилагать картинокъ модъ, которыя, по общимъ тогдашнимъ понятіямъ, служили первою поддержкою *Телеграфа*; 3) *Московскій Вѣстникъ* все-таки былъ мой hors d'oeuvre. Я не отдавался ему весь, а продолжалъ заниматься Русскою

16

Исторіей и лекціями о Всеобщей, которая была мнѣ поручена въ Университетѣ. Съ Шевыревымъ споры доходили у насъ чуть не до слезъ, — и запивались, когда уже силъ не хватало у спорщиковъ и горло пересыхало, Кипрскимъ виномъ, котораго какъ-то случилось намъ запасти по случаю большую провизію". Въ заключеніе Погодинъ сознается, что „вино играло роль на ихъ вечерахъ, но не до излишковъ, а только въ мѣру, пока оно веселитъ сердце человѣческое. Пушкинъ не отказывался подъ веселый часъ выпить. Одинъ изъ товарищей былъ знаменитый знатокъ и предъ началомъ *Московскаго Вѣстника* было у насъ въ модѣ *алеатико*, прославленное Державинымъ".

„*Московскій Вѣстникъ*", писалъ Бѣлинскій, „имѣлъ большія достоинства, много ума, много таланта, много пылкости, но мало, чрезвычайно мало, смѣтливости и догадливости, и потому самъ былъ причиною своей преждевременной кончины. Въ эпоху жизни, въ эпоху борьбы и столкновенія мыслей и мнѣній, онъ вздумалъ наблюдать духъ какой-то умѣренности и отчужденія отъ рѣзкости въ сужденіяхъ. — Былъ бѣденъ повѣстями, безъ коихъ нѣтъ успѣха Русскому журналу, и, что всего ужаснѣе, не велъ подробной и отчетливой лѣтописи модъ и не прилагалъ модныхъ картинокъ, безъ которыхъ плохая надежда на подписчиковъ Русскому журналисту. *Московскій Вѣстникъ* былъ лишенъ современности, и теперь его можно читать какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ онъ никогда не былъ" [327]).

Послѣдній день 1830 года Погодинъ посвятилъ чтенію *Бориса Годунова* Пушкина... „Славныя вещи", пишетъ онъ, „вотъ языкъ. Къ Аксаковымъ. Тамъ слушалъ его и воспламенялся и Надеждина разшевелили". Новый 1831 годъ Погодинъ встрѣтилъ у Аксаковыхъ и пилъ наливкою здоровье свое и Шевырева. Возвратясь домой, Погодинъ благодарилъ Бога за прошедшее, настоящее и будущее". Въ тотъ же день онъ отдавалъ отчетъ о своей дѣятельности и записывалъ въ сво-

емъ *Дневникѣ*: „Въ этотъ годъ я таки поработалъ, что Богъ дастъ въ 1831 году“ [328]).

XXXI.

Въ первый день новаго 1831 года, Погодинъ принималъ „поздравлявшихъ студентовъ и смотрѣлъ изъ окошка на разъѣзжавшихъ поздравителей“ [329]).

Между тѣмъ въ этотъ первый день новаго лѣта, въ С.-Петербургѣ вышла въ свѣтъ трагедія Пушкина *Борисъ Годуновъ*. Самъ же авторъ въ это время былъ въ Москвѣ и занятъ былъ приготовленіями къ свадьбѣ. Такъ какъ *Борисъ Годуновъ* вышелъ въ свѣтъ *съ дозволенія начальства*, то Пушкинъ счелъ долгомъ благодарить графа Бенкендорфа въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ Государя Императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, *Борисъ Годуновъ* обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня Государь, но и свободѣ, смѣло дарованной Монархомъ писателямъ Русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше превосходительство какъ голосъ Высочайшаго благоволенія, и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе“. Въ то же время Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Жаль, въ *Борисѣ* моемъ выпущены народныя сцены, да скоромщина французская и отечественная; а впрочемъ, странно читать многое напечатанное“.

Московскіе журналисты, оставшіеся въ живыхъ послѣ холеры, сочли долгомъ выслать Пушкину билеты на свои журналы. Это не мало удивило его. „Знаешь ли ты“, писалъ онъ князю Вяземскому, „какіе подарки получилъ я на новый годъ? Билетъ на *Телеграфъ*, да билетъ на *Телескопъ* отъ изда-

телей, въ знакъ искренняго почтенія. Каково? И въ *Пчелѣ* предлагаютъ мнѣ миръ, упрекая насъ (тебя да меня) въ неукротимой враждѣ и службѣ вѣчной Немезидѣ" [330]). Полевой даже въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ поздравлялъ Пушкина съ новымъ годомъ: „Вѣрьте, вѣрьте", писалъ онъ, „что глубокое почтеніе мое къ вамъ никогда не измѣнялось и не измѣнится. Въ самой литературной непріязни, ваше имя, вы, всегда были для меня предметомъ уваженія, потому что вы у насъ *одинъ* и *единственный*. Сердечно поздравляю васъ съ новымъ годомъ" [331]). Не смотря на эти строки, вотъ что мы читаемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* о *Борисѣ Годуновѣ*: „Сущность этого творенія Пушкина запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть такою даже по *исторической* основѣ творенія, когда Пушкинъ рабски влекся по слѣдамъ Карамзина въ обзорѣ событій, и когда посвященіемъ своего творенія Карамзину, онъ невольно заставляетъ улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то раболѣпствѣ, называя Карамзина Богъ знаетъ чѣмъ! Это дѣлаетъ честь памяти и сердцу, но не философіи поэта!" [332]). Но иначе отнесся къ *Борису Годунову* Надеждинъ въ своемъ *Телескопѣ*. Разборъ его произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе тѣмъ, что прежній хулитель Пушкина обратился, съ нѣкоторыми оговорками, въ поклонника его [333]).

Пушкинъ же писалъ Плетневу: „Пишутъ мнѣ, что *Борисъ* мой имѣетъ большой успѣхъ въ Петербургѣ: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальтеръ-Скотта? Голосъ знатоковъ, коихъ избранныхъ такъ мало? Крикъ друзей моихъ? Мнѣніе Двора? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ, что моя трагедія подражаніе *Кромвелю* Виктора Гюго, что стихи безъ риѳмъ не стихи; что Самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно — и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда Нѣмцевъ, а о

Французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ какъ наши: „Помилуйте-съ!... Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло; прочіе — попугаи или сороки низовскія, которыя картавятъ одну имъ затверженную“... [334]).

Посылая экземпляръ своей трагедіи Погодину, Пушкинъ писалъ ему: „Вотъ вамъ *Борисъ.* Доставьте, сдѣлайте милость, одинъ экземпляръ Нікодіму Надоумкѣ (Надеждину), приславшему мнѣ билетъ на *Телескопъ.* Мы живемъ во дни переворотовъ или переоборотовъ (какъ лучше?). Мнѣ пишутъ изъ Петербурга, что *Годуновъ* имѣлъ успѣхъ. Вотъ еще для меня диковина. Выдавайте-жъ *Мароу.* Сейчасъ отняли у меня экземпляръ. Подождите, завтра пришлю другой“. Экземпляръ *Бориса* былъ доставленъ Погодину „съ рукоположеніемъ“. Вопреки свѣдѣніямъ, доставленнымъ Пушкину, Веневитиновъ писалъ, что въ Петербургѣ *Бориса Годунова* также „не понимаютъ“ [335]); а баронъ Розенъ съ справедливымъ негодованіемъ сообщалъ Шевыреву: „Вышелъ *Борисъ Годуновъ* Пушкина и никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія! Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ — вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего во времена Петрарки и Тасса, былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи коронованія“ [336]).

Мы уже знаемъ, что трагедія Погодина, *Мароа,* была отпечатана и пропущена цензоромъ С. Т. Аксаковымъ еще 26 августа 1830 года; но въ свѣтъ она долго не выпускалась. Хотя Погодинъ и писалъ Шевыреву: „*Мароы* все еще я не выпускаю: опасаюсь кривыхъ толкованій отъ враговъ“ [337]); но не выпускалась она въ свѣтъ по политическимъ обстоятельствамъ, что явствуетъ изъ слѣдующаго письма Бенкендорфа (10 марта 1831 г.) къ С. Т. Аксакову: „Искреннѣйше благодарю васъ за довѣріе“, писалъ онъ, „оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить

ко мнѣ экземпляръ трагедіи *Мареа Посадница*, напечатанной по дозволенію вашему, но не выпущенной въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего вы съ согласія г. сочинителя спрашиваете мнѣнія моего. Честь имѣю васъ увѣдомить, что чтеніе сей трагедіи, написанной въ духѣ отлично благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе и что я не предвижу ничего, могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіе причинъ, побудившихъ васъ обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я съ своей стороны полагалъ бы неизлишнимъ, въ предупрежденіе какой нибудь непріятности, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ. Предоставляя, впрочемъ, сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію". Несмотря на этотъ мягкій отвѣтъ, Пушкину пришлось не мало хлопотать о пропускѣ *Мареы*. „Мнѣ сказывали", писалъ онъ Плетневу, что Жуковскій очень доволенъ *Мареой Посадницей*. Если такъ, то пусть же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа, или у кого ему будетъ угодно, позволеніе выпустить драму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, несмотря на неравенство общаго достоинства и слабости стихосложенія. Погодинъ очень, очень дѣльный и честный молодой человѣкъ, истинный нѣмецъ по чистой любви своей къ наукѣ, трудолюбію и умѣренности. Его надобно поддержать [338]). Но это ходатайство не удалось, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Погодинъ принужденъ былъ писать Пушкину: „Не слыхали ли чего нибудь о *Мареѣ* отъ Жуковскаго или Блудова? Увѣдомьте, пожалуйста, мнѣ это необходимо къ свѣдѣнію и скоро ли можно выпустить? Это нужно и для моихъ финансовъ: я такъ задолжалъ, устраивая домашнія дѣла, что покою не имѣю" [339]). Но Пушкинъ воображалъ, что *Мареа* уже вышла въ свѣтъ: „Вы удивляете меня тѣмъ, что трагедія ваша еще не поступила въ продажу. Веневитиновъ сказывалъ мнѣ, что она уже вышла, потому-то я и не хлопоталъ объ ней. Непремѣнно надобно ее выдать, и непремѣнно буду писать, при первомъ случаѣ, объ этомъ къ Бенкендорфу!" Пушкинъ исполнилъ свое

обѣщаніе, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки Веневитинова къ Погодину: „Пушкинъ сказалъ мнѣ, что онъ говорилъ Бенкендорфу о твоей *Маріѣ*, и что Бенкендорфъ отвѣчалъ ему оставить это до того времени, пока эти *смутныя обстоятельства прекратятся* [340]).

Во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ, его часто навѣщалъ Погодинъ и они вели между собою самыя оживленныя бесѣды. Отрывки изъ этихъ любопытнѣйшихъ бесѣдъ сохранились въ *Дневникѣ* Погодина. *Подъ 7 января 1831 г.*: „Къ Пушкину и занимательный разговоръ: кто Русскіе и не Русскіе. Какъ воспламеняетъ Пушкинъ и видишь восторженнаго“. *Подъ 11 февраля*: „Къ Пушкину. Спорилъ до хрипу о Борисѣ Годуновѣ предъ Д. В. Давыдовымъ, которому нравится мое разысканіе“. *Подъ 30 апрѣля*: „Къ Пушкину, и съ нимъ четыре битыхъ часа въ спорѣ о Борисѣ. Онъ procureur du roi, а я адвокатъ. Я не могу высыпать ему отвѣтовъ, но упросилъ написать статью, на которую у меня готово возраженіе. И живо представлялась мнѣ вся моя трилогія“.

XXXII.

За мѣсяцъ до своей свадьбы Пушкинъ получилъ прискорбное извѣстіе о смерти барона А. А. Дельвига, скончавшагося въ С.-Петербургѣ 14 января 1831 года. „Что скажу тебѣ, мой милый“, писалъ Пушкинъ Плетневу, „ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо.. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ-конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду—около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ, сколько насъ? Ты, я, Баратынскій—вотъ и все. Вчера провелъ я день съ Нащокинымъ, ко-

торый сильно пораженъ его смертію. Говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать, согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ. Баратынскій боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ—и постараемся быть живы". Желая сохранить любезныя черты отшедшаго друга, Пушкинъ прежде всего сталъ заботиться о написаніи его біографіи и по этому поводу писалъ Плетневу: „Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣченнаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. Съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, что душу волнуетъ, что сердце томитъ. Я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же втроемъ жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами" [341]).

Но всѣ эти благія намѣренія ограничились *Некрологіею барона Дельвига*, написанною Плетневымъ, который по поводу ея писалъ Пушкину: „Когда я собирался писать некрологію Дельвига, сердце мое было сжато. Все, что употребили враги его для очищенія своихъ гнусностей, такъ меня тягчило и мучило, что я рѣшился передъ публикою говорить языкомъ человѣка посторонняго въ этомъ дѣлѣ, страшась, чтобы мерзавцы не воспользовались для достиженія своей цѣли самою святынею дружества. Они, какъ я предчувствовалъ, готовы были даже и то обратить въ укоризну покойному, что никто о немъ ни слова не сказалъ языкомъ безпристрастнымъ. Вотъ почему я говорилъ безъ всякаго энтузіазма" [342]). „Дельвига зналъ я мало", писалъ князь П. А. Вяземскій, „болѣе зналъ его по Пушкину, который нѣжно любилъ его и уважалъ. Впрочемъ, не было мнѣ и случая короче сблизиться съ нимъ.

Онъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, я постоянно жилъ въ Москвѣ. Однажды имѣлъ я возможность оцѣнить его и понялъ нѣжное сочувствіе къ нему Пушкина. Мы случайно провели съ нимъ съ глазу на глазъ около трехъ часовъ. Мы ѣздили къ общему знакомому нашему обѣдать на дачу, верстъ за пятнадцать отъ Петербурга. Въ эту поѣздку, рѣчь наша какъ-то коснулась смерти. Я удивился, съ какою ясною и спокойною философіею говорилъ онъ о ней: казалось, онъ ея ожидалъ. Въ словахъ его было какое-то предчувствіе, чуждое отвращенія и страха; напротивъ, отзывалось чувство не только покорное, но благопривѣтливое. Для меня, по крайней мѣрѣ, этотъ разговоръ былъ лебединая пѣсня Дельвига: я выѣхалъ изъ Петербурга и болѣе не видалъ его, а онъ скоро затѣмъ умеръ“ [343]).

Въ жизни человѣческой, какъ и въ природѣ, дождикъ смѣняетъ солнце и солнце смѣняетъ дождикъ, или, по слову поэта:

Бѣгутъ часы, идутъ недѣли
Чредѣ обычной нѣтъ конца:
Кричитъ младенецъ въ колыбели,
Несутъ въ могилу мертвеца.

17 января 1831 года, на Волковомъ кладбищѣ, въ Петербургѣ, опустили въ могилу барона Дельвига, а 18 февраля того же года, въ Москвѣ, въ церкви Большаго Вознесенія, на Никитской, сталъ подъ брачный вѣнецъ Пушкинъ. Біографы его замѣтили, что день рожденія нашего великаго писателя былъ тоже праздникъ Вознесенія. Обстоятельство это Пушкинъ не приписывалъ случайности. Важнѣйшія событія его жизни, по собственному его признанію, всѣ совпадали со днемъ Вознесенія. Незадолго до своей смерти, онъ задумчиво разсказывалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей и передалъ ему твердое свое намѣреніе, выстроить въ своемъ селѣ Михайловскомъ церковь во имя Вознесенія Господня. Упоминая о таинственной связи всей своей жизни съ этимъ великимъ праздникомъ, Пушкинъ прибавилъ: „Ты понимаешь, что все это произошло недаромъ и не можетъ быть дѣломъ одного случая“ [344]).

За два дня до своего вѣнчанія, Пушкинъ писалъ Плетневу: „Черезъ нѣсколько дней я женюсь, и представлю тебѣ хозяйственный отчетъ: заложилъ я моихъ 200 душъ, взялъ 38.000 руб. и вотъ имъ распредѣленіе: 11.000 тещѣ, которая непремѣнно хотѣла, чтобы дочь ея была съ приданымъ — пиши пропало. 10.000 Нащокину, для выручки его изъ плохихъ обстоятельствъ: деньги вѣрныя. Остается 17.000 на обзаведеніе и житье годичное. Въ іюнѣ буду у васъ и начну жить en bourgeois, а здѣсь съ тетками справиться невозможно — требованія глупыя и смѣшныя — а дѣлать нечего. Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія — я въ состояніи; но входить въ долги для ея тряпокъ — я не въ состояніи. Но я упрямъ и долженъ былъ настоять по крайней мѣрѣ на свадьбѣ. Дѣлать нечего: придется печатать мнѣ повѣсти“ [345]). Но еще прежде, наканунѣ смерти Дельвига, Пушкинъ писалъ тому же Плетневу: „Вотъ тебѣ планъ жизни моей: я женюсь, полгода проживу въ Москвѣ, лѣтомъ пріѣду къ вамъ. Я не люблю Московской жизни. Здѣсь живи не какъ хочешь — какъ тетки хотятъ. Теща моя та-же тетка. То-ли дѣло въ Петербургѣ! Заживу себѣ мѣщаниномъ, припѣваючи, независимо и не думая о томъ, *что скажетъ Марья Алексѣевна*“ [346]).

По предположенію Погодина, наканунѣ свадьбы у Пушкина былъ вѣрно холостой обѣдъ. „Онъ не позвалъ меня. Досадно. Заѣзжалъ и пожелалъ добра. Тамъ Баратынскій и Вяземскій“ [347]).

На свадьбѣ Пушкина обязанности *мальчика съ иконою* исполнялъ князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, тогда одиннадцатилѣтнее дитя, которое, будучи еще семи лѣтъ, испугалъ свою бабушку Прасковью Юрьевну Кологривову своею начитанностью въ лубочной литературѣ. „По совершеніи брака“, повѣствуетъ князь Павелъ Петровичъ, „отправился я вмѣстѣ съ П. В. Нащокинымъ на квартиру поэта для встрѣчи новобрачныхъ съ образомъ. Въ щегольской уютной гостиной Пушкина, оклеенной диковинными для меня обоями подъ ли-

ловый бархатъ съ рельефными набивными цвѣточками, я нашелъ на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана, никогда мною невиданное и не слыханное собраніе стихотвореній Кирши Данилова. Былины эти, напечатанныя въ важномъ форматѣ и переданныя на дивномъ языкѣ, приковали мое вниманіе на весь вечеръ. Мнѣ хорошо были извѣстны лубочныя копѣечныя изданія сказокъ, жадно мною скупаемыхъ: тогда въ Москвѣ они также легко покупались, какъ изюмъ, орѣхи и моченыя яблоки: насыщенъ я былъ изустно этими сказками отъ нянекъ и горничныхъ дѣвушекъ, между которыми встрѣчались большія мастерицы. Перечиталъ я уже тогда и собраніе сказокъ Чулкова и другія болѣе или менѣе литературныя передѣлки старинныхъ народныхъ сказокъ. Взглядъ мой на народную передачу сказокъ тогда уже вполнѣ установился. Съ жадностію слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго Русскаго стиха. Тутъ же я услыхалъ, что Пушкинъ обратилъ свое вниманіе на народное сокровище, коего только часть сохранилась въ сборникѣ Кирши Данилова, что имѣется много чудныхъ, поэтическихъ пѣсенъ доселѣ не изданныхъ и что дѣло это находится въ надежныхъ рукахъ Петра Кирѣевскаго. Среди послѣдователей Вольтера, Мармонтеля, Блера и ле-Бате, я быть можетъ былъ единственное лицо, подготовленное понимать и сочувствовать восторженной оцѣнкѣ Пушкинымъ нашей народной поэзіи. Мой отецъ, любившій и понимавшій поэзію въ устахъ самого народа, всегда недовѣрчиво и враждебно относился къ письменной народной поэзіи, обрабатываемой и выпускаемой въ свѣтъ литературными людьми“ [348]).

Такъ провелъ Пушкинъ вечеръ въ день своего вступленія въ законный бракъ. Подъ впечатлѣніемъ этихъ бесѣдъ съ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ о народной словесности Пушкинъ писалъ Плетневу: „Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жуковскій, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить

и разсказывать сказки, а потомъ перекладываетъ ихъ въ стихи. Преданія Русскія ничуть не уступаютъ въ фантастической поэзіи преданіямъ Ирландскимъ и Германскимъ. Если все еще его несетъ вдохновеніемъ то присовѣтуй ему читать *Минеи Четіи*, особенно легенды о Кіевскихъ Чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла“ [349]).

Почтенный Ѳ. Н. Глинка горячо привѣтствовалъ Пушкина съ новою эрою его жизни. „Меня прошу“, писалъ онъ, „какъ говорятъ Французы, положить къ ногамъ вашей милой супруги. Я много наслышался о ея красотѣ и любезности. И такъ и вы осемьянились. Да почіетъ благословеніе Божіе надъ вами и семействомъ вашимъ“ [350]). „Жена Пушкина“, писалъ Погодинъ Шевыреву, „премилая и я познакомился съ нею молча. Они ѣдутъ скоро въ Петербургъ“.

Осенью 1832 года Пушкинъ, посѣтивъ Москву, писалъ своей женѣ: „Въ 1831 году, 18 февраля была свадьба на Никитской, въ приходѣ Вознесенія (т.-е. свадьба Пушкина). Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другаго, несчастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы (т. е. Гончаровой). А несчастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть и пр. и пр. Княжны Вяземскія слышали весь разговоръ и думаютъ, что несчастный любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю Пѣтушковъ, или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? не правда ли, интересный анекдотъ?“ [351]).

Между тѣмъ Погодинъ въ это время творилъ трагедію *Петръ I*. Это произведеніе написано, такъ сказать, „предъ глазами Пушкина“ [352]). Любопытныя подробности о процессѣ творчества Погодина мы также находимъ въ его *Дневникѣ*. 27 января 1831 года, онъ отправился въ баню и тамъ ему пришла мысль написать трагедію *Петръ I*: „Въ банѣ надумалъ, что завтра 28 января день смерти Петра, и я начну трагедію, помолясь въ Архангельскомъ соборѣ и конецъ ея къ 30 мая, т. е. ко дню рожденія императора Петра“.

На другой день, т. е. въ день смерти Петра, 28 января, Погодинъ отправился въ Архангельскій соборъ и тамъ молился: „да благословитъ Богъ предпріятіе и да поможетъ мнѣ изобразить Россію и ея надежду, возбудить благоговѣніе къ памяти безсмертнаго Петра, любовь къ просвѣщенію и ненависть къ невѣжеству. Панихиды не было, ибо царскій день". Возвратясь домой, Погодинъ написалъ явленіе первое и „усердно молился". Такъ началась его творческая работа и продолжалась довольно успѣшно. Поутру, въ день Благовѣщенія у него сильно „волновалось сердце", при мысли о Петрѣ, и онъ отправился къ обѣднѣ въ Странно-пріемный Домъ графа Шереметева. Но часто сомнѣніе омрачало его душу. Просидѣвъ однажды цѣлый день надъ Петромъ, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Зарубилъ я большое дерево! Срублю ли? Живѣе все представляется, когда хожу по комнатѣ, чѣмъ когда принимаюсь писать". Написавъ первыя три дѣйствія, Погодинъ рѣшился прочесть ихъ Пушкину; но предварительно онъ прочелъ ихъ у Аксаковыхъ. „Ольга Семеновна въ восхищеніи". Ободренный Аксаковыми, Погодинъ смѣлѣе рѣшился прочесть своего *Петра* Пушкину: „Хвалитъ, но не такъ живо, какъ *Мареу*", записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и меня пугаетъ мысль выводить Петра. Это духъ вызываемый" [353]). Впослѣдствіи Погодинъ вспоминалъ, что во время этого чтенія, Пушкинъ сдѣлалъ ему слѣдующую поправку. Разстрига-протопопъ Іаковъ, въ первомъ дѣйствіи, осуждая дѣйствія Петрова, говоритъ о захваченныхъ имъ церковныхъ деньгахъ. Когда Погодинъ прочелъ:

И не избѣгнетъ кары онъ, въ аду
Истлѣетъ грѣшникъ. Всякая копѣйка
Церковная падетъ горячимъ *углемъ*
На голову его въ послѣдній день.

„*Каплей, каплей,* воскликнулъ Пушкинъ, вскочивъ и потирая руки. Это была любимая его привычка—такъ выражалъ онъ свое удовольствіе, когда находилъ выраженіе болѣе точное". Еще прежде, Пушкинъ совѣтовалъ Погодину „писать прозою

Петра“; но Погодинъ на это не согласился и отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Неужели я не овладѣю стихомъ!“ [354]). Воспользовавшись замѣчаніями Пушкина, Погодинъ писалъ ему: „Первое дѣйствіе *Петра* я устроилъ и кончилъ давно, но за второе не принимался: такъ и мерещится, что Петръ отворяетъ дверь и грозитъ дубинкою. Дрожь беретъ, даже и выговаривая это имя. Не знаю, не поможетъ ли Богъ смѣлости *въ деревнѣ*“ [355]).

XXXIII.

Въ началѣ 1831 года, Погодинъ купилъ село Сѣрково, Дмитровскаго уѣзда Московской губерніи. Такимъ образомъ осуществилась давнишняя мечта его имѣть деревню. Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію этого факта, скажемъ нѣсколько словъ о томъ настроеніи, въ которомъ находился въ это время владѣлецъ села Сѣркова. Пріобрѣтая имѣніе, онъ читалъ „о суетѣ у Иннокентія“ [356]). Онъ думалъ о своихъ товарищахъ. „Всѣ они“, писалъ онъ Шевыреву, „отъ литтературы отстали; остаемся почти мы двое: одни лѣнятся, другіе служатъ... я очень доволенъ состояніемъ души. Дѣятельность безпрерывная. И чувствую силы. Плечи поднимаются, и изъ сердца пышетъ. Авось Богъ поможетъ, и не даромъ мы проживемъ на землѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякое письмо Шевырева изъ Рима волновало Погодина на нѣсколько дней. „Храмъ Св. Петра“, писалъ онъ, „повѣришь-ли такъ и мерещется мнѣ на яву и во снѣ. Неужели я не помолюсь въ немъ никогда. Ѣхать чрезъ нѣсколько лѣтъ женатому; но тѣ ли будутъ впечатлѣнія! Теперь бы, теперь съ свободною душею!..“ Не ограничиваясь Петромъ, Погодинъ въ это время изучалъ и Гизо. „Радуюсь“, писалъ онъ Шевыреву, „читая его, и тоскую. Радуюсь, узнавая много и встрѣчаюсь часто съ своими мыслями. Тоскую, и тоскую даже до смерти, что не могу въ уединеніи, безъ помѣхи, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ устремиться на Исторію. Чувствую силу въ себѣ, плечи мои поднимаются, — а гири

на ногахъ. Господи, помози мнѣ! Ну если этотъ жаръ пройдетъ, и сила истощится на эфемерные опыты? Иногда грусть беретъ: зачѣмъ не преодолѣваю сихъ препятствій; бросить все и ѣхать въ чужую деревню. Вѣдь это можно, зачѣмъ же не дѣлаю, зачѣмъ останавливаюсь мелкими разсчетами? Зачѣмъ думаю о завтрашнемъ кускѣ? А если будетъ у меня семейство! И эти вопросы борятся между собою въ глубинѣ моего сердца... и тоска. Посѣтители прервали нить моей іереміады. Что Богъ дастъ, то будетъ". Въ другомъ письмѣ онъ писалъ Шевыреву: „Это время я все писалъ сказки и читалъ Гизо, съ которымъ должна начаться новая эра Исторіи. И зачѣмъ его понесло въ министры! Министровъ во Франціи много, а историки тамъ родятся вѣками. Мнѣ предосадно было„. Въ то время Погодинъ сильно увлекался этимъ Французскимъ историкомъ. „Со свѣтильникомъ Гизо", замѣчаетъ онъ, „какъ удобно теперь разсматривать всякую Исторію. Уединеніе! Читалъ Гизо, и отъ его прикосновенія электричество пробѣгаетъ по моимъ членамъ". Языковъ доставилъ Погодину письма Карамзина и онъ, примѣняя судьбу свою къ судьбѣ нашего Исторіографа, писалъ Шевыреву: „И онъ цѣлый вѣкъ жаловался, терпѣлъ неудачи, тосковалъ о будущемъ и просилъ, искалъ себѣ подписчиковъ на журналъ и *Исторію!* Какая же дрянь осмѣлится роптать?" [357]), Въ то-же время его одолѣвала скука и тоска, но это плачевное настроеніе Погодина объясняется слѣдующею записью въ его *Дневникѣ*: „Думалъ сколько издалъ я книгъ, важныхъ статей, *и ни отъ кого спасибо,* и почти изъ хлѣба. Удивительныя неудачи, но онѣ нисколько не трогаютъ меня". Хотя Погодинъ и тосковалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ „и молился"; а потому мы встрѣчаемся въ его *Дневникѣ* и съ такою записью: „Какое-то спокойствіе, миръ душевный часто нисходитъ на меня". Въ то же время онъ задаетъ себѣ вопросъ: „Что мнѣ дѣлать? И по поводу этого вопроса, вотъ что мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „За *алфавитъ* (холерныхъ); я пропустилъ время, занятый *Аделью* и *Петромъ*. За *Повѣсти* никто еще не предлагаетъ ни гроша.

Марѳа лежитъ. Газета безъ настойчивости не состоялась. *Телескопъ*—но предчувствую великіе споры съ Надеждинымъ. Еслибъ продалъ домъ, то я могъ бы распорядиться. Путешествовать—а отвѣтъ отъ Адели. Вотъ какой призракъ меня удерживаетъ Объ Л. и вообще о женитьбѣ мысли уже мѣсяца два остановились. А уединеніе необходимо для меня. Тамъ созрѣетъ душа моя. Но одинокимъ представить себя не могу. А кто же суженая? Подожду недѣли двѣ и просьбу объ отставкѣ, уѣду на полгода. Удивительно сколько разъ заносилъ я ногу въ кибитку, скука и грусть отъ неудачъ. Но пусть эти муки будутъ предъ родинами" [358]).

Въ такомъ настроеніи „Погодинъ сдѣлался владѣльцемъ села Сѣрково. Подъ 16—21 марта 1831 года, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Деревню купилъ на имя сестры"; а изъ письма его къ Шевыреву узнаемъ подробности объ этомъ фактѣ: „Михаилъ Ивановичъ Мессингъ, вслѣдствіе разныхъ спекуляцій, купилъ деревню подъ Москвою (50 верстъ), заложивъ свою Нижегородскую, и я повергаюсь въ объятія природы и науки. Послѣ праздника подамъ просьбу объ отставкѣ или объ должности смотрителя Дмитровскаго училища и оставляю Москву. Мочи нѣтъ! Читать, читать, учиться. Начитавшись, надумавшись, безъ помѣхи, на просторѣ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, я опять могу вступить въ университетъ года черезъ два-три. Теперь совѣстно входить на каѳедру; а учить и вмѣстѣ учиться невозможно въ нужной степени. Съ восторгомъ смотрю я на слѣдующее время. Что Богъ дастъ" [359]).

Въ февралѣ 1831 года, Погодинъ отправился осматривать деревню. Въ *Дневникѣ* Погодина объ этой поѣздкѣ сохранились самыя скудныя свѣдѣнія. Подъ 15 и 16 февраля, мы только читаемъ слѣдующее: „Мѣсячная ночь. Пріѣхали. Смотрѣли. Прекрасное положеніе. Мечталъ". Болѣе подробныя свѣдѣнія мы находимъ въ апрѣльской записи, подъ 24 — 25 апрѣля: „Поутру рано въ деревню. Думалъ о путешествіи и знакомствѣ съ Гизо. Пріѣхали. Прекрасные виды. Но рѣчка—дрянь. Досадно. Ходилъ по саду и заведеніямъ.

Много хорошаго. Но какая тишина. Наслажденіе. Ложась спать, я чувствовалъ такое удовольствіе, и всталъ молился. Deus nolis haec otia fecit. И слухъ сюда далеко не доходитъ о суетахъ мірскихъ. Въ лѣсу. Такъ тихо было въ душѣ моей. Плакалъ. Еще вздумалъ перенести кости батюшки въ этотъ садъ. Онъ не дожилъ до этого своего счастія. По лѣсу. А дорого заплатили. Слушалъ распоряженія. Поѣхали. Заяцъ два раза перебѣжалъ дорогу. Но ихъ здѣсь много Кормили лошадей въ Пушкинѣ. Офицерскіе разсказы. Поздно въ Москву". Для покупки этого имѣнія Погодинъ задолжалъ Надеждину и Аксакову, и это поставило его въ затруднительоне положеніе. „Какъ я грустенъ", писалъ онъ Шевыреву, „ты видишь это по безпорядку въ моемъ письмѣ. Одно только истинное живое участіе—Ольги Семеновны. Какъ я радъ буду позабыть въ деревнѣ эти отвратительныя лица, эти противные звуки, сплетни, козни! Но грѣшно роптать: съ нѣкотораго времени, налетаютъ на меня иногда минуты такого сладкаго спокойствія, такой внутренней тишины благодатной! Напримѣръ на Святой недѣлѣ я ѣздилъ въ эту деревню. Я былъ одинъ на цѣлой половинѣ большого дома. Изъ окна видъ предалекій. Ложась спать, я чувствовалъ въ себѣ какъ будто бы предъ Благовѣщеніемъ. Господи, буди мнѣ по глаголу Твоему! Нѣтъ, сердце говоритъ, что есть для человѣка гдѣ нибудь пріютъ другой: въ дому Отца Моего обители многи суть. Неужели это естественная слабость? Слезы навернулись у меня теперь на глазахъ. Клянусь: сердце у мень любящее—за что же... Но я выражу, выражу себя, и эти низкія гагары со стыдомъ въ свое болото". Но купивъ, почти одновременно, домъ и деревню, Погодинъ впалъ въ затруднительное положеніе. „Скучно, досадно" записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „денегъ надо для деревни, Гриши, Шевырева, а ихъ нѣтъ. Домъ не продается" [360]). И онъ почти съ отчаяніемъ писалъ Шевыреву: „Мои финансы разстроены. Я купилъ домъ, и взялъ въ заемъ у Геништы и у другихъ 16,000 р. Домъ можетъ дать хорошій доходъ, но за нимъ надо смотрѣть и поправлять, а я ни

того, ни другого не могу. Надо, напримѣръ, подать просьбу въ коммиссію, чтобъ взять деньги на отстройку подъ закладъ его, а я мѣсяцъ не могу собраться, чтобъ идти въ какое нибудь присутственное мѣсто. Какъ будто домовой не пускаетъ. А между тѣмъ доходу нѣтъ, и проценты плати" [361]).

Когда слухъ о покупкѣ Погодинымъ деревни достигъ Петербурга, Веневитиновъ писалъ ему: „Поздравляю тебя съ покупкою деревни, коей ты теперь уже вѣрно сдѣлался помѣщикомъ. Когда я это сказалъ княжнѣ Трубецкой, она не хотѣла мнѣ вѣрить, и несмотря на всѣ мои доказательства, разумѣется въ твою пользу, никакъ не могла это согласить съ прежнимъ твоимъ, какъ говоритъ она, образомъ мыслей. Но что за идея оставить университетскія занятія. Впрочемъ не хочу поднять завѣсы, которую ты предо мною задернулъ" [362]).

Но затруднительныя обстоятельства нисколько не мѣшали Погодину думать о Наполеонѣ, о введеніи біографій въ Исторію и объ изданіи своихъ *Афоризмовъ*" [363]).

XXXIV.

Въ 1831 году, на развалинахъ старыхъ и новыхъ Московскихъ журналовъ, Николай Ивановичъ Надеждинъ основалъ *Телескопъ* и *Молву*. Въ объявленіи объ изданіи этихъ журналовъ заявлено: *Телескопъ журналъ современнаго просвѣщенія* будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣленій: I. Современныя лѣтописи. Обозрѣнія современныхъ происшествій, относящихся болѣе или менѣе къ Исторіи Просвѣщенія. Біографіи знаменитыхъ современниковъ, Записки, Путешествія, Новыя открытія, Новыя произведенія Искуствъ, Современное состояніе промышленности и торговли. Полная Современная Библіографія, преимущественно Русская. II. Изящная словесность. Сочинеія въ стихахъ и прозѣ по всѣмъ отраслямъ Словесности. Переводы изъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ. Отрывки изъ лучшихъ Русскихъ и иностранныхъ произведеній, преимущественно изъ историческихъ сочиненій, драматическихъ кар-

тинъ и оригинальныхъ романовъ. III. Критика: Обозрѣнія и разборы вновь выходящихъ отечественныхъ и иностранныхъ книгъ. Характеристика знаменитыхъ писателей древнихъ и новыхъ. Археологическія и филологическія розысканія. Сужденія о новыхъ произведеніяхъ искусствъ и новыхъ издѣліяхъ промышленности. Рецензіи мелкихъ сочиненій. Журналистика. IV. Науки. Современное состояніе умственнаго образованія по части наукъ: а) Этико-Политическихъ (Юриспруденція), Политическая Экономія, Сельское Хозяйство). б) Физико-Математическихъ (Математика, Физика, Химія, Натуральная Исторія, Геогнозія, Астрономія). в) Историко-Филологическихъ (Исторія, Географія, Статистика, Археологія, Языковѣдѣніе, Литература и Теорія Изящныхъ Искуствъ), раскрываемое: а) чрезъ изложеніе ихъ Теорій (разсужденія, извлеченія, обзоры) и б) чрезъ представленіе матеріаловъ (документы, акты, таблицы). V. Нравы. Характеры и портреты. Сцены изъ общественной и частной жизни. Нравственныя каррикатуры. Пародіи. Сатирическія мысли. Юмористика. VI. Смѣсь. Отечественныя извѣстія о новыхъ заведеніяхъ, предпріятіяхъ. Описанія историческихъ мѣстъ, праздниковъ, обрядовъ. Выписки и замѣчанія. Корреспонденція. Полемика. Ежемѣсячно будетъ выходить сего журнала по двѣ книжки, каждая отъ 7 до 9 печатныхъ листовъ. Къ нимъ будутъ прилагаемы: портреты знаменитыхъ людей; очерки замѣчательнѣйшихъ картинъ, статуй и зданій; ноты новѣйшихъ музыкальныхъ произведеній; также нужныя для объясненія: чертежи, снимки древнихъ памятниковъ (надписей, почерковъ, монетъ) и карты.

Издатель, желая сдѣлать свой журналъ указателемъ современнаго просвѣщенія, будетъ стараться доставить въ немъ образованной публикѣ вмѣстѣ и пріятное чтеніе. Для сего онъ поставитъ въ непремѣнную обязанность, чтобы помѣщаемыя статьи были предлагаемы подъ формою сколько возможно легкою и неутомительною для вниманія; даже и тогда, когда, вслѣдствіе обширности предположеннаго плана, должно будетъ касаться предметовъ высшаго умозрѣнія. Сей важной тайнѣ—

соединять полезное съ пріятнымъ, будетъ учиться онъ у лучшихъ Европейскихъ журналистовъ, преимущественно Французскихъ и Англійскихъ. Принимая ихъ въ образецъ и руководство, онъ не ограничится однако пособіями, у нихъ заимствованными. *Телескопъ* долженъ быть журналомъ собственно Русскимъ. Отечественное просвѣщеніе будетъ составлять для него главнѣйшій предметъ, на который станетъ онъ постоянно обращать вниманіе публики. Пользуясь довѣренностію многихъ собственно Русскихъ ученыхъ, литераторовъ и артистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые снискали Европейскую извѣстность, Издатель смѣетъ ласкать себя надеждою, что онъ можетъ подать случай публикѣ ознакомиться со многими опытами Русскаго трудолюбія и дарованія, представляющими собой положительныя доказательства, что благородная Русская гордость не должна ограничиваться одними безотчетными восклицаніями. Сія надежда для него тѣмъ достовѣрнѣе, что онъ имѣетъ у у себя дѣятельныхъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, какъ по разнымъ городамъ Россіи, такъ и въ чужихъ краяхъ“.

Не ограничиваясь *Телескопомъ*, Надеждинъ задумалъ издавать и приложенія къ нему подъ заглавіемъ *Молва*. „Дабы летучія новости“, пишетъ онъ, занимательныя для образованной публики, не теряли своей свѣжести, при *Телескопѣ* еженедѣльно будетъ выходить, въ видѣ особаго прибавленія: Журналъ модъ и новостей *Молва*. Прибавленіе сіе будетъ состоять изъ пятидесяти двухъ номеровъ. Содержаніе его составятъ: I. Моды. Картинки и описанія иностранныхъ, преимущественно Парижскихъ модъ. Картинки и описанія модъ собственно Московскихъ. Картинки и описанія модныхъ экипажей и мебелей. Извѣстія о новыхъ модныхъ обычаяхъ и изобрѣтеніяхъ. Новыя модныя издѣлія (матеріи, узоры), съ рисунками и означеніемъ цѣны. II. Московскія вѣсти. Сюда относятся: извѣстія о театральныхъ представленіяхъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ и гуляньяхъ; увѣдомленія о новыхъ публичныхъ увеселеніяхъ; острыя слова и забавные анекдоты“.

Вступая на новое поприще дѣятельности, докторъ этико-

филологическихъ наукъ Николай Надеждинъ помянулъ и своихъ отшедшихъ собратій. „Грустно начинать“, пишетъ онъ, новый годъ погребальными пѣснями; но сѣющіе слезами пожинаютъ радость. Миръ праху усопшихъ! Они достигли пристанища, къ которому волны времени рано или поздно прибиваютъ все, что ни носится по житейскому морю. Молодое поколѣніе увиваетъ цвѣтами память предковъ. Оно только готовится поднять ношу, которую тѣ уже сбросили!...—de profundis!.. Тяжекъ былъ для Москвы годъ истекшій. Древняя столица Русской земли и Русской журналистики совершенно осиротѣла. Напрасно привычное любопытство ищетъ знакомыхъ именъ въ газетныхъ объявленіяхъ: тамъ все пусто!

Друзья! кипящій кубокъ сей
Умершимъ безъ аптеки,
Да будутъ въ памяти людей,
Коль нѣтъ въ библіотекѣ.

I. *Вѣстникъ Европы.* Маститый сей старецъ, патріархъ настоящаго поколѣнія журналовъ и Несторъ журналистики, мирно кончилъ многотрудную и многомятежную жизнь свою!. *Три* почти цѣлыя *десятилѣтія* существовалъ онъ—*три вѣка* для летучаго періодическаго изданія! Жизнь столь долголѣтняя очевидно должна быть обильна приключеніями. Онъ начался нѣжными вздохами отроческой чувствительности, провелъ мужество въ шумныхъ бояхъ и окончился старческими суровыми роптаніями. Вѣтреная молодежь не была почтительна къ его преклоннымъ лѣтамъ: она издѣвалась надъ его сѣдинами и ругалась сѣтованіями. Старецъ долго сохранялъ презрительное хладнокровіе; но при дверяхъ гроба собрался съ послѣдними остатками угасающихъ силъ, ополчился на рать сопостатовъ и грянулъ грозно. Вѣроятно сіе чрезмѣрное напряженіе порвало послѣднія нити, коими онъ привязывался къ жизни—и *Вѣстникъ Европы* преставился!.. Его кончина безъ сомнѣнія поразитъ старожиловъ, которые видѣли въ немъ

Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.

Они должны будутъ подумать, что пережили самихъ себя!.. Да пріймется духъ твой съ миромъ—

Журналъ, гдѣ мы впервые
Въ печати видѣли себя
Въ дни юности златые.
Ахъ! не всегда онъ вызывалъ
На бой для злобной шутки!
Онъ наши *оды* помѣщалъ
И наши *Незабудки*!
Въ немъ живъ старинный рой пѣвцовъ,
Рой Фебовыхъ любимцевъ:
Въ немъ живы Клушинъ, Салтыковъ,
Усолецъ и Волынцевъ!
И наши взоры зрятъ
Предметы сердцу милы,
Тамъ колыбели нашихъ чадъ
И нашихъ чадъ могилы!
Тамъ мы къ безсмертію ползли:
Оно отъ насъ бѣжало!
Тамъ все, что мы въ свой вѣкъ прочли,
И все, что насъ читало!...

II. *Московскій Вѣстникъ*. Юноша, съ роскошными надеждами, съ залетными мечтами, съ пламенными порывами! Рано, очень рано состарѣлся ты и, не доцвѣтши, свянулъ!... Чудное дѣло! Имя ли *Вѣстника*, истершееся въ нашей журналистикѣ, носило въ себѣ самомъ сѣмена разрушенія, или... (судьбы журнальныя также неисповѣдимы, какъ и человѣческія!), но *Московскій Вѣстникъ* съ самаго начала не имѣлъ удачи и счастья. Лучшіе наши поэты помѣщали въ немъ свои стихотворенія: ихъ прочитывали съ удовольствіемъ и оставались хладнокровными къ журналу, доставлявшему сіе удовольствіе. Молодые литераторы и ученые пробовали въ немъ свои юныя силы и нерѣдко сверкали яркими талантами: на нихъ смотрѣли, но не засматривались; и *Московскій Вѣстникъ* проповѣдывалъ въ пустынѣ... Какъ бы то ни было, его четырехлѣтняя жизнь и настоящая преждевременная смерть остаются по крайней мѣрѣ живыми доказательствами, что и у насъ, какъ вездѣ, *царство именъ* не существуетъ. Блестящее имя *Пушкина* постоянно печаталось и снаружи и внутри *Мос-*

ковскаго Вѣстника—и все напрасно!... На третьемъ году своего существованія, вздумалось ему сократиться въ шесть альманаховъ; это сократило репутацію и жизнь его. Передъ смертью онъ облекся во вретище и, подобно Марію, на собственныхъ развалинахъ поучался суетѣ и ничтожности поприща, съ котораго долженъ былъ сойти, обнажая сокровенныя пружины журнальной политики, которой всегда былъ жалкимъ игралищемъ. Миръ тѣни твоей многострадальный юноша! Послѣднія минуты да усладитъ для тебя утѣшительная надежда, что по смерти охотнѣе будутъ помнить тебя, чѣмъ замѣчали при жизни!...

III. *Атеней*:

Журналъ казенный, философскій.
Благонамѣренный Московскій!

Такъ подшучивали бывало надъ покойникомъ скалозубы за *отступничество отъ Пушкина*, на которое онъ первый изъ молодыхъ журналовъ отважился! Да и въ самомъ дѣлѣ—*Атеней* слѣдуетъ упрекать только за излишнюю *благонамѣренность*. Онъ надѣялся подлеститься къ публикѣ ученостью—и перепугалъ ее, принялъ важное имя, которое было не понято, перековеркано и обращено въ смѣхъ самому-жъ ему. Потомство будетъ однако помнить съ благодарностью, что онъ одинъ умѣлъ показать и доказать знаменитое *превращеніе мухи въ науку*, сдѣланное однимъ славнымъ нашимъ философомъ. Это навлекло ему много непріятностей. Знаменитый философъ былъ ожесточенъ до такой степени, что посягнулъ на самое имя *Атенея*, злоковарно усиливаясь внести въ него букву *ѳ*, заклейменную печатію отверженія. Но *Атеней* отвергъ *Аѳенейство*; остался *Атенеемъ* до послѣдняго своего издыханія, и во времена бурныя Русской журналистики умѣлъ пріобрѣсть столь невинную репутацію, что только при чтеніи его одного позволялось обходиться *безъ перчатокъ*. Житія его было всего три года: да почіетъ усопшій въ мирѣ!

IV. *Галатея*. Сія журнальная красавица, единственная

своего пола между Русскими журналами, послѣ *Аглаи*, издаваемой нѣкогда нынѣшнимъ издателемъ *Дамскаго Журнала*, пропорхнула очень быстро и исчезла внезапно. Сначала никто не подозрѣвалъ ея эфирной легкости. Всѣ принимали ее за *статую*, одушевляемую Пигмаліономъ; и *Телеграфъ* размахнулся было изъ всѣхъ силъ, чтобы раздробить ей голову. Но недоумѣніе тотчасъ объяснилось: всѣ увидѣли, что это—*обыденная бабочка*... И можно ли *бабочкѣ* ласкаться долговѣчностью?...

Утренняя, ясна,
Тѣнь золотая,
Кратокъ твой вѣкъ!

Но этотъ краткій вѣкъ *Галатея* наполнила шумомъ, какого нельзя было ожидать отъ легкости крылъ ея. Она впивалась въ *Телеграфъ* осеннею мухою и не давала ему, какъ говорится, ни дня, ни ночи. Великанъ долго стоялъ, морщился, терпѣлъ, и наконецъ, сталъ отмахиваться. Напрасно безотвязная *бабочка* приняла къ себѣ въ товарищи *Аргуса*: стоокій повелъ раза два однимъ глазомъ и заснулъ непробудно. Теперь все кончилось! Спи сладко, *Галатея! Полифемъ* не будетъ тебя тревожить!...

Ахъ! рано ты счастьемъ мірскимъ насладилась!
Жила и шалила—и жизни лишилась!..“ [364]).

XXXV.

Написавъ „съ стѣсненнымъ сердцемъ“ эпилогъ къ *Московскому Вѣстнику* [365]), Погодинъ принялъ болѣе или менѣе живое участіе въ трудахъ Надеждина по изданію *Телескопа* и *Молвы* и даже, какъ сказано въ объявленіи, онъ принялъ на себя „завѣдываніе однимъ столомъ историко филологическаго департамента“ *Телескопа*. Сюда же привлекъ онъ и Шевырева. Этому союзу былъ радъ князь А. А. Шаховской, который писалъ С. Т. Аксакову: „Я очень радъ, что нашъ другъ Михаилъ Петровичъ соединился съ Надеждинымъ, на

котораго я очень надѣюсь, и хочу поглядѣть въ ихъ *Телескопъ* на нашихъ пчелъ, бабочекъ и прочихъ насѣкомыхъ". „Желаю Надеждину", писалъ Венелинъ Погодину, „много успѣховъ; но не двоюроднымъ ли готовитъ онъ свой *Телескопъ къ Графу*" [366])? Но когда Надеждинъ сдѣлался издателемъ журнала, то дружба, которая у него завязалась съ Погодинымъ, какъ бы нѣсколько охладѣла. До послѣдняго стали доходить слухи о какихъ-то „странностяхъ Надеждина и невыгодныя о немъ извѣстія"; но сначала Погодинъ относился скептически къ этимъ слухамъ. „Не вѣрю и удивляюсь", записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* [367]). Шевыреву же Погодинъ писалъ: „На *Телескопъ* подписчиковъ пятьсотъ. Ей-Богу, *Московскаго Вѣстника* не должны мы стыдиться въ своей душѣ: публика не приняла его, но образованные люди отдали намъ справедливость. Сами себя укорить не можемъ ни въ чемъ: все честно, благородно" [368]). Когда же дѣло дошло до условій, на основаніи которыхъ должны были опредѣляться отношенія Погодина къ журналу Надеждина, то они были не совсѣмъ ясны. „Неужели онъ", замѣчаетъ Погодинъ; „не видитъ и не цѣнитъ моихъ трудовъ, и неужели я не буду участвовать въ жатвѣ. Сдѣлаетъ ли Надеждинъ справедливыя условія со мною, а какой я сотрудникъ! На три журнала меня достанетъ. По своему обычаю, Погодинъ предался размышленію о Надеждинѣ и результатомъ этого размышленія были слѣдующія строки, находящіяся въ его *Дневникѣ*: „Думалъ о Надеждинѣ. Ну, если онъ плутъ!" Несмотря на это, они вмѣстѣ отправились на Свѣтлую Заутреню въ Успенскій соборъ. Плацъ-адъютантъ Козминъ поставилъ ихъ „на выгодное мѣсто, съ котораго Погодинъ кланялся съ губернаторомъ и комендантомъ, хотя и опасался полицейскихъ грубостей. Думалъ объ этомъ всемірномъ торжествѣ, какъ о личномъ Христовѣ. Предъ обѣднею сидѣлъ на помостѣ Вознесенскаго монастыря и слушалъ разсказы Щепкина о Малороссіи" [369]).

Когда же Погодинъ уединился въ свою деревню, то получилъ отъ Надеждина слѣдующее письмо: „Ты сердишься на

меня, но подумай, справедливо ли? Что я къ тебѣ не писалъ, это происходило отъ того, что писать было не о чемъ. На вопросы твои отвѣчать мнѣ было также нечего. Ты требовалъ, чтобы я тебя описывалъ Московскія новости, такъ ты ихъ узнаешь изъ *Молвы*; а больше я самъ ничего не знаю, кромѣ слуховъ, которые другъ друту противорѣчатъ и которыми я считалъ грѣхомъ возмутить твое блаженное уединеніе. Спрашивалъ ты еще, что говорятъ Каченовскій, Павловъ и пр., да я ихъ почти совсѣмъ не вижу. Просилъ ты у меня книгъ для разборовъ—такъ гдѣ ихъ взять! Наконецъ ты требуешь, чтобъ я тебѣ заказывалъ работу—я это принималъ и принимаю за шутку. Мнѣ никакъ не вмѣщается въ голову, чтобъ можно было сдѣлать что нибудь дѣльное на заказъ. Вѣдь письменное дѣло, самъ ты знаешь—не сапожное мастерство". Извѣстно, что Надеждинъ имѣлъ большія претензіи на свѣтскость. Уже будучи профессоромъ и издателемъ журнала, онъ даже дебютировалъ на сценѣ. „Слушайте, удивляйтесь, вѣрьте", писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину, „давали пьесу *Ночь на новый годъ*. Въ ней маскарадъ на сценѣ; вдругъ является Щепкинъ въ турецкомъ костюмѣ и ведетъ за руку Николая Ивановича, завернувшагося въ свой плащъ, проходитъ съ нимъ черезъ всю сцену, выводитъ на аванъ-сцену... Вижу ужасъ на лицѣ вашемъ; руки ваши опустились и вы произносите: Ахъ, дура! Въ добавокъ всѣ его узнали и явилась статейка, въ которой сказано, что зрители примѣтили на сценѣ одну фигуру, которая всѣмъ показалась весьма сходною съ извѣстною въ Москвѣ каррикатурою!". Объ этомъ пассажѣ писалъ Погодину и самъ Надеждинъ. „Ты, я думаю, знаешь, что я дебютировалъ на сценѣ. Что за прелесть, чего я тамъ не наглядѣлся, хотя взоръ мой и не проникалъ въ самую глубь—понимаешь" [370]). Однажды Погодинъ встрѣтившись съ Надеждинымъ въ театрѣ, замѣтилъ: „Какъ дерзокъ Надеждинъ: въ первомъ ряду и по-французски" [371]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ привлекъ и Шевырева къ участію въ *Телескопѣ*, хотя Шевыревъ и не могъ сочувствовать Надеждину за его критики произведеній Пушкина. Спра-

ведливость нашего предположенія оправдывается слѣдующими строками Шевырева къ А. В. Веневитинову: „*Телескопа* я не знаю, но твои похвалы сняли съ него мою опалу. По издателю, коего статьи я читалъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, я ничего отъ него хорошаго не ждалъ. Это изуродованный Шеллингъ, написанный изуродованнымъ же слогомъ *Чети-Минеи*. Статья объ *Иліадѣ* — верхъ галиматьи". Къ довершенію всего Шевыревъ жаловался Веневитинову и на то, что онъ не получаетъ отъ Надеждина и гонорара за свои статьи. „Коль у васъ въ Питерѣ", писалъ Шевыревъ, „есть или будетъ хорошій, платящій аккуратно за листы журналъ (напр. не затѣютъ ли Вяземскій съ Сомовымъ),—то поручаю тебѣ и прошу тебя вербовать меня въ сотрудники, только за деньги, не иначе. Въ *Телескопъ* я не намѣренъ болѣе, потому что онъ обѣщалъ, да не платитъ, а я нигдѣ такъ не чувствую сладости быть богатымъ какъ въ Италіи. Такъ глаза и разбѣгаются по слѣпкамъ и эстампамъ; глазъ видитъ, а зубъ нейметъ" [372]). Что касается до гонорара, слѣдуемаго Шевыреву за сотрудничество въ *Телескопѣ*, то въ этомъ отношеніи былъ виноватъ не Надеждинъ, а Погодинъ, который самъ объ этомъ заявилъ Шевыреву: „Я пять разъ писалъ къ тебѣ, что эти деньги взялъ у Надеждина для тебя и издержалъ для себя, бывъ въ крайней нуждѣ, и пришлю тогда, какъ поправлюсь хоть немного; ибо я теперь въ долгу, по своимъ проклятымъ спекуляціямъ, какъ въ шелку. Я долженъ Аксакову, Веневитинову, Мальцову, Надеждину, Венелину, Геништѣ, твоему дядѣ и проч." Въ другомъ письмѣ Погодинъ писалъ Шевыреву: „Ты пишешь всѣмъ, что я тебя тащу въ *Телескопъ*. Кто тебя тащитъ? Я хотѣлъ доставить тебѣ выгоду—вотъ и все. Посмотримъ, какъ ты получишь ее индѣ. Какъ будто ты не знаешь нашихъ журнальныхъ дѣлъ. Я самъ отъ *Телескопа* не получилъ ни гроша. Я бралъ взаемъ отъ Надеждина семь тысячъ Телескопскихъ денегъ, да три его собственныхъ, изъ которыхъ заплатилъ ему четыре. Что за несчастная судьба моя: вмѣсто спасиба получать себѣ упреки и терпѣть неудо-

вольствіе вездѣ съ обѣихъ сторонъ. *Исторія Арцыбашевская* повторяется надо мною ежедневно. „Не постигаю, какъ у него восемьсотъ подписчиковъ, а у *Московскаго Вѣстника* было триста... Ужъ у него не моды ли?". Да, моды, моды и всякую недѣлю... не входя въ дальнѣйшія объясненія. Я думалъ, —я ужъ отъ тебя не получу огорченія, а нѣтъ: видно осталось что-то на днѣ. Ахъ не дѣлайте меня мизантропомъ. Легкомысленный еще, но съ добрымъ сердцемъ" [373]).

Вѣроятно чрезъ А. П. Елагину, Надеждину удалось привлечь къ *Телескопу* и Жуковскаго, который украсилъ новорожденный журналъ своимъ произведеніемъ, благодаря которому *Телескопъ* стали читать во Дворцѣ [374]). Мало того, журналъ этотъ обратилъ на себя вниманіе и самого императора Николая, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее заявленіе *издателя*: „Высокое вниманіе Монарха, удостоившаго, во время пребыванія своего въ древней столицѣ, повелѣть считать Себя препумерантомъ *Телескопа* и *Молвы*, возвышаетъ ревность издателя до священной обязанности, исполненіе коей составитъ украшеніе и награду его жизни" [375]).

Несмотря однако на это, Московская полиція нѣсколько косо и на первыхъ же порахъ взглянула на *Телескопъ*. Ей особенно не понравилась статья издателя, напечатанная въ 1-мъ № этого журнала подъ заглавіемъ: *Современное направленіе просвѣщенія*. По поводу ея Надеждинъ былъ приглашенъ даже къ Московскому оберъ-полиціймейстеру Сергѣю Николаевичу Муханову. Князь С. М. Голицынъ былъ тоже недоволенъ этою статьею. Фактъ этотъ весьма возмутилъ чувствительнаго Погодина и онъ въ своемъ *Дневникѣ* восклицаетъ: „Вотъ скоты!" [376]).

Сѣверная Пчела также косо смотрѣла на *Телескопъ* и имѣла на то основательныя причины. Въ *чрезвычайномъ прибавленіи къ Молвѣ*, Надеждинъ опубликовалъ слѣдующее: „Спѣшимъ довести до свѣденія нашихъ читателей сію минуту полученное нами прелюбопытнѣйшее извѣстіе о новомъ, безъ сомнѣнія, важномъ твореніи, имѣющемъ въ непродолжитель-

номъ времени украсить собою нашу литературу. *Мароа Ивановна Выжимкина*, совершенно новый, нравоописательно-сатирическій, географическо-историческій и прозаико-поэтическій романъ XIX вѣка. Читая неоднократно въ *Сѣверной Пчелѣ*, что публику нашу весьма занимаютъ разсказы Ивана Ивановича Выжигина, что скоро появится на поприще міра новорожденный Петръ Ивановичъ Выжигинъ, и сличая съ разсказами перваго записки о собственныхъ своихъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ, Мароа Ивановна Выжимкина рѣшилась наконецъ обнародовать оныя записки, въ твердой увѣренности, что онѣ будутъ не менѣе занимательны, и еще болѣе добротны. И такъ сей романъ раздѣляется на три части: 1) просто-романическая, до Французской кампаніи, 2) историческо-романическая, во время Французской кампаніи, 3) романически-сатирическая, послѣ Французской кампаніи. При каждой части будутъ приложены портреты Мароы Ивановны Выжимкиной, снятые: одинъ во времена ребячества, другой во время Французской войны—(прекраснымъ вѣнскимъ художникомъ) — въ самомъ цвѣту ея жизни, третій, послѣ войны подъ старость. Образчики романа на показъ публикѣ напечатаются въ повременныхъ изданіяхъ; образцы типографской работы и портреты будутъ за стеклами выставлены въ книжныхъ лавкахъ. Подписная цѣна за всѣ три тома, на бѣлой бумагѣ и въ цвѣтной оберткѣ—только пять рублей. Почтенныя имена подписчиковъ напечатаются не въ концѣ послѣдней, а въ началѣ первой части, почему и будетъ она необыкновенно толста и занимательна. Будучи страхъ какъ озабочена другого рода занятіями, М. И. Выжимкина поручила изданіе сего романа г. Анемподисту Щупальце, человѣку съ необыкновеннымъ критическимъ чутьемъ и рѣдкимъ литературнымъ досужествомъ. Жительство имѣетъ онъ, Щупальце, на Зацѣпѣ“ [377]). По поводу этого объявленія, Квитка писалъ Погодину изъ Харькова: „Грѣхъ на душѣ почтеннаго издателя *Молвы*, помѣстившаго статью г. Щупальце о подпискѣ на *Записки Выжимкиной*. Не далѣе какъ сегодня, при мнѣ,

нѣсколько помѣщиковъ, пріѣхавшихъ въ городъ закупить домашней провизіи и книгъ, растерзали-было нашего книгопродавца, отказывавшагося принять отъ нихъ деньги подписныя на *Записки Выжимкиной*. Сколько тотъ ихъ ни увѣрялъ, что это шутка, крятика, насмѣшка. Куда! Ссылаются на журналъ, чтс объявлена подписка и что де въ Москвѣ съ такою *жадностію* желаютъ имѣть эту книгу, что подписка производится на площади и что во избѣжаніе давки между подписчиками устроены перилы и что сама полиція не можетъ установить порядка. Когда книгопродавецъ рѣшительно отказался удовлетворить ихъ, то одинъ изъ требователей возопилъ: Вотъ такъ-то объявляютъ о новыхъ книгахъ!" [378]).

Но въ то время, когда въ *Молвѣ* печатались эти *шутки, насмѣшки* надъ извѣстнымъ романомъ Булгарина *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*, въ *Сѣверной Пчелѣ*, авторъ этого романа торжественно доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія слѣдующее: „Полагая цѣлію всѣхъ литературныхъ трудовъ моихъ пользу общую, пользу Отечества, а лестнѣйшею за нихъ наградою Всемилостивѣйшее благоволеніе Государя Императора, обратился я нынѣ, предъ выходомъ въ свѣтъ третьяго моего романа *Петръ Ивановичъ Выжигинъ* съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на всеподданнѣйшее поднесеніе экземпляра онаго Его Императорскому Величеству къ г. генералъ-адъютанту Александру Христофоровичу Бенкендорфу, въ которомъ всякій благонамѣренный человѣкъ всегда находитъ покровителя своимъ трудамъ и предстателя у Высочайшаго престола. На письмо мое о семъ къ его высокопревосходительству, удостоился я получить отвѣтъ слѣдующаго содержанія: „Я имѣлъ счастіе докладывать Государю Императору письмо ваше, о выходящемъ вновь въ свѣтъ романѣ вашемъ, подъ заглавіемъ *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*. Его Величество Всемилостивѣйше соизволяетъ на принятіе онаго, почему и прошу васъ прислать мнѣ сіе сочиненіе, для всеподданнѣйшаго представленія, какъ скоро оное выйдетъ изъ печати. При семъ случаѣ Государь Императоръ изволилъ

отозваться, что Его Величеству весьма пріятны труды и усердіе ваши къ пользѣ общей, и что Его Величество, будучи увѣренъ въ преданности вашей къ Его Особѣ, всегда расположенъ оказывать вамъ милостивое свое покровительство. Увѣдомляя васъ съ особеннымъ удовольствіемъ о семъ благосклонномъ отзывѣ Его Императорскаго Величества, съ предоставленіемъ права дать оному гласность, имѣю честь быть и пр.".

Осчастливленный симъ желательнымъ отзывомъ, я не только не считаю нарушеніемъ скромности обнародованіе сего письма, но полагаю священнымъ долгомъ сообщить о томъ читателямъ моимъ, коихъ благосклонности и поощренію обязанъ я, отчасти, возможностію пріобрѣсть сіе лестное выраженіе Высокомонаршей милости. За Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ" [379]).

XXXVI.

Въ *Телескопѣ*, на первыхъ же порахъ его существованія, Погодинъ явился политикомъ, историкомъ, трагикомъ, романистомъ, переводчикомъ и критикомъ. Вліяніе іюльской революціи и ея послѣдствія отразились не только въ Бельгіи, но и въ Польшѣ. Въ ноябрѣ 1830 года вспыхнуло тамъ возстаніе, съ цѣлью достигнуть политической независимости и самостоятельнаго существованія. Когда вѣсть объ этомъ событіи достигла Москвы, Погодинъ писалъ: „съ тоскою думалъ о Европѣ, прочтя о Варшавѣ. Какъ не надежно зданіе Австріи и Пруссіи, а Польша начинается за Смоленскомъ. Страшно. Какъ дорого родъ человѣческій покупаетъ всѣ опыты. Сколько крови еще прольется. Англія и Франція рады будутъ случаю ослаблять Россію. А Италія, Испанія! Сколько вездѣ горючихъ веществъ! Съ горя хотѣлъ пить вино, а Загоскинъ безтолковый подумалъ за здоровье". Въ то же время Погодину явилась мысль „написать о правахъ Россіи на Литву и послать къ Бенкендорфу". Къ апрѣлю 1831 года, статья эта, подъ заглавіемъ: *Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи*, была

уже готова. Вмѣстѣ съ этимъ онъ написалъ разборъ *Исторіи Государство Польскаго* Бандтке. Въ это время Пушкинъ еще находился въ Москвѣ. Когда онъ выслушалъ эти статьи, то пришелъ отъ нихъ „въ восторгъ" и сказалъ Погодину: *Никто нынѣ не тревожитъ души моей кромѣ васъ*, и самъ прочелъ Погодину свои повѣсти. „Прекрасныя, оригинальныя" [380]). Получивъ цензурное разрѣшеніе, Погодинъ напечаталъ свое *Размышленіе* и *разборъ* въ *Телескопѣ* со слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Эту статью, равно какъ и другую объ *Исторіи* Бандтке, я написалъ почти прошлаго года, въ руководство себѣ при чтеніи лекцій въ Московскомъ Университетѣ о Польской Исторіи, и вовсе не думалъ печатать ихъ, опасаясь, чтобы они не показались нѣкоторымъ читателямъ излишними, и не зная въ нашей литературѣ примѣра разсужденій въ этомъ родѣ послѣ Карамзина въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 и 1803. Но нынѣ, прочитавъ нѣсколько подобныхъ переводныхъ статей въ *Сѣверной Пчелѣ*, которой принадлежитъ за то честь и слава, гдѣ защищается наше дѣло, впрочемъ, по большей части отвлеченными разсужденіями—я, какъ Русскій, рѣшился въ общемъ дѣлѣ подать и свой голосъ, подкрѣпленный Исторіею. И въ самомъ дѣлѣ—доколѣ иностранцы будутъ надоумливать насъ, какъ намъ защищать права, добытыя нашею кровію"? Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ заявилъ: „Да прильпнетъ языкъ къ моей гортани, если я подумаю когда либо святое имя науки умышленно представлять въ ложномъ свѣтѣ для частныхъ видовъ, хотя бы это было въ пользу моего Отечества!" [381]). Эти статьи Погодина произвели благопріятное впечатлѣніе. „Я читалъ", писалъ Любимовъ изъ Петербурга, „статью вашу о Польшѣ. Она чудесна! Въ ученомъ отношеніи, конечно, я не судья, но какъ русскій не могу не чувствовать ея достоинства. Съ начала до конца преисполнена она самаго чистѣйшаго и священнѣйшаго чувства, которое невольно расшевеливаетъ душу всякаго читающаго. Видно, что неподкупная рука водила перомъ. И какъ она кстати. Государь, какъ говорятъ, читалъ ее съ большимъ вниманіемъ и былъ какъ нельзя боль-

ше доволенъ, а за нимъ, разумѣется, и всѣ. Все, что доселѣ писалось въ этомъ родѣ, какъ будто писалось наемниками, кромѣ того что не имѣло ученаго достоинства и не основывалось ни на какихъ доводахъ. Какъ пріятно услышать гласъ истины или, лучше сказать, гласъ истинный“ [382]). И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того Погодинъ получилъ запросъ отъ самого Бенкендорфа: чего онъ желаетъ за статью о Польшѣ, которая читана и понравилась? Погодинъ взволновался. И на предложенный ему вопросъ ставитъ, конечно, про себя весьма неумѣстный вопросъ: *Какъ, не считаютъ-ли они меня продажнымъ? У меня опустятся руки теперь на статью объ отношеніяхъ Россіи къ Европѣ. Я говорилъ по внутреннему убѣжденію, а не изъ награды. Развѣ они не могли наградить безъ этого вопроса.* Само собою разумѣется, что О. С. Аксакова *раздѣляла* мнимое *негодованіе* Погодина; но послѣдній уже утѣшался тѣмъ, что на него *не косо смотрятъ или, по крайней мѣрѣ, прямѣе.* Вскорѣ Погодинъ пришелъ къ такому заключенію. „Но вѣдь“, записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „предложеніе Бенкендорфа не такъ щекотливо, какъ кажется“.

Между тѣмъ въ Москву доходили непріятные слухи изъ Польши. Топорнинъ сообщилъ Погодину „вѣсти“ одного армянина „изъ арміи“. Наши всѣ въ остервенѣніи противъ Поляковъ. „Боже мой!“ восклицаетъ по этому поводу Погодинъ, „Какое кровопролитіе!“ [383]). „Новости“, писала Аксакова Погодину, „которыя я слышала отъ Фролова, невѣроятны; сказывалъ, что въ колодцы открыто будто бросили мышьякъ и все шайка Поляковъ“; а отъ Геништы Погодинъ получилъ слѣдующее извѣстіе: „Венгерцы подали Австрійскому императору адресъ, въ которомъ преставляютъ ему всевозможныя причины, по коимъ Австрійскому двору слѣдуетъ вступиться за Польшу. У насъ (т.-е. въ Москвѣ) кое-какія шалости случились, вслѣдствіе коихъ нѣсколькихъ студентовъ засадили“. Въ другомъ своемъ письмѣ Геништа сообщалъ Погодину, что „въ Парижѣ была непріятность. Разсказываютъ такимъ образомъ: Вышла новая пьеса для театра, которой, главный герой былъ

императоръ Павелъ: нашъ посланникъ желалъ воспрепятствовать ея представленію и удалось ему. Но слѣдствіемъ было, что народъ ему опять всѣ окошки разбилъ. По моему мнѣнію нашъ посланникъ не правъ“ [384]).

Происходящее въ Польшѣ и въ Европѣ сильно волновало Пушкина. Но послѣдуемъ за нимъ изъ Москвы въ Царское Село. Вскорѣ послѣ своей свадьбы, Пушкинъ писалъ Плетневу: „Знаешь ли что? Мнѣ мочи нѣтъ, хотѣлось бы къ вамъ не доѣхать, а остановиться въ Царскомъ Селѣ. Мысль благословенная! Лѣто и осень такимъ образомъ провелъ бы я въ уединеніи вдохновительномъ, вблизи столицы, въ кругу милыхъ воспоминаній и тому подобныхъ удобностей. А домà, вѣроятно, нынѣ тамъ не дороги: гусаровъ нѣтъ. Двора нѣтъ—квартиръ пустыхъ много. Съ тобою, душа моя, видѣлся бы я всякую недѣлю, съ Жуковскимъ также, Петербургъ подъ бокомъ, жизнь дешевая, экипажа не нужно. Чего, кажется, лучше“? Съ пріѣздомъ въ Царское Село, Пушкинъ мечталъ усилить свою творческую дѣятельность. „Мнѣ кажется“, писалъ онъ Плетневу, „что если всѣ мы будемъ въ кучкѣ, то литература не можетъ не согрѣться и чего нибудь да не произвести: альманаха, журнала, чего добраго — и газеты! Вяземскій везетъ къ вамъ *Жизнь фонъ-Визина*, книгу, едва-ли, не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки исключая Карамзиа)“ [385]). Между тѣмъ слухи о переселеніи Пушкина достигли уже Петербурга, откуда Веневитиновъ писалъ Погодину: „Пушкинъ, говорятъ, также скоро будетъ сюда съ своею мадамою, которая здѣсь уже много прошумѣла. Петербургъ мнѣ надоѣлъ. Пружина, коею движется бездушное общество—тщеславіе, а самая сущность его пустота“ [386]).

Предъ отъѣздомъ Пушкина изъ Москвы, Погодинъ читалъ ему своего *Петра* съ тою цѣлію, чтобы онъ „прозвонилъ о немъ въ Петербургѣ“ [387]). По пріѣздѣ въ нашу сѣверную столицу, Пушкинъ, по обычаю, остановился у Демута. Довольно долгое время употребилъ онъ на пріисканіе себѣ

дачи въ Царскомъ Селѣ. Наконецъ пріискалъ и переѣхалъ съ супругою своею въ это завѣтное для него мѣсто [388]). По свидѣтельству А. О. Смирновой, Пушкинъ поселился въ Царскомъ Селѣ въ домѣ Китаева на Колпинской улицѣ [389]). О Царскосельскомъ житьѣ его Веневитиновъ писалъ Погодину: „Пушкинъ премило живетъ съ своей премиленькой женой, любитъ ее, ласкаетъ и совсѣмъ не безчинствуетъ“ [390]).

Мы уже замѣтили, что событія, происходившія въ Польшѣ и Европѣ, сильно волновали нашего великаго писателя и вызывали въ немъ потребность выступить на поприще публициста. Сохранилось замѣчательное письмо его, писанное въ Царскомъ Селѣ, къ Бенкендорфу. „Если Государю“, писалъ Пушкинъ, „угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ статей, то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю его величества. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ и не существуетъ), и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Нынѣ, когда справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго растравляемая завистью, соединила всѣхъ насъ противъ Польскихъ мятежниковъ, озлобленная Европа нападаетъ покамѣстъ не оружіемъ, но ежедневной бѣшеной клеветою. Конституціонныя правительства хотятъ мира, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны. Пускай позволятъ намъ, Русскимъ писателямъ, отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ газетъ. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около котораго *соединилъ-бы писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію*“. Къ счастію или несчастію, просьба эта не была уважена. Но въ томъ же письмѣ къ Бенкендорфу Пушкинъ просилъ и о слѣ-

дующемъ: „Осмѣливаюсь“, писалъ онъ, „просить дозволенія заняться историческими изысканіями въ нашихъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не хочу взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу современемъ исполнить мое давнишнее желаніе написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III. Къ этой же просьбѣ императоръ Николай I отнесся весьма благоволительно, и Пушкинъ съ восторгомъ писалъ Плетневу: „Царь взялъ меня на службу, но не въ канцелярскую, или придворную, или военную, — нѣтъ, онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобъ я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда-ли? Онъ сказалъ: „puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite“. Ей-Богу, онъ очень со мною милъ“ [391]). Веневитиновъ не замедлилъ увѣдомить объ этомъ Погодина: „Царь велѣлъ для Пушкина открыть всѣ архивы въ нашемъ Государствѣ и что онъ имѣетъ позволеніе въ нихъ рыться сколько хочетъ“ [392]).

По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „въ Пушкинѣ было вѣрное пониманіе Исторіи; свойство, которымъ одарены не всѣ историки. Принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость. Онъ былъ чуждъ всѣхъ систематическихъ, искусственно составленныхъ руководствъ; не только былъ онъ имъ чуждъ, онъ былъ имъ враждебенъ. Онъ не Исторію воплощалъ бы въ себя и въ свою современность, а себя перенесъ бы въ Исторію и въ минувшее. Онъ не задалъ бы себѣ урокомъ и обязанностію, во что бы то ни стало, либеральничать въ Исторіи и философничать умозрительными анахронизмами. Пушкинъ былъ одаренъ, такъ сказать, самоотверженіемъ личности своей, на столько, что могъ отрѣшать себя отъ присущаго и возсоздавать минувшее, уживаться съ нимъ, породниться съ лицами, событіями, нравами, порядками, давнымъ-давно замѣненными новыми поколѣніями, новыми порядками, новымъ общественнымъ и гражданскимъ

строемъ. Все это необходимыя для историка качества, и Пушкинъ обладалъ ими въ достаточной мѣрѣ [393]).

При обладаніи такими качествами, становится понятнымъ, что душа Пушкина стремилась въ архивы, въ эти хранилища живописныхъ источниковъ нашей Русской Исторіи.

XXXVII.

Мы уже замѣтили, что въ *Телескопѣ* Погодинъ является въ качествѣ политика, историка, трагика, беллетриста, переводчика и критика. Въ этомъ порядкѣ и будемъ слѣдить за его трудами.

Какъ *трагикъ*, Погодинъ печатаетъ отрывокъ изъ своей трагедіи *Марѳа* посадница. Какъ *беллетристъ*, онъ выступаетъ съ своею повѣстью *Васильевъ Вечеръ* [394]). Прочитавъ эту повѣсть, Жуковскій писалъ Надеждину: „Поблагодарите Погодина за *Васильевскіе вечера.* Разсказъ живъ и занимателенъ и надобно, чтобъ простой языкъ не дѣлался низкимъ и неправильнымъ. Это трудно, но необходимо“). Повѣсть эта произвела впечатлѣніе и во Дворцѣ. „*Телескопъ*, скажу тебѣ мимоходомъ“, писалъ Веневитиновъ Погодину, „читается во Дворцѣ, гдѣ фрейлины всѣ перепуганы твоею страшною повѣстію“. Почтенный старецъ С. А. Хомяковъ не только прочелъ повѣсть, но и сдѣлалъ ея автору слѣдующія любопытныя замѣчанія: „Съ новымъ удовольствіемъ“, писалъ онъ, „прочелъ отрывокъ *Васильева вечера*, но на него осмѣливаюсь вамъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе, какъ старикъ, который смолоду и самъ иногда участвовалъ въ святочныхъ играхъ: при оныхъ никогда не заплетали хороводовъ, сія забава принадлежала уличнымъ веселостямъ, начинавшимся всегда на Ѳоминой недѣли, такъ называемою, красною горкою; а объ святкахъ бывали *живъ, живъ курилка* и тому подобныя; также и пѣснь: *Сиди, сиди ящеръ*, также уличная, а не подблюдная и не могла быть спѣта о святкахъ, а пристойнѣе была бы слѣдующая: *Стоятъ сани снаряжены, и по-*

лостью онѣ оправлены, только сѣсть въ санки поѣхати; или слѣдующую: *Мѣси, мати, мучицу, пеки пироги, къ тебѣ будутъ гости ко мнѣ женихи.* Извините меня, что я рѣшился вамъ сдѣлать таковое замѣчаніе, и прошу оное не почесть за критику, а за желаніе большаго совершенства въ вашихъ сочиненіяхъ, которымъ я отдаю совершенную справедливость, вопреки господина Полевого" [395]).

Какъ *переводчикъ*, Погодинъ представилъ въ *Телескопѣ* свой переводъ *Ніобы* изъ Овидіевыхъ превращеній, съ посвященіемъ *А. П. Е.*, вѣроятно А. П. Елагиной, хотя и обѣщалъ посвятить оный своей confidente О. С. Аксаковой. И, наконецъ, какъ *критикъ*, Погодинъ написалъ сдержанную рецензію на книгу Берха *Царствованіе царя Алексѣя Михайловича* и накинулся на третій томъ *Исторіи Русскаго Народа* Николая Полеваго. Замѣчанія свои на этотъ томъ Погодинъ прислалъ въ *Телескопъ* при слѣдующемъ письмѣ: „Вы желаете", писалъ онъ, „чтобы я разобралъ третій томъ такъ называемой *Исторіи Русскаго Народа*. Правда, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* я обѣщалъ публикѣ представлять отчеты объ этомъ смѣшномъ произведеніи, но это была шутка. Мнѣ становится скучно заниматься такимъ вздоромъ и на досугѣ. Не совѣтую и вамъ упоминать о немъ въ вашемъ журналѣ. Ученые, образованные люди давно ужъ знаютъ птицу по полету, а толковать прочимъ какая польза? Впрочемъ, чтобы удовлетворить отчасти вашему желанію, я перелистовалъ книгу и отмѣтилъ кое-что карандашемъ. Посылая вамъ сіи отмѣтки, предоставляю ихъ въ полное ваше распоряженіе". Съ своей стороны Надеждинъ къ этому письму присовокупилъ: „Совершенно соглашаясь съ г. Погодинымъ, я не счелъ нужнымъ дополнять сіи замѣчанія и помѣщаю ихъ такъ, какъ они получены. Охотникамъ будетъ надъ чѣмъ позабавиться". *Замѣчанія* свои Погодинъ начинаетъ такъ: „Публика по двумъ первымъ томамъ этой Исторіи знаетъ уже, чего можно ожидать отъ слѣдующихъ; и такъ разбирать вновь вышедшій третій ученымъ образомъ—было бы излишне. И такъ уже преж-

ніе рецензенты получили отъ нашихъ литераторовъ нѣсколько упрековъ за то, что въ своихъ разборахъ употребляли часто тяжелую артиллерію тамъ, гдѣ довольно было мелкой дроби. Желая удовлетворить ихъ, рецензентъ въ третій томъ будетъ стрѣлять самою мелкою—*собственными словами автора*".

„У насъ", пишетъ Погодину Квитка, „по случаю медленнаго выхода *Исторіи* Полевого, различные толки: кто говоритъ, что онъ съ нею *паки* проторговался, какъ нѣкогда бывшимъ на его рукахъ товаромъ и намѣренъ себя объявить банкротомъ снова въ карманномъ, какъ онъ признанъ отъ всѣхъ банкротомъ въ умственномъ капиталѣ. Другой говоритъ, что онъ занятъ составленіемъ исторіи народовъ, бывшихъ до Потопа и скоро де объявитъ подписку, которая поддержитъ печатаніе Русской его Исторіи. Иной замѣчаетъ, что у Полеваго что-то неполадилось съ *Сѣверною Пчелою*. Иной отгадываетъ, что за смертію Нибура, онъ рыщетъ и ищетъ, кому бы переносвятить свое произведеніе, и не находя равнаго себѣ, рѣшается посвятить *себѣ*. А кто толкуетъ, что онъ хочетъ слѣдующіе томы Исторіи украсить картинами аллегорическими, напр., изъ басенъ Крылова: 1) Лягушка и волъ; 2) Орелъ и куры; 3) Слонъ и моська; 4) Обезьяна; 5) Синица. Да и мало ли что толкуютъ. Всѣхъ толковъ не оберешься" [396]).

Но и Николай Полевой, какъ сейчасъ увидимъ, не остался въ долгу у Погодина.

Съ 17 мая 1831 года, въ *Москвѣ* была открыта въ залахъ Благороднаго Собранія выставка Русскихъ издѣлій. На другой же день выставку посѣтилъ Погодинъ и видѣнное имъ произвело на него сильное впечатлѣніе, которое отразилось въ слѣдующей записи его *Дневника*: „Часто навертывались слезы. Еслибъ Петръ явился сюда на минуту". Съ выставки Погодинъ отправился дѣлиться своими впечатлѣніями съ Аксаковымъ, и у нихъ „въ жару", написалъ слѣдующую статью [397]): „Торжество промышленности—наслажденіе для всякаго гражданина, пламенѣющаго любовію къ своему отечеству! Здѣсь видитъ онъ произведенія русскихъ рукъ, отъ грубой пряжи до

тончайшихъ желѣзныхъ нитей, отъ толстой парусины до легкой шелковой ткани и драгоцѣнной парчи, отъ простаго земледѣльческаго орудія до годовыхъ часовъ и другихъ сложныхъ машинъ механическихъ,—все, что нужно человѣку для удовлетворенія нужды и роскоши, въ мануфактурномъ отношеніи. Удивительное явленіе! Европеецъ трудится цѣлые вѣка, напрягаетъ всѣ свои умственныя способности, призываетъ въ помощь науки и искусства, соображаетъ, выдумываетъ, изобрѣтаетъ; а у насъ безграмотный мужичекъ, съ глазу и голоса, приладясь и изловчась по-своему, съ благотворной дубинкой надъ спиной, перенимаетъ часто, какъ бы по вдохновенію, всякую заморскую хитрость, и становится чуть ли не рядомъ съ старшими своими братьями! Тѣ произведенія, которыя въ модныхъ магазинахъ выдавались намъ за иностранныя, здѣсь являются подъ скромною фирмою какого-нибудь Дмитровскаго или Шуйскаго купца, Московскаго мѣщанина, цѣховаго, крѣпостного человѣка. И въ какомъ видѣ? Въ такомъ, что въ самомъ дѣлѣ Франція, Англія, Германія, которыя считаютъ свое образованіе вѣками, не по нашему, не годами, вмѣнили бы себѣ въ особенную честь назвать своими.

Петръ! Петръ! что почувствовало бы отеческое твое сердце, если-бъ ты вдругъ какимъ-нибудь чудомъ явился теперь между нами! Еслибы ты увидѣлъ великолѣпныя, блистательныя, изящныя произведенія тѣхъ фабрикъ, на которыхъ ты первый, въ смуромъ кафтанѣ, въ тяжелыхъ бахилахъ недавно еще ковалъ молотомъ, строгалъ рубанкомъ, сверлилъ буравомъ, тесалъ топоромъ! Съ какимъ восторгомъ расцѣловалъ бы ты этихъ бородачей, которые заскорузлыми своими руками ихъ изготовили! Съ какими горячими слезами радости сказалъ бы ты: спасибо! предъ изображеніемъ своихъ преемниковъ, продолжающихъ идти по твоему пути! Съ какою гордостію выпилъ бы ты *второй* кубокъ за здоровье нашихъ учителей и сказалъ бы имъ: *знай нашихъ!*

Такъ на Полтавскомъ полѣ утверждена сила Русскаго оружія. Въ царствованіе Николая Русская промышленность всту-

паетъ въ благородное состязаніе съ Европейскою. Слава Государю, который державнымъ своимъ ободреніемъ воззвалъ наше купечество и дворянство къ подвигамъ на этомъ благородномъ поприщѣ. Честь и благодарность достойнымъ исполнителямъ его предначертаній, Министру Финансовъ и любимому Московскому Градоначальнику!

Но скоро ли, скоро ли, вслѣдъ за успѣхами Русскаго оружія и Русской промышленности—Русская наука и Русское искусство займутъ почетное мѣсто въ Европейскомъ храмѣ просвѣщенія? Учиться, учиться, учиться, юныя чада Россіи! Сюда, въ школы, въ гимназіи, въ университеты, и да устыдится робкая Европа, которая по какому-то нелѣпому предразсудку все еще боится, что новое варварство нахлынетъ на нее изъ нѣдръ нашего Отечества, и да покроется Русское имя новою, святѣйшею славою!" [398]).

Не довольствуясь своею статьею въ *Молвѣ*, Погодинъ прочелъ въ Университетѣ лекцію о выставкѣ и по собственному свидѣтельству „эффектно" [399]).

Въ то время, когда Погодинъ утопалъ въ восторгѣ и пребывалъ въ совершеннмъ самодовольствіи, Николай Полевой изъ своего *Московскаго Телеграфа* выпалилъ на него цѣлою бомбою. „Кто не согласится", писалъ онъ, „что нелѣпѣе, того, что̀ написалъ г. Погодинъ, нельзя написать?

Какъ? Въ произведеніяхъ Русской промышленности видѣть *работу безграмотныхъ мужиковъ*, которыхъ понукаютъ дубиною (вѣроятно, въ *спину*: не по головѣ же ихъ бить!) и притомъ называть эту дубину благотворною! Забывъ, что предметы, видѣнные нами на выставкѣ, суть плоды богатства просвѣщенія и образованности почтенныхъ нашихъ фабрикантовъ, заводчиковъ, художниковъ и ремесленниковъ; что въ числѣ производителей, участвовавшихъ въ выставкѣ, были первые вельможи, почтенные граждане, украшенные монаршими милостями, художники образованные и ученые, иностранцы, принесшіе къ намъ свои капиталы и досужество; что производители наши не щадятъ ни трудовъ, ни капиталовъ, участ-

ся, ѣздятъ въ чужіе края, вызываютъ къ себѣ иностранцевъ, выписываютъ снаряды, машины, совершенствуютъ ихъ; что они побуждаются въ семъ случаѣ благороднымъ соревнованіемъ противъ другихъ народовъ, пользами отечества, и вниманіемъ Монарха—забывъ или не понимая всего этого, видѣть въ производителяхъ *безграмотныхъ мужиковъ*, и въ плодахъ ума, капитала, трудовъ — *плоды дубины, поднятой надъ ихъ спиною!* Спрашиваю: что должно подумать о г. Погодинѣ? Неужели бороды, которыя, по дѣдовскому обычаю, сохранили нѣкоторые изъ производителей, неужели званіе мѣщанина, цехового, крестьянина, которое носятъ нѣкоторые изъ нихъ, не стыдясь сего, и зная, что всякое званіе почтенно, оправдывали дерзость сотрудника *Молвы?*

Далѣе: какъ смѣлъ г. Погодинъ представлять Петра Великаго въ смѣшной каррикатурѣ (хотя и не съ умысломъ—въ этомъ я согласенъ —а по неразумію)? Забывъ великія предпріятія Петровы касательно торговли, его мудрые коммерческіе законы и учрежденія, его пособія, ученыя и капитальныя, фабрикантамъ и заводчикамъ—помнить только то, что онъ ходилъ въ *смуромъ кафтанѣ* и *тяжелыхъ бахилахъ*, и что онъ иногда, изъ любопытства, самъ удостоивалъ заниматься фабричными и ремесленными работами? И что можетъ быть нелѣпѣе того, какъ воображать себѣ Петра въ *бахилахъ*, обнимающаго *бородачей*, съ руками *заскорузлыми*, пьющаго съ ними вино, говорящаго: *знай нашихъ!* Не значитъ-ли это не уважать достойно памяти великаго Монарха и оскорблять честь почтенныхъ вельможъ, гражданъ, художниковъ нашихъ, участвовавшихъ въ выставкѣ? Нѣтъ! Не такъ явился-бы на выставкѣ, не такъ-бы изъявилъ свое удовольствіе *намъ*, Русскимъ производителямъ, Петръ Великій, предъ которымъ всѣ мы предстали-бы благоговѣйно, съ радостными слезами, какъ предстаемъ предъ великимъ его послѣдователемъ, Монархомъ нашимъ!

Имѣвъ честь быть въ числѣ членовъ Комитета Выставки, по званію моему члена Московскаго Отдѣленія Мануфактур-

наго Совѣта, я былъ свидѣтелемъ того, какъ жестоко оскорбила всѣхъ участвовавшихъ въ выставкѣ и всѣхъ членовъ Комитета статья г. Погодина. Почтеннѣйшіе старцы изъ Московскихъ гражданъ просили меня тогда написать отвѣтъ г. Погодину и уличить его въ грубіянствѣ; но я совѣтовалъ отвѣчать ему презрѣніемъ“ [400]). По поводу этой „разбойничьей“, по выраженію Аксакова, статьи, Погодинъ писалъ Надеждину: „Вы хотите, чтобъ я самъ отвѣчалъ на кривыя толкованія *Телеграфа*. Благодарю за честь. По должности, издавая четыре года *Московскій Вѣстникъ*, я говорилъ иногда *ему* (а не съ нимъ), и очень радъ, что избавился отъ этой обязанности. На меня въ неудовольствіи, по его словамъ, члены комитета за одно выраженіе. Правда-ли это? Не сказано-ли это въ надеждѣ, что не будетъ апелляцій? А членамъ комитета я, разумѣется, почелъ-бы обязанностію отвѣчать обстоятельно и объяснить недоразумѣніе. Во всякомъ случаѣ прошу васъ (ибо мнѣ некогда), сказать нѣсколько словъ, кому нужно, что у меня рѣчь шла *о Петровой дубинкѣ*, съ которой генералъ фельдмаршалъ князь Меншиковъ былъ знакомъ наравнѣ съ послѣднимъ крестьяниномъ, о которой со слезами вспоминали первые люди государства. Еще и о ней даже я упоминалъ только въ отношеніи къ Русскому мужичку, т.-е. послѣднему рабочему на фабрикѣ. Я увѣренъ, что литературное любое jury оправдаетъ мое выраженіе въ этомъ смыслѣ и утвердитъ, что въ моемъ отрывкѣ нѣтъ ни одного слова, которое не выражало бы глубочайшаго уваженія къ славнымъ подвигамъ Русскихъ фабрикантовъ. Во всемъ же другомъ прошу васъ убѣдительно не защищать меня, не прибѣгать не только къ исторіи, но и къ риторикѣ“ [401]).

Въ тоже время Фроловъ писалъ Погодину, жившему тогда въ деревнѣ: „Прихожу къ О. С. Аксаковой, застаю, что она занимается корреспонденціею съ нашимъ почтеннымъ отцомъ Михаиломъ. Какъ же при сей вѣрной оказіи не побесѣдовать и мнѣ съ другомъ своимъ, раздѣленнымъ со мною пространствомъ 60 верстъ. Полевой издалъ третій томъ своей *Исторіи*,

гдѣ, между, прочимъ глаголетъ: „Если уже пришло время народу изъявить свой образъ мыслей, то никакая сила не можетъ ему въ томъ воспрепятствовать". Тотъ же Полевой изъ вашей статьи о выставкѣ взявъ выраженье *подъ благотворнымъ вліяніемъ дубинки, Русскіе мужички со заскорузлыми руками и пр.,* составилъ изъ нихъ карикатурное изображеніе Петра Великаго. Цвѣтаевъ пропустилъ: когда Полевой такъ *уемчивъ,* то, право, ему не сдобровать"...

XXXVIII.

Въ 1831 году вышло въ свѣтъ изданіе, предпринятое Погодинымъ и Каразинымъ подъ слѣдующимъ громкимъ заглавіемъ: *Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечествія, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая* (М. 1831. Въ двухъ книгахъ). Предисловіе къ этой книгѣ собирался писать Каразинъ, но воздержался. Изъ письма его къ Погодину мы узнаемъ причину этого воздержанія. „Любя васъ", писалъ онъ, „до того, что было время, когда я желалъ, чтобы вы принадлежали къ нашему семейству, какъ не пожалѣть, что вы *совершенно* молчите. Г. Лонгиновъ, съ которымъ я въ разладѣ, подобно, какъ съ большее частію придворныхъ, начиная съ Голицына, напоминаетъ мнѣ, довольно хитро, что въ 1820 году запрещено было мнѣ издавать акты Филотехническаго Общества; слѣдовательно, чортъ съ ними! Они хотятъ насильно подвести меня подъ какую-нибудь статью уложенія. Видно, мое *предисловіе* (къ Статистикѣ Кирилова) должно оставить для благопріятнѣйшаго времени! Почему, съ Богомъ оканчивайте начатое изданіе сами" [402]). Такимъ образомъ, Погодину пришлось писать предисловіе къ *Статистикѣ* Кирилова и онъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „Жалѣю, что не могъ издать (предлагаемое сочиненіе) съ подлинника, истлѣвающаго въ какомъ нибудь архивѣ, а долженъ былъ ограни-

читься однимъ спискомъ. Нѣкоторые, читатели можетъ быть, упрекнутъ меня за это; въ оправданіе свое скажу имъ, что я не хотѣлъ входить ни въ какія сношенія и переписки для отысканія подлинника, зная, сколько много времени бываетъ потребно на это, по опыту, съ своимъ переводомъ Славянской Грамматики Добровскаго, который, не смотря на многія благопріятныя обстоятельства, нѣсколько лѣтъ скитался по мытарствамъ".

По выходѣ изъ печати книги, Погодинъ былъ озабоченъ разсылкою экземпляровъ ея къ сильнымъ міра сего. Прежде всего онъ отправилъ четыре экземпляра Пушкину при слѣдующемъ письмѣ. „Посылаю вамъ четыре экземпляра старой *Статистики*: два золотые, попросите Жуковскаго, или кого слѣдуетъ по командѣ, представить оффиціально великимъ князьямъ Александру и Константину: эта книга для нихъ нужна. Я самъ не пишу Жуковскому, и вотъ почему: третьяго года я написалъ къ нему письмо сердечное, по дѣлу Арцыбашевскому, и не получилъ ни строки въ отвѣтъ. Это меня такъ огорчило, что до сихъ поръ не поднимается рука писать къ нему, хотя я люблю и уважаю его по прежнему. Объясните и это, если хотите" [403]). На это Пушкинъ отвѣчалъ: „Сердечно благодарю васъ за письмо и за старую *Статистику*. Я получилъ всѣ экземпляры вчера изъ Петербурга и не знаю какъ доставить экземпляры, слѣдуемые Великимъ Князьямъ и Жуковскому. Вы знаете, что у насъ холера; Царское Село оцѣплено, оно будетъ, вѣроятно, убѣжищемъ Царскому семейству. Въ такомъ случаѣ Жуковскій будетъ сюда и я дождусь его, чтобы вручить ему вашу посылку. Напрасно сердитесь вы на него за его молчаніе. Онъ самый неакуратный корреспондентъ, и ни съ кѣмъ не въ перепискѣ. Могу васъ увѣрить, что онъ искренно васъ уважаетъ". Погодину желалось также поднесть свое изданіе и Императрицѣ. По поводу этого Веневитиновъ писалъ ему: „Съ самаго появленія холеры въ Петербургѣ, я не оставляю Царское Село. Я часто здѣсь вижу Жуковскаго и Пушкина. Первый сказалъ мнѣ написать тебѣ,

что касательно поднесенія Статистики Государынѣ, тебѣ напередъ надобно написать письмо къ ея секретарю И. П. Шамбо, увѣдомивъ его, Жуковскаго, объ этомъ и тогда онъ уже съ своей стороны будетъ стараться объ окончаніи дѣла. Теперь же ему приступить не ловко, ибо помянутый Шамбо могъ бы обидѣться и дѣло капутъ". О томъ же писалъ ему и Пушкинъ: „Любезный и почтенный, не имѣю времени отвѣчать вамъ на ваше письмо. Увѣдомляю васъ только, что порученіе ваше, касательно *Статистики* Петра, исполнено; Жуковскій получилъ экземпляръ для Великаго Князя и для себя; экземпляромъ, слѣдующимъ Великому Князю Константину, расположилъ онъ иначе. Жуковскій представитъ его Императрицѣ. Напишите, сдѣлайте милость, оффиціальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо: „*Осмѣливаюсь повергнуть къ ногамъ Ея Величества такую-то замѣчательную книгу*" и проч. и доставьте письмо мнѣ... У Бенкендорфа былъ я для васъ же, но не засталъ его дома; онъ въ Царскомъ Селѣ остается, слѣдственно на-дняхъ буду съ нимъ толковать. Покамѣсть обнимаю васъ" [404]).

Исполняя совѣтъ Пушкина, Погодинъ написалъ Шамбо; но при этомъ у него явилось сомнѣніе, о которомъ онъ писалъ Пушкину: „Прилично ли представлять Статистику Государынѣ? На что ей? Впрочемъ, буди по вашему" [405]). Но сомнѣніе это разрѣшилось для Погодина самымъ благопріятнымъ образомъ, слѣдующими утѣшительными строками Шамбо: „Государыня Императрица, удостоивъ принятія поднесенную вами книгу, соизволила пожаловать *бриллiантовый перстень*" [406]). По поводу этой милости Погодинъ весьма сухо записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Получилъ перстень отъ Императрицы. Не хочется отвѣчать Шамбо". Затѣмъ Погодинъ послалъ свое изданіе министрамъ: Блудову, Закревскому, Канкрину и Дашкову. Изъ нихъ одинъ только Блудовъ не удостоилъ издателя благодарственнымъ письмомъ и это замѣчено. „Думалъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „о своихъ трагедіяхъ, по двадцати тысячъ рублей получу отъ Государя. Не будетъ ли мѣшать

Блудовъ, который *не* отвѣчаетъ за *Статистику*". Экземпляръ, назначенный князю Д. В. Голицыну, Погодинъ повезъ самъ; но при этомъ сдѣлалъ странную запись въ своемъ *Дневникѣ*: „Отвезъ Статистику для Князя, а на глаза лѣзть къ нему не хочется" [407]). Погодинъ счелъ также не лишнимъ отправить свое изданіе и къ Булгарину и къ Гречу, которому писалъ: „Посылаю вамъ изданное мною Статистическое описаніе Россіи временъ Петра Великаго. Прошу принять оное въ знакъ благодарности за доставленіе ко мнѣ *Пчелы* и *Сына Отечества* на нынѣшній годъ. Другой экземпляръ прошу доставить къ г. Булгарину. Давно уже послалъ я къ вамъ, въ редакцію *Пчелы*, статейку объ одномъ ученомъ конкурсѣ, подъ именемъ *М. Петрова*, но не видалъ ее въ *Пчелѣ*. Если вы не хотите напечатать въ *Пчелѣ*, сдѣлайте одолженіе препроводите отъ неизвѣстнаго въ *Литературную Газету*, замаравъ подпись и поставивъ вмѣсто оной NN.—Если статейка уничтожена, то увѣдомьте меня хоть одною строкою, дабы я могъ написать вновь и отослать въ *Литературную Газету*, ибо мнѣ хочется пустить этотъ намекъ въ оборотъ. Адресъ мой: въ сельцо Сѣрково, куда я отъ суетъ мірскихъ укрываюсь".

Между тѣмъ въ Литературѣ появились неблагопріятные отзывы объ этомъ изданіи Погодина. Пылая злобою къ издателю, *Московскій Телеграфъ* началъ свою критику такими словами: „Невѣжество, хвастовство и шарлатанство вездѣ презрительны. Но въ литературѣ—они вовсе нестерпимы, еще болѣе въ ученой литературѣ". Далѣе мы читаемъ. „Довольно странно было намъ читать великолѣпный зазывъ, когда всѣ *большія издержки* на напечатаніе книги не могли простираться болѣе трехъ тысячъ рублей! Это бы еще ничего: всякій воленъ назначать цѣну своей книгѣ. Еслибы издатели пріобрѣли на книгѣ Кирилова большіе барыши, тѣмъ для нихъ лучше! Но вотъ что было непростительно: они хранили глубокое молчаніе о томъ, что книга Кирилова была давно напечатана, и выдавали ее за *древнее статистическое сочиненіе*, за *новость, ими отысканную!!* Это было непростительно!

Книга теперь выдана. Г-нъ Погодинъ уже одинъ объявляетъ себя *издателемъ*, объясняя, что г-нъ Каразинъ отказался отъ участія. Извиняясь въ нѣкоторыхъ маленькихъ неисправностяхъ книги, г-нъ Погодинъ сказываетъ, что для исправленія ихъ онъ „не хотѣлъ входить ни въ какія сношенія и переписки“, зная безполезность сего по опыту съ переводомъ Славянской Грамматики Добровскаго, *который* (*Добровскій?!* Но такъ выходитъ изъ словъ г-на Погодина!) *скитался по мытарствамъ!!* Обѣщая изданіе многихъ другихъ рѣдкостей, г. Погодинъ расхваливаетъ книгу Кирилова, опять увѣряетъ, что она „*даетъ намъ право предъ всѣми Европейскими государствама гордиться древнѣйшею обстоятельною статистикою*. Это становится нестерпимо! 1) Какъ не сказать, что книга Кирилова уже тридцать четыре года тому напечатана? Возьмите XVIII томъ *Дополненій къ дѣяніямъ Петра Великаго*, изданный въ Москвѣ въ 1797 году, и „*содержащій въ себѣ состояніе Россіи, въ каковомъ сей Великій Государь оставилъ ее по себѣ*“. Въ семъ томѣ на 572 страницахъ, почтенный И. И. Голиковъ цѣликомъ помѣстилъ всѣ свѣдѣнія, какія находятся въ книгѣ Кирилова; г. Погодинъ не можетъ запереться: онъ *долженъ былъ знать*, и, конечно, *зналъ* это, ибо Голиковъ именно говоритъ о книгѣ Кирилова на 483-й стр., и малѣйшее сличеніе XVIII тома *Дополненій* съ книгою Кирилова можетъ убѣдить, что Кирилова списалъ Голиковъ, и въ этомъ, какъ мы сказали, онъ и не запирался. Какъ же г. Погодинъ выдаетъ намъ *старину за новость* и *давно извѣстное* за *неизвѣстное?...* „Нечисто, князь!“ 2) Подъ объявленіемъ о книгѣ г. Погодинъ именуетъ себя *профессоромъ Исторіи, корреспондентомъ Академіи*. Имѣя столь почтенныя званія, уже-ли не знаетъ онъ, что такое *Статистика*? И въ какихъ *бахилахъ* воображаетъ онъ своихъ читателей, говоря, что послѣ книги Кирилова, мы имѣемъ „право *гордиться предъ всѣми Европейскими государствами древнѣйшею Статистикою*? Ему надобно было знать, что только съ половины XVIII вѣка образовалась систематическая наука

Статистики въ Европѣ. Книга Кирилова есть простая приказная роспись всякихъ предметовъ, выбранная изъ реестровъ и вѣдомостей, присланныхъ въ Сенатъ. Самъ Кириловъ признается въ предисловіи, что и въ семъ отношеніи многое у него недостаточно и не полно; системы у Кирилова не ищите, и о Статистикѣ не думайте. Для чего же заставляетъ насъ *гордиться* г. Погодинъ? Гордиться ничѣмъ не должно, тѣмъ болѣе, если и нечѣмъ. Если же г. Погодину росписи Кирилова о городахъ, доходахъ, войскахъ, чиновникахъ, числѣ жителей показались *Статистикою*, то—намъ совѣстно за профессора Исторіи! Неужели *росписи Кирилова* считаетъ онъ *древнѣйшими* въ Европѣ? Неужели онъ не знаетъ, что еще при Вильгельмѣ Завоевателѣ составлены были подобныя росписи въ Англіи; что съ начала XVII вѣка во Франціи, Италіи, Германіи ведены были такія подробныя записки? А наши старинныя Русскія *Писцовыя книги*, за сто лѣтъ до Кирилова писанныя, и уцѣлѣвшія до-нынѣ (начало ихъ относится къ XV столѣтію). Воля ваша: если *квасной патріотизмъ* былъ причиною требованій г. Погодина на *статистическую гордость*, то, право, этотъ квасной патріотизмъ самое нелѣпое дѣло, ибо заставляетъ говорить несообразности! 3) Но совсѣмъ не почитая книги Кирилова *Статистикою*, и еще менѣе *древнѣйшею въ Европѣ*, мы отнюдь не думаемъ и унижать достоинства сего сочиненія. Хотя это и *не Статистика*, но она весьма полезна можетъ быть для изображенія Россіи въ началѣ XVIII вѣка, еще же болѣе она любопытна по многому. Это собственно *матеріалъ*, и матеріалъ *весьма хорошій*, для историка, географа, статистика и нравоописателя Россіи. Но издавая сей матеріалъ, г. Погодинъ поступилъ въ *ученомъ* отношеніи истинно варварски! Во-первыхъ, онъ положилъ дорогую цѣну за книгу, а напечаталъ ее на сѣрой плохой бумагѣ, въ уродливую четверть листа, и завернулъ въ плохую бумажку. Далѣе — неужели ему неизвѣстно, какъ издаются подобныя книги учеными людьми? Необходимы при нихъ бываютъ *введенія*, *примѣчанія*, *поясненія* и

дополненія. Даже Голиковъ, человѣкъ вовсе неученый, понималъ это, и обогатилъ книгу Кирилова многимъ отъ себя. *Скитаніемъ Грамматики Добровскаго по мытарствамъ*, г. Погодинъ не оправдается въ небрежности, съ какою издалъ онъ теперь трудъ Кирилова. Даже *реестровъ*, даже *алфавитовъ* не приложено имъ ни одного, такъ что ничего не отыщете въ книгѣ, пока сами не переберете ее по листочку, и не составите для себя замѣтокъ. И тутъ мѣшаетъ всякому соображенію совершенное отсутствіе системы въ расположеніи книги. Что же сказать послѣ всего этого читателямъ? Книга Кирилова есть *собраніе приказныхъ росписей о городахъ и областяхъ Россіи въ 1727 году*, съ общимъ исчисленіемъ чиновъ, войска, съ приложеніемъ нѣсколькихъ таблицъ. Все это *было уже напечатано въ лучшемъ видѣ* Голиковымъ въ XVIII-мъ томѣ *Дополненій* къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Нынѣшнее *изданіе г. Погодина весьма плохо*, и походитъ на изданіе сказокъ о Бовѣ Королевичѣ, хотя за три года было оно возвѣщено громкимъ объявленіемъ" [408]). По поводу этой критики въ *Молвѣ* появилась *Журнальная отмѣтка*, въ которой читаемъ: „Для людей, не знающихъ настоящаго существа дѣла, скучно читать возраженія г. Полевому, а для знающихъ —отвратительно... Скажемъ, что все написанное Полевымъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* о книгѣ *Цвѣтущее состояніе Россійскаго Государства*—неправда" [409]).

Но несмотря на эту *Журнальную отмѣтку*, критика Полеваго произвела свое дѣйствіе и отразилась весьма невыгодно на издателѣ.

Въ іюнѣ 1831 года Погодинъ обратился къ Министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбою поднести Государю Императору экземпляръ изданной имъ *Статистики* Петровскаго времени. Когда просьба Погодина была получена въ Министерствѣ, Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія обратился къ нему съ слѣдующимъ офиціальнымъ запросомъ: „При письмѣ отъ 5 сего іюня вы представили господину Министру Народнаго Просвѣщенія экземпляръ изданнаго вами Статистиче-

скаго описанія Россіи временъ Петра Великаго и просили представить оный Его Императорскому Величеству. Его свѣтлость зная изъ дѣлъ Департамента, что рукопись сказаннаго сочиненія принадлежитъ г. Каразину, который только согласился съ вами и съ книгопродавцемъ Ширяевымъ издать оную, поручилъ мнѣ просить васъ объ увѣдомленіи: не будетъ ли со стороны Каразина препятствія къ поднесенію Государю Императору экземпляра сей книги отъ имени вашего? на что однакоже нуженъ письменный его, г. Каразина, отзывъ". На запросъ этотъ Погодинъ отвѣчалъ: „въ предисловіи къ *Статистикѣ* Кириллова я объяснилъ, какое право имѣю я на титло ея издателя. Мнѣ было очень щекотливо спрашивать у г. Каразина письменнаго отзыва, однакоже, по требованію вашему, я долженъ былъ это сдѣлать; и вотъ письмо которое я отъ него получилъ".

Между тѣмъ, по заведенному порядку, изданіе Погодина, прежде представленія онаго Государю, было препровождено Министромъ въ Академію Наукъ на разсмотрѣніе, и отзывъ Академіи объ этой книгѣ не противорѣчилъ отзыву о ней *Московскаго Телеграфа:* „Книга", читаемъ въ этомъ отзывѣ, „подъ названіемъ: *Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго Государства*, сочинена около 1727 года тогдашнимъ оберъ-секретаремъ Правительствующаго Сената статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ и до сего времени существовала только въ рукописи. Она содержитъ множество статистическихъ свѣдѣній о тогдашнемъ состояніи различныхъ областей Россійской Имперіи; нѣкоторыя изъ сихъ показаній достойны быть сохранены для потомства, но многія другія могли бы безъ ущерба для Исторіи и Статистики быть преданы забвенію. Г. Погодинъ, объявляющій себя издателемъ во второй только части, напечаталъ сіе сочиненіе не по подлинной рукописи, но по ошибочному, какъ онъ самъ сознается, списку, въ которомъ не согласуются между собою многія числительныя показанія. Еслибы онъ взялъ на себя трудъ извлечь замѣчательнѣйшее изъ сего хаоса разнообразныхъ свѣдѣній и представить ихъ въ легко обозри-

момъ видѣ, а въ тоже время пояснить нынѣ уже вышедшія изъ употребленія и неразумительныя названія и учрежденія, то оказалъ бы тѣмъ истинную услугу публикѣ. Но отпечатать недостовѣрную рукопись въ томъ видѣ, какъ она найдена, безъ малѣйшаго труда со стороны издателя, кажется слишкомъ маловажною заслугою, чтобы удостоиться Высочайшаго воззрѣнія". На основаніи этого отзыва Академіи, на просьбу Погодина князь К. А. Ливенъ отвѣчалъ: „Получа отъ Академіи Наукъ заключеніе о достоинствѣ вашего изданія, честь имѣю изъяснить, что по изложеннымъ въ мнѣніи Академіи причинамъ, я не могу удовлетворить вашему желанію. Возвращая при семъ экземпляръ сказанной книги, назначенный отъ васъ для поднесенія Государю Императору, и принося благодарность за тотъ, который вамъ угодно было доставить собственно для меня, честь имѣю быть" и пр. Получивъ этотъ нерадостный отвѣтъ, Погодинъ, вѣроятно для собственнаго утѣшенія, напечаталъ въ *Телескопѣ* слѣдующее весьма дѣльное объясненіе: „Въ нашей литературѣ", писалъ онъ, „нельзя кажется, сдѣлать никакого дѣла, котораго бы неблагонамѣренные или только что несвѣдущіе люди не растолковали въ худую сторону. Такъ случилось и съ изданіемъ *Статистики* временъ Петра Великаго. Почитаю за нужное объясниться предъ тѣми, кому о томъ вѣдать надлежитъ.

Это сочиненіе составлено оберъ-секретаремъ Кириловымъ, однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени, изъ оффиціальныхъ документовъ. Оно кончено около 1727 г., но начато, разумѣется, гораздо прежде для представленія Петру Великому. Говорятъ иные, что многія показанія въ этомъ сочиненіи могли безъ ущерба для Исторіи и Статистики быть преданы забвенію. Нѣтъ: изъ него нельзя и не должно выпускать ничего; здѣсь важно всякое слово, показывая, что умные люди того времени считали важнымъ и на что обращали вниманіе. Если исключить изъ сего сочиненія разныя мѣста, то оно исказится и сдѣлается новымъ сочиненіемъ, и слѣдовательно потеряетъ историческое свое достоинство, свою физіо-

номію и свой характеръ. Изъ лѣтописи не исключаютъ, напримѣръ, самыхъ пустыхъ и нелѣпыхъ мѣстъ; а развѣ *Статистика* Кирилова не принадлежитъ къ числу историческихъ матеріаловъ?

Я издалъ по ошибочному списку. Но я объяснилъ въ предисловіи, почему не могъ издать съ подлинника. Я самъ сказалъ объ этихъ ошибкахъ, которыхъ, разумѣется, другой не такъ легко бы могъ отыскать. Притомъ сіи ошибки не важны и малочисленны и не отнимаютъ главнаго достоинства у сочиненія. И еще вопросъ: почему никто не позаботился въ теченіи ста лѣтъ напечатать съ подлинника? или еще легче, почему не свѣрятъ теперь моего изданія съ подлинникомъ? Исправленныя ошибки помѣстились бы на поллистѣ, и книга получила бы совершенный видъ. Другіе говорятъ: Зачѣмъ я не сдѣлалъ извлеченіе изъ этой книги? Но это можетъ быть предметомъ особливаго новаго сочиненія. Извлеченія можетъ дѣлать теперь политикъ, историкъ, статистикъ, географъ, топографъ и проч. Извлеченія каждаго будутъ различныя, смотря по предмету его занятій. Почему я не объяснилъ нѣкоторыхъ темныхъ названій? Но въ книгѣ почти нѣтъ темныхъ названій для Русскихъ, знающихъ языкъ свой—а объяснить дватри слова я не хотѣлъ, чтобы не пестрить сочиненія такими маловажными объясненіями.

Мнѣ говорятъ, что это трудъ маловажный. Но развѣ я почитаю его важнымъ? Я не подписалъ бы подъ нимъ своего имени, такъ мало я самъ цѣню его, если бы не нужно было объясниться предъ публикою, почему издана книга такъ, а не иначе. Но не должно смѣшивать изданія съ сочиненіемъ: изданіе маловажно, но важно сочиненіе.

Не думалъ также я говорить, чтобы я отыскалъ рукопись. Одни ослѣпленные клеветники могутъ сказать это: ибо въ первой строкѣ предисловія у меня сказано, что рукопись принадлежала Голикову, отъ Голикова досталась г. Каразину, отъ г. Каразина получена мной для изданія.

У Голикова напечатаны были только выписки изъ этого

сочиненія, болѣе или менѣе, полныя, перемѣшанныя съ собственными объясненіями автора и выписками изъ другихъ сочиненій, которыя имѣетъ г. Каразинъ.

Узнавъ въ 1829 году, какія историческія драгоцѣнности находятся у сего почтеннаго любителя и собирателя Русскихъ Древностей, получившаго въ наслѣдство библіотеку Голикова, я съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ его предложеніе печатать ихъ, по его плану, начавъ съ Кирилова, лишь бы скорѣе ихъ обнародовать и принести тѣмъ пользу всѣмъ занимающимся исторіею. Другихъ видовъ не могло быть, ибо охотниковъ до такихъ книгъ у насъ еще немного и въ продолженіе года на *Статистику* Кирилова явилось чуть ли не пять только подписчиковъ. А меня теперь упрекаютъ за толстую бумагу, дурную обертку, за квасной патріотизмъ, за другое, за третье, и взводятъ небылицы!... Простите слабости: мнѣ было это очень прискорбно!"...

Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ *Статистики* Кирилова, Погодинъ предлагалъ Ширяеву купить у него какое-то изданіе дешевою цѣною и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, но Ширяевъ на это предложеніе отвѣчалъ ему: „Не имѣю денегъ, милостивый государь Михаилъ Петровичъ, и не могу купить. Страдаю отъ напечатанія книгъ, подобныхъ *Статистикѣ* Кирилова" [410]).

XXXIX.

Въ описываемое нами время не везло Погодину и въ Университетѣ. Многіе и при томъ вліятельные члены Университета сдѣлались его непримиримыми врагами. „Въ Совѣтѣ университетскомъ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „гадко смотрѣть на эту дрянь" [411]). Кубаревъ сообщилъ Погодину, что „Каченовскій расхаживаетъ по бульвару и всякому встрѣшнему и поперешнему ругаетъ тебя, потомъ меня, потомъ Надеждина" [412]). Снегиревъ также питалъ къ Погодину лютую злобу и старался мстить ему разными путями. Ширяевъ

указалъ Погодину, что въ газетахъ напечатана проповѣдь XVIII-го столѣтія Амвросія, которую можно было примѣнить совершенно къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Эту проповѣдь напечаталъ Снегиревъ и, по замѣчанію Погодина, „съ подлою выноскою, вѣроятно, на меня и Двигубскаго. Негодяй! Самъ падаетъ въ яму“ [413]).

И дѣйствительно, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1831 года Снегиревъ напечаталъ: *Новые матеріалы для Исторіи Россіи во второй четверти XVIII вѣка.* „Разсматривая проповѣдниковъ нашихъ XVIII вѣка“, пишетъ онъ въ предисловіи, „Ѳеофана Прокоповича, Гавріила Бужинскаго, Дмитрія Сѣченова, Арсенія Могилеанскаго, Кирилла Флоринскаго и Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, мы увѣряемся, что ихъ *Слова* могутъ быть важными матеріалами для прагматической Исторіи Россіи, какъ зерцало духа времени и правленія. Въ доказательство сему ограничимся однимъ замѣчательнымъ мѣстомъ, изображающимъ картину предшествовавшаго императрицѣ Елисаветѣ царствованія, изъ слова, произнесеннаго Амвросіемъ (Юшкевичемъ) 1741 года 18 декабря, въ С.-Петербургской Придворной церкви, въ день рожденія Императрицы“. Замѣтимъ кстати, что Амвросій, архіепископъ Новгородскій, короновалъ императрицу Елисавету на царство и въ томъ же 1742 году, вмѣстѣ съ Арсеніемъ Мацѣевичемъ, представилъ Императрицѣ докладъ о высшемъ церковномъ управленіи, въ которомъ между прочимъ сказано: „Оберъ-прокурору и генералъ-прокурору, какъ и Экономіи Коллегіи нечего въ Сѵнодѣ дѣлать: понеже и то за нужду дѣлается, что здѣсь мірскіе оберъ-секретари и секретари. По настоящему бы церковному порядку надлежало и тѣмъ быть духовнымъ лицамъ, іеромонахамъ или монахамъ. Понеже здѣсь не иная дѣла судятся и производятся, только поповстіи и причетничестіи да монашестіи; судятся такожде браки законный и незаконный, падежи совѣсти. О таковыхъ что тутъ смотрѣть или разбирать оберъ-прокурору или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей посвященія или не имѣющей власти

рѣшать и вязать?...“ Въ вышеупомянутомъ *Словѣ* Амвросій между прочимъ сказалъ: „...Враги наши, которые, подъ видомъ будто вѣрности, Отечество наше разоряли. Вопервыхъ, на благочестіе и Вѣру нашу Православную наступили; но такимъ образомъ и протекстомъ, будто они не Вѣру, но непотребное и весьма вредительное Христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! спроси жъ, за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему годный!... Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ: *О Боже, какъ то нещастлива Россія въ томъ, что людей ученыхъ не имѣетъ, и ученія завесть не можетъ.* Не знающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства, думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ Русскихъ искусный, напримѣръ, художникъ, инженеръ, архитекторъ, или солдатъ старый, а наипаче, ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго, тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому нибудь привязать, подъ интересъ подвесть, и такимъ образомъ, или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому умереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитекторъ, что онъ ученикъ Петра Великаго“. Къ этому мѣсту *Слова*, Снегиревъ сдѣлалъ нижеслѣдующую выноску, которую Погодинъ принялъ на свой счетъ: „Недавно завелся къ нещастію высшій патріотизмъ, который не состоитъ въ ободреніи и подкрѣпленіи отечественныхъ дарованій и трудовъ подобно прежнему, низшему, но въ порицаніи и охужденіи, въ такихъ требованіяхъ, какихъ и сами требователи исполнить не могутъ. Послѣдній патріотизмъ хранилъ коренное и производилъ великихъ мужей, а первый все хочетъ старое подъ корень вонъ и вмѣсто его насадить эгоизмъ и замѣстить дерзкими поборниками новизны, истребить отцевъ

дѣтьми. Сохрани Боже Россію отъ такого истребительнаго патріотизма, противъ коего вооружается проповѣдникъ!“ Самъ же Снегиревъ писалъ Анастасевичу: „Отрывокъ политическій взятъ изъ проповѣди, которая Петромъ III была запрещена; а Екатериною II разрѣшена; она рѣдка и рѣзка по правдѣ и стоитъ распространенія... Пусть ее прочтутъ прямо Русскіе; я желалъ бы, чтобы Царь ее прочелъ“ [414]).

Почитая память своего наставника Мерзлякова, Погодинъ вошелъ въ Совѣтъ съ просьбою о дозволеніи ему, „какъ благодарному ученику“ Мерзлякова, написать похвальное ему слово, для произнесенія на актѣ. Когда въ Совѣтѣ была заявлена эта просьба, то по свидѣтельству Погодина, Каченовскій, задыхаясь отъ злобы, сказалъ: *да это не наше дѣло, да къ чему это, это не стоитъ труда говорить объ этомъ, употреблять на это минуту, какъ могутъ занимать мое вниманіе.* И ни одного голоса почти не раздалось въ подкрѣпленіе мнѣ. Я сказалъ Двигубскому, что я напечатаю съ замѣчаніемъ. Другимъ: *Нѣкоторые не надѣются услышать себѣ добраго слова ни при жизни, ни послѣ смерти.* Кровь взволновалась. П......!“ Какъ бы то ни было, Совѣтъ Университетскій опредѣлилъ увѣдомить Погодина, „что предметы сочиненій, читаемыхъ на торжественныхъ актахъ Университета, опредѣлены § 57 Устава; притомъ господинъ ректоръ Университета, какъ предсѣдатель Общества любителей Россійской словесности, объявилъ, что о заслугахъ въ Словесности господина Мерзлякова будетъ прочтено въ семъ Обществѣ“. Будучи какъ-то на вечерѣ у Перевощикова, Погодинъ толковалъ объ Университетѣ, „подлостяхъ“ Давыдова, котораго даже Двигубскій стыдится слушать льстящаго Голохвастову“; но всю эту горечь гости Перевощикова запили *донскимъ*“ [415]). Кстати замѣтимъ, что Перевощиковъ въ это время получилъ перстень за свою *Астрономію* и О. С. Аксакова была возмущена тѣмъ, что астрономъ нашъ награжденъ „наравнѣ съ *Выжигинымъ*“ [416]).

Къ тому же и высшее начальство было въ это время не очень расположено къ Погодину. Князь Ю. И. Трубецкой,

при прощаніи, намекнулъ Погодину что князь С. М. Голицынъ невыгоднаго мнѣнія объ его образѣ мыслей. „Слѣдовательно“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „*не* Блудовъ виноватъ“. Все это дѣйствовало на него самымъ удручающимъ образомъ и рождало въ немъ подозрѣніе. „Не строятъ ли“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „еще какихъ нибудь кововъ противъ меня? О, еслибы поскорѣе попасть въ мой уголокъ и погрузиться въ Исторію. Вчера какъ послушалъ я два часа бабьи сплетни въ Совѣтѣ, какъ посмотрѣлъ на эти пустыя лица, какъ отвратительно мнѣ стало это все. Скорѣй, скорѣй забыть ихъ. Женитьба останавливаетъ меня. Одному жить скучно, а не убѣжденъ внутренно, что нужно жениться“ [417]).

Въ это время и между студентами Погодинъ не пользовался особеннытъ расположеніемъ. По крайней мѣрѣ вотъ что свидѣтельствуетъ о немъ преданный ему человѣкъ К. С. Аксаковъ: „Богъ знаетъ, какъ умѣлъ Погодинъ, при столькихъ своихъ достоинствахъ, возстановить противъ себя почти всѣхъ. Нападенія на него часто были несправедливы, но всѣ же довольно дружно на него возставали. Мнѣ кажется, что главная причина — неумѣнье обращаться съ людьми. Я помню, что и намъ однажды съ каѳедры сказалъ онъ, что мы мальчики или что-то въ этомъ родѣ,—аудиторія наша не вспыхнула, не зашумѣла на сей разъ, но слова эти оставили глубокій слѣдъ негодованія“ [418]). Еще строже отнесся къ Погодину, какъ къ профессору, другой его ученикъ, нашъ знаменитый писатель И. А. Гончаровъ: „М. П. Погодинъ“, пишетъ онъ, „читалъ намъ Всеобщую Исторію и Статистику. Онъ читалъ по Герену скучно, безцвѣтно, монотонно и невнятно, но былъ очень щекотливъ, когда замѣчалъ въ комъ нибудь невниманіе къ себѣ. Чуть кто нибудь изъ слушателей шепнетъ сосѣду слово, спроситъ, который часъ, онъ—Богъ его знаетъ какъ—непремѣнно поймаетъ и обратится съ вопросомъ: „господинъ такой-то! позвольте спросить, какое я послѣднее слово сейчасъ сказалъ?“—„Вы изволили говорить о томъ“, начинаетъ тотъ заискивающимъ голосомъ, „какъ Валленштейнъ

двинулся съ войскомъ“...—„Нѣтъ, одно послѣднее слово скажите!“ Тотъ, конечно, молчалъ, потому что не слыхалъ этого слова, и Погодинъ продолжалъ читать. Этого рода выговоры были среди скучной лекціи маленькимъ развлеченіемъ для всѣхъ — посмотрѣть въ лицо сконфуженнаго товарища... Съ нами онъ былъ и педантически условно ласковъ, и педантически требователенъ“. Но тѣмъ не менѣе И. А. Гончаровъ признаетъ, что Погодинъ вмѣстѣ съ Каченевскимъ, Давыдовымъ и Надеждинымъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе и образованіе студентовъ [419]). Разъ какъ-то Погодинъ зашелъ въ студенческій спектакль и нашелъ: „грубо и жалко“. Въ то же время до него дошелъ слухъ, что есть шпіоны между студентами, и поэтому поводу Погодинъ писалъ: „Прошу читать. Всякій зложелатель можетъ сдѣлать вредъ“ [420]). Скорбя о не порядкахъ въ Университетѣ, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Государь, какъ отецъ, въ своей доброй Москвѣ, между дѣтьми; лишь дѣла нашего Университета очень плохи, и не находится ни одинъ человѣкъ, который бы представилъ ихъ Государю въ настоящемъ видѣ“ [421]).

Но если у Погодина, какъ профессора, были недостатки, столь неразлучныя съ несовершенствомъ человѣческимъ, они сторицею искупались его достоинствами, а въ особенности во второй періодъ его профессорской дѣятельности, когда онъ занялъ каѳедру Русской Исторіи и о которой мы будемъ писать впослѣдствіи. Изъ достоинствъ его бросается въ глаза его *участливость* къ судьбѣ своихъ учениковъ не только тѣхъ, кои еще находились въ стѣнахъ Университета, но и тѣхъ, кто уже плавалъ по житейскому морю. Изъ множества примѣровъ, могущихъ служить подтвержденіемъ нашего положенія, мы ограничимся только однимъ и укажемъ на отношенія А. А. Краевскаго къ своему бывшему профессору.

Въ началѣ января 1831 года, А. А. Краевскій оставилъ свою службу въ Канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора и опредѣлился „въ число канцелярскихъ служителей“ Владимірскаго губернскаго правленія „съ откомандированіемъ

къ дѣламъ тамошняго гражданскаго губернатора“ и сверхъ того назначенъ секретаремъ Владимірскаго губернскаго оспеннаго комитета. Когда Краевскій пріѣхалъ во Владиміръ и основался, у него явилась потребность, хоть письменно, побесѣдовать съ Погодинымъ, который, какъ намъ извѣстно, опредѣлилъ его на службу: „Если вы“, писалъ онъ, „вспоминали обо мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ разстались мы, то вѣрно уже думали, что я, по обычаю многихъ отсутствующихъ, лѣнюсь и не хочу писать вамъ. Но смѣло могу увѣрить васъ, что этого быть не можетъ, и я душевно желалъ бы найти возможность на опытѣ доказать ту признательность и уваженіе, которыя привыкъ питать къ вамъ. Если же причина долговременнаго молчанія моего не проистекала отъ нехотѣнія писать, то еще менѣе могла она заключаться въ лѣности. Нѣтъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, недосугъ, совершенный недосугъ были единственною виною всего этого. Съ самаго пріѣзда моего сюда душѣ не было покоя отъ новыхъ, небывалыхъ для нея впечатлѣній, доставляемыхъ новыми лицами, новыми мнѣніями, новымъ, совершенно новымъ для меня порядкомъ дѣлъ. Во все это должно было вглядываться, все должно было обсуживать, и по заключеніямъ о всемъ видѣнномъ начертывать планы для будущихъ дѣйствій своихъ. Теперь, осмотрѣвшись во всѣ стороны, я начинаю дышать свободнѣе... Въ начальникѣ своемъ Иванѣ Эммануиловичѣ Курутѣ, встрѣтилъ я человѣка чрезвычайно умнаго и образованнаго. Онъ вполнѣ оправдываетъ собою мнѣніе Высшаго Начальника, нарекшаго его образцовымъ губернаторомъ въ Россіи. Дѣйствительно его непобѣдимое безпристрастіе, при самомъ ограниченномъ состояніи, его безпримѣрная, денно-нощная дѣятельность удивляютъ здѣсь всѣхъ и заставляютъ благословлять имя его. Получивъ въ управленіе губернію разстроенную, онъ въ четыре года умѣлъ сообщить ей такую организацію, что распоряженія его въ самыхъ отдаленныхъ уѣздахъ исполняются съ точностью и быстротою удивительными; а всевидящее око его, блюдущее каждаго и посредственно и не-

посредственно отъ одного края губерніи до другого, дѣлаетъ невозможными всѣ безпорядки въ дѣлахъ и, преимущественно, злоупотребленія, такъ что вся губернія ни въ какое время не боится самой строгой ревизіи. Услуги его не остаются безъ награды: за три года предъ симъ ему дали чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; а на дняхъ Царь прислалъ ему орденъ св. Анны 1-й степени. Ѣхавши сюда, я почти ничего не зналъ о Курутѣ, и потому знакомство съ нимъ въ первые дни показалось мнѣ весьма страннымъ: вмѣсто того, чтобы испытывать свѣдѣнія мои въ томъ дѣлѣ, къ которому готовился я, онъ говорилъ со мною о разныхъ постороннихъ предметахъ: объ исторіи, политикѣ, о бытѣ Московскомъ, о управленіи Москвы и т. п., втравливалъ меня въ споры съ собою и заставлялъ говорить часто и много. Такимъ образомъ я проводилъ въ домѣ его цѣлые дни, почти ни на шагъ отъ него не отлучаясь. Это положеніе становилось мнѣ тягостнымъ; наконецъ я былъ обрадованъ самыми лестными его обо мнѣ отзывами, за которыми въ слѣдъ онъ началъ оказывать мнѣ полную довѣренность и поручилъ всѣ секретныя и важнѣйшія уголовныя дѣла, также переписку съ министрами и приведеніе въ порядокъ заготовленныхъ имъ новыхъ проектовъ. Это составляло предметъ всей моей дѣятельности въ продолженіи мѣсяца. Теперь окончивъ съ успѣхомъ сей строгій искусъ, я начинаю знакомиться съ городомъ... Не знаю удастся ли; но кажется, возможно будетъ имѣть мнѣ свободное время для занятій не по службѣ, а по охотѣ. Дай-то Богъ! Надѣюсь, что вы исполните обѣщаніе свое и порадуете меня хоть строчкою о себѣ самомъ, о занятіяхъ вашихъ, о новостяхъ литературы и объ успѣхѣ предначертаній касательно бѣднаго моего Дюпена". Во Владимірѣ Краевскій пробылъ недолго и въ концѣ того же 1831 года, переселился въ Петербургъ и опредѣлися „въ число концелярскихъ чиновниковъ Департамента Народнаго Просвѣщенія" и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ мѣсто преподавателя въ Павловскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Но и въ Петербургѣ Краевскій не забывалъ

своего наставника и не прерывалъ съ нимъ сношеній. „Г. Брюзгинъ", писалъ Краевскій Погодину: „пробудилъ меня отъ лѣности, сказавъ, что ѣдетъ въ Москву и увидится съ вами. Вы, можетъ быть, вспоминая меня, и посерживались за то, что не пишу; но оправданіе мое въ занятіяхъ по службѣ и по учительству, а обвиненіе—въ лѣности и нисколько не въ забывчивости. Я и въ Петербургѣ умѣю любить и уважать тѣхъ, кого любилъ и уважалъ въ Москвѣ... Между тѣмъ познакомился я здѣсь съ просвѣщеннымъ морякомъ Трескинымъ 2, который въ жизнь свою ходилъ по свѣту много и долго; былъ и тамъ, и сямъ и на все смотрѣлъ не простыми глазами. Я слышалъ отъ него много любопытнаго и наставительнаго. Теперь прилагаю все стараніе побудить его выпускать наружу и во всеуслышаніе то, что разсказываетъ онъ пріятелямъ и что держитъ въ своемъ портфелѣ. Покопаться — такъ найдешь многое множество любопытныхъ оригинальностей; наблюденій, замѣчаній, соображеній, большею частью относящихся къ Руси православной... Грамоту, какъ морякъ, онъ знаетъ плохо, и потому предоставляетъ право выправлять свой слогъ, кому и какъ угодно... Много еще свѣтленькихъ точекъ блеститъ впереди, но Богъ знаетъ, будутъ ли они пламенемъ, которое бы мнѣ освѣщало голову и грѣло сердце" [422]).

XL.

Мы уже знаемъ, что Каченовскій очень желалъ пристроить своего ревностнаго сотрудника по *Вѣстнику Европы* Николая Ивановича Надеждина къ Московскому Университету. Къ исполненію этого желанія Каченовскій умѣлъ склонить и другихъ профессоровъ. Но для этого надлежало выжидать удобнаго случая и таковой вскорѣ представился. За кончиною профессора Теоріи Изящныхъ Искусствъ и Археологіи Матвѣя Гавриловича Гаврилова открылась вакансія на его каѳедру, на которую и вступилъ Надеждинъ. Но противъ единодушнаго желанія профессоровъ пристроить Надеждина, въ Университет-

скомъ Совѣтѣ возсталъ почтенный старецъ Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій. Подъ 29 апрѣля 1831 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Совѣтѣ хохоталъ надъ голосомъ Ивашковскаго противъ Надеждина“. Котельницкій сказалъ ему: „экую ты, братъ, бомбу пустилъ въ него“. „Вотъ явленіе“, продолжаетъ Погодинъ, „Давыдовъ долженъ идти противъ Шеллинга, а Каченовскій заступаться за него. Послѣдній ударъ Ивашковскаго изъ арсеналовъ *Вѣстника Европы:* Обвиненіе въ пантеизмѣ, и всѣ молчатъ“.

Само собою разумѣется, что протестъ Ивашковскаго не помѣшалъ Надеждину вступить на каѳедру, и 3 іюня 1831 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Слушалъ лекцію Надеждина. Очень хорошо. Студентовъ почти выгнали“. О методѣ своего преподаванія Надеждинъ въ своей *Автобіографіи* пишетъ: „Цѣль моего преподаванія Археологіи есть историческое оправданіе той теоріи изящныхъ искусствъ, которую я долженъ былъ читать моимъ слушателямъ, а потому буду излагать Археологію какъ исторію искусствъ по памятникамъ и отъ того моя Археологія распространилась въ объемѣ своемъ значительно противъ прежнихъ предѣловъ. До тѣхъ поръ, въ кругъ ея допускались только памятники двухъ классическихъ народовъ: Грековъ и Римлянъ. Я предположилъ касаться памятниковъ искусствъ у всѣхъ древнихъ народовъ, какіе только оставили по себѣ памятники. Началъ я свой курсъ съ Археологіи, и именно съ древней Индіи. Я прибѣгнулъ къ единственнымъ тогда бывшимъ у меня подъ рукою источникамъ: Герену, въ его *Ideen*, и къ другимъ изслѣдователямъ древностей. Методъ преподаванія моего былъ слѣдующій: я не писалъ лекцій, но предварительно обдумавъ и вычитавъ все нужное, передавалъ живымъ словомъ что мнѣ было извѣстно, а студенты записывали и давали въ слѣдующій классъ мнѣ отчеты“ [423]).

Теперь выслушаемъ показанія его слушателей. „Надеждинъ“, писалъ К. С. Аксаковъ, „производилъ съ начала своего профессорства, большое впечатлѣніе своими лекціями. Онъ

всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностію и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидало, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворилъ серьезнымъ требованіямъ юношей; скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серьезныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ, Станкевичъ, будетъ въ раю, то Надеждину за-то обязанъ. Надеждина любили за то еще, что онъ былъ очень деликатенъ съ студентами. Обладая текучею рѣчью, закрывая глаза и покачиваясь на каѳедрѣ, онъ говорилъ безъ умолку..." [424]). Другой же слушатель Надеждина И. А. Гончаровъ, свидѣтельствуетъ: „Вмѣстѣ съ Каченовскимъ наше уваженіе и симпатію раздѣлялъ профессоръ Теоріи Изящныхъ Искусствъ и Археологіи Н. И. Надеждинъ. Это былъ человѣкъ съ многостороннею, всѣмъ извѣстною ученостью по части философіи и филологіи. Это былъ самый симпатичный и любезный человѣкъ въ обращеніи, и какъ профессоръ онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, передавая духъ, бытъ, исторію и искусство Греціи и Рима" [425]).

Преемникомъ Мерзлякова въ Московскомъ университетѣ Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, желалъ видѣть Шевырева. Того же желали и Жуковскій и Пушкинъ, а послѣдній даже писалъ Плетневу: „Куда бы не худо посадить Шевырева на опустѣвшую каѳедру Мерзлякова, добраго пьяницы, но ужаснаго невѣжды. Это была бы побѣда надъ университетомъ, т. е. надъ предразсудками и вандализмомъ" [426]). Въ то-же время Погодинъ взывалъ къ Шевыреву: „Пріѣзжайте скорѣе домой, что вамъ дѣлать теперь въ чужихъ краяхъ! Видите какой бурный духъ носится повсюду. Климатъ; но почему же Княгиня не хочетъ поселиться въ Крыму".

Въ это время Шевыревъ прислалъ Погодину свое разсужденіе *О возможности ввести Итальянскую октаву въ Русское стихосложеніе*, съ образчикомъ перевода 7-й пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима*. По поводу этой присылки, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Я не рѣшилъ еще, печатать ли твое разсужденіе, или прямо подать въ Совѣтъ университета. На безпристрастность и благонамѣренность Совѣта я не надѣюсь: Каченовскій, пользующійся выгодами литературной каѳедры, упрется руками и ногами на несоотвѣтствіе программѣ. Съ другой же стороны, Надеждинъ, который вѣроятно скоро утвержденъ будетъ въ званіи профессора, и старый твой пріятель Снегиревъ (онъ бѣсится на меня за жестокій разборъ его рѣчи, писанной Кубаревымъ) тебѣ будутъ рады, но главные защитники въ Петербургѣ—Блудовъ, Жуковскій и Дашковъ. Пушкинъ ѣдетъ туда, облеченный во всеоружіе брани за тебя. Совѣсть и любовь къ университету говорятъ мнѣ, что это мѣсто долженъ занимать ты. Авось правая сторона побѣдитъ“ [427]). Но строгій къ себѣ Шевыревъ отвѣчалъ Погодину: „Скажи, какое право имѣю я теперь на каѳедру Мерзлякова? Нѣсколько отдѣльныхъ критическихъ пьесъ, и то еще какъ написанныхъ, даютъ ли мнѣ его? Каѳедра Словесности не требуетъ ли подвига въ теоріи оной? Чтобы заслужить ее, я долженъ написать непремѣнно книгу дѣльную, и вотъ будетъ мое право. Въ этой книгѣ я сосредоточу свои знанія; дополнивъ прорѣхи, пройду всѣ словесности въ историческомъ порядкѣ, положу основаніе своимъ мнѣніямъ, выражусь - и тогда съ Богомъ на каѳедру. Твое *Происхожденіе Руси* не было ли для тебя такимъ же центромъ утвержденія силъ твоихъ“ [428]).

Но призывая Шевырева на каѳедру, Погодинъ самъ находилъ, что въ разсужденіи его объ *Октавахъ* „вольность искусственная, вотъ главный недостатокъ“ [429]), и въ то же время писалъ ему: „Больше смѣлости... Твои *Октавы* будутъ тогда великое, полное завоеваніе, а теперь только счастливые набѣги, опыты силы и смѣлости, частныя побѣды. Разсужденіе

твое вырвалъ у меня изъ рукъ Кубаревъ и только вчера возвратилъ, обѣщаясь написать тебѣ замѣчанія и сказавъ мнѣ, что онъ почерпнулъ изъ нихъ много поучительнаго и важнаго для своихъ изслѣдованій. Пушкинъ очень доволенъ: но рѣшительно не любя Тасса, умоляетъ тебя приняться за Данта. *Мнѣ надобно написать къ нему умное и большое письмо,* говоритъ онъ, *но кочевой я такъ не привыкъ еще къ осѣдлой жизни, что не знаю, какъ и когда приниматься за дѣло* [430]).

Предупреждая своихъ критиковъ, Шевыревъ писалъ Веневитинову: „У меня написалась эпиграмма на самого себя, которую мнѣ хотѣлось подослать къ которому нибудь изъ враговъ своихъ, чтобы послѣ надъ ними посмѣяться, коль будутъ нападать на мои *Октавы*. Я послалъ ее къ Погодину, чтобъ онъ напечаталъ въ *Телеграфѣ*, но онъ такой лѣнтяй. Подошли ее пожалуйста къ Полевому или Булгарину, но ни гугу никому.

Эпиграмма. — Октава.

Риѳмачъ, стихомъ Россійскимъ недовольный,
Затѣялъ въ немъ лихой переворотъ:
Сталъ стихъ ломать онъ въ дерзости крамольной,
Всѣмъ риѳмамъ далъ безчиннѣйшій разводъ,
Ямбъ и хорей пустилъ бродить по вольной
И всѣхъ грѣховъ какой же вышелъ плодъ?
Дождь съ воплемъ, вѣтромъ, громомъ согласился.
И страшный міръ гармоній оглушился [431]).

Въ это время и въ высшемъ управленіи Университета совершилась важная перемѣна. На постъ помощника попечителя вступилъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ. Новый начальникъ отличался прекрасными качествами. Узнавъ его покороче, Погодинъ свидѣтельствовалъ, что Д. П. Голохвастовъ „былъ православный христіанинъ и свято исполнялъ всѣ обязанности, возлагаемыя на насъ Церковію... На службу смотрѣлъ онъ, какъ на священный долгъ дворянина; не служить дворянину, или служить какъ-нибудь считалъ онъ безчестіемъ, неблагодарностью, униженіемъ достоинства. Честность и безкорыстіе его всѣмъ извѣстны. Былъ домовитый хозяинъ и попечитель-

ный помѣщикъ. Голохвастовъ не только говорилъ, но и писалъ хорошо. Зная хорошо языкъ, любя его особенно въ устахъ митрополита нашего Филарета, онъ смущался искаженіями его въ разныхъ журналахъ“ [432]).

На первыхъ же порахъ Голохвастовъ посѣтилъ лекціи Погодина. Объ этомъ мы находимъ слѣдующую запись въ *Дневникѣ* его: „Я, идя мимо Голохвастова, сказалъ: *Послѣ холеры намъ опять пришлось сойтися.* Онъ съ принужденною улыбкою: *да.* Лекція шла хорошо. Онъ послѣ: пожалуйте ко мнѣ въ 6 часовъ. Я: *куда, къ вамъ?* Ко мнѣ въ домъ! Ужъ не объ лекціи ли моей хочетъ что говорить мнѣ“. Въ назначенное время Погодинъ является къ Голохвастову. „Не посадилъ“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „каковъ! Замѣчаніе о пуговицахъ и разные мелкіе вопросы“. Послѣ этого свиданія, чрезъ нѣсколько дней, Погодинъ поѣхалъ однако въ Университетъ „въ форменныхъ пуговицахъ“ [433]).

Непріятныя отношенія къ товарищамъ профессорамъ, а также и другія причины внушили Погодину мысль, которую онъ, конечно, не осуществилъ, оставить Университетъ. „Я выхожу“, писалъ онъ Шевыреву, „и пишу въ своей просьбѣ, что Университетъ можетъ удержать меня въ своей службѣ, давъ мѣсто смотрителя уѣзднаго училища, и т. п.; но что два-три года мнѣ необходимы для пріобрѣтенія профессорскихъ свѣдѣній. И восхищаюсь я своимъ уединеніемъ, и не могу привыкнуть къ мысли, что буду тамъ одинъ, т. е. безъ жены, а жениться мудрено. Не повѣришь, какъ это мнѣ досадно, а иногда смѣшно. Призракъ,—а непріятность! Сколько неудовольствій я получилъ въ послѣднее время, отъ которыхъ иной, а не я, что сдѣлалъ бы надъ собою, — ты представить себѣ не можешь. Страшна клевета! Ну, да чортъ ее возьми“. Доброжелательный къ Погодину, графъ А. Н. Панинъ, какъ-то встрѣтившись, сказалъ ему: „Погодите подавать въ отставку. Можетъ быть вамъ будетъ пріятнѣе остаться“. Изъ этого совѣта Погодинъ предположилъ: „Вѣрно они представили мемя къ награжденію“ [434]). Пушкину же онъ писалъ:

„Въ деревню ѣду. Въ Университетъ подалъ просьбу такого смысла: мнѣ нужно два года пробыть въ деревнѣ для пріобрѣтенія свѣдѣній, которыя, и пр., и прошу объ отставкѣ; если же Университету угодно удержать меня въ своей службѣ, то благоволитъ онъ, *уволивъ отъ лекцій на это время*, сдѣлать мнѣ какое либо ученое препорученіе, напримѣръ, написать *Теорію Исторіи* сообразно съ нынѣшнимъ состояніемъ науки или т. п. Не знаю, какое представленіе пошлется министру. Не думаю, чтобы Университетъ заблагоразсудилъ удерживать меня, ибо Каченовскій съ товарищами неистовствуетъ противъ меня. Я желаю такого увольненія на два года для уединеннаго занятія и вовсе не отрекаюсь отъ службы ученой. Поговорите объ этомъ съ кѣмъ нужно“ [435]). На это письмо Пушкинъ отвѣчалъ: „Жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ Московскимъ Университетомъ, который долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ. А ученость, дѣятельность и умъ чужды Московскому Университету“ [436]).

XLI.

Собираясь въ іюнѣ 1831 года ѣхать въ свое Сѣрково, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Чрезъ недѣлю я ѣду въ деревню. Тамъ погружусь въ прошедшее и забуду настоящее. Благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ творческую душу, которая не надолго огорчается неудачами этого рода. Новая мысль, которая сверкаетъ подъ-часъ изъ-за этихъ тучъ, утѣшаетъ меня и заставляетъ позабывать и Губернское Правленіе, и Палату, и всякое неудовольствіе. Деревня обѣщаетъ мнѣ ихъ много, много. О! она выкупится, выкупится и съ барышемъ. Никогда еще во всю мою жизнь я не имѣлъ мѣсяца совершенно свободнаго, безъ всякой обязанности впереди. А теперь у меня цѣлый годъ—до срока заемнымъ письмамъ. Я набралъ книгъ, устроилъ планъ. Начинаю съ Гиббона. Потомъ Сисмонди и Гизо для Франціи, Тьеръ, Галламъ для Англіи, Амперъ для

Испаніи, Сисмонди и Дарю для Италіи, Дени, Капфигъ для Нормановъ, и проч. и проч. Въ два года я непремѣнно перечту, пережую ихъ всѣ, и тогда, братцы, я примусь и напишу вамъ размышленія объ Исторіи Европы. Между тѣмъ общія понятія объ Исторіи почти готовы. Тьфу, чортъ возьми! Намъ ли жаловаться! Дай Богъ лишь здоровья. Все перемелется, и будетъ мука, а намъ хлѣбъ съ солью“ [437]). Въ деревнѣ Погодинъ зажилъ самымъ идиллическимъ образомъ. Смотритъ на свою картину. Пьетъ чай на балконѣ. Читаетъ подъ открытымъ небомъ Жуковскаго, нравственную философію Голубинскаго. Разбираетъ свои *Афоризмы* и приходитъ къ сознанію: „вотъ еще книга Европейская“. Думаетъ о теоріи Исторіи и съ пафосомъ замѣчаетъ: „Нѣтъ, господа, я буду непремѣнно переднимъ человѣкомъ въ Русской литературѣ нашего времени. Началъ потирать руки и ходить. Признакъ вдохновенія“. Перебираетъ свои повѣсти и находитъ въ нихъ „ей Богу, много хорошаго“. Обѣдаетъ въ аллеѣ. Ходитъ пѣшкомъ къ обѣднѣ и говоритъ съ крестьянами. Наслаждается роскошною банею „на липовыхъ и березовыхъ вѣтвяхъ“ и при этомъ восклицаетъ: „Господи! Какъ благодарю я тебя“. Ходитъ по крестьянскимъ огородамъ. Вслушивается въ „піитическій шумъ“, производимый деревьями. Гуляетъ по „пріятной“ рощицѣ. Живо чувствуетъ разницу своей „сельской жизни отъ Московской“, и даже мечтаетъ соорудить въ своей деревнѣ какое-то „капище“ богинѣ Флоры. „Мнѣ весело“, писалъ къ нему по этому поводу Максимовичъ, „что вы замышляете о сооруженіи капища моей богинѣ; а я научу васъ, какія жертвоприношенія и воскуренія ей угоднѣе“. Къ довершенію удовольствія, Погодина посѣтилъ въ деревнѣ „веселый“ М.-С. Щепкинъ, прогостилъ у него три дня. Счастливый, повидимому, владѣлецъ села Сѣркова жалѣлъ только о томъ, что „батюшка не радуется теперь на наше счастіе и спокойствіе. Хоть годокъ бы ему“. Но легкимъ облачкомъ въ этой свѣтлой картинѣ былъ пріѣздъ брата Николая Рожалина съ извѣстіемъ, что отецъ его „старикъ, статскій совѣтникъ, женится

на развратной цыганкѣ и опозориваетъ его, а особенно самолюбиваго Николая". По этому поводу Погодинъ съ своей стороны замѣчаетъ: „Утѣшилъ. Вѣрно, цыганка околдовала его". Облачкомъ для Погодина были и разговоры его съ священникомъ и уѣзднымъ лѣкаремъ, который разсказывалъ ему что-то нехорошее о Дмитровскихъ дворянахъ.

Въ Сѣрковѣ Погодинъ продолжалъ писать своего *Петра* и среди своего творчества онъ думалъ, какимъ способомъ посвятить свою трагедію Государю. „Чрезъ посредниковъ? Нѣтъ, не хочу просить никого. Напечатаю отрывокъ въ *Телескопѣ*. Авось, Онъ увидитъ и спроситъ" [438]). Въ это время Погодинъ получаетъ ободрительное письмо отъ Пушкина: „Холера и смерть Цесаревича насъ совершенно смутили, дайте образумиться. Пишите Петра, не бойтесь его дубинки. Въ его время вы были бы одинъ изъ его помощниковъ, въ наше время будьте хоть его живописцемъ". Само собою разумѣется, что письмо это произвело на Погодина пріятнѣйшее впечатлѣніе. „Неужели *Петръ*", писалъ онъ, „не вытащитъ меня изъ толпы? Гулялъ восторженный" [439]). 8 Іюля, онъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Хотѣлось бы къ вечеру приняться и кончить 3-е дѣйствіе, да заглядѣлся на мѣсяцъ. Приближается, приближается конецъ". Черезъ нѣсколько дней, а именно 24 іюля 1831, Погодинъ окончилъ свою трагедію. „Въ вечеру", писалъ онъ, „присѣлъ и наконецъ, въ 1-мъ часу *Петръ* готовъ. Ура! Положилъ сорокъ поклоновъ благодарности. Поутру пришлось нѣсколько стиховъ, которые оставлю для Бориса. Думаю о немъ; перебирая Пушкина *Бориса*, остановился на его прозѣ. А что, не махнуть ли въ самомъ дѣлѣ прозою трагедію... Миша! ты кальдеронишь. Я Петра позабылъ совершенно. Прежде въ мучительную эпоху 2-го дѣйствія, я видѣлъ, какъ онъ входилъ, морщился, сверкалъ глазами. Нынѣ ничего ужъ нѣтъ" [440]). Погодинъ разсчитывалъ, что Пушкинъ замолвитъ Государю объ его *Петрѣ*; но этого не случилось, а потому онъ извѣщалъ его объ окончаніи трагедіи какимъ-то меланхолическимъ тономъ: „*Петра* я кончилъ, а вы

не вставили о немъ ни слова. Я почелъ это неблагопріятнымъ знаменіемъ. Теперь онъ позабытъ мною совершенно, какъ будто-бы и не бывалъ въ головѣ. Что я набредилъ тогда вамъ въ своей горячкѣ, самъ не помню" [441]).

Еще не кончивши *Петра*, Погодинъ уже замышлялъ написать романъ *Мировичъ*, на что хотѣлъ испросить позволеніи у Государя [442]). Въ этомъ намѣреніи поддерживалъ Погодина Квитка, который писалъ ему: „Подробности суда и казни Мировича разсказываемы мнѣ были очевидцами. Сколько предметовъ, коими можно украсить истинное происшествіе: Дворъ Екатерины съ начала ея царствованія, слѣдовательно, въ молодыхъ ея лѣтахъ, поведеніе и интриги тогдашнихъ бояръ, отъ неудовольствія на новыхъ вельможъ, Орловыхъ, отыскивающихъ молодыхъ людей съ достоинствами, имъ покровительствующихъ и прокладывающихъ имъ дорогу въ *храмъ счастія*... противодѣйствія соперниковъ, неудачи, обманъ, и пр., да и мало-ли чего? Стоитъ только вамъ приняться, и мы будемъ имѣть отличное произведеніе" [443]) *).

Въ тоже время Погодинъ мечталъ написать поэму *Іисусъ Христосъ*; но въ этомъ предпріятіи его затрудняли риѳмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ думая о написанномъ имъ уже, онъ съ горечью замѣчаетъ: „Столько примѣчательнаго: *Черная Немочь*, *Рѣчь*, *Адель*, *Борисъ* и на всемъ такая печать отверженія, что на *Повѣсти* явился одинъ подписчикъ" [444]).

Въ Сѣрковѣ Погодинъ трудился также съ воодушевленіемъ и по своей каѳедрѣ Всеобщей Исторіи. Еще до отъѣзда своего въ деревню онъ писалъ Пушкину: „Если у васъ есть лишнія деньги, велите кому-нибудь купить мнѣ Сисмонда и Гиббона". Въ занятіяхъ своихъ этимъ предметомъ онъ отдавалъ отчетъ Пушкину. „Какъ же я теперь спокоенъ", писалъ онъ ему, „и доволенъ, и счастливъ въ деревнѣ! Часовъ двѣнадцать за Исторіею, а къ ночи ворохъ! Теперь сижу за Гиб-

*) Погодину не удалось написать этого романа. Въ наши дни этимъ сюжетомъ воспользовался извѣстный писатель Г. П. Данилевскій и написалъ романъ *Мировичъ*, имѣвшій успѣхъ. Напечатанъ въ 1-мъ томѣ *Собранія Сочиненій Г. П. Данилевскаго*, Спб. 1890 г. (6-е изданіе).

бономъ. Познакомясь съ послѣдними Римлянами, примусь за Французовъ чрезъ Сисмонди, Гизо, etc.; потомъ повѣрка ихъ лѣтописями, и чрезъ годъ надѣюсь отхватать Французскую Исторію, какъ первую между новыми, потомъ Англію, Испанію тоже; а потомъ и представлю вамъ историческія размышленія о Европейской Исторіи. Вотъ мое дѣло. Все прочее—hors d'oeuvre!" [445]). Когда же вышло въ свѣтъ сочиненіе Мишле объ Исторіи, то Погодинъ восклицаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Злодѣй! не предупредилъ ли меня?!"

Максимовичъ же призывалъ своего друга на иные труды. „Наслаждайтесь деревенскимъ уединеніемъ", писалъ онъ ему, „но такъ, чтобы и намъ было въ усладу уединеніе ваше: напишите, ради Бога, *руководство Русской Исторіи*!" [446]). Къ тому же Погодинъ въ это время мечталъ объ *исторіографствѣ* на мѣсто Карамзина, *а не сдѣлаютъ*, жалуется онъ въ своемъ *Дневникѣ* и тутъ же, сравнивая себя съ Карамзинымъ, замѣчаетъ: „Карамзинъ однакожъ имѣлъ гораздо менѣе правъ при началѣ. Разумѣется, я, можетъ быть, буду имѣть гораздо менѣе при концѣ". Вообще Погодинъ любилъ себя сравнивать съ великими людьми. Такъ, читая однажды Мура о Байронѣ. онъ „искалъ сходства съ собою" и „находилъ съ удовольствіемъ" [447]).

Идиллическое настроеніе, въ которомъ пребывалъ Погодинъ въ своей деревнѣ, способствовало къ укрѣпленію его всегдашней мысли о женитьбѣ [448]).

Мы уже знаемъ, что О. С. Аксакова принимала живое участіе какъ въ сердечныхъ, такъ и литературныхъ дѣлахъ Погодина и была въ полномъ смыслѣ его *confidente*; а потому преимущественно съ нею онъ дѣлился своими деревенскими впечатлѣніями. „Все утро", отмѣчаетъ Погодинъ, „писалъ письма къ О. С. Аксаковой и съ удовольствіемъ вспоминалъ, между прочимъ, участіе ея къ Веневитинову" [449]). Отрывки изъ писемъ къ ней Погодина она читала Надеждину, который по поводу ихъ писалъ своему пріятелю: „Браво, Миша, браво! Продолжай наслаждаться. Я отъ сердца по-

радовался, прослушавъ твои письма къ Ольгѣ Семеновнѣ; но она была такъ скупа, такъ скупа, что, замѣтивъ мое удовольствіе, не захотѣла болѣе продолжать чтеніе. Что-жъ ты, братъ, меня такъ не потѣшилъ? Ну, да Богъ съ тобой! Наслаждайся, наслаждайся! Я хоть на тебя порадуюсь. Писать мнѣ больше нечего, не хочу и не могу; ты назначилъ день пріема писемъ отъ меня—субботу, а теперь только середа". За это время сохранилось въ архивѣ Погодина нѣсколько писемъ къ нему О. С. Аксаковой, которыми мы здѣсь и воспользуемся. Надо замѣтить, что въ это время С. Т. Аксаковъ съ сыномъ своимъ Константиномъ уѣхалъ въ свою Симбирскую деревню, а жена его съ остальными дѣтьми оставалась въ Москвѣ и отсюда писала Погодину въ Сѣрково: „Отъѣздъ вашъ, любезный другъ нашъ Михаилъ Петровичъ прибавилъ мнѣ вдвое горя: до самаго понедѣльника словно камень лежалъ у меня на сердцѣ; тутъ я получила письмо отъ Сергѣя и Костеньки, а нынче отъ васъ, и теперь совершенно отлегло у меня на душѣ. Сергѣй съ сыномъ довольны и вы такъ счастливы! И такъ, вы теперь имѣете собственное время! Никто у васъ теперь его не отнимаетъ. Вы такъ хорошо описали мнѣ свою деревню и ваши занятія, что я начинаю вамъ завидовать и вѣрить, что вы не соскучитесь въ деревнѣ; но кто же можетъ такъ заниматься какъ вы? Надеждинъ даже мнѣ досаждаетъ своею лѣнью; вчера они до 2-хъ часовъ играли; для васъ теперь это сдѣлается, а можетъ, уже и сдѣлалось непонятнымъ. Городская жизнь и для чувствъ убійственна. Вы, пріѣхавши въ деревню, на другой день послѣ свободныхъ прогулокъ перечитали прежнія письма *), какое-то тайное, нѣжное чувство побудило васъ къ тому, а оно раскрылось отъ чистаго свободнаго воздуха, отъ уединенія. Вы спрашиваете меня, неужели ничего не значитъ то, что написано въ этихъ письмахъ? Слова такъ ясны, что въ нихъ и сомнѣваться невозможно. А если годъ молчанія? Что же тутъ удивительнаго? Нѣтъ случая написать да и

*) Письма къ Погодину княжны А. И. Трубецкой.

только; къ тому же городская жизнь, вы знаете, много-ли свободнаго времени; вотъ погодите, прiѣдутъ въ деревню, напишутъ къ вамъ, и вы въ Знаменское съ недоконченнымъ *Петромъ*" [450]). Безъ объясненій, кажется, понятно, что въ этихъ послѣднихъ строкахъ дѣло идетъ о нѣжной страсти Погодина къ княжнѣ А. И. Трубецкой, которая все еще не потухала, а отважная мечта жениться на ней не оставляла его. Еще въ январѣ 1831 года, онъ отправилъ къ ней въ Петербургъ *Адель* и *Мареу*, при слѣдующей записочкѣ: „Посылаю вамъ, какъ первой моей Музѣ и любимой мечтѣ, послѣднія мои сочиненія. Я буду очень радъ, если они понравятся вамъ, и пр." Въ ожиданіи отвѣта отъ нея, Погодинъ часто перечитывалъ *Адель*, въ которой О. С. Аксакова находила *краснорѣчіе Руссо* [451]). Въ это время онъ получаетъ письмо отъ забытаго уже своего кумира, А. Н. Левашовой, прочитывая которое, ему вспоминалось „о давнемъ прiятномъ времени, проведенномъ въ незабвенномъ Знаменскомъ". Въ это время А. Н. Левашова поселилась въ Твери. „Подумайте, давній другъ", писала она Погодину, „что насъ уже раздѣляетъ только сто восемьдесятъ верстъ, чтобы прикатить въ дилижансѣ лѣтомъ. Я буду жить здѣсь въ маленькомъ домикѣ за городомъ. Знакомыхъ здѣсь не имѣю и не желаю имѣть, кромѣ Ѳ. Н. Глинки. Пожалуйста, напишите о Трубецкихъ, гдѣ они, что они? Софья Ивановна *) въ Москвѣ ли и какъ къ ней адресовать и къ тетушкѣ княгинѣ Катеринѣ Александровнѣ (Трубецкой). Пора мнѣ со всѣми милыми сердцу опять сблизиться. Прощайте, не забывайте и продолжайте доказывать, что старый другъ лучше новыхъ двухъ" [452]). Наконецъ, А. В. Всеволожскій вручаетъ Погодину обратно отъ княжны Трубецкой *Мареу*. Тотъ „въ смущеніи" начинаетъ ее перелистывать въ надеждѣ найти письмо и не находитъ. „Каково!" отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* [453]). Не получивъ давно ожидаемаго письма отъ княжны Трубецкой, Погодинъ получаетъ письмо отъ ея сестры, Всеволожской,

*) Всеволожская.

въ которомъ. между прочимъ, читаемъ: „Надѣюсь, что вы посѣтите насъ въ Знаменскомъ... въ такомъ случаѣ привезите, пожалуйста, Ванюшу *) съ нами повидаться. Онъ взялъ книги у Митеньки **), которыя прошу доставить обратно. Извините меня, если письмо *нескладно*. Я признаюсь, что я не умѣю, къ стыду моему, писать по Русски, но *учуся* каждый день *уча* дѣтей, которыя скоро лучше меня будутъ знать правила Русскаго языка и, какой стыдъ смѣшивать нашъ прекрасный языкъ съ языкомъ Французскимъ“ [454]). „Хоть и не хотѣлъ“, записываетъ Погодинъ въ свой *Дневникъ* подъ 17 апрѣля 1831 года, „но, повинуясь судьбѣ, поѣхалъ въ Знаменское. Не безъ чувства гулялъ и вспоминалъ. Гуляя послѣ обѣда, смотря на пріятную зеленую озимь, съ величайшимъ удовольствіемъ представлялъ себѣ, что веду друга-жену“. Узнавъ отъ Д. Б. Мансурова объ образѣ жизни княжны Александры Трубецкой въ Петербургѣ, Погодинъ занесъ въ свой *Дневникъ*: „Неужели она въ самомъ дѣлѣ такъ перемѣнилась. Не вѣрится, чтобъ это было возможно, а кажется, такъ... Какъ бы она была счастлива здѣсь со мною! Суетная! Почему же ты отказываешься отъ этого счастія? Я видѣлъ ее вчера во снѣ; ну, если она для матери удерживается, а послѣ? Какъ ловила она всякое мое слово, какъ радовалась удачѣ, а теперь она и не знаетъ, что я пишу *Петра*. Это больно, и я написалъ къ О. С. Аксаковой“ [455]).

Но если княжна Трубецкая, къ глубочайшему огорченію ея обожателя, даже и не знала, что онъ пишетъ *Петра*, за то Аксакова не только знала, но восхищалась этимъ произведеніемъ Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ ея письмо. „И такъ 2-е дѣйствіе уже окончено“, писала она, „много разъ перечитала я рѣчь Петра; а конецъ, молитву, не могла ни разу безъ слезъ прочесть. Вся, вся рѣчь безподобна, а лучше, гдѣ Петръ говоритъ о наукѣ. Чудо! Но вотъ мнѣ не нравятся всѣ эти стихи:

---

*) Ивана Егоровича Бецкаго.

**) Дмитрія Александровича Всеволожскаго.

Такъ до небесъ ужъ послѣ безопасно
Главой величественной вознесется.
И вотъ тогда ея благодѣянья,
до стиха: *Никто того ужъ царства не своротитъ.*

Всѣ эти восемь стиховъ мнѣ не нравятся. Замѣните другими, яснѣе сдѣлайте сравненіе или совсѣмъ выбросьте; вѣдь вы повторяете то же самое, когда Петръ, ходя по комнатѣ взадъ и впередъ, говоритъ:

.... Солнцемъ
Лишь чуть пригрѣй и освѣжи росою
Какъ разъ взойдетъ.....

Но я вѣдь это говорю одна, по собственному чувству. Надеждинъ боленъ, не можетъ ко мнѣ пріѣхать. На меня такое дѣйствіе сдѣлала рѣчь Петра, что я все утро воображала Каратыгина, какъ онъ скажетъ эту рѣчь, и вы еще спрашиваете *тепло ли?* Божусь вамъ, что такъ меня занимаетъ Петръ, что я вамъ не прощу, если вы въ тотъ же день не выѣдете изъ деревни прочесть его намъ. Боюсь и я, чтобы не оторвали васъ; какой-то страхъ въ сердцѣ". Въ другомъ письмѣ ея читаемъ: „вотъ вамъ записочка отъ Сергѣя Тимоѳеевича. И онъ за тысяча двѣсти верстъ требуетъ *Петра!* Да, любезный другъ нашъ Михайло Петровичъ, Петръ всѣхъ насъ занимаетъ. Первую рѣчь Петра читалъ у меня Надеждинъ при Щепкинѣ. Они въ восхищеніи были. Я допрашивала Надеждина, не обманываетъ ли онъ меня? Онъ отъ души божился и говоритъ, что повтореніе не должно выбрасывать, что вся рѣчь вообще прекрасна Щепкинъ со слезами слушалъ; онъ хотѣлъ ѣхать или идти къ вамъ, но боялся помѣшать вамъ. Не думайте заранѣе о его участи, думайте только о немъ самомъ какъ бы его кончить такъ, какъ начали. И эта рѣчь хороша:

Тесалъ, кололъ, рубилъ, точилъ и плавалъ
И это: И у всѣхъ тамъ, Христа ради,
Въ дорожную суму сбиралъ уроки,

Опять, изступленіе его какъ сильно! Какъ сыграетъ это Каратыгинъ? Онъ на колѣняхъ долженъ просить у васъ этой

роли. Эту рѣчь еще не читалъ Надеждинъ. На этой недѣлѣ, можетъ, и Сергѣй пріѣдетъ; вотъ онъ прочтетъ мнѣ обѣ рѣчи. Я такъ его начала ждать, что каждую минуту въ волненіи. Завтра ѣду со всѣми къ Кавелиной, у нея ближе отъ заставы. Ахъ, пріѣзжайте и вы къ намъ, привозите *Петра;* но если вы точно знаете, что эта отсрочка вамъ помѣшаетъ, что послѣ Москвы вы не скоро наладитесь, то лучше оставайтесь въ деревнѣ. Совершайте великое начатое дѣло".

Предчувствіе О. С. Аксаковой оправдалось, когда она писала Погодину: *Боюсь я, чтобы не оторвали васъ* отъ *Петра.* Вскорѣ онъ получаетъ слѣдующее извѣстіе отъ Геништы: „Трубецкіе струсили холеры, и изъ Питера пріѣхали въ Знаменское. Но какъ въ Ясиновѣ и другихъ деревняхъ около Знаменскаго холера, то и не знаю, что они выиграли. Я былъ у нихъ. Сашенька спрашивала о васъ, желаетъ васъ видѣть" [456]). Прочитавъ эти строки, Погодинъ занесъ въ свой *Дневникъ:* „Трубецкіе пріѣхали, но не билось сердце. А побужденіе есть окончить *Петра* и къ нимъ посмотрѣть въ послѣдній разъ, конецъ ли дѣлу". Но, собираясь въ Знаменское, онъ думалъ о томъ: „какъ встрѣтитъ его *Адель,* воображалъ разговоры съ нею". Окончивъ *Петра,* Погодинъ 30 іюля 1831 года выѣхалъ изъ Сѣркова въ Москву. Дорогою думалъ о *Гаральдѣ.* По пріѣздѣ онъ былъ утѣшенъ тѣмъ, что „на заставѣ узнали адъюнкта Погодина". „Вотъ слава!" восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ.* На другой же день, послѣ обѣда, онъ отправился въ Знаменское.

Свѣдѣнія о пребываніи Погодина въ Знаменскомъ мы находимъ въ его *Дневникѣ.* Подъ *31 іюля:* „Сейчасъ увижу А. Съ удовольствіемъ приближался. Остановился у Сеймонда. Увидѣлъ. Обрадовалась, но, кажется, безъ волненія, безъ нѣжнаго чувства.

Княжна. Нѣтъ, я не перемѣнилась (Разспрашивала меня о занятіяхъ). Писать къ вамъ два слова мнѣ не хотѣлось; я думала, что вы разсердитесь больше.

Погодинъ. Я говорилъ ей, что *Адель* для меня умерла.

Княжна. Это все ваше воображеніе. Сперва вы любили А. Н. Левашову, теперь Аксакову. Ваше воображеніе передѣлало и Адель и вы только оправдываетесь.

Погодинъ. Весь вечеръ ходилъ съ нею по комнатѣ.

Подъ *1 августа.* Пошелъ къ обѣднѣ. Послѣ обѣда прочелъ *Петра.*

Съ такимъ ли восторгомъ я читалъ бывало вамъ какую нибудь *Русую косу,* какъ нынѣ *Петра?*

Княжна. По крайней мѣрѣ, я слушала съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ вы сочиняли.

Погодинъ. Нѣтъ, это не правда.

Княжна. Прочтемъ же *Адель.*

Погодинъ. На мои упреки она сказала:

Княжна. Я могла бы убѣдить васъ однимъ словомъ.

Погодинъ. Ну что же, скажите его.

Княжна. Нѣтъ.

Погодинъ. Какое же это слово, кромѣ люблю?

Княжна. А можетъ быть, и не люблю. Велѣла поблагодарить Аксакову за то, что заступается.

Погодинъ. Но въ чемъ ей можно заступиться, кромѣ одного? Чортъ знаетъ, что это такое.

Княжна. Мнѣ совѣстно было звать васъ. Здѣсь такой вздоръ, а вы такъ заняты въ вашемъ уединеніи. У васъ планъ конченный ужъ. Прежде вы говаривали бывало: поѣдемъ путешествовать со мною. Нынѣ я забыта. Такъ слабо чувство.

Погодинъ. Нѣтъ, такъ сильно, что я могу возбудить улыбку на мертвомъ лицѣ.

Неужели все это кокетство. Не объясниться ли мнѣ съ ней смѣлѣе? Но не примѣтно никакого нѣжнаго чувства, горячности. Чортъ знаетъ".

Подъ *2 августа:* „Послѣ обѣда обходилъ всѣ окрестности. Прочелъ *Мароу.* Разсказывалъ разныя подробности о знакомствахъ. Хотѣлъ спросить подробнѣе объ *Адели,* но не удавалось. Прощался вскользь".

По возвращеніи въ Сѣрково, Погодинъ сталъ читать Гиббона и съ удовольствіемъ узналъ, что этотъ историкъ былъ влюбленъ и по обстоятельствамъ отказался отъ своей любви: *on aime avec son caractère, et celui de Sib se refusait au désespoir de l'amour*. Приведя эту цитату, Погодинъ спрашиваетъ: „Не похоже ли это на меня?“ и вслѣдъ за симъ въ его *Дневникѣ* встрѣчаемъ такую запись: „Думалъ о Сашенькѣ. Я назвалъ ее *Аделью*. Кажется, это ясно. И она принимала это, хотѣла прочесть со мною. Нѣтъ, я поѣду къ нимъ и осмѣлюсь... Объясниться, яснѣе. Надо дѣло привести въ извѣстность“. Однимъ словомъ княжна Александра Трубецкая не выходила изъ головы нашего деревенскаго затворника и тревожила сердце его, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія записи *Дневника* его:

Подъ *7 августа:* „Думалъ о ней. Помолясь сорокъ дней, я поѣду къ ней, чтобъ узнать да или нѣтъ. Недобро быти человѣку единому. Все это хорошо, и умъ занятъ, и желаній нѣтъ, и доволенъ, и все не забываюсь. Работаю, стоя подъ окномъ. Видъ прекрасный, солнце, тишина, а она ничѣмъ этимъ не наслаждается. Наготовилъ ей вопросовъ. Наслажденіе! Нѣтъ, это не наслажденіе еще“.

Подъ *12 августа:* „Думалъ о ней. Ну, если она скажетъ, что любитъ меня. Опять сталъ больше думать о женитьбѣ“ [457]).

Среди этихъ уединенныхъ размышленій Погодинъ получаетъ отъ П. П. Новосильцова письмо, въ которомъ читаемъ: „И такъ, вы обѣдаете завтра у меня именинника, доставите мнѣ удовольствіе слышать чтеніе вашей трагедіи, а послѣ въ 7-мъ часу пустимся въ Знаменское, гдѣ переночуемъ. Я васъ тамъ оставлю, съѣзжу къ Боде и за вами ворочусь въ среду“ [458]). Въ это время княгиня Е. А. Трубецкая, доживавшая послѣдніе дни свои, занемогла полу-холерой. „Ай, ай!“ восклицаетъ Погодинъ, и поѣхалъ въ Знаменское. Развернемъ *Дневникъ* его и прочитаемъ записи, относящіяся къ этой поѣздкѣ.

Подъ *23 августа.* Княгинѣ легче нѣсколько. Княжны не видалъ, которая священнодѣйствуетъ при матери.

Подъ *28 августа.* Княжна къ рѣчи, что читаютъ письма, сказала, что мое объясненіе, писанное въ Петербургъ въ 1829 году, извѣстно. Это для меня новость. Я не объяснялся никогда. Стало быть, мою двусмысленность приняли въ такомъ смыслѣ. Я припоминалъ Княжнѣ мои и ея слова. Она думаетъ, что мы любимъ другъ друга, сами того не примѣчая. Ни минуты не имѣлъ я этой увѣренности. Теперь думаю даже, что если и было какое расположеніе, то оно уже охладѣло. Хотя, впрочемъ, признаки охлажденія даже можно растолковать въ свою пользу. Она, напримѣръ, могла дать честное слово матери или кому бы то ни было удерживать, не показывать своего расположенія, не писать. Пристрастіе къ Петербургу объяснить всего труднѣе. А предложеніе прочесть *Адель*, между тѣмъ какъ я прежде и теперь называлъ ее Аделью!"

Возвратясь въ Москву, Погодинъ „съ удовольствіемъ припоминалъ все это и толковалъ объ этомъ съ Аксаковою. Она рѣшила, что надо объясниться. Боюсь". Мало того, Аксакова „пристала" къ Погодину и требовала, чтобы онъ опять ѣхалъ въ Знаменское „за объясненіями". Но Погодинъ спорилъ съ нею, что не время, по болѣзни матери. Не зная, однако, на что рѣшиться, онъ уѣхалъ въ свое Сѣрково. Изъ этого положенія его вывелъ посланный отъ П. П. Новосильцова. *Не угодно ли ѣхать въ Знаменское?* „Какъ будто судьба", записываетъ Погодинъ въ свой *Дневникъ*. „Поѣхалъ. Она все съ матерью и не выходитъ. Не могъ рѣшиться пойти къ нимъ. Со страхомъ смотрѣлъ на эту помпу, на эту высокую залу, лощеный паркетъ. Неужели я могу надѣяться? Послалъ поклонъ ей съ докторомъ и сказалъ, что не хочу отрывать ее отъ священнодѣйствія. Разговаривалъ съ докторомъ о болѣзни Княгини. Это пройдетъ, но у нея есть болѣзнь хроническая въ печени, которая можетъ долго продолжаться. Я смѣю сказать, что не желаю ей смерти".

Послѣ неудачной поѣздки, возвратясь въ Москву, Пого-

динъ перечиталъ *Адель*. „Нѣтъ“, замѣчаетъ онъ, „тамъ очень ясно сказано многое, а она хотѣла читать ее со мною. Прочтемъ вмѣстѣ. Мнѣ ловко будетъ вывѣдать ея мысли. Или написать къ ней письмо? Страшно. Рѣшите судьбу мою! Хоть бы графомъ сдѣлали за *Петра* или Анненскую ленту. Толковалъ съ О. С. Аксаковой“ [459]).

Своимъ идиллическимъ настроеніемъ Погодинъ вздумалъ подѣлиться и съ Веневитиновымъ, но въ отвѣтъ получилъ отъ него слѣдующія строки: „Твое письмо меня разсмѣшило. Это настоящая идиллія. Пора намъ приняться за Исторію. У насъ, слава Богу, начинаютъ чувствовать ея необходимость. Врутъ иностранцы, будто у насъ нѣтъ ея. Какое обширное поле. Ты мнѣ намекаешь на твои трудолюбивыя наслажденія. Но въ чемъ они состоятъ, не говоришь. Напиши мнѣ, ради преподобнаго Нестора и Добровскаго“.

XLII.

Миръ и тишину сельскаго уединенія нашего затворника нарушали неустройство его собственныхъ дѣлъ и грозныя вѣсти, доходившія до него изъ Петербурга.

Старый другъ его, Томашевскій, писалъ ему: „Ты важно завираешся, сирѣчь фантасмагорничаешь въ своихъ посланіяхъ изъ Сѣркова. Смотри, не разыграй синицы“ [460]). Томашевскій былъ правъ. По крайней мѣрѣ, вотъ что самъ Погодинъ писалъ Шевыреву: „Получивъ десятый отказъ въ путешествіи и кучу досадъ, я встосковался по уединенію, котораго желалъ бы всегда я при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ это время нагородили мнѣ турусы на колесахъ о деревнѣ. Я убѣдилъ М. И. Мессинга купить ее, обѣщая помочь ему. Онъ вмѣсто сорока тысячъ получилъ только четырнадцать, и достальное я долженъ былъ доставить ему. Во вѣки вѣковъ не позабуду я этого времени. Ко многимъ своимъ пріятелямъ я ѣздилъ, и знаешь ли, не могъ выговорить

слова: отказъ мнѣ будто звенѣлъ въ ушахъ, и я возвращался домой ни съ чѣмъ. Не могши попросить ни у кого, я рѣшился взять десять тысячъ рублей у Надеждина, хотя сначала менѣе всѣхъ расположенъ былъ прибѣгать къ нему. Двѣ тысячи рублей взялъ еще у Аксакова, изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ, уѣзжая въ Симбирскъ, оставилъ женѣ на домашніе расходы. Ты можешь судить о состояніи моего духа, когда я тебѣ скажу, что у него даже я не могъ спросить лично, а уже на канунѣ его отъѣзда, въ вечеру, послалъ къ нему записку. Въ это же время я получилъ требованіе отъ тебя и отъ Венелина, у котораго занималъ на домъ. Прибавь къ этому извѣстіе, что деревнею насъ обманули, что вмѣсто тридцати пяти тысячъ рублей, на которые можно продать тотчасъ лѣсу, какъ насъ увѣряли люди, казалось знающіе и надежные, мы не можемъ продать и на половину,—какова же перспектива?... Не пугайся! Я самъ начинаю успокаиваться. Это не такъ страшно какъ кажется съ перваго взгляда. Слушай, собственно я для себя долженъ пятнадцать тысячъ рублей, но за домъ сейчасъ всякій дастъ сорокъ тысячъ рублей. По крайней мѣрѣ я купилъ еще опытъ. Во вѣки вѣковъ, безъ наличныхъ, лишнихъ денегъ, я не войду ни въ какія спекуляціи, какъ бы выгодны и соблазнительны онѣ ни были. Не наше дѣло. При всемъ томъ не забывай, что я содержу семейство (въ томъ числѣ брата въ Петербургѣ), изъ пятнадцати человѣкъ состоящее“ [461]. Какъ пріятно было Погодину получать въ это время письма отъ О. С. Аксаковой, на столько же ему непріятно было получать ихъ отъ ея супруга. „Ожидалъ съ нетерпѣніемъ“, заноситъ Погодинъ въ свой *Дневникъ*, „посланнаго изъ Москвы. Ѣдетъ. Разочарованіе. Записка пренепріятная отъ Аксакова о деньгахъ. Я виноватъ передъ нимъ. Бралъ на два дня, а не заплатилъ въ два мѣсяца; но я надѣялся, что имъ деньги не нужны, что они могутъ обернуться, взявъ у Надеждина, у котораго деньги вольныя“ [462]). Въ запискѣ Аксакова Погодинъ прочелъ слѣдующее: „Я на васъ сѣтую, какъ можно такъ неаккуратно поступать въ денеж-

ныхъ дѣлахъ? Помните, вѣдь вы брали на два дня? Я долженъ занимать. Прошу васъ найти средства со мною расплатиться. Я совѣтовалъ бы вамъ пріѣхать въ Москву и уладить счеты съ Надеждинымъ. Дружба дружбой а деньги деньгами". Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ неутѣшительное письмо и отъ Надеждина: „Я точно началъ безпокоиться", писалъ онъ, „и безпокоюсь о деньгахъ, которыя ты взялъ на двѣ недѣли и до сихъ поръ не только не отдаешь, но и не назначаешь времени, когда отдашь. Я не говорю о собственныхъ моихъ трехъ тысячахъ слишкомъ, которыя у тебя болѣе года и которыя я могу подождать еще. Но семь тысячъ телескопскихъ меня очень тревожатъ. Ты какъ будто считаешь меня Крезомъ. Такъ выйди изъ заблужденія. Не ужь ли прикажешь занимать? Да и гдѣ? Я долженъ тебѣ откровенно сказать, что безъ этихъ денегъ обойтись рѣшительно невозможно". Письмо это скрѣпилъ Томашевскій тоже весьма неутѣшительною припискою: „Все писанное Надеждинымъ, писано нами вмѣстѣ" [463]). „О, Боже мой!", восклицаетъ Погодинъ, „какъ бы поправиться мнѣ скорѣе и расплатиться съ долгами! Скоро ли выручу я на трагедіяхъ! Чтобъ пріобрѣсть домъ, надо написать трагедію съ любовью. Какую же? *Шенье* или *Бѣдный пажъ влюбленъ въ княжну*" [464]).

Погодина также удручали и грозныя событія, совершавшіяся въ то лѣто въ нашемъ Отечествѣ. „Въ Петербургѣ холера", писалъ Пушкинъ Нащокину, „и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести нежели у васъ, равнодушныхъ Москвичей. На-дняхъ, на Сѣнной, былъ бунтъ въ пользу ея: собралось православнаго народу тысячъ шесть, отперли больницы, кой кого (сказываютъ) убили; Государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута. Тяжелыя времена на насъ, Воиновичъ! Тѣло Цесаревича везутъ, также и Дибичево" [465]). О. С. Аксакова писала Погодину: „Всѣ наши новости такія невеселыя, ужасныя: холера въ Петербургѣ. Великій князь Константинъ Павловичъ умеръ холерою въ Ви-

тебскѣ. Государь остался въ Петербургѣ, онъ въ новомъ Дворцѣ съ семьей, ходитъ всюду, осматриваетъ вездѣ. Сказалъ: я не оставлю васъ. Сохрани его Господь! Какое ужасное время! Печальную вѣсть о кончинѣ Цесаревича еще не объявили, вѣрно послѣ завтра, а завтра день рожденія Государя. Изъ Петербурга выѣзжаютъ многіе. Щепкинъ долженъ воротиться, онъ такъ было весело выѣхалъ". Извѣстный писатель нашъ М. Н. Загоскинъ, какъ извѣстно, не отличался храбростью. Грозныя и страшныя событія того времени производили на него гнетущее впечатлѣніе. „Михаилъ Николаевичъ", писала къ Погодину О. С. Аксакова, „говорятъ жалокъ по своей трусости. Я давно его не вижу; особливо поразила его смерть Сабурова—актера, который умеръ холерою". Черезъ нѣсколько дней онъ рѣшился посѣтить Аксакову, которая по этому поводу писала: „Загоскинъ былъ у меня и такъ грустенъ, говоритъ, что ничего не пишетъ и не можетъ писать, однакожъ велѣлъ сказать вамъ по секрету, вамъ одному, что рѣшился, успокоясь, писать: молодость Петра I и раскольники" [466]).

23 Іюня 1831 года, въ Петербургѣ вспыхнуло холерное возмущеніе на Сѣнной площади. „Петербургское народонаселеніе", повѣствуетъ Жуковскій, „испуганное распоряженіями, принятыми по необходимости для того, чтобы остановить развитіе холеры, а можетъ быть и настроенное нѣкоторыми зло намѣренными людьми, и во всякомъ случаѣ побуждаемое варварскимъ невѣжествомъ, произвело мятежъ въ Петербургѣ. Кричали объ отравѣ, обвиняли докторовъ, что они хотятъ воспользоваться Богъ знаетъ чѣмъ! Напослѣдокъ на одной изъ Петербургскихъ площадей собралась толпа человѣкъ тысячъ въ пять или шесть. Кидаются въ одну больницу, находятъ тамъ несчастнаго доктора въ то время, какъ онъ подавалъ помощь умиравшему отъ холеры. Его убиваютъ. Больница опустошена; больныхъ разносятъ съ ихъ постелями по разнымъ домамъ, откуда они поступили въ больницу. Полиція ничего не можетъ сдѣлать противъ мятежа; но появляются строевыя войска, и сходбище разсѣяно. Весь Петербургъ въ тревогѣ;

безпокойство овладѣваетъ жителями; ждутъ общаго возстанія. Извѣщенный о положеніи дѣлъ, Императоръ рѣшается ѣхать въ Петербургъ. Онъ отплываетъ изъ Петергофа на пароходѣ. Онъ прибылъ. Зловѣщія донесенія встрѣчаютъ его. Онъ садится въ коляску и направляется по самымъ многолюднымъ улицамъ, прямо къ тому мѣсту, которое наканунѣ было театромъ безпорядковъ. Безчисленная толпа бѣжитъ за нимъ; нѣсколько разъ онъ останавливается для разговора съ тѣми, кто тѣснился вокругъ самой его коляски. Наконецъ, доѣхавъ до площади, онъ останавливается возлѣ церкви, окруженный толпою отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ. Тогда онъ встаетъ: представьте себѣ эту прекрасную фигуру, этотъ громкій и звучный голосъ, этотъ внушающій и строгій видъ, эту толпу, наканунѣ столь мятежную, столь сильную въ своей смутѣ, и теперь столь спокойную, столь покоренную присутствіемъ самодержавнаго величія и магическимъ обаяніемъ геройской отваги. Вотъ слова, имъ произнесенныя: *Вѣнчаясь на царство, я поклялся поддерживать порядокъ и законы. Я исполню мою присягу. Я добръ для добрыхъ: они всегда найдутъ во мнѣ друга и отца! Но горе злонамѣреннымъ: у меня есть противъ нихъ оружіе! Я не боюсь васъ, вамъ меня бояться! Намъ послано великое испытаніе: зараза; надо было принять мѣры, дабы остановить ея распространеніе: всѣ эти мѣры приняты по моимъ повелѣніямъ. Стало быть, вы жалуетесь на меня; ну, вотъ я здѣсь! И я приказываю вамъ повиноваться. Вы, отцы семействъ, люди смирные, я вамъ вѣрю и убѣжденъ, что вы всегда прежде другихъ уговорите людей несвѣдующихъ и образумите мятежниковъ! Но горе тѣмъ, кто позволяетъ себѣ противиться моимъ повелѣніямъ! Къ вамъ не будетъ никакой жалости! Теперь расходитесь! Въ городѣ зараза! Вредно собираться толпами. Но напередъ слѣдуетъ примириться съ Богомъ! Если вы оскорбили меня вашимъ непослушаніемъ, то еще больше оскорбили Бога преступленіемъ: совершено было убійство! Невинная кровь пролита! Молитесь Богу, чтобы Онъ васъ простилъ!* При этихъ

словахъ онъ обнажилъ голову, обернулся къ церкви и перекрестился. Тогда вся толпа, по невольному движенію, падаетъ ницъ съ молитвенными возгласами. Императоръ уѣзжаетъ, и народъ тихо расходится, наставленный и проникнутый сознаніемъ своего проступка. Минута единственная! И съ этой минуты все пришло въ порядокъ. Два дня еще опасались возобновленія смутъ, но эти опасенія были ложны. Народъ успокоился, довѣріе возстановлено. Не препятствуютъ болѣе перевозить больныхъ въ лазареты, и самая болѣзнь начинаетъ утрачивать свою силу и напряженіе. Съ тѣхъ поръ Императоръ еще два раза былъ въ Петербургѣ. Сопровождавшіе его передавали мнѣ, что, какъ только замѣтятъ Императора, съ поспѣшностью бѣгутъ посмотрѣть на него поближе; что многіе, увидавъ его проѣзжающаго мимо, крестятся сами и крестятъ его. Это очень понятно. Рѣчь, которую я привелъ, была мнѣ пересказана слово въ слово княземъ Меншиковымъ, находившимся въ коляскѣ съ Императоромъ въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ народу, и потому имѣвшимъ возможность не проронить ни одного звука. Подобная сцена могла-бы занять прекрасную страницу у Тита Ливія, но у Тита Ливія христіанина... [467]).

На другой день послѣ описаннаго событія, въ *Сѣверной Пчелѣ* появилась отъ С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора объявленіе, въ которомъ читаемъ: „Государь Императоръ, узнавъ о сихъ неожиданныхъ и крайне огорчительныхъ для его сердца происшествіяхъ, высочайше повелѣлъ мнѣ поставить въ примѣръ обывателямъ здѣшней столицы похвальное и достойное подражаніе поведеніе жителей первопрестольнаго града Москвы“ [468]). По поводу этого объявленія, Фроловъ писалъ Погодину. „А въ Петербургѣ-то что сдѣлалось. Насилу то проглянули, что Москва не мятежница. Если и нашлись въ Москвѣ кой какіе....., такъ они и изчезли въ массѣ, аки воскъ въ огнѣ. Москва всегда драгоцѣнна какъ самородочекъ Россіи. Вы прочтите какъ Петербургскій генералъ-губернаторъ расхвалилъ жителей Москвы, сравнивая ихъ съ

Петербургскими". Съ своей стороны, О. С. Аксакова писала Погодину: „Въ Петербургѣ очень худо. Вотъ боялись Москвы, а у насъ все такъ было тихо и послушно" [469]). Погодинъ, пораженный этими извѣстіями, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Изъ Петербурга извѣстія печальныя. Тамъ кровопролитіе. Какъ все виситъ на волоскѣ въ мірѣ. Какой страшный туманъ во весь день, и солнце заходитъ красное. Не къ худу ли и это, о, Боже мой!". И дѣйствительно знаменіе сіе было не на добро. Въ это время на берегахъ Волхова происходила іюльская кровавая трагедія. „Боже!" восклицаетъ Погодинъ, „храни Царя и Россію" [470]). По свидѣтельству Пушкина, „Бунтъ въ Новгородскихъ колоніяхъ усмиренъ присутствіемъ Государя. Нѣсколько генераловъ, полковниковъ и почти всѣ офицеры полковъ Аркачеевскаго и короля Прусскаго перерѣзаны. Генерала мятежники засѣкли на плацѣ. Надъ нѣкоторыми жертвами убійцы ругались. Посадивъ на стулъ одного маіора, они подходили къ нему съ шутками: „Ваше высокоблагородіе, что это вы такъ поблѣднѣли? Вы сами не свои. Вы такъ смирны!"—и съ этимъ словомъ били его по лицу. Лѣкарей убито пятнадцать человѣкъ. Одинъ изъ нихъ спасенъ больными, лежащими въ лазаретѣ. Мятежники хотѣли-было ѣхать къ Аракчееву въ Грузино, чтобъ убить его, а домъ разграбить. Жандармскій офицеръ, взявшій надъ ними власть, успѣлъ уговорить ихъ оставить это намѣреніе. Государь обѣдалъ въ Аракчеевскомъ полку. Солдаты встрѣтили его съ хлѣбомъ и медомъ. Арендтъ, находившійся при семъ, сказалъ имъ съ негодованіемъ: *вамъ бы должно вынести кутью*. Государь собралъ полкъ въ манежѣ, приказалъ попу читать молитвы, приложился, и обратился къ мятежникамъ. Онъ разбранилъ ихъ, объявилъ, что не можетъ ихъ простить и требовалъ, чтобы они выдали ему зачинщиковъ. Полкъ обѣщался. Свидѣтели съ восторгомъ и изумленіемъ говорятъ о мужествѣ и силѣ духа Императора".

Но Пушкинъ не одобрялъ этого геройскаго подвига Государя. „Сіе рѣшительное средство", утверждалъ онъ, „какъ

послѣднее, не должно быть употребляемо. Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестанетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда. Донынѣ Государь, обладающій даромъ слова, говорилъ одинъ: но можетъ найтиться въ толпѣ голосъ для возраженія. Таковые разговоры неприличны, а пренія площадныя превращаются тотчасъ въ ревъ и вой голоднаго звѣря. Россія имѣетъ двѣнадцать тысячъ верстъ въ ширину. Государь не можетъ явиться вездѣ, гдѣ можетъ вспыхнуть мятежъ“ [471]).

Въ семейномъ Архивѣ М. А. Веневитинова сохранилось письмо князя В. Ѳ. Одоевскаго къ князю Г. П. Волконскому, въ которомъ описывается состояніе Петербурга во время холеры. „Благодарю тебя“, писалъ князь Одоевскій, „что ты не забывалъ насъ; я поэтому только зналъ, что ты по крайней мѣрѣ живъ. Я же все лѣто долженъ былъ утѣшать, успокоивать, усовѣщивать, налагать епитимью на моихъ дамъ и увѣрять ихъ въ моихъ необыкновенныхъ медицинскихъ познаніяхъ, которыя имъ замѣнятъ всякаго доктора. Изъ всѣхъ живыхъ существъ я видѣлъ почти одного Оленина, въ огромной шинели на плечахъ, въ калошахъ на ногахъ, съ портвейномъ въ рукахъ, съ сигарою въ зубахъ, съ холерою на языкѣ и между тѣмъ съ спокойствіемъ въ сердцѣ, ибо онъ принадлежалъ къ числу немногихъ, которые во время болѣзни сохранили присутствіе духа и хладнокровіе; онъ прекрасно дѣйствовалъ и со всеусердіемъ помогалъ больнымъ; я его вдвое больше полюбилъ съ сего времени. Городъ былъ весьма любопытенъ въ это время и олицетворилъ для меня Бокачіево описаніе язвы. Блѣдныя испуганныя лица во фракахъ, съ губками и стклянками, возлѣ церквей толпы женщинъ и мужчинъ, которые нашли искусство сдѣлать набожность отврати-

тельною, на улицахъ гробовыя дроги и на нихъ веселыя лица гробовщиковъ, считающихъ деньги на гробовыхъ подушкахъ, все это было Вальтеръ-Скотовъ романъ въ лицахъ, и все это такъ было для меня любопытно, что я почти не могъ ничего ни читать, ни писать". Шевыревъ изъ Рима писалъ Веневитинову: „Мы ужасно сокрушались за тебя, герой: вынесъ двѣ холеры и раздѣлилъ горе двухъ столицъ. Честь тебѣ! Должно бы судьбѣ за это наградить тебя двойнымъ здоровьемъ".

Въ это время и въ Москвѣ было не совсѣмъ покойно, по крайней мѣрѣ вотъ что писала О. С. Аксакова Погодину: „На этой недѣлѣ я двѣ ночи не спала. Велѣно было имѣть караулъ, потому что положено было у этихъ господъ сжечь Москву. Оберъ-полицiймейстеръ, плацъ-адъютантъ и казаки всякую ночь разъѣзжали. У меня было три человѣка караульщиковъ. Благодарна очень Надеждину, онъ прислалъ меня о томъ увѣдомить. Теперь поуспокоилась".

Польскій мятежъ, къ сожалѣнію, отразился и въ Московскомъ Университетѣ. „Съ сокрушеніемъ слышу", писалъ Максимовичъ Погодину, „о дурачествахъ Петрошкевича и другихъ Поляковъ, наводящихъ новые поклепы на опальный Университетъ нашъ. Говорятъ, до шестидесяти студентовъ взято и два *профессора*. Это значитъ Ежовскій" [472]). Но Погодинъ былъ очень обрадованъ вѣстью изъ Москвы, что „изъ студентовъ жившихъ у него, никто не замѣшанъ. Слава Богу" [473]). Возвратившійся въ Москву С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „А въ Москвѣ, всѣ мы покуда живы и здоровы, но духомъ я весьма упалъ; боюсь холеры, въ заразительность которой вѣрую и противъ которой не берутъ никакихъ мѣръ. Въ Питерѣ, говорятъ, умерли Бибиковъ и Мудровъ. Послѣднее событіе насъ ужасно поразило. Сейчасъ изъ моего дома увезли больнаго холерою, человѣка моего хозяина, и я въ страхѣ" [474]).

Кончина достопочтеннаго Матѳія Яковлевича Мудрова была дѣйствительно поразительна. Въ началѣ мая 1831 года, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. „Съ великою грустію", повѣствуетъ его біографъ, „Мудровъ оставилъ

Москву, съ такою же грустію пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ половинѣ іюня холера явилась въ Петербургѣ. Мудровъ, въ качествѣ врача, вступилъ въ борьбу съ нею. Здѣсь онъ доказалъ свою великую практическую опытность". Но 7-го іюля „злая холера овладѣла своимъ великимъ противникомъ" и въ день Казанской Божіей Матери „при первомъ ударѣ благовѣста къ ранней обѣднѣ въ Казанскомъ соборѣ, Мудровъ вздохнулъ въ послѣдній разъ". Бренные останки его погребены за Невою, на холерномъ кладбищѣ, что за церковію св. Сампсона. На могилѣ его стоитъ темный гранитный памятникъ" [475]).

О. С. Аксакова извѣстила Погодина о кончинѣ другого достопочтеннаго мужа: „Въ Воронежѣ", писала она, „страшная холера, а въ Твери тоже. Архіерей Тверской холерою умеръ, говорятъ умный человѣкъ" [476]). Холера въ Твери явилась лѣтомъ 1831 года. Зараженный городъ посѣтилъ императоръ Николай. Преосвященный Амвросій, архіепископъ Тверской и Кашинскій, встрѣтилъ Царя въ соборѣ. Страшныя опустошенія, производимыя холерою, обратили народъ къ небесной помощи. Преосвященный Амвросій крестнымъ ходомъ обносилъ мощи св. благовѣрнаго великаго князя Михаила Тверскаго вокругъ всего города. Жаръ стоялъ невыносимый. Преосвященный, подъ тяжестію архіерейскихъ облаченій утомился до изнеможенія. Для возстановленія своихъ силъ, онъ разоблачился и вынужденъ былъ отдыхать на открытомъ мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ занемогъ холерою, которая, утромъ 1 іюля прекратила жизнь знаменитаго Тверскаго архіепископа. Тѣло его погребено въ Желтиковѣ монастырѣ, но не въ самой церкви, а на общемъ монастырскомъ кладбищѣ, близъ главнаго храма, по правую сторону алтаря. Разсказываютъ, что самый гробъ преосвященнаго былъ засыпанъ глубокимъ слоемъ извести. Долгое время могила архіепископа оставалась безъ надгробнаго памятника [477]); а между тѣмъ самъ митрополитъ Платонъ говорилъ о немъ: „еслибы я такъ писалъ какъ онъ, меня бы сходилась слушать *вся Россія*" [478]).

26 августа (приснопамятный день Бородинской битвы) 1831 года была взята Варшава. Первое извѣстіе объ этомъ событіи Пушкинъ получилъ отъ А. О. Россети (впослѣдствіи Смирновой) и по этому поводу написалъ ей:

Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня [479]).

Событіе это было воспѣто Жуковскимъ и Пушкинымъ, и въ томъ же году въ Петербургѣ вышла книжка, подъ заглавіемъ: *На взятіе Варшавы. три стихотворенія, В. Жуковскаго и А. Пушкина*, „Паденіе Варшавы", писалъ Надеждинъ „увѣнчавшее новою славою побѣдоносное оружіе Русское, одушевило первыхъ нашихъ поэтовъ благороднымъ патріотическимъ восторгомъ и отозвалось на ихъ звучныхъ лирахъ достойными пѣснопѣніями. Пѣвецъ незабвенной Отечественной войны, умолкнувшій для другаго высшаго назначенія, снова настроилъ привычною рукою знакомыя намъ струны и, во услышаніе торжествующей Россіи, пропѣлъ на новый ладъ старую пѣсню. Всѣ вѣрные сыны отечества повторили за нимъ одними устами и однимъ сердцемъ привѣтствіе Царю Русскому и воскликнули единодушно:

Славу, взятую отцами,
Сбережетъ Онъ царски намъ;
И съ своими сыновьями
Нашимъ дастъ ее сынамъ!

Пѣснопѣнія другаго пѣвца отличаются силою мыслей, достойныхъ Русскаго духа. Одно изъ нихъ обращено къ *Клеветникамъ Россіи.* Поэтъ взываетъ къ нимъ:

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,

От потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи!
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

Въ другомъ стихотвореніи празднуется *Бородинская годовщина*, совершенная на ниспровергнутыхъ твердыняхъ Варшавы. Поэтъ счастливо выразилъ истинное свойство Русскаго духа, который любитъ торжествовать кротостію и милосердіемъ, и мы съ полнымъ сочувствіемъ повторяемъ его благородное восклицаніе:

Кто уступилъ, тотъ невредимъ.
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ:
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца [480]).

Когда вѣсть о взятіи Варшавы достигла Вѣчнаго Города, находившійся тамъ Шевыревъ писалъ Веневитинову въ Петербургъ: „Какою радостью закипѣла душа при извѣстіи о взятіи Варшавы! Это даетъ какую-то увѣренность въ нашей мощи непобѣдимой и вселяетъ въ Европу уваженіе къ нашей волѣ. Чудной человѣкъ, Паскевичъ! Какой у него инстинктъ русскій! Какъ онъ умно заслонилъ Польшу отъ Запада и тѣмъ зажалъ ротъ крикунамъ Польскимъ и отрѣзалъ всѣ подводы! Съ тѣхъ поръ перестали кричать въ журналахъ и говорить о небывалыхъ побѣдахъ! Еслибы сосчитать всѣхъ плѣнныхъ нашихъ, которыхъ брали эти крикунишки, то недостало бы всей арміи Русской! Какая-то гора теперь отлегла и наше будущее яснѣе“.

Графъ Д. Н. Хвостовъ, узнавъ, что стихотвореніе Пуш-

кина *Клеветникамъ Россіи* не всѣмъ одинаково понравилось, принялъ поэта подъ свое покровительство и написалъ ему длинное посланіе; когда же узналъ, что Пушкинъ живетъ на Фурштатской, у Таврическаго сада, то привѣтствовалъ его новымъ посланіемъ:

Любитель музъ съ зарею майской
Спѣши къ источникамъ ключей:
Ступай подслушать на Фурштатской,
Поетъ гдѣ Пушкинъ соловей.

Эти стихи были кѣмъ-то положены на музыку, и графъ Хвостовъ послалъ ихъ женѣ поэта. Пушкинъ по этому поводу писалъ автору: „Жена моя благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу предъ вами: два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лиры заслуженной и вѣчно юной. Надняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху“ [481]).

XLIII.

Въ Сѣрковѣ Погодину пришла мысль ѣхать съ *Петромъ* въ Петербургъ и искать тамъ счастія [482]), то есть представить эту свою трагедію Государю и исходатайствовать позволеніе напечатать [483]). По обычаю, онъ предавался мечтамъ. „Можетъ быть“, пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ,* „Государю будетъ утѣшительно теперь прочесть объ опасностяхъ Петра“. Можетъ быть „Государь сдѣлаетъ меня статсъ-секретаремъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Что же, буду переписываться съ Гизо, слушать мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ“. Отъ радужныхъ надеждъ Погодинъ быстро переходилъ почти въ отчаяніе. Но „если нельзя будетъ по теперешнимъ обстоятельствамъ довести Петра до Государя! Скажутъ, не до васъ. О Господи! Да когда же кончатся мои неудачи. Переписы-

ваю, исправляю и усталъ безъ памяти. Грудь болитъ и кашель. Господи Боже мой! И за труды такіе никакого возмездія. И въ какихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Надежда одна на *Петра*, который долженъ выручить меня изъ бѣды, какъ Голикова“ [484]).

Въ сентябрѣ 1831 года, Погодинъ отправился въ Петербургъ. Въ напутствіе С. Т. Аксаковъ писалъ ему: „Посылаю вамъ письмо къ Кавелину. Прочтите письмо и поступите сообразно съ нимъ. Ради Христа, исключите все изъ Петра, что можетъ сдѣлать боль глазамъ близорукимъ. Вся моя надежда на А. С. Пушкина. Мнѣ кажется, что онъ скажетъ тоже“ [485]). 28 Сентября Погодинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Веневитиновыхъ. Въ тотъ-же день онъ посѣтилъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, который по секрету сообщилъ ему, что Блудовъ виноватъ въ его „задержкѣ“. Вечеромъ Погодинъ прочелъ князю Одоевскому и Веневитинову своего *Петра*, которымъ они остались „отмѣнно довольны“. Совѣтовались, какъ пустить его въ ходъ“ [486]). Чуть не на другой же день по пріѣздѣ въ Петербургъ, Погодинъ отправился въ Царское Село къ Пушкину. „Въ тотъ же вечеръ“, пишетъ Погодинъ, „повелъ онъ меня къ Жуковскому, который жилъ по сосѣдству въ дворцовомъ флигелѣ, выстроенномъ для Великаго Князя Наслѣдника. Я прочелъ имъ трагедію. Оба были очень довольны. Жуковскій предложилъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія, находя по мѣстамъ длинноты. Я принялся за работу, устроясь на житье у товарища своего по Университету Василія Дмитріевича Троицкаго, который въ то время служилъ адъюнктомъ въ Лицеѣ. Окончивъ работу, я представилъ ее своимъ высокимъ судьямъ. Жуковскій былъ очень доволенъ и, похваляя меня, сказалъ Пушкину: можно честь воздать ему, онъ исключилъ триста стиховъ у себя. Положено съ общаго совѣта представить трагедію въ цензурный комитетъ и дѣйствовать потомъ, смотря по обстоятельствамъ. Жуковскій обѣщался предупредить Блудова, который былъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія“. Въ отвѣтъ на извѣщеніе

о своей Царскосельской поѣздкѣ, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ С. Т. Аксакова: „Сердечно рады, что вы хорошо доѣхали и хорошо начали, по крайней мѣрѣ, въ Царскомъ Селѣ. Но какъ это вы умудрились выпасть изъ дилижанса? Нельзя было предполагать, чтобъ Жуковскій и Пушкинъ не приняли въ немъ участія; кому же, какъ не имъ, быть добросовѣстными цѣнителями? Но вотъ въ чемъ дѣло, одного литературнаго участія не довольно; надобно, чтобъ они оказали вамъ возможную помощь и съ другой стороны. Теперь вы видите, любезный другъ, что большая часть замѣчаній Московскихъ сходны съ Царскосельскими; но изъ письма вашего я не вижу, съ выпусками читали вы *Петра* или нѣтъ? Ужели позорное клеймо на *Петра* въ послѣднемъ актѣ не подверглось осужденію“ [487]).

То есть:

Какъ! давно ужъ полночь!
Такъ мы теперь къ заутрени пойдемъ
Благодарить Творца за двѣ побѣды—
Надъ внѣшними и внутренними врагами.
Послѣднюю, залогъ святой спасенья,
Съ мучительной я болью получилъ.
Утѣшимся. Фундаментъ просвѣщенья
На вѣкъ у насъ я ею заложилъ.
Все новое спаслось отъ разрушенья.
Я кровью все сыновней искупилъ.
А насъ судить пускай потомки станутъ.
Авось меня добромъ они помянутъ! [488]).

Надеждинъ, узнавъ о Царскосельскихъ успѣхахъ Погодина, писалъ ему: „Ну, Мишутка! Я радъ, что дѣла твои обѣщаютъ хорошій успѣхъ. Да что-жъ ты, чучело, ничего ко мнѣ не пишешь, ни о чемъ меня не извѣстишь? Губы что ли дуешь? Извѣсти, что говорятъ о *Телескопѣ*? Какое общее мнѣніе? Чѣмъ довольны? Чего требуютъ? Особенно повыспроси Пушкина и Жуковскаго“. А Томашевскій писалъ своему другу: „Пожалуйста, постарайся просвѣтиться въ Петербургѣ и къ намъ пріѣзжай уже не издателемъ *Московскаго Вѣстника* блаженной памяти, *а человѣкомъ*“ [489]).

По возвращеніи изъ Царскаго Села Погодинъ прежде всего устремилъ свои взоры на Министерство Народнаго Просвѣщенія, гдѣ сосредоточивались и цензура, и высшее его начальство. Надо замѣтить, что Погодина очень удручало невыгодное мнѣніе о немъ Министра Народнаго Просвѣщенія. Еще весною Загоскинъ ѣздилъ въ Петербургъ и представлялся Министру. Когда зашла рѣчь о Погодинѣ, то онъ назвалъ его *либераломъ*, и Загоскинъ насилу его разувѣрилъ въ этомъ. Узнавъ объ этомъ, Погодинъ съ грустью записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Господи Боже! Что за несчастіе человѣку. Откуда могло родиться такое подозрѣніе на человѣка, по Исторіи преданнаго Правительству! Четыре года издавалъ журналъ безъ одного замѣчанія отъ цензоровъ. Четыре года читаю лекціи безъ одного слова двусмысленнаго“. Карташевскому, родственнику Аксаковыхъ, Министръ также говорилъ о *либерализмѣ* Погодина, „а простодушный Загоскинъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „увѣрялъ меня, что онъ его разувѣрилъ. Богъ съ вами! Пустите меня въ деревню, а тамъ я позабуду все“. Въ то же время Московскій полиціймейстеръ С. Н. Мухановъ говорилъ Топорнину, дѣти котораго воспитывались въ пансіонѣ Погодина, что онъ напрасно ихъ отдалъ къ нему въ пансіонъ, ибо „Погодинъ показалъ себя дурно журналомъ. Онъ мастеръ писать“; при этомъ Мухановъ совѣтовалъ отдать молодыхъ Топорниныхъ въ пансіонъ Павлова. „Откуда пошли всѣ эти подозрѣнія!“ съ отчаяніемъ восклицаетъ Погодинъ, „ну, не несчастье ли это! Гражданинъ спокойный, исправный, дѣятельный, осторожный, я попался, чортъ знаетъ почему, не на хорошее замѣчаніе, а мошенники, дѣйствуя даже очертя голову, живутъ себѣ спокойно да поживаютъ“. Съ такимъ настроеніемъ Погодинъ, будучи въ Петербургѣ, рѣшился представиться министру народнаго просвѣщенія князю Карлу Андреевичу Ливену. Предварительно онъ счелъ за благо познакомиться съ директоромъ его канцеляріи М. П. Новосильскимъ; но это не помогло, и Министръ принялъ Погодина очень сухо: „Десятокъ обыкновенныхъ вопросовъ отъ

Министра и только, даже обѣдать не позвалъ. Что за чортъ! Вѣдь ему должно бы объясниться". Вскорѣ послѣ своего представленія Погодинъ узнаетъ, что Министръ уѣхалъ въ Москву. „Ужъ не съ просвѣщеніемъ ли хотятъ что сдѣлать!" Но въ концѣ-концовъ Погодинъ успокоился на такомъ афоризмѣ: „Министры должны нынѣ кланяться ученымъ", и сознаніемъ, что на немъ, Погодинѣ, почіетъ „духъ историческій" [490]).

Всѣ мысли Погодина въ то время были обращены на цензуру, которая должна была рѣшить участь его трагедіи. Прежде всего онъ былъ озабоченъ перепискою своего произведенія и въ этомъ ему помогъ графъ Александръ Петровичъ Толстой, который тогда служилъ директоромъ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Еще до отъѣзда Погодина въ Петербургъ, Любимовъ писалъ ему: „Если къ вамъ будетъ графъ Александръ Петровичъ Толстой, то примите его какъ *своего*. Онъ человѣкъ какихъ мало: просвѣщеннѣйшій, съ самой теплой и возвышенной душою и вполнѣ Русскій. Это тотъ самый, который былъ въ Киргизскихъ степяхъ нѣкогда, потомъ въ Константинополѣ, въ Парижѣ и наконецъ по совершеніи Турецкой кампаніи прибылъ въ Питеръ, снялъ флигель-адъютантскій мундиръ и надѣлъ опять смиренную одежду дипломата. Впрочемъ, онъ камергеръ и назначенъ первымъ секретаремъ въ Грецію" [491]). Но не въ Грецію попалъ Толстой, а въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Повидимому, графъ Толстой съ перваго раза сблизился съ Погодинымъ, который, по пріѣздѣ въ Петербургъ, счелъ долгомъ посѣтить его, и онъ предложилъ ему мѣсто начальника Статистическаго Отдѣленія. „Дѣло блистательное", замѣчаетъ Погодинъ по поводу этого предложенія,— „показать силы Россіи, которыя не знаютъ Европейцы, ни соотечественники; но отвлеченіе отъ деревни. Нѣтъ, нѣтъ, у меня твердыя рѣшенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ они вели возвышенныя бесѣды о назначеніи человѣческаго рода, объ усовершенствованіи и пр. Въ довершеніе любезности, Толстой при-

казалъ переписать въ своей канцеляріи трагедію Погодина, для представленія въ Цензурный Комитетъ. Когда списокъ былъ готовъ, Погодинъ, „благословясь", повезъ его на цензуру своего стараго знакомаго „любезнаго" Василія Николаевича Семенова. Гостепріимный цензоръ пригласилъ автора къ себѣ обѣдать и тутъ же нѣсколько обнадежилъ его касательно *Петра*. „Кажется, пропустится" [492]). Черезъ нѣсколько дней Погодинъ получаетъ слѣдующее извѣщеніе отъ Семенова: „Рѣшеніе Комитета узнаете отъ самого К. М. Бороздина, который очень желаетъ познакомиться съ вами" [493]).

Константинъ Матвѣевичъ Бороздинъ занималъ въ то время постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, а слѣдовательно и предсѣдателя Цензурнаго Комитета. Любимымъ занятіемъ его было изученіе Русской Исторіи и въ особенности Генеалогіи. По свидѣтельству его родственника Д. В. Полѣнова, Бороздинъ принадлежалъ къ числу людей, которые „занимались наукою по безкорыстной любви къ ней и для собственнаго удовлетворенія, но и безъ особеннаго напряженія. При томъ же обязанности по службѣ, которую онъ проходилъ во всю свою жизнь, не позволяли ему усидчиво и съ большимъ постоянствомъ трудиться надъ историческими и генеалогическими изслѣдованіями. Бороздинъ собралъ прекрасную библіотеку, которую старался дополнять въ продолженіе всей своей жизни. Онъ велъ образъ жизни самый скромный, почти уединенный, но любилъ когда его посѣщали люди ученые" [494]). Само собою разумѣется, что Бороздинъ принялъ Погодина очень ласково. Толковалъ съ нимъ о Русскомъ солдатѣ, сообщилъ Погодину изреченіе Паскевича: *Я не сдвинусь съ мѣста прежде чѣмъ солдаты будутъ сыты и пьяны*. Говорилъ онъ также о Нѣмецкихъ ученыхъ, которые не любятъ Карамзина и Іоанна III. Толковали они также и объ Историческомъ Словарѣ. Между разговоромъ Бороздинъ спросилъ Погодина: Кто вашъ батюшка? *Крѣпостной человѣкъ, а послѣ губернскій секретарь*. По поводу этого вопроса, Погодинъ про

себя замѣтилъ: „Мнѣ не хотѣлось было прежде это говорить, а теперь привыкъ".

Что же касается трагедіи *Петра*, то Бороздинъ сказалъ Погодину, что онъ „радъ все сдѣлать, но боится", и посовѣтовалъ ему отвезти свою трагедію къ цензору и прочитать ее съ нимъ, „не какъ авторъ". На другой же день Погодинъ отправился къ Семенову, и въ цѣлое утро прочелъ съ нимъ только два дѣйствія. „Я вымарывалъ все", замѣчаетъ Погодинъ, „по ихъ требованію. Теперь ничего не остается противнаго цензурѣ и все подтверждено документами". Вмѣстѣ съ тѣмъ Бороздинъ сообщилъ Погодину, что изъ предварительнаго разговора его съ Блудовымъ онъ замѣтилъ вчера, что Блудовъ нисколько не расположенъ брать на себя отвѣтственность за *Петра*. „Прискорбно мнѣ", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „гдѣ-же меценаты!"

Узнавъ о пріѣздѣ Погодина въ Петербургъ, Д. Н. Блудовъ выразилъ желаніе его видѣть. Въ назначенный день Погодинъ является къ Блудову, но не застаетъ его дома: говорятъ, уѣхалъ въ Царское Село. „Это хорошо", замѣчаетъ Погодинъ, „Жуковскій и Пушкинъ назвонятъ обо мнѣ". На другой же день Погодинъ опять отправляется къ Блудову, и на этотъ разъ застаетъ дома. Вотъ что записалъ онъ объ этомъ своемъ свиданіи съ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія: „Встрѣтился, говорилъ и проводилъ какъ литераторъ литератора".

Блудовъ. Я думалъ, что вы переѣзжаете въ Петербургъ.

Погодинъ. Нѣтъ, тогда встрѣтились препятствія, которыя Министръ преодолѣть былъ не въ силахъ.

Блудовъ. Какія же? Я ничего не зналъ объ этомъ и это для меня осталось тайною.

Разсказывалъ о судѣ надъ Алексѣемъ, извѣстномъ ему по подлиннымъ бумагамъ.

Погодинъ (про себя). У меня почти все такъ, угадано даже неизвѣстное. Отравленъ.

Блудовъ. Казни не одобряетъ. Можно-ли человѣку исправлять ошибки судьбы.

Бранитъ *Телеграфъ*. Хвалитъ подъ условіемъ *Телескопъ*.

Погодинъ. Я, между прочимъ, сказалъ, что думаю проситься въ смотрители.

Блудовъ. Промолчалъ.

Хвалитъ *Марѳу*, особенно 4-е дѣйствіе. Звалъ еще.

Погодинъ (про себя). Зачѣмъ я не объяснился о мнѣніи Министра. Нѣтъ, ни въ комъ ни найдти видно того участія, какое мы, напримѣръ, принимали въ Гульяновѣ, Калайдовичѣ и пр. Надо все брать приступомъ".

Послѣ этого свиданія, Погодинъ съ огорченіемъ узналъ, что Пушкинъ былъ въ Петербургѣ *вчера*, т.-е. тогда, когда Блудовъ былъ въ Царскомъ Селѣ, „слѣдовательно Блудовъ не видалъ его въ Царскомъ Селѣ. Что за неудача".

Узнавъ отъ Бороздина, что Блудовъ довольно апатично относится къ *Петру*, Погодинъ снова отправляется къ нему. Долго дожидается въ пріемной и наконецъ его просятъ придти въ 4 часа. Въ назначенное время является. Камердинеръ Блудова говоритъ Погодину, что теперь вѣрно некогда. *Но онъ самъ назначилъ*, отвѣчаетъ ему Погодинъ. „Подождите". *Дожидаюсь*. Наконецъ, Блудовъ, кончивъ дѣла, показывается.

Блудовъ. Я думаю, надо представить Государю вашу трагедію. Члены въ самомъ началѣ изъявили свое сомнѣніе. Преклонять шестерыхъ на свою сторону щекотливо. Всего лучше и безопаснѣе для васъ спросить объ этомъ, какъ случаѣ необыкновенномъ, Государя... Я допытывался, почему не перевели васъ тогда къ намъ. Вѣрно Министръ смѣшалъ съ Полевымъ. Больше ничего быть не можетъ. Я объясню это по пріѣздѣ Министра".

Этотъ разговоръ происходилъ 24 октября 1831 года, а 13 октября того же года, цензоръ В. Н. Семеновъ писалъ въ Цензурный Комитетъ: а) Позволительно ли выводить въ драматическомъ сочиненіи лицо историческое, еще столь близкое, какъ Петръ Великій, къ памяти коего мы должны благоговѣть, какъ къ преобразователю Россіи и прапрадѣду нынѣ царствующаго Государя; б) можно ли допустить, чтобы импе-

ратрица Екатерина I участвовала въ политическихъ замыслахъ князя Меншикова, или даже ободряла оные молчаніемъ своимъ; в) позволительно-ли излагать въ трагедіи подозрѣнія, что Петръ Великій самъ приказалъ пытать сына своего въ застѣнкѣ; г) можно ли допустить въ устахъ самихъ заговорщиковъ дерзкія и оскорбительныя выходки противъ Петра Великаго; позволительны ли слишкомъ сильныя возраженія Государю въ устахъ князя Якова Долгорукаго"... Не находя ни въ одномъ пунктѣ Устава Цензуры руководства для разрѣшенія сихъ вопросовъ, Семеновъ „долгомъ почелъ" представить свои сомнѣнія на благоусмотрѣніе Цензурнаго Комитета.

Не разрѣшилъ указанныхъ сомнѣній и К. М. Бороздинъ, который, какъ предсѣдатель Цензурнаго Комитета, 20 октября сообщилъ представленныя сомнѣнія на усмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры, которое, въ засѣданіи своемъ, бывшемъ 25 ноября 1831 года, то есть когда Погодина уже не было въ Петербургѣ, опредѣлило: представить все это на Высочайшее благоусмотрѣніе. О дальнѣйшемъ авторъ трагедіи *Петръ I* узналъ уже въ Москвѣ.

Любопытно, не задолго предъ тѣмъ, Погодинъ ѣздилъ въ Петропавловскую крѣпость и тамъ молился „надъ гробомъ Петра Великаго. Молился съ чувствомъ о прощеніи грѣховъ его. Слушалъ обѣдню. Отыскивалъ гробъ царевича Алексѣя Петровича: знаютъ только, что подъ колокольнею съ лѣвой стороны" [495]).

XLIV.

Пока трагедія Погодина оставалась въ цензурѣ, авторъ читалъ ее у многихъ знакомыхъ: у князя Одоевскаго, у графини Лаваль, у князя Н. Н. Оболенскаго. Всѣ были очень довольны и разсыпались въ похвалахъ. Князь Оболенскій сдѣлалъ въ честь Погодина особенный роскошный завтракъ, къ которому былъ приглашенъ Каратыгинъ. Сей знаменитый актеръ нашъ былъ въ восторгѣ, воображая какъ будетъ играть

Петра. Дѣйствительно, по убѣжденію Погодина, „онъ былъ будто рожденъ для этой роли: высокій ростъ, громкій голосъ, хотя нѣсколько и грубый. Лицо можно было расписать ему такъ, чтобъ онъ показался настоящимъ Петромъ, со всѣми его движеніями и привычками, напримѣръ подергиваніемъ плечъ, во время гнѣва". Каратыгинъ просилъ Погодина прочесть трагедію у него въ домѣ, и жена его Александра Михайловна Колосова прислала ему записку: „Человѣкъ", писала она, „перепуталъ вашу фамилію и тѣмъ лишилъ меня удовольствія видѣть васъ. Василій Андреевичъ въ такомъ восхищеніи отъ вашего *Петра*, что никакая болѣзнь не остановила бы меня принять почтеннаго его автора. Я рѣдко видѣла мужа моего въ такомъ восторгѣ и полномъ удовольствіи, какое принесло ему чтеніе *Петра Великаго*" [496]). Эти строки произвели на Погодина самое пріятное впечатлѣніе. „Письмо милое", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и правильное отъ Каратыгиной, которая не приняла меня по ошибкѣ". Вслѣдъ за симъ, 30 октября 1831 года, Погодинъ читалъ у Каратыгина своего *Петра*. „Въ восхищеніи", съ удовольствіемъ замѣчаетъ Погодинъ, „Александра Михайловна нашла случай сказать мнѣ много пріятнаго". Погодину весьма понравилась самая обстановка Каратыгина. „Семейственная картина", пишетъ онъ, „она въ неглиже, онъ съ трубкою, дитя, бабушка. Все чисто, опрятно. Очень понравилось. Чтеніе и всѣ въ восхищеніи, даже Мефистофель Мальцовъ и Оленинъ, котораго было мнѣ не хотѣлось приглашать. Каратыгинъ три раза плакалъ. Я читалъ съ удовольствіемъ".

Домъ князя В. Ѳ. Одоевскаго доставлялъ Погодину большое утѣшеніе. Въ Петербургѣ князь Одоевскій оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ Москвѣ. Всѣ свои досуги онъ посвящалъ философіи, литературѣ и музыкѣ. Не измѣнилъ онъ въ Петербургѣ и Московскому гостепріимству, и хлѣбосольству. Погодинъ у него и завтракалъ, и обѣдалъ, и ужиналъ. На вечерахъ у него „толковали предъ Княгинею о многоженствѣ, а я", замѣчаетъ Погодинъ, „молчалъ. Потомъ объ усовершен-

ствованіи, а я все молчалъ. Нѣтъ не мое здѣсь мѣсто". При всемъ томъ, что княгиня Одоевская, по свидѣтельству самого же Погодина, была для своего мужа „добрымъ геніемъ, попечительницей, хранительницей, кормилицей во все продолженіе жизни", она однажды, и вѣроятно въ шутку, жаловалась Погодину на своего мужа. Да и самъ Погодинъ примѣчалъ, что Одоевскій „властвуетъ дома" [497]). Это дало ему поводъ написать письмо къ Княгинѣ и преподать ей совѣтъ взять въ руки своего мужа. На это письмо Погодина отвѣчалъ самъ Одоевскій: „Вы пишете не ко мнѣ, а къ женѣ, такъ пусть же она вамъ и отвѣчаетъ, разбирайте же ея почеркъ! На здоровье! Что совѣтуете? Чтобы она меня къ рукамъ взяла, чтобы меня, Русскаго человѣка, т.-е., который происходитъ отъ людей, выдумавшихъ слова *приволье* и *раздолье*, не существующія ни на какомъ другомъ языкѣ,—вытянуть по басурманскому методизму? Не тутъ-то было! Та-ли у насъ природа, принимая это слово во всѣхъ возможныхъ значеніяхъ? У басурмановъ явится весна, уже вытягиваетъ, вытягиваетъ почки, - потомъ лѣто ужъ печетъ, печетъ, осень жеманится, жеманится передъ зимою — такъ-ли у насъ? Еще снѣгъ во рву, да солнце блеснуло, и разомъ все зазеленѣло, разцвѣло, созрѣло и снова подъ снѣговую шубу. Такъ и всѣ наши великіе люди и вашъ Петръ, и Потемкинъ, и Безбородко, и вашъ покорный слуга. Не даромъ же между ними и климатомъ такое соотношеніе. Что на это скажете, милостивый государь? Ничего! Неправда-ли? Такъ не удивляйтесь же, что я по прежнему не ложусь въ 11, не встаю въ 6, не обѣдаю въ 3 — и къ вящшему вашему прискорбію объявляю, что и письмо это пишу къ вамъ въ 2 часа съ половиною за полночь". Княгиня Одоевская уже по возвращеніи Погодина въ Москву написала ему весьма дружеское письмо: „Не нахожу словъ васъ благодарить за вашу память, за вашу точность, за исполненіе всѣхъ моихъ порученій. Ваше письмо мнѣ доставило такое же удовольствіе какъ ваша бесѣда и живо напомнило часы пріятные, которые я про-

вела съ вами. Графиня Лаваль мать сбирается къ вамъ писать, приготовляя отвѣтъ. Скажите княжнѣ А. И. Трубецкой, что я ее съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю. Надѣюсь, что она меня хоть немного любитъ и что мы будемъ часто видаться. Браните Владиміра чаще, онъ еще безпорядочнѣе жизнь ведетъ“ [498]).

У Одоевскихъ Погодинъ познакомился съ экспедиторомъ III-го Отдѣленія Борисомъ Алексѣевичемъ Враскимъ, который былъ ему очень полезенъ въ его хлопотахъ о *Марѳѣ* и *Петрѣ*. Враскій взялся развѣдать о рѣшеніи Бенкендорфа касательно *Марѳы*, которая до сихъ поръ не выпускалась въ свѣтъ.

Чрезъ Андрея Николаевича Муравьева, Погодинъ познакомился съ его двоюроднымъ братомъ Александромъ Николаевичемъ Мордвиновымъ, который въ то время занималъ должность правителя канцеляріи Бенкендорфа. Когда Погодинъ къ нему явился, то Мордвиновъ сказалъ ему, что генералъ Бенкендорфъ принимаетъ въ немъ участіе и выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Черезъ нѣсколько времени, Погодинъ получаетъ чрезъ Враскаго приглашеніе отъ Мордвинова прочесть у него *Петра*. „Не такъ учтивъ оборотъ“ замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „но это отъ передателя. А эти люди нужны“. Въ назначенный день для чтенія, Погодинъ отправился къ А. Н. Муравьеву, „чтобы узнать о вечерѣ Мордвинова“. Наканунѣ этого вечера Погодинъ у Одоевскаго встрѣтился съ Враскимъ, который „ничего не зналъ по какому поводу Мордвиновъ проситъ его прочесть *Петра*. Кажется Оленинъ хлопочетъ. Наконецъ вечеръ у Мордвинова состоялся, въ числѣ его слушателей были также Могилевскій губернаторъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ *) и служащій по цензурной части въ III-мъ отдѣленіи Евстаѳій Ивановичъ Ольдекопъ, который по порученію Бенкендорфа читалъ *Марѳу* и совершенно одобрилъ ее. Чтеніе Погодина было принято „съ восхищеніемъ, а особенно дамами“, при этомъ По-

*) Впослѣдствіи графъ.

годинъ съ особенною похвалою отзывается о женѣ Мордвинова: „милая и кроткая женщина“. Но всѣ слушатели въ одинъ голосъ заявили: *пропустить нельзя, нечего и думать.* Не смотря на это, Погодинъ остался доволенъ вечеромъ. „Я радъ“, заноситъ онъ въ свой *Дневникъ*, „этому знакомству. Между прочимъ оно доказываетъ, что на мнѣ нѣтъ никакого пятна въ глазахъ высшаго правительства; иначе Мордвиновъ не пригласилъ бы меня къ себѣ и не принялъ бы такъ ласково. Тоже утверждаетъ и Враскій, къ которому я заѣзжалъ ввечеру. Слава Богу! Но изъ чего же я такъ безпокоился! Слѣдовательно, все это недоразумѣніе Министра. Ну, чортъ его возьми. Это еще ничего“ [499]).

Чтеніе *Петра* въ Петербургѣ произвело, кажется. благопріятное впечатлѣніе. „Оленинъ“, писалъ Веневитиновъ Погодину, „все еще какъ шальной отъ твоего *Петра*. Онъ горячится за него. Дѣвушки наши въ тебя влюблены. Вотъ нравственное дѣйствіе театра“ [500]). Послѣ удачнаго вечера у Мордвинова, Враскій усугубилъ свое участіе къ Погодину и даже толковалъ съ нимъ о томъ, „какъ допроситься Бенкендорфа о *Марѳѣ*“. Но Погодинъ стѣснялся явиться къ Бенкендорфу; ибо ему не хотѣлось встрѣтиться у него съ Полевымъ, который въ это время, по свидѣтельству Погодина, „поддѣлался“ къ Бенкендорфу.

Между тѣмъ, съ самимъ Бенкендорфомъ у Погодина произошло непріятное недоразумѣніе. Предъ отъѣздомъ въ Москву, для сопровожденія Государя, Бенкендорфъ назначилъ аудіенцію Погодину, для объясненія о *Марѳѣ*; „но къ моему несчастію“, писалъ онъ Шевыреву, „его приглашеніе пролежало у Смирдина три дня, и я получилъ его какъ срокъ прошелъ и генералъ уѣхалъ въ Москву“ [501]).

На вечерахъ у Одоевскихъ Погодинъ встрѣчался съ извѣстнымъ авторомъ *Записокъ* Филиппомъ Филипповичемъ Вигелемъ, который показался ему похожимъ „на іезуита“ [502]); но Вигель, занимавшій тогда постъ директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій, какъ только узналъ, что Пого-

динъ въ Петербургѣ, чрезъ своего чиновника, извѣстнаго Глаголева, выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться. „Хотите ли вы“, писалъ князь Одоевскій Погодину, „сегодня ѣхать къ Вигелю? Онъ нарочно остается для васъ цѣлый вечеръ“ [503]). Объ этомъ посѣщеніи Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Къ Вигелю, который съ величайшими комплиментами перевелъ мою статью о Польшѣ“ [504]).

Погодинъ остался очень доволенъ своею остановкою въ Петербургѣ у Веневитиновыхъ и объ этомъ писалъ Шевыреву: „Веневитиновъ — предобрая душа, и я очень ему благодаренъ. Одоевскимъ также. Онъ занимается литературой. Но въ Петербургѣ нельзя заниматься: столько разсѣяній по службѣ, свѣту и проч. Нѣтъ, въ деревню, въ деревню“ [505]). Въ А. В. Веневитиновѣ Погодинъ нашелъ себѣ сочувственную душу. „Толковалъ съ Веневитиновымъ“, писалъ онъ, „часу до 4-го. Вывѣдывалъ и узналъ: княжна Александра Ивановна чахнетъ, вѣрно влюблена“. Въ Петербургѣ же Погодинъ получилъ извѣстіе сначала о безнадежномъ положеніи, а потомъ и о кончинѣ княгини Екатерины Александровны Трубецкой. „Это извѣстіе“, пишетъ Погодинъ, „поразило меня. Думалъ о ней съ прискорбіемъ“. Наканунѣ Погодину вышло на картахъ: „смерть и марьяжъ“. Любимый сынъ покойной, князь Н. И. Трубецкій, въ это время находился въ Петербургѣ. Погодинъ отыскалъ его. „Не знаетъ. Прискорбно было смотрѣть на него, показывавшаго гостинцы матери“. Вечеромъ Погодинъ толковалъ съ Одоевскимъ о Трубецкихъ.

А. Н. Веневитинова, конечно въ шутку, сказала Погодину, что *Пушкинъ ему ревнуетъ.* Но Погодинъ кажется этому повѣрилъ. Разлетается къ Пушкину въ день его переѣзда изъ Царскаго Села и ему уже кажется *сухое свиданіе.* Черезъ нѣсколько дней Погодинъ опять посѣщаетъ Пушкина и находитъ, что *участія живаго ужъ нѣтъ.*

Жуковскій переѣхалъ въ Петербургъ раньше Пушкина. Надо замѣтить, что Погодинъ былъ въ претензіи на Жуков-

скаго за то, что тотъ не рекомендовалъ его въ учителя къ Наслѣднику. „И Жуковскій“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „не можетъ сказать: *вотъ кто имѣетъ лучшее понятіе объ Исторіи, и кто долженъ учить Великаго Князя.* Ну что же это за слабый характеръ“. Не смотря на это, Погодинъ усердно посѣщалъ Жуковскаго, который говорилъ о Русскомъ просвѣщеніи, „изъ русской головы, а не извнѣ“, о Русской Исторіи, о Мерзляковѣ, о воспитаніи Русскаго царя: но я, „замѣчаетъ Погодинъ, „почти все молчалъ, самому странно“. Жуковскій бранилъ магнатовъ и называлъ ихъ Молохами. „Въ Россіи“, говорилъ онъ, „все должно быть отъ царя, а царь да не спѣшитъ и идетъ одинъ дорогою“. Изъ разговоровъ Жуковскаго, Погодинъ примѣтилъ, что въ немъ „много отвлеченностей, несмотря на то, что онъ преданъ только фактамъ“. Однажды Погодинъ встрѣтился съ нимъ на улицѣ и сопровождалъ его въ прогулкѣ. Жуковскій говорилъ: о Вальтеръ Скоттѣ, Байронѣ; „а я“, замѣчаетъ опять Погодинъ, „почти все молчалъ. Досадно!“ Жуковскій приглашалъ Погодина и на свои вечера. Тамъ онъ встрѣчалъ Гнѣдича, Пушкина, Одоевскаго. При этомъ Погодинъ замѣтилъ, что Пушкинъ „что-то очень разстроенъ“. Жуковскій обѣщалъ Погодину написать Блудову о *Петрѣ*: *авось онъ не будетъ такимъ варваромъ.*

Съ письмомъ Жуковскаго и съ переписанною рукописью *Петра* Погодинъ еще разъ толкнулся къ Блудову, который принялъ его „очень учтиво“ и сказалъ ему: „чтобы оберечь васъ, надо послать (*Петра*) къ Государю“; а Жуковскій, встрѣтившись съ Блудовымъ у Карамзиныхъ, очень хвалилъ ему эту трагедію и „возставалъ противъ сомнѣній цензуры“. Погодинъ же просилъ графа А. П. Толстаго передать Е. А. Карамзиной его мысли о воспитаніи ея сыновей: *не посылать въ Дерптъ, а въ Москву.*

Въ это время въ Петербургѣ пребывалъ П. А. Мухановъ и вызвался записать своего пріятеля Погодина въ Англійскій клубъ. Въ клубѣ Погодинъ встрѣтился съ Крыловымъ и графомъ

Хвостовымъ, который „осадилъ“ его. Само собою разумѣется, что послѣ этой встрѣчи въ клубѣ, Погодинъ счелъ долгомъ явиться къ Крылову и засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Крыловъ разсказывалъ ему, что однажды онъ встрѣтился съ императоромъ Павломъ, который сказалъ ему: *Здравствуйте Иванъ Андреевичъ. Здоровы-ли вы?* И Крыловъ поднесъ ему *Клеопатру*. Знаменитый нашъ баснописецъ просилъ Погодина дать ему прочесть *Петра*. „Да если“, замѣчаетъ Погодинъ, „ему дать бѣлаго, то онъ перепачкаетъ“. Чрезъ нѣсколько дней, Погодинъ, зайдя къ Крылову, засталъ его за чтеніемъ своей трагедіи, которую онъ „дочелъ и очень хвалитъ“.

Съ другомъ Крылова, Гнѣдичемъ, Погодинъ познакомился еще въ Москвѣ. Лѣтомъ 1831 года переводчикъ *Иліады* посѣтилъ первопрестольную столицу. Предъ самымъ отъѣздомъ своимъ въ Сѣрково, Погодинъ имѣлъ счастіе съ нимъ видѣться и бесѣдовать. При свиданіи Гнѣдичъ сказалъ Погодину „много комплиментовъ“. „Обращеніе“, замѣчаетъ послѣдній „*Петербургское*, пріятное, приличное образованному человѣку, не чета *глупому нашему*, которое надо преобразовать“. Почему-то свиданіе и бесѣды съ Гнѣдичемъ вложили Погодину мысль написать о деспотизмѣ, духѣ народномъ въ Россіи: попъ въ церкви, купецъ въ лавкѣ“. Въ Петербургѣ Погодинъ встрѣчался съ Гнѣдичемъ на вечерахъ у Жуковскаго. Изъ личнаго посѣщенія Гнѣдича Погодинъ вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. „Его бесѣда“, замѣчаетъ Погодинъ, поучительна. О народности: фанатизмъ въ Испаніи, духъ рыцарства во Франціи. Крыловъ, какъ Дмитріевъ, никому не говоритъ правды. Дмитріевъ трое сутокъ пересматривалъ съ Крыловымъ какую-то первую его трагедію и потомъ сожгли ее изчерченную. Лѣтъ двадцать Крыловъ ѣздилъ на промыслы картежные. Чей это портретъ? Крылова. Какого Крылова? Да это первый нашъ литераторъ Иванъ Андреевичъ! Что вы? Онъ, кажется, пишетъ только мѣломъ на зеленомъ столѣ? О Святославѣ. Въ *Марѳѣ* Гнѣдичъ „недоволенъ языкомъ простонароднымъ“. Но

встрѣтившись съ переводчикомъ *Иліады* у Плетнева, Погодинъ иронически замѣчаетъ: „увидѣлъ *ораторствующаго* Гнѣдича“.

Какъ профессоръ, Погодинъ счелъ своею обязанностію посѣтить С.-Петербургскій Университетъ и попалъ на лекцію старца профессора Географіи Евдокима Филипповича Зябловскаго (род. 1765 г.). „Студенты“, замѣтилъ Погодинъ, отвѣчаютъ лучше нашего. На меня смотрѣли съ любопытствомъ“.

Весьма лестный пріемъ Погодину сдѣлалъ другой профессоръ Географіи и Статистики, извѣстный Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ. „Какое почтеніе ко мнѣ“, съ удовольствіемъ отмѣчаетъ Погодинъ. Арсеньевъ читалъ ему отрывокъ изъ своей Статистики и просилъ Погодина высказать о читанномъ свое мнѣніе. „Есть хорошія, патріотическія мысли“, пишетъ Погодинъ; „но какіе закоренѣлые предразсудки историческіе“. Арсеньевъ предложилъ Погодину принять участіе въ его статистическомъ путешествіи. „И такъ“, замѣчаетъ онъ по поводу этого предложенія, „Статистика для меня благопріятнѣе Исторіи“ [506]).

Погодинъ не забылъ посѣтить въ Петербургѣ любимаго наставника Пушкина и извѣстнаго автора *Философскихъ системъ* Александра Ивановича Галича. Еще въ 1814 году, въ пьесѣ *Пирующіе студенты*, Пушкинъ жалуетъ Галича въ президенты пирушки и говоритъ:

Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Въ 1815 году, поэтъ посвящаетъ ему два посланія, въ которыхъ выражаетъ нетерпѣніе опять увидѣться съ милымъ собесѣдникомъ, зоветъ его пировать въ Царское Село. Въ первомъ изъ нихъ говорится между прочимъ:

О Галичъ, вѣрный другъ бокала,
И жирныхъ утреннихъ пировъ!
Тебя зову, мудрецъ лѣнивый,
Въ пріютъ поэзіи счастливой

Подъ отдаленный нѣги кровъ!
Давно, въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей,
Не зрѣли кружки мы твоей [507]).

По поводу своего посѣщенія Галича, вотъ что́ занесъ Погодинъ въ свой *Дневникъ*: „Оригиналъ. Какъ ругаетъ Нѣмцевъ... Десять лѣтъ безъ дѣла. Но человѣкъ посвященный. Не пьетъ ли съ горя?“

Не безъ грусти о неисполнившейся мечтѣ, Погодинъ посѣщаетъ почтеннаго академика Филиппа Ивановича Круга, подъ руководствомъ коего мечталъ онъ нѣкогда изучать Нормановъ. Разговоръ между ними все вертѣлся около одного предмета. Кругъ сказалъ Погодину, будто бы „Государю не угодно было его перемѣщеніе въ Петербургъ. Министръ хотѣлъ и вдругъ нашелъ препятствіе. А можетъ быть предъ представленіемъ его запугали, и онъ побоялся представить; а можетъ быть и неблагопріятный отзывъ князя С. М. Голицына имѣлъ вліяніе на это дѣло. А что же значитъ“, спрашиваетъ Погодинъ, „предложеніе: какой хочу знакъ благодарности, за статью о Польшѣ?“ Но Кругъ все-таки оставался въ увѣренности, что Государю было неугодно перемѣщеніе Погодина въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ въ Москву, Погодинъ на Англійской набережной сѣлъ въ лодку и поплылъ по Невѣ, прощаться съ Кругомъ. „Поговорили о Варягахъ—Руси“, пишетъ онъ, и „вообще о древней Исторіи нашей. Добрый старикъ! Цѣловалъ меня съ участіемъ. Подарилъ Финскій лексиконъ. Онъ все увѣренъ, что недоразумѣнія со стороны Министра быть не можетъ. Ей Богу ничего не поймешь, но стоитъ ли труда понимать“ [508]).

Погодинъ не забылъ также посѣтить и извѣстнаго автора *Обозрѣнія Кормчей Книги* барона Густава Андреевича Розенкампфа и это дѣлаетъ ему честь; ибо съ воцареніемъ Николая, по свидѣтельству В. С. Печерина, домъ барона Розенкампфа попалъ „въ немилость“ и они жили въ совершенномъ уединеніи, оставленные и забытые прежними друзьями и знакомыми. *Такъ, разумѣется, и быть должно.* Рѣдко кто

заходилъ въ этотъ *забвенью брошенный* домъ, развѣ только иногда зайдетъ А. Х. Востоковъ по какимъ нибудь справкамъ для Кормчей Книги" [509]). Съ необыкновеннымъ радушіемъ принялъ баронъ Погодина. Старикъ „осыпалъ" его „комплиментами". „Онъ", замѣчаетъ Погодинъ, „перечиталъ все о нашемъ древнемъ правѣ. Наблюдая такого нѣмца, видишь какъ составляются Нѣмецкія книги. Онъ противъ Нѣмцевъ: мы, говоритъ, можемъ ходить ужъ не на помочахъ" [510]). Вскорѣ послѣ этого свиданія, баронъ Розенкампфъ скончался, въ глубокой бѣдности, такъ что, по свидѣтельству В. С. Печерина, „не нашлось ста бумажныхъ рублей для его похоронъ. Деньги выдали, кажется, изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по ходатайству старика Языкова; а баронесса *умерла съ голоду*" [511]).

„За подробностями о Мерзляковѣ", Погодинъ рѣшился посѣтить и автора *Сумасшедшаго Дома*, Александра Ѳедоровича Воейкова. „Совѣстно не посѣтить", замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „старшаго литератора. Такъ онъ оплеванъ всѣми"; но не засталъ его дома [512]).

Съ Булгаринымъ, Погодинъ, кажется избѣгалъ встрѣчаться; но съ Гречемъ, какъ мы увидимъ, онъ имѣлъ свиданіе у В. Н. Семенова.

Еще въ Апрѣлѣ 1831 года, Золотаревъ писалъ Погодину изъ Дерпта: „Булгаринъ сюда пріѣхалъ и какъ кажется совсѣмъ сюда переселился. Пользуется здѣсь особеннымъ уваженіемъ, какъ владѣтель Карлова, и живетъ здѣсь какъ Вальтеръ-Скоттъ въ своихъ Эдинбургскихъ помѣстьяхъ; счастливецъ, такъ его здѣсь называютъ многіе" [513]). Въ это время нашъ Дерптскій Вальтеръ-Скоттъ, какъ намъ уже извѣстно, издалъ новый романъ подъ заглавіемъ *Петръ Ивановичъ Выжигинъ.* По этому поводу Пушкинъ писалъ Плетневу: „Петръ Ивановичъ приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Неужто мы вразумили публику? Или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она для него, что имъ вмѣстѣ жить,

вмѣстѣ и умирать. На Выжигина 2-го я еще не посягалъ; а какъ, сказываютъ, обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю, не стану читать, а ругать все-таки буду". Въ *Телескопѣ* же Пушкинъ напечаталъ содержаніе романа *Настоящій Выжигинъ. Историко-нравственно-сатирическій романъ XIX вѣка:* „Глава I. Рожденіе Выжигина въ кудлашкиной конурѣ. Воспитаніе ради Христа. — Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизонъ. — Глава III. Драка въ кабакѣ. Ваше благородіе! Дайте опохмѣлиться! —Глава IV. Дружба съ Евсеемъ. Фризовая шинель. Кража. Бѣгство. — Глава V. Ubi bene, ubi patria. — Глава VI. Московскій пожаръ. Выжигинъ грабитъ Москву. — Глава VII. Выжигинъ перебѣгаетъ.—Глава VIII. Выжигинъ безъ куска хлѣба. Выжигинъ ябедникъ. Выжигинъ торгашъ. —Глава IX. Выжигинъ игрокъ. Выжигинъ и отставной квартальный. — Глава X. Встрѣча Выжигина съ Высухинымъ. — Глава XI. Веселая компанія. Курьезный куплетъ и письмо—анонимъ къ знатной особѣ. Глава XII. Танта. Выжигинъ попадаетъ въ дураки.— Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бѣдный племянничекъ! Ай да дядюшка!—Глава XIV. Господинъ и г-жа Выжигины покупаютъ на трудовыя денежки деревню и съ благодарностью объявляютъ о томъ почтеннѣйшей публикѣ.—Глава XV. Семейственныя непріятности. Выжигинъ ищетъ утѣшеніе въ бесѣдѣ музъ и пишетъ пасквили и доносы. — Глава XVI. Видокъ или маску долой! — Глава XVII. Выжигинъ раскаивается и дѣлается порядочнымъ человѣкомъ.—Глава XVIII и послѣдняя. Мышь въ сырѣ [514]). Прочитавъ это, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину въ Петербургъ: „мы всѣ кланяемся въ ножки Пушкину за оглавленіе новаго романа! Прелесть! Чудо! Вотъ такъ надобно казнить бездѣльниковъ, а не судить ихъ, какъ литераторовъ" [515]). По полученіи этого письма Погодинъ отправился къ Сомову „узнать о разныхъ клеветахъ Булгарина на всѣхъ" [516]). Другъ же и товарищъ Булгарина, Гречъ, искалъ случая встрѣтиться съ Погодинымъ и посредникомъ избралъ строгаго цензора его трагедіи, В. Н. Семенова, который

писалъ Погодину: „Сегодня вечеромъ будетъ ко мнѣ Н. И. Гречъ собственно на вашъ счетъ. Ради Бога пріѣзжайте и не поставьте меня въ дуракахъ“ [517]). „Приглашалъ Семеновъ“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „у котораго будетъ Гречъ. Отказался“. Но *отказъ* былъ только мысленный, т.-е. въ *Дневникѣ*. Въ дѣйствительности же Погодинъ воспользовался этимъ приглашеніемъ, и въ томъ же *Дневникѣ* мы читаемъ: „Къ Семенову. Тутъ увидѣлъ Греча:

Гречъ. Для меня очень пріятно возобновить наше знакомство.

Погодинъ. Оно никогда не прекращалось съ моей стороны.

Гречъ. И съ моей также... Спросите.

Погодинъ (про себя). Что̀ мнѣ было непріятно, а особенно слова Семенова. Я готовъ былъ встрѣтиться и только.

Гречъ. Разсказывалъ Исторію Булгарина, Воейкова“ [518]).

За непропускъ трагедіи *Петръ*, Семеновъ, кажется, старался утѣшать Погодина гостепріимствомъ. Вслѣдъ за этимъ вечеромъ, онъ приглашаетъ Погодина къ себѣ на обѣдъ. „Какъ хотите“, писалъ Семеновъ, „а сегодня вы должны обѣдать у меня. Я собственно для васъ позвалъ Каратыгина и нѣкоторыхъ здѣшнихъ литераторовъ“. Но Погодинъ этимъ приглашеніемъ не воспользовался, о чемъ свидѣтельствуетъ Никитенко. „Вчера“, пишетъ онъ, „былъ на литературномъ обѣдѣ у В. Н. Семенова. Тамъ были: Гречъ, Сомовъ, баронъ Розенъ, Вердеревскій; ожидали Погодина и Каратыгина, но имъ что-то помѣшало“ [519]).

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Погодинъ не забывалъ и своихъ Московскихъ товарищей, а въ числѣ ихъ и Андрея Гавриловича Глаголева. Въ литературѣ нашей онъ извѣстенъ слѣдующимъ сочиненіемъ: *Умозрительныя и опытныя основанія Словесности* (въ четырехъ частяхъ. Спб. 1834). Въ это время Глаголевъ служилъ подъ начальствомъ Ф. Ф. Вигеля въ Департаментѣ Иностранныхъ Исповѣданій. Посѣтивъ его, Погодинъ вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Медицинскую Академію навѣстить нѣкоего Лукана. Дорогою Глаголевъ раз-

сказывалъ Погодину, „чрезъ какія мытарства прошелъ онъ до полученія мѣста“, несмотря на то, что имѣлъ „случай ко всѣмъ министрамъ и вездѣ находилъ одни только обѣщанія“. *Вездѣ Нѣмцы*, говорилъ онъ. „Въ Педагогическомъ Институтѣ швейцаръ нѣмецъ“. Это дало поводъ Погодину подумать про себя: „И меня не оттолкнулъ ли какой нибудь нѣмецъ. Вотъ и простое объясненіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Глаголевъ жаловался Погодину на тѣ униженія, какія перенесъ онъ и отъ Карташевскаго, и отъ Вигеля. „Мы“, съ удовольствіемъ замѣчаетъ Погодинъ, „въ Москвѣ не имѣемъ еще понятія объ этомъ“. Черезъ нѣсколько дней Глаголевъ отдалъ визитъ Погодину, который, провожая его, „у самыхъ воротъ встрѣтилъ Блудова“ и по поводу этой встрѣчи записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Чѣмъ-то онъ рѣшилъ мое дѣло (т.-е. *Петра*). Закусывалъ одинъ и пилъ за его здоровье, какъ будто бы онъ рѣшилъ дѣло въ мою пользу“. Но какъ увидимъ, дѣло рѣшилось не въ пользу Погодина [520]).

Вскорѣ, однако, нарушились добрыя отношенія между Погодинымъ и Глаголевымъ. Мы уже знаемъ, что каѳедру Мерзлякова Погодинъ прочилъ Шевыреву, которому еще изъ Москвы писалъ: „Соперниками твоими будутъ, думаю: Побѣдоносцевъ, Раичъ, Перевощиковъ (братъ астронома), *Глаголевъ* и Давыдовъ. Если объявятъ конкурсъ, тѣмъ лучше“ [521]). Между тѣмъ Глаголевъ весьма желалъ занять эту каѳедру и въ предисловіи къ своему вышеупомянутому сочиненію, которое было напечатано уже послѣ того какъ Шевыревъ занялъ каѳедру Мерзлякова, писалъ: „я издалъ свой *Опытъ* не по совѣту друзей и благодѣтелей, а по силѣ положенія о Демидовыхъ преміяхъ, обязывающаго меня къ сему изданію. Самая мысль отважиться на предпріятіе ученаго труда родилась во мнѣ случайнымъ образомъ. Поводомъ къ сему было слѣдующее обстоятельство. Въ началѣ 1831 года, Императорскій Московскій Университетъ обнародовалъ программу о конкурсѣ для занятія каѳедры краснорѣчія, стихотворства и языка Русскаго, остававшейся праздною послѣ умершаго Мерзлякова. Но сія каѳедра вно-

слѣдствіи поручена другому, въ уваженіе засвидѣтельствованія ближайшаго начальства объ усердной его службѣ, свѣдѣніяхъ и способностяхъ“ [522]). Надо сознаться, что Глаголевъ имѣлъ всѣ права на эту каѳедру; ибо еще въ 1823 году былъ возведенъ Московскимъ Университетомъ на степень доктора Словесныхъ наукъ. „По старымъ уставамъ“, писалъ М. А. Максимовичъ, „и по нашимъ прежнимъ понятіямъ, степень *доктора не Медицины* была весьма трудно достижимая, такъ что въ пятнадцатилѣтнюю бытность мою въ Московскомъ Университетѣ (1819—1834) я помню только трехъ магистровъ, взошедшихъ на эту высоту учености. Только С. А. Масловъ въ 1820 году сталъ докторомъ нравственно-политическихъ наукъ, да *Глаголевъ* въ 1823 году и Надеждинъ въ 1830 году—докторами Словесныхъ наукъ“ [523]). Само собою разумѣется, что Глаголеву весьма прискорбно было узнать о стараніяхъ Погодина въ пользу Шевырева, а потому насъ нисколько не удивила слѣдующая запись, которую сдѣлалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* уже по возвращеніи въ Москву: „....Глаголевъ почитаетъ свою отставку дѣйствіемъ моимъ и моей какой-то партіи, отъ того, что я сказалъ и написалъ ему, что не желаю ему каѳедры Русской Словесности“.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ очень сблизился съ знаменитымъ нашимъ египтологомъ И. А. Гульяновымъ и пользовался его большимъ довѣріемъ и расположеніемъ. Гульяновъ, какъ истинный консерваторъ и по личнымъ убѣжденіямъ, и по роду своихъ занятій, весьма дорожилъ чинами; а Погодинъ, какъ патріотъ, принималъ живѣйшее участіе въ его житейскихъ заботахъ. Зайдя какъ-то къ Гульянову, Погодинъ „надоумливалъ его какъ просить себѣ аттестатъ на чинъ коллежскаго совѣтника“ [524]). Но къ Гульянову почему то былъ не расположенъ Блудовъ. По крайнѣй мѣрѣ вотъ что писалъ Веневитиновъ Погодину: „Что дѣлаетъ Гульяновъ и гдѣ онъ? У меня разъ былъ о немъ довольно жаркій разговоръ съ Блудовымъ, который, несмотря на свой умъ, по-

грузился въ предразсудки". Незадолго до отъѣзда Погодина въ Петербургъ, Гульяновъ писалъ ему: „Вы желаете знать, почтеннѣйшій другъ, что я подѣлываю и какія мои намѣренія? Я пишу; но какое можетъ быть мое писаніе, когда всѣ книги мои въ Дрезденѣ? Чтобы выписать ихъ надо употребить болѣе тысячи рублей за *постой* и за доставленіе. А кто отвѣчаетъ мнѣ о жребіи ихъ въ цензурѣ. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какія же мои намѣренія? Безъ рукъ, безъ ногъ — мнѣ никакихъ намѣреній имѣть невозможно. Я по просту скажу вамъ: я жду у моря погоды. Государь собственнымъ побужденіемъ потребовалъ программу моихъ сочиненій и повелѣлъ „причислить меня къ Министерству Народнаго Просвѣщенія по роду моихъ занятій". Могъ ли я себѣ вообразить, что сіе перемѣщеніе сдѣлается причиною столькихъ гоненій? Я съ 1818 г. получалъ въ Россіи по 1750 р. въ годъ и тотъ же окладъ съ *курсомъ* въ чужихъ краяхъ. За какую же вину лишили меня жалованья по возвращеніи моемъ изъ Дрездена? Потому ли, что я получаю пенсію?... Но пенсію получалъ я и прежде. За какую вину лишаютъ меня чина статскаго совѣтника, слѣдующаго мнѣ съ старшинствомъ уже четыре года? Развѣ указъ о производствахъ не подлежитъ исключеніямъ? Развѣ семнадцать сочиненій моихъ не стоятъ аттестатовъ? Отозванъ изъ чужихъ краевъ, лишенъ жалованья, слѣдующаго чина: вотъ мой жеребій: могу ли при таковыхъ гоненіяхъ быть къ чему нибудь годнымъ? Еслибъ вы наконецъ спросили: чего же я желаю? Я желаю возможное и справедливое, желаю чина статскаго совѣтника съ старшинствомъ, желаю двѣ тысячи рублей жалованья съ курсомъ и дозволенія ѣхать въ чужіе края и заниматься тамъ продолженіемъ моихъ трудовъ и издаваніемъ оныхъ, съ обязанностію подавать отчетъ Министерству Народнаго Просвѣщенія каждые шесть мѣсяцевъ или одинъ разъ ежегодно. Съ двумя тысячами рублями я могъ бы имѣть двухъ переписчиковъ и одного сотрудника, безъ пособія коихъ сочиненій моихъ мнѣ кончить невозможно. Я увѣренъ, что сіи два желанія мои исполнятся,

когда вы будете министромъ Народнаго Просвѣщенія". Пользуясь пребываніемъ Погодина въ Петербургѣ, Гульяновъ писалъ ему: „Спѣшу препроводить къ вамъ мои письма и надѣюсь, что вы доставите ихъ лично какъ Н. С. Мордвинову, такъ и А. С. Шишкову: я предоставилъ имъ дѣлать вамъ вопросы обо мнѣ. Кланяйтесь Пушкину, Жуковскому и любезному Веневитинову и напомните ему объ экземплярѣ прозаическихъ опытовъ его братца, мнѣ обѣщанномъ" [525]). Пользуясь этимъ случаемъ, Погодинъ явился засвидѣтельствовать свое почтеніе самому Николаю Семеновичу Мордвинову. „Почтенный, сѣдовласый старецъ! Очень привѣтливъ. Отдалъ ему письмо Гульянова и говорилъ о немъ. Мордвиновъ говоритъ то-же, что и я: *Пусть кончитъ хоть одно сочиненіе*" [526]).

Въ Петербургѣ Погодинъ весьма сошелся съ братьями Княжевичами, и одинъ изъ нихъ, Александръ Максимовичъ, писалъ ему: „Если вы свободны завтра вечеромъ, то весьма одолжите братьевъ моихъ и меня, пожаловавъ ко мнѣ часамъ къ семи. Квартира моя есть самая ближайшая къ вамъ, именно въ Малой Садовой, въ домѣ Департамента Государственнаго Казначейства, подлѣ министра юстиціи, по парадной лѣстницѣ, въ верхній этажъ" [527]).

Однажды Погодинъ заглянулъ и во Французскій театръ. „И не стыдно", замѣчаетъ онъ, „членамъ Государственнаго Совѣта глазѣть на эти пошлые водевили". Мы же съ своей стороны упрекнемъ и православнаго москвича, какъ не стыдно и ему въ навечеріе праздника Казанской Божіей Матери посѣщать Французскій театръ.

Зажившись въ Петербургѣ, Погодинъ совершенно обезденежилъ. „А гдѣ я возьму денегъ", спрашиваетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „вѣдь надо скоро ѣхать?" [528]). По счастію, въ это время находился въ Петербургѣ его пріятель и сослуживецъ по *Московскому Вѣстнику* И. С. Мальцовъ. Къ нему-то и обратился Погодинъ за ссудою и онъ обѣщалъ. Но тутъ вышло забавное недоразумѣніе. „Вчера", писалъ ему Мальцовъ, „взглянувъ мелькомъ на твою записку, я не разглядѣлъ въ

ней третьяго нуля и полагалъ, что дѣло идетъ о 200 р., почему и отвѣчалъ: *ладно*. Этотъ третій Океновскій нуль, хотя ни мало не измѣняетъ желанія моего служить тебѣ, чѣмъ Богъ послалъ, измѣняетъ однакоже возможность *вполнѣ* выполнить твое желаніе. Двумя тысячами теперь располагать не могу; а 500 р. готовы къ твоимъ услугамъ. Если эта бездѣлица можетъ тебѣ пригодиться, то потрудись черкнуть слово. *да*. Веневитинову мой поклонъ. Ученому и книги въ руки". Отвѣтъ Погодина былъ разумѣется *да* [529]).

Покидая Петербургъ, Погодинъ остался имъ недоволенъ. „Въ Петербургъ", писалъ онъ Шевыреву, „я съѣздилъ ни пошто и привезъ ничего. Пушкинъ, Жуковскій, Блудовъ, Крыловъ и проч. приняли меня съ комплиментами всяческими.

Совѣтовъ тысяча надавано полезныхъ,
А дѣломъ такъ никто бѣдняжкѣ не помогъ.

На мою же бѣду Государь съ Бенкендорфомъ уѣхали изъ Петербурга нечаянно въ Москву, и я натурально не могъ представить своихъ сочиненій. Что прикажешь дѣлать? *Петра* оставилъ на послѣднемъ мытарствѣ. Водили, водили меня, и наконецъ Главное Правленіе цензурное устами Блудова сказало мнѣ, что въ трагедіи нѣтъ ничего противнаго уставу, но что оно не смѣетъ рѣшить такого необыкновеннаго случая, не предусмотрѣннаго уставомъ, и будетъ просить высочайшаго разрѣшенія" [530]).

XLV.

Возвратясь въ Москву, Погодинъ получилъ отъ Бенкендорфа слѣдующее письмо: „На просьбу вашу о разрѣшеніи выпуска въ свѣтъ трагедіи *Марѳа посадница*, которой обнародованіе пріостановлено было до перемѣны смутныхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, долгомъ поставляю васъ симъ увѣдомить, что нынѣ съ окончаніемъ помянутыхъ обстоятельствъ, не представляется никакихъ препятствій пустить въ продажу озна-

ченную вашу трагедію. Повторяя изъясненное мною въ письмѣ моемъ къ цензору Аксакову, что чтеніе сего произведенія вашего доставило мнѣ величайшее удовольствіе". *Марѳа* Погодина привлекла къ себѣ вниманіе и прекраснаго пола. „Сдѣлайте мнѣ одолженіе", писалъ къ нему Корниліонъ-Пинскій, „дайте своей *Марѳы* дня на три. Одна пріѣзжая дама, страстная къ Русской литературѣ и безпрестранно слышащая о *Марѳѣ*, неотступно проситъ меня познакомить ее съ Посадницею Новгородскою. Неужели вы будете нечувствительны къ женской просьбѣ и къ воззванію вашего слуги, вы, который ждете не дождетесь красной горки" [531]). Не смотря на то, что астрономъ Перевощиковъ, согласно съ Пушкинымъ, признавалъ, что *Марѳа* „есть образцовое сочиненіе", Погодинъ съ грустью записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Нѣтъ, я потерялъ теперь надежду, чтобъ *Марѳа* пошла. Чортъ же знаетъ, чѣмъ мнѣ поправить свои финансы" [532]). Но *Марѳою* не восхищался Шевыревъ, который писалъ Веневитинову: „Наконецъ я прочелъ *Марѳу посадницу.* Погодинъ напрасно поторопился издать въ свѣтъ недозрѣлое произведеніе и другъ его долженъ бы былъ ему дать совѣтъ рѣшительный: не писатъ трагедіи въ стихахъ, а развѣ въ прозѣ, если хочется" [533]).

Погодинъ не дождался въ Петербургѣ окончательнаго рѣшенія участи своей трагедіи *Петръ I* и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ читалъ ее и Муханову, и Хомякову, и Денису Давыдову, который пришелъ „въ восхищеніе", и Дарьѣ Тютчевой [534]). Но это его не радовало, и онъ почти съ отчаяніемъ писалъ Шевыреву. „Моя темная звѣзда надо мною... Если ни одна изъ моихъ надеждъ не исполнится, то придется друзьямъ выкупать меня изъ ямы. Холодно при мысли, какъ мнѣ будетъ расплачиваться съ долгами" [535]). И дѣйствительно вскорѣ послѣ написанія этого письма, Погодинъ получаетъ отъ Языкова слѣдующее прискорбное для него извѣстіе: „Вотъ что пишетъ мнѣ Комовскій: „Погодинъ поручилъ мнѣ чрезъ васъ извѣстить его о ходѣ дѣла *о Петрѣ.* Сегодня (17 декабря 1831 г.) онъ посланъ Государю на разрѣшеніе. По-

трудитесь сказать Михаилу Петровичу, что докладная записка составлена почти такъ, какъ написано представленіе Цензурнаго Комитета, онъ его вѣрно помнитъ; ибо это было при немъ. Главное Управленіе цензуры признаетъ, что трагедія написана съ благою цѣлью, что Петръ возвеличенъ, а заговорщики унижены по достоинству; что въ трагедіи нѣтъ ничего явно противнаго Уставу о Цензурѣ; но Управленіе не признаетъ себя въ правѣ позволить ее 1) по государственной важности сюжета; 2) по близости событія къ нашему времени; 3) потому что не знаетъ, можно-ли Петра трогать, Екатерину I выставлять участницею въ замыслахъ Меншикова; а Долгорукову позволить браниться съ Петромъ. Увѣрьте Погодина, что я, сколько могъ, старался помягче и полегче написать записку, Блудовъ видѣлъ ее. „Вотъ вамъ не знаю что— надежда или отчаяніе?“ [536]).

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву, Погодинъ получаетъ отъ князя В. Ѳ. Одоевскаго письмо, въ которомъ онъ возлагаетъ на него довольно затруднительное порученіе. „Въ Москвѣ есть“, писалъ князь Одоевскій, „г-жа Гурьева, вдова славнаго математика, она подала здѣсь просьбу, въ которой жалуется на одного изъ учениковъ своего мужа, выкравшаго изъ тетрадокъ своего учителя книгу и напечатавшаго оную. Просьба, ею написанная, весьма глупа и непонятна, но совсѣмъ тѣмъ страшно подумать, что жена Гурьева умираетъ въ Россіи съ голода. По просьбѣ ея едва ли что сдѣлать можно; но желательно-бы узнать, въ какомъ положеніи находится г-жа Гурьева? Словомъ: бѣдность ли заставила ее написать просьбу или только оскорбленіе памяти ея мужа, ибо именно этого нельзя понять изъ ея просьбы. Не можете ли обстоятельно провѣдать о семъ“.

По поводу этого порученія князя Одоевскаго Погодину, намъ удалось узнать нѣкоторыя любопытныя и поучительныя подробности. Еще въ апрѣлѣ 1825 года, графъ А. А. Аракчеевъ писалъ А. С. Шишкову: „Податель сего письма, сынъ бывшаго академика С.-Петербургской Академіи по ученой части покойнаго Гурьева, бывшаго учителемъ моимъ

Математики, просилъ меня о исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія дабы *Основанія Алгебры*, изданныя С., ученикомъ покойнаго Гурьева, были уничтожены, какъ сочиненіе, похищенное у своего учителя, а равно и о соизволеніи, дабы и прочія сочиненія Гурьева было дозволено напечатать. Дѣло сіе, относясь до Министерства Народнаго Просвѣщенія, я обращаюсь съ симъ къ вашему высокопревосходительству, прося васъ оказать содѣйствіе и помощь вашу семейству, коего бѣдность мнѣ очень извѣстна. Все сдѣланное оному я приму какъ собственно для себя и какъ новымъ доказательствомъ расположенія вашего ко мнѣ". Такъ какъ С. былъ профессоромъ Математики въ С.-Петербургской Духовной Академіи, а его *Основанія Алгебры* были изданы въ пользу духовныхъ училищъ, то Шишковъ за разъясненіемъ этого дѣла обратился къ Серафиму, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Но Митрополитъ не нашелъ довольнаго основанія заключать, чтобы „вся Алгебра С. была взята изъ уроковъ г. Гурьева; ибо, во 1-хъ, изъ объясненія С. открывается, что хотя въ Алгебрѣ его и встрѣчаются нѣкоторые періоды, близкіе къ урокамъ академика Гурьева, но С. доказываетъ, что онъ большую часть своей книги заимствовалъ изъ другихъ авторовъ, изъ коихъ, какъ примѣчаетъ, бралъ и академикъ Гурьевъ, что онъ хотя и подлинно заимствовалъ изъ уроковъ Гурьева, то немногія только правила и примѣры, и что онъ наконецъ напитавшись, такъ сказать, духомъ своего наставника и затвердивъ въ памяти уроки его, не могъ не сближаться въ словахъ и образѣ изложенія, даже и въ такихъ статьяхъ, которыхъ нѣтъ вовсе въ урокахъ Гурьева; во 2-хъ, разсматривавшій въ рукописи Алгебру С. академикъ Фуссъ отозвался съ похвалою, что сочинитель въ порядкѣ составленія оной слѣдовалъ по большей части Эйлеру". Вслѣдствіе такого отзыва Митрополита, Шишковъ былъ лишенъ возможности „приступить къ запрещенію" *Основанія Алгебры* С. Но когда эта ученая тяжба была передана на

судъ Академіи Наукъ, то президентъ ея С. С. Уваровъ доносилъ Министру Народнаго Просвѣщенія (отъ 10 ноября 1826 года): „Академикъ Колинсъ, разсмотрѣвъ въ подробности и безпристрастно всѣ обстоятельства сей ученой тяжбы, и сличивъ рукопись Гурьева съ напечатанною книгою С., онъ долженъ признать жалобу вдовы Гурьевой *совершенно основательною* и обвинить въ подломъ плагіатѣ ученика, который, обокравъ знаменитаго своего наставника, имѣетъ еще дерзость въ оправданіи своемъ затемнять честь его яко писателя и академика“.

Намъ неизвѣстно, какой результатъ имѣли изслѣдованія Погодина о положеніи г-жи Гурьевой въ Москвѣ. Но каковы бы они ни были, они не могли утѣшить Погодина въ тѣхъ неудачахъ, кои его постигли по дѣлу о трагедіи *Петръ I,* на которую онъ возлагалъ столько надеждъ. Не могло также утѣшить Погодина и слѣдующее письмо къ нему Графа Д. И. Хвостова: „Я послѣ свиданія съ вами въ Англійскомъ клубѣ вскорѣ такъ заболѣлъ, что не чаялъ быть въ живыхъ. Вы напрасно на меня сердитесь, а за что не знаю, я усердный вашъ собратъ и почитатель; любя безусловно словесность, я даже больной писалъ стихи и послалъ рукопись съ оныхъ сегодня же Н. М. Языкову. Это посланіе къ знаменитому Пушкину. Будьте столько благосклонны къ старику на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, примите отъ него прилагаемое при семъ письмѣ маленькое стихотворное сочиненьице мое вновь перепечатанное въ трехъ экземплярахъ вамъ въ подарокъ“. Но Погодинъ конечно былъ утѣшенъ слѣдующими строками Квитки: „Драма ваша, которую не разъ читалъ и перечитывалъ, восхищала меня. Жаль, жаль, что ее нельзя еще пустить въ свѣтъ. Съ сердечнымъ умиленіемъ видѣлъ Петра въ горестномъ положеніи, страдающаго отъ неблагодарныхъ, изчисляющаго всѣ свои дѣянія и цѣль для чего что сдѣлано. Князь Яковъ Долгоруковъ, любимецъ мой, мастерски отдѣланъ. Видишь его предъ собою и слышишь его говорящаго. Старовѣры— да и все, по-одиночкѣ и вмѣстѣ, отлично обдѣлано. Завидую

будущимъ не далѣе какъ дѣтямъ нашимъ; они будутъ и читать и видѣть на сценѣ".

Утѣшилъ Погодина также и Струковъ изъ Оренбурга. Мы уже знаемъ, какую радость доставило Погодину пріобрѣтеніе портрета и книгъ Шлецера. Думаемъ съ неменьшею радостью читалъ онъ слѣдующія строки Струкова: „Знаю, что вы уважаете память Ивана Никитича Болтина, я поручилъ брату (студенту Московскаго Университета) доставить вамъ портретъ сего почтеннаго мужа чрезвычайно похожій и можетъ быть не единственный ли въ Москвѣ. Матушка моя, будучи родною его племянницею и видавшая его часто, помнитъ очень хорошо черты его лица и увѣряетъ въ удивительномъ сходствѣ" [537]).

По пріѣздѣ въ Москву, Погодинъ засталъ здѣсь Строева и Венелина, возвратившихся изъ своихъ путешествій. Простудившись въ Ростовѣ при занятіяхъ въ холодныхъ каменныхъ палаткахъ, въ которыхъ помѣщались Ростовскіе монастырскіе архивы, Строевъ принужденъ былъ вернуться въ Москву, куда приказалъ слѣдовать и своему сотруднику Я. И. Бередникову [538]). Погодинъ продолжалъ имѣть съ путешествующимъ археографомъ дружелюбныя сношенія и любилъ проводить съ нимъ время въ поучительныхъ бесѣдахъ. „Къ Строеву", читаемъ въ его *Дневникѣ*. „Разсказывалъ много новаго о своихъ находкахъ, до обнародованія которыхъ не должно являться ни съ чѣмъ Русскимъ историческимъ. До сихъ поръ что мы знали!" У Строева Погодинъ впервые встрѣтился и познакомился съ Я. И. Бередниковымъ и мирно бесѣдовалъ съ нимъ объ Исторіи [539]); но потомъ они сдѣлались непримиримыми врагами.

Еще въ сентябрѣ 1831 года вернулся Венелинъ изъ своего путешествія. „Послѣ тебя", писалъ Мессингъ Погодину въ Петербургъ, „на третій день пріѣхалъ къ намъ Ю. И. Венелинъ" [540]). Къ сожалѣнію путешествіе вредно повліяло на его здоровье. Въ Москвѣ Венелинъ поселился у Погодина и нерѣдко утомлялъ его разсказами о своихъ „похожденіяхъ и подо-

зрѣніяхъ". Къ довершенію несчастія Венелинъ сталъ пить. „Пьянство его", пишетъ Погодинъ, „замѣтилъ уже Аксаковъ". Однажды Погодинъ, возвратясь домой и не заставъ Венелина дома, послалъ его отыскивать, и его привезли „пьянаго". Несчастная слабость дошла до того, что онъ, въ присутствіи Языкова, съ пистолетомъ кинулся на Погодина за то, что тотъ назвалъ его „нечаянно нѣмцемъ". Это заставило Погодина свезти Венелина къ почтенному врачу І. Е. Дядьковскому. Между тѣмъ Венелину дѣлалось все хуже и хуже. Онъ тосковалъ и плакалъ и ужасно „бѣсилъ и пугалъ" Погодина „своими призраками" [541]). „Венелинъ воротился, но боленъ бѣлой горячкой, и новая забота мнѣ" писалъ Погодинъ Шевыреву [542]).

Въ это время Погодинъ познакомился съ Иваномъ Петровичемъ Сахаровымъ. „Благодарю Бога", писалъ онъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, „что надъ моею головою не работала ни одна французская тварь. Горжусь, что вокругъ меня не было ни одного нѣмецкаго бродяги". Занятія Русскою исторіею Сахаровъ началъ еще въ Тульской семинаріи, и вотъ по какому случаю: „разъ какъ-то", пишетъ онъ, „былъ я въ бесѣдѣ, гдѣ два чужеземца увѣряли Русскихъ, что у нихъ нѣтъ своей Исторіи". Это оскорбило Сахарова и побудило взяться за Карамзина, котораго ему ссудилъ Тульскій священникъ Н. И. Ивановъ. Долго и много читалъ Сахаровъ Карамзина. „Здѣсь-то узналъ я родину и научился любить Русскую землю и уважать Русскихъ людей", а въ Тульской Казанской церкви, построенной во времена царя Алексѣя Михайловича, „узналъ, что такое Древности". Хранившіеся въ этой церкви древніе царскіе образа съ надписями и копія съ жалованной грамоты навели Сахарова на мысль, что „Древности надобно изучать по наличнымъ памятникамъ въ архивахъ, а не въ новыхъ книгахъ". 21 августа 1830 года, Сахаровъ окончилъ курсъ въ семинаріи. По свидѣтельству князя А. Н. Голицина, Сахаровъ еще до вступленія въ Московскій Университетъ, обошелъ губерніи Тульскую, Орловскую, Рязан-

скую, Калужскую, Московскую. „Ходя по селамъ и деревнямъ“, пишетъ самъ Сахаровъ, „я вглядывался во всѣ сословія, прислушивался къ чудной Русской рѣчи, собиралъ преданія и не вѣрилъ своимъ глазамъ: тотъ ли это историческій народъ, котораго дерзаютъ презирать заморскіе бродяги“. Въ концѣ 1830 года, Сахаровъ поступилъ въ Московскій Университетъ по медицинскому факультету[543]), а 25 января 1831 года, Сахаровъ является къ Погодину, который по поводу этого посѣщенія записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Былъ Сахаровъ. Умный малый. Надо поддержать его“. Въ томъ же году, онъ заявилъ себя въ ученомъ мірѣ книжкою: *Достопамятности Венева* (М. 1831). Но этотъ начальный трудъ нашего студента былъ встрѣченъ Надеждинымъ не совсѣмъ дружелюбно. По-крайней мѣрѣ вотъ что мы читаемъ въ краткой рецензіи, напечатанной въ *Телескопѣ*: „Доселѣ трудолюбіе нашихъ немногихъ археологовъ ограничивалось преимущественно письменными памятниками Отечественной Древности, какъ наиболѣе говорливыми и понятными. Тѣмъ же ограничился и г. Сахаровъ“. По поводу жалобы описателя „на небреженіе, въ коемъ находится монастырскій архивъ“, Надеждинъ замѣчаетъ: „нельзя, конечно, не пожалѣть о томъ; но съ другой стороны нельзя бѣсноваться, подобно журнальному крикуну, который, взявшись поставить двѣнадцать кипъ историческаго товара новаго издѣлія и не имѣя никакихъ новыхъ матеріаловъ, естественно долженъ обрадоваться случаю излить на чтобы то ни-было свою безсильную ярость“. Вслѣдъ за симъ Надеждинъ высказываетъ такое мнѣніе: „знакомые съ нашими Русскими монастырями очень хорошо знаютъ, что ихъ архивы не были и не могли быть богаты важными историческими документами. Это не то, что монастыри западные, имѣвшіе совершенно другое значеніе, другой составъ, другое образованіе. Конечно, потеря каждаго стариннаго лоскутка есть потеря для палеографіи, но для исторіи иногда цѣлые свитки маловажнѣе одного простого кургана, говорящаго часто звучнѣе и понятнѣе иной лѣтописи. Пусть г. Сахаровъ

разспросилъ бы внимательнѣе развалины описываемой имъ обители, коихъ безмолвіе не всегда бываетъ нѣмо. Это вознаградило бы съ избыткомъ скудость архива, въ коемъ, вѣроятно, сгнилъ, большею частью, домашній соръ монастырскій".

До 1827 года въ Веневскомъ монастырѣ находились старинныя гробницы, Смоленскаго князя Юрія и Новгородскаго архіепископа Пимена. Сахаровъ, собравъ объ нихъ историческія свѣдѣнія, умалчиваетъ о народныхъ преданіяхъ, кои, по собственнымъ словамъ его „соединяютъ съ жизнью ихъ странныя мнѣнія, какъ о незаслуживающихъ вниманія". По поводу этихъ строкъ Надеждинъ справедливо замѣчаетъ: „это очень жаль; вѣроятно, найдутся люди, у которыхъ сіи преданія заслужили бы вниманія, и которые поблагодарили бы за нихъ болѣе г. Сахарова, чѣмъ за сообщеніе историческихъ извѣстій, кои выбраны изъ книгъ, находящихся подъ рукою у каждаго [544]).

Почти вслѣдъ за Погодинымъ пріѣхалъ въ Москву на короткое время и Пушкинъ. Увѣдомляя объ этомъ Шевырева, Погодинъ писалъ: „Пушкинъ здѣсь, но что-то пасмуренъ и разсѣянъ. Проектъ его писать Исторію Петра, кажется еще не утвержденъ" [545]).

Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 6 декабря 1831 года и остановился у Нащокина, у Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской. Письма его къ женѣ объясняютъ намъ *пасмурное* настроеніе его духа. Отъ *8 декабря*: „съ тѣхъ поръ какъ я тебя оставилъ, мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во Дворецъ, и того гляди выкинешь на сто пятой ступени Комендантской лѣстницы. Напиши, не притѣсняютъ ли тебя люди и можешь ли ты съ ними сладить". Отъ *10 декабря*: „не люблю я твоей Москвы... Въ вашемъ Никитскомъ домѣ я еще не былъ. Не хочу, чтобы холопья ваши знали о моемъ пріѣздѣ; да не хочу отъ нихъ узнать и о пріѣздѣ Наталіи Ивановны (своей тещи); иначе долженъ буду къ ней явиться и имѣть съ нею необходимую сцену; она все жалуется въ Москвѣ на мое корыстолюбіе". Отъ

15 декабря: „оба письма твои получилъ я вдругъ, и оба меня огорчили и осердили... Дѣла мои затруднительны... Стиховъ твоихъ не читаю. Чортъ ли въ нихъ? И свои надоѣли... На хоры не ѣзди—это мѣсто не для тебя“. Отъ *16 декабря:* „письма меня твои не радуютъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе вижу, что я глупо сдѣлалъ, что уѣхалъ отъ тебя... Богъ знаетъ, кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду... Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ. Всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго - что дѣлать? Между тѣмъ, дѣло мое не распутывается. Все это поневолѣ меня бѣситъ. Къ тому же, я опять застудилъ себѣ руку... Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко—званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской... Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнья цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ. Тоска, мой ангелъ—до свиданія“ [546]).

Вскорѣ послѣ этого письма Пушкинъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Еще въ началѣ 1831 года, Погодинъ писалъ Шевыреву: „Кирѣевскаго я не понимаю. Лежитъ и спитъ; да неужели онъ ничего не надумываетъ? Невѣроятно“ [547].

Сомнѣніе Погодина разрѣшилось предпріятіемъ И. В. Кирѣевскаго издавать журналъ *Европеецъ.*

Въ сентябрѣ 1831 года, Кирѣевскій вошелъ въ Московскій Цензурный Комитетъ съ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему дозволенія издавать съ будущаго 1832 года журналъ подъ названіемъ *Европеецъ.* Въ оффиціальныхъ бумагахъ И. В. Кирѣевскій значился *отставнымъ переводчикомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.* Въ засѣданіи Главнаго Управленія Цензуры, бывшемъ 13 октября 1831 года, Кирѣевскому было разрѣшено издавать журналъ.

„Поздравляю всю братію“, писалъ Пушкинъ Языкову, „съ рожденіемъ *Европейца*. Готовъ съ моей стороны служить вамъ чѣмъ угодно, прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти“ [548]). Но Погодинъ писалъ Шевыреву: „Кирѣевскій издаетъ *Европейца*. Всѣ *аристократы* у него. Журналовъ на три тысячи рублей почти. Книжка по десяти листовъ. Вотъ братъ какъ выѣзжаютъ на нашихъ спинахъ. Я радъ его журналу: это возбудитъ его дѣятельность“ [549]). Вотъ эти *аристократы*, которые присоединились къ Кирѣевскому для безкорыстной, дружной дѣятельности: Языковъ, Баратынскій, Хомяковъ, Жуковскій, князь Вяземскій, Пушкинъ, А. И. Тургеневъ, князь В. Ѳ. Одоевскій; но всѣ эти свѣтила Русской Литературы были болѣе или менѣе друзьями Погодина или его доброжелателями. Самъ же Погодинъ съ двумя изъ нихъ заключилъ договоръ, о которомъ писалъ Пушкину: „я, Хомяковъ и Языковъ дали другъ другу слово къ 23 декабря нынѣшняго 1831 года приготовить по большому сочиненію, и симъ у васъ, какъ перваго нотаріуса, записываемъ свое условіе“ [550]).

Мы уже знаемъ, что Московскую холеру Хомяковъ провелъ въ Смоленскомъ селѣ отца своего, Липицахъ, и тамъ же встрѣтилъ новый 1831 годъ. 14 января онъ писалъ Погодину: „Наконецъ, любезный другъ, ваше письмо ноябрьское (1830 года) дошло до меня. Прежде того я уже получилъ экстрактъ его въ записочкѣ, которая порадовала меня во многихъ отношеніяхъ. Я увидѣлъ уже изъ нея, что всѣ мои Московскіе пріятели живы и здоровы и сверхъ того, что они живутъ полною нравственною жизнію, дѣятельны, трудолюбивы и обогащаютъ скудную нашу Словесность, которая еле-еле дышетъ. Каковы Поляки! Каковъ заговоръ! Хлопицкій выгоняетъ Русскихъ изъ Варшавы; Булгаринъ мараетъ нашу Литературу своими критиками и своими романами: это война народная. Съ тѣхъ поръ какъ началась зима, нѣсколько разъ просыпалась моя муза (пошлая фигура!), но произведенія ея отправлены въ Петербургъ. Къ вамъ я ихъ не послалъ по-

тому, что зналъ, что *Московскій Вѣстникъ* уже болѣе издаваться не будетъ и считалъ себя нѣсколько должникомъ Дельвига. Впрочемъ, все дѣтскій лепетъ; ничего полновѣснаго нѣтъ. И такъ старые органы Московской республики literarum уступили мѣсто новымъ. Вдругъ замолчали ея разсудокъ (*Московскій Вѣстникъ*), предразсудки (*Вѣстникъ Европы*), и безразсудство (*Атеней* и *Галатея*). Я надѣюсь, что *Телескопъ* будетъ хорошъ; за это ручается имя издателя; но что такое *Листокъ?* Какія отъ него надежды, кто издатель или сотрудники? Кажется, занятія ваши по холерной части прекратились. Слава Богу во всѣхъ отношеніяхъ! Болѣзнь уменьшилась и вы свободны, а вашъ досугъ не есть и не можетъ быть безполезнымъ. Кланяйтесь всѣмъ общимъ пріятелямъ, и въ особенности Кирѣевскому. Молодцы оба, но отъ нихъ этого можно было ожидать".

Въ началѣ марта 1831 года, Хомяковъ прямо изъ деревни отправился въ Петербургъ. „Хомякова вижу каждый день", писалъ Веневитиновъ Погодину, „изрѣдка онъ пишетъ. Впрочемъ онъ задумываетъ нѣчто очень серьозное. Покамѣстъ онъ здѣсь смѣется надъ другими, а самъ невольно влюбляется". Но поведеніемъ его въ Петербургѣ былъ недоволенъ его отецъ, который жаловался Погодину: „Алексѣй ко мнѣ пишетъ, какъ на него очень много вооружаются въ Петербургѣ и его тамъ называютъ *Московскимъ Оконнелемъ*, и поистинѣ онъ слишкомъ либерально завирается и не знаю какъ ему сходитъ съ рукъ такая статья какъ *Лѣтопись Современной Исторіи объ Италіи*". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы знаемъ, Степанъ Александровичъ былъ очень неравнодушенъ къ литературной славѣ своего сына и по отъѣздѣ его изъ деревни, онъ прислалъ Погодину стихотворенія, написанныя имъ въ деревнѣ, при слѣдующемъ письмѣ: „Сынъ мой Алексѣй все собирался вамъ доставить тѣ бездѣлки, которыя онъ у меня въ деревнѣ сочинилъ; но вамъ извѣстна лѣнь его къ писанію, которая почти въ графофобію превращается; и такъ, не выполнивъ своего намѣренія, уѣхалъ въ

Петербургъ, откуда онъ, вѣроятно, и еще менѣе удосужится сіе сдѣлать. И такъ, я, зная вашу къ нему пріязнь, рѣшился выполнить сіе вмѣсто его, и посылаю къ вамъ при семъ восемь изъ его новыхъ стихотвореній. Первое самое, съ эпиграфомъ словъ Государя, онъ отправилъ къ издателю *Инвалида*, но тотъ, вѣроятно, не могъ его напечатать. Прочія семь препровождены въ Редакцію *Литературной Газеты;* но по сіе время нѣкоторыя еще не явились въ свѣтъ; не знаю почему, кажется оныя не хуже Деларю. Изъ послѣднихъ стиховъ Алексѣя, къ вамъ для *Московскаго Вѣстника* отданныхъ, не всѣ напечатаны были; а такъ какъ я составляю изъ себя точно архивъ всѣхъ его сочиненій, то прошу одолжить копію съ оныхъ". Когда объ этомъ узналъ авторъ этихъ стихотвореній, то пришелъ въ сильное смущеніе. „Хомяковъ былъ ужасно встревоженъ", писалъ Веневитиновъ Погодину, „когда я ему сказалъ, что ты получилъ отъ отца его нѣсколько піесъ для *Телескопа*, не потому, что онъ не хочетъ печатать стиховъ своихъ въ этомъ журналѣ—напротивъ, издатель его *обнадежилъ* Хомякова, эта фраза только для каламбура: но онъ тѣмъ *испуганъ*, что не знаетъ, какія именно піесы. А двѣ изъ нихъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть напечатаны, по важнымъ, весьма важнымъ для него причинамъ, а именно: 1-я) писана къ одной прелестницѣ, которую онъ упрекаетъ въ томъ, что она не Русская, 2-я), начинающаяся этимъ стихомъ:

Она коварно улыбалась.

Вышепомянутый Хомяковъ проситъ и умоляетъ тебя Христомъ-Богомъ не допустить печатаніе этихъ двухъ піесъ. Чуешь ли почему? Здѣсь литературныхъ извѣстій никакихъ нѣтъ. Но за то какія устрицы живыя съ биржи привозятся" [551]).

Первое изъ этихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ *Иностранкѣ*, написано А. О. Россети, впослѣдствіи Смирновой:

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь юга дышетъ въ ней.
Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ,

Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятитъ...

Потому, что

...ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія
Другія лучше небеса!
Пою ей пѣснь родного края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!
При ней скажу я: *Русь Святая!*
И сердце въ ней не задрожитъ!
И тщетно лучь живого свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей,—
Ей гордая душа поэта
Не посвятитъ любви своей [552]).

Въ маѣ 1831 года Хомяковъ вернулся въ Москву. Вечеромъ, въ день его пріѣзда, Погодинъ пошелъ гулять. „На дорогѣ“, писалъ онъ, „внутренній голосъ твердилъ: воротись домой, но я не воротился. Что же! У меня былъ Хомяковъ изъ Петербурга за важнымъ дѣломъ“. Не смотря на то, что Хомяковъ оставался въ Москвѣ на короткое время, онъ часто видѣлся съ Погодинымъ и толковалъ съ нимъ о трагедіяхъ. Хомяковъ былъ очень доволенъ *Марѳою*. „Мы“, замѣчаетъ Погодинъ, „смотримъ съ нимъ съ двухъ сторонъ: онъ непремѣнно хочетъ опоэживать какъ бы съ хоромъ, а я буду брать истиной. *Ляпуновъ* для него славное лицо. Онъ будетъ писать еще *Самозванца*. Сколько насъ примется за это лицо. Читалъ ему *Петра*“ [553]).

Лѣтомъ Хомяковъ отправился на Кавказскія минеральныя воды и оттуда писалъ Веневитинову. „Путь нашъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ тяжелъ, но, проѣхавъ холерныя деревни, мы были напуганы болѣзнью сестры, у которой, кажется, была холера въ слабой степени. Впрочемъ, я ее магнетизировалъ и это помогло. Здѣсь горные народы крѣпко бушуютъ и это причиняетъ намъ нѣкоторое безпокойство, а болѣзнь хотя во всей почти области и въ самомъ городѣ, гдѣ мы живемъ, однакоже она не сильна и не тревожитъ насъ. Я ничего не дѣлаю, распариваюсь въ горячей водѣ, ни о чемъ путномъ

думать не могу и жду нетерпѣливо конца курса. Впрочемъ, край прелестный, земля обѣтованная, горы великолѣпныя и во всякое другое время я счелъ бы за счастіе здѣсь быть, особенно съ друзьями или по крайней мѣрѣ съ порядочными людьми, но нынѣшній годъ собралъ здѣсь все дрянь. Исключеніе одни Цуриковы: это, кажется, весьма порядочная семья; если не ошибаюсь, то они родня, довольно близкая, графу Комаровскому. Не увидимся ли мы въ Воронежѣ?" [554]). Въ тоже время отецъ Хомякова хлопоталъ о печатаніи *Ермака* и объ этомъ писалъ Погодину. „Разныя хлопоты были причиною", писалъ онъ изъ Липицъ, „что я препорученіе своего Алексѣя переписаніемъ его *Ермака* замедлялъ, наконецъ, выполнилъ и къ вамъ препровождаю".

Въ августѣ 1831 года *Ермакъ* былъ уже отпечатанъ. „Я хочу", писалъ С. А. Хомяковъ Погодину, „присовѣтовать автору поднести одинъ экземпляръ Государю чрезъ генерала Бенкендорфа. Не знаю, раздѣлите ли вы мое объ ономъ мнѣніе, что трагедія сія написана въ столь возвышенныхъ чувствахъ, что не недостойна быть извѣстною нашему великому Монарху. Авторъ очень любуется Кавказскою страною, но не думаю, чтобы сіе возбудило его перо, тѣмъ болѣе, что Пушкинымъ почти все уже лучшее сказано." [555]). Въ декабрѣ 1831 года А. С. Хомяковъ былъ уже въ Москвѣ и Погодинъ 21 декабря того же года писалъ Шевыреву: „Хомяковъ здѣсь, пишетъ 4-й дѣйствіе *Самозванца*. Языковъ написалъ множество стиховъ и прекрасныхъ" [556]), а самъ Погодинъ написалъ трагедію *Петръ I*.

Такимъ образомъ слово, данное Погодинымъ, Хомяковымъ и Языковымъ другъ другу и засвидѣтельствованное у Пушкина исполнилось.

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ почти ежедневно посѣщалъ осиротѣлый домъ Трубецкихъ.

Мы уже знаемъ, что О. С. Аксакова склоняла Погодина сдѣлать предложеніе княжнѣ Александрѣ Трубецкой; но Погодинъ робѣлъ. „Они живутъ", пишетъ онъ, „въ трехъ узень-

кихъ комнатахъ и порознь не бываютъ. Когда я вижу ее, то никакая мысль не приходитъ мнѣ въ голову, а мы были бы счастливы“. По какому-то случаю Княжна сказала о Погодинѣ: „Съ нимъ не можетъ случиться никакого несчастія, онъ такъ погрузился въ свои занятія“. *А если ты меня не любишь*, возражаетъ онъ, *развѣ это не несчастіе*. Какъ-то Княжна спросила его о повѣстяхъ его и просила ихъ принести. Исполняя это желаніе Погодинъ приноситъ свои *Повѣсти*, которыя тогда уже были отпечатаны, но не выходили въ свѣтъ. Какъ извѣстно, онѣ посвящены *Старому другу въ воспоминаніе о 1825, 1826, 1827 и 1828 годахъ*. Увидя это посвященіе, князь Н. И. Трубецкой сказалъ: „Ахъ, да это вы мнѣ посвятили. И мнѣ, подхватила она“. *Обоимъ*, отвѣчалъ Погодинъ. При этомъ у него мелькнула мысль написать Княжнѣ слѣдующія строки: „Вы не сказали мнѣ еще ни одного слова, Княжна. Неужели нечего сказать вамъ? Или я недостоинъ вашей довѣренности? Нѣтъ. Я достоинъ ея — увѣряю васъ торжественно. Никто не любитъ васъ, не знаетъ, не понимаетъ васъ лучше моего.—Мнѣ прискорбно, очень прискорбно сказывать вамъ теперь только сказки“. Не знаемъ, дошли ли эти строки по адресу, но писавшій „возвратился скучный домой“. Черезъ день послѣ этого Погодинъ читаетъ у Трубецкихъ свои *Васильевскіе вечера*, и при этомъ онъ спросилъ Княжну: „Какая повѣсть вамъ нравится больше всѣхъ? *Суженой*, отвѣчала она „запинаясь“. *А я ждалъ Адели*. Вскорѣ послѣ того Погодинъ уѣхалъ въ Сѣрково, гдѣ пробылъ до Введенія. По возвращеніи въ Москву, отправился къ Трубецкимъ и тамъ узналъ, что Княжна „что-то очень плакала. *Да что же ты не скажетъ о чемъ*“. Confidente Погодина О. С. Аксакова рѣшительно утверждала, что Княжна его любитъ и что надо рѣшить. „Нѣтъ“, возражалъ Погодинъ, „не теперь, не время. Точно. Она любила меня“. Но, посѣтивъ въ тотъ же день Трубецкихъ, онъ занесъ въ свой *Дневникъ* слѣдующее: „Какъ холодно она встрѣчаетъ меня. Даже убѣгаетъ иногда, какъ кажется. Ну почему она не ищетъ случая поговорить со мною

о своемъ положеніи, о моемъ? Очень рано она ушла къ себѣ съ сестрой читать молитвы. Онѣ говѣютъ. Но развѣ я не могъ бы читать имъ Евангеліе“. Наконецъ, она показалась въ дверяхъ съ братомъ, и какъ будто увидя меня, воротилась назадъ. Сашенька! Зачѣмъ ты меня убѣгаешь“. Черезъ нѣсколько дней опять тоже. „Какъ холодно, мимоходомъ она здоровается со мною. Не понимаю. Но еслибъ она не имѣла никакихъ отношеній ко мнѣ, то не была бы такъ холодна. Можетъ быть, a priori, она хочетъ въ такое печальное время отклонить всякую мысль обо мнѣ. Раза три она повторяла, что надо нынѣ лечь раньше. И я вскорѣ ушелъ, несмотря на просьбы, сказавъ, что мнѣ некогда. Молился дома: открой мнѣ, Господи, ея расположеніе, чтобъ я зналъ на что рѣшиться“. Какъ-то вечеромъ Погодинъ читалъ у Трубецкихъ баллады Жуковскаго и съ жаромъ прочелъ *Кубокъ*, тогда онъ примѣтилъ, что „глаза встрѣтились и очень ласково... И дитя утѣшилось“. На другой же день Погодинъ сообщилъ объ этомъ О. С. Аксаковой, которая все продолжала настаивать на рѣшительныя дѣйствія. „Какъ можно“, возражалъ Погодинъ, „теперь, чрезъ мѣсяцъ послѣ смерти матери“; а между тѣмъ онъ все думалъ о ней и къ прискорбію своему не встрѣчалъ взаимности. „Нѣтъ“, записываетъ онъ, „избѣгаетъ случая остаться со мною, а Пельскому: restez avec moi“. Съ Погодинымъ же ограничивалась слѣдующимъ діалогомъ:

Погодинъ. „Я прощусь съ вами нынѣ.

Княжна. Отчего-же вы не хотите быть завтра и послѣ завтра.

Погодинъ. Мнѣ тяжело.

Княжна. Нѣтъ, приходите“.

Въ заключеніе Погодинъ писалъ: „Да будетъ что угодно Богу. Можетъ быть въ Берлинѣ“.

Въ это время Трубецкіе навсегда оставляли Москву и уѣзжали въ Берлинъ къ Мансуровымъ. Наканунѣ отъѣзда Погодинъ у нихъ обѣдалъ въ послѣдній разъ. „Холодъ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Послѣ обѣда я ушелъ къ

Князю. Вдругъ слышу шумъ. Всѣ въ жару и Александра Ивановна плачетъ. Скорѣе отъ нихъ. Бѣдная, какъ она жалка!“

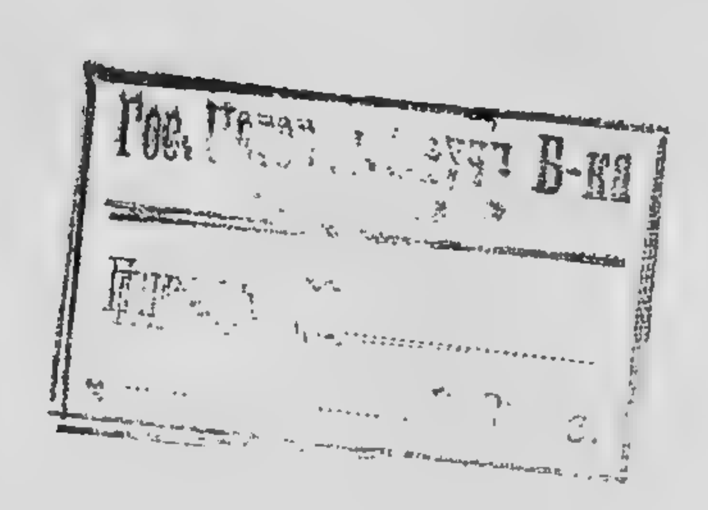
Наконецъ 9 декабря 1831 года, въ 2 часа, Трубецкіе уѣхали. „Я“, пишетъ Погодинъ, „не поѣхалъ съ ними проститься. Я получилъ бы отъ нея одну минуту, и притомъ она такъ встревожена, лучше написать“. Въ концѣ же концовъ, Погодинъ пришелъ къ безотрадной для себя мысли: *Нѣтъ не бывать тому*. И онъ съ этимъ долго не могъ примириться.

Между тѣмъ, наступили Святки. Съ давнихъ временъ Погодинъ любилъ посѣщать церковь Страннопріимнаго Дома графа Шереметева, и въ день Рождества слушалъ тамъ обѣдню „съ удовольствіемъ“; а наканунѣ онъ зашелъ къ Щепкину, который собирался *къ ухѣ*. „Слабый“, сознается Погодинъ, „и я за нимъ, ѣлъ уху, растегаи. Тамъ Давыдовъ. Тяжелый домой“.

Въ послѣдній день 1831 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Принялся за свой *Журналъ* и читалъ свои похожденія съ милою Сашенькою, и сердце мое билось. Въ 1828 году она меня любила. Послѣ Богъ знаетъ. Думалъ объ ней. Другъ мой, ты будешь со мной счастлива. Напишу къ ней непремѣнно. Думалъ, что Государь пришлетъ за мною, и разстояніе между нами уменьшится. Все ходилъ и думалъ. Но 12 часовъ. Выпилъ ея здоровье. Думаешь ли ты обо мнѣ?“

Въ заключеніе, Погодинъ спрашиваетъ себя: „Какъ провелъ я этотъ годъ? *Безпокойно*!“ [557]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ТРЕТЬЕЙ.

1) *Сѣверная Пчела* 1830, № 32.

2) *Дневникъ* 1830, подъ 7 и 9 марта; *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 139.

3) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 133.

4) *Письма*, III, 153.

5) *Дневникъ* 1830, подъ 10 марта.

6) *Русскій Архивъ.* 1882, № 6, стр. 130.

7) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 215.

8) *Дневникъ* 1830, подъ 1 и 10 марта.

9) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 130.

10) *Русская Старина* 1871, IV, 502—506; 1889, іюль, стр. 28—29.

11) *Дневникъ* 1830, подъ 4 февраля, 11 марта; *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 132; *Письма*, III, 101—103; *Дневникъ* 1830, подъ 12 февраля; *Мелочи*, стр. 109.

12) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 218; *Древняя и Новая Россія*, 1880, ноябрь, стр. 549.

13) *Дневникъ* 1830, подъ 12 марта.

14) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 135.

15) *Дневникъ* 1830, подъ 14 февраля.

16) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*, VII, 380—382; IX, 139.

17) *Дневникъ* 1830, подъ 12 мая; *Древняя и Новая Россія* 1880, ноябрь, стр. 552.

18) Графъ Орловъ-Давыдовъ. *Біографическій Очеркъ графа Г. В. Орлова.* Спб. 1878, II, 283.

19) *Дневникъ* 1830, подъ 10 іюня, 20 декабря.

20) *Русская Старина* 1880, августъ, стр. 780—782.

21) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 216.

22) *А. С. Пушкинъ* по документамъ Остафьевскаго Архива. Спб. 1880, II, 52, I, 17.

23) *Письма*, III, 15, 24.

24) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 130.

25) *Дневникъ* 1830, подъ 21 марта.

26) *Литературная Газета* 1830, № 8, 3.

27) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 3, стр. 315—318.

28) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 134, 152.

29) *Дневникъ* 1830, ноябрь; *Древняя и Новая Россія* 1880, ноябрь, стр. 549.

30) *Русскій Архивъ* 1882, № 5, стр. 124; 1880 г., III, 462; *Сочиненія П. А. Плетнева*, III, 350.

31) *Литературная Газета* 1830, № 14, стр. 112—113.

32) *Сѣверная Пчела* 1830, № 30.

33) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 218—219.

34) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 149.

35) *Литературная Газета* 1830, № 20.

36) Князь П. П. Вяземскій. *А. С. Пушкинъ*, II, 29—30.

37) Сухомлиновъ. *Полемическія Статьи Пушкина.* „Истор. Вѣстникъ" 1884, мартъ, стр. 482, 491; Анненковъ. *Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина.* Спб. 1873, стр. 246; *Московскій Телеграфъ* 1830, № 10, прил., стр. 159—180; *Современникъ* 1865, сентябрь, стр. 228—230.

38) *Сѣверная Пчела* 1830, №№ 35 и 39.

39) *Вѣстникъ Европы* 1830, № 7, стр. 183—224.

40) *Московскій Телеграфъ* 1830, № 6, стр. 193—243.

41) *Русскій Архивъ* 1884, № 4, стр. 403.

42) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 21—22, стр. 110—124.

43) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 161; *Дневникъ* 1820, подъ 12 декабря; 1830, подъ 24 февраля, 17 марта, 30 іюня, 1 іюля; *Письма* III, 539—542, 148—149.

44) *Дневникъ* 1830, подъ 1, 9—10, 13, 14, 28 мая; 23, 25 марта; 8, 13 іюня.

45) *Письма*, III, 365, 369, 371, 373, 375, 377, 379, 381, 383.

46) *Дневникъ* 1830, подъ 4 іюля.

47) *А. С. Пушкинъ*, II, 27.

48) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 145.

49) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 224.

50) *Письма*, III, 257—260.

51) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 271.

52) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 137.

53) *Литературная Газета* 1830, № 19.

54) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 137—138.

55) Майковъ. *Сочиненія К. Н. Батюшкова.*. Біографія, I, 302 -303.

56) *Дневникъ* 1830, подъ 14 марта.

57) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 234.

58) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 240.

59) *Дневникъ* 1830, подъ 20 іюля.

60) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 167.

61) *Письма*, III, 595.

62) *Русскій Архивъ* 1873, стр. 0479—0480.

63) *Русская Старина* 1889, іюль, стр. 27 — 28; *Московскій Вѣстникъ* 1830, ч. I, стр. 165—190.

64) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 130.

65) *Письма*, III, 8.

66) *Вѣстникъ Европы* 1830, № 1, стр. 37—72.

67) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 132.

68) *Литературная Газета* 1830, № 12, стр. 97—98.

69) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 130.

70) *Письма*, III, 31, 63—66, 85—88.

71) *Московскій Телеграфъ* 1830, № 9, стр. 132.

72) Бестужевъ-Рюминъ. *Біографіи и Характеристики.* Спб. 1882, стр. 245.

73) *Письма*, III, 20.

74) *Сѣверная Пчела* 1830, № 4.

75) *Дневникъ* 1830, подъ 26 марта.

76) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 138, 135, 121; *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 3, стр. 312; *Дневникъ* 1830, октября 27 — ноября 3; *Письма*, III, 511—573.

77) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 131—132.

78) *Сѣверная Пчела* 1830, № 94; *Литературная Газета* 1830, № 56.

79) *Русскій Архивъ* 1882. № 6, стр. 174.

80) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 4, стр. 420—423.

81) *Дневникъ* 1830, подъ 4 января.

82) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № XVII—XX, стр. 219.

83) *Дневникъ* 1830, подъ 15 февраля.

84) *Записки К. А. Полевого,* стр. 319—321.

85) *Московскій Телеграфъ* 1830, № 2, стр. 203—232.

86) *Дневникъ* 1830, подъ 1 и 11 января.

87) *Записки К. А. Полевого,* стр. 323—327.

88) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 184.

89) *Дневникъ* 1830, подъ 8 января.

90) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 139—140.

91) *Дневникъ* 1830, подъ 1 февраля, 22 марта, 3—7 мая, 2, 22 іюня.

92) *Письма,* III, 267.

93) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 152.

94) *Письма,* III, 411.

95) *Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.* М. 1850. I, 20—24.

96) *Дневникъ* 1830, подъ 3—7 мая.

97) *Русскій Архивъ.* 1882, № 6, стр. 147—148; *Парусъ* 1859, № 1, стр. 14—15.

98) *Дневникъ* 1830, подъ 10—14 августа.

99) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 134.

100) *Письма,* IV, 31—33; *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго,* I, 48.

101) *Дневникъ* 1830, подъ 15 марта.

102) *Жизнь и Труды П. М. Строева.* Спб. 1878, стр. 418—421.

103) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 1, стр. 42—74; № 12, стр. 319—322; № 17—20, стр. 61—73.

104) *Дневникъ* 1830, подъ 3 января.

105) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

106) *Дневникъ* 1830, подъ 30 января, 13 февраля, 29 іюня.

107) *Письма,* II, 275—276.

108) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

109) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 21—24, стр. 83—131.

110) *Дневникъ* 1830, подъ 4 іюня, 24 апрѣля, 22 іюня, 13 сентября.

111) *Письма,* III, 663—664.

112) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго,* VII, 268—269.

113) Князь П. П. Вяземскій. *А. С. Пушкинъ,* II, 23.

114) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго,* I, 35.

115) *Дневникъ* 1830, подъ 12 іюля.

116) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 177.

117) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

118) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 128—152.

119) *Письма,* III, 583—585.

120) *Дневникъ* 1830, подъ 22 марта, 14 января, 17 февраля, 11—20 марта, 22 мая; *Древняя и Новая Россія* 1880, декабрь, стр. 572.

121) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 129; *Русскій Вѣстникъ* 1856, мартъ, кн. 1-я, стр. 59—61; *Московскій Вѣстникъ.* 1830, № 8.

122) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 1, стр. 118—121.

123) *Письма,* III, 63—66.

124) *Дневникъ* 1830, подъ 12 февр.

125) *Письма,* III, 123—124; *Русскій Архивъ* 1878, № 5, стр. 52.

126) *Московскій Вѣстникъ* 1830. № 8, стр. 382—389; № 9, стр. 84—92; № 10, стр. 181—187; № 14—16, стр. 310—323; № 17—20, стр. 209; *Литературная Газета* 1830, № 29, стр. 236.

127) *Біографіи и Характеристики,* стр. 245.

128) *Дневникъ* 1830, подъ 20 января.

129) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 3, стр. 239.

130) *Письма,* III, 221—224.

131) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 9, стр. 92—94.

132) *Письма,* III, 133—134, 37—38.

133) *Московскій Вѣстникъ,* № 3, стр. 234—236.

134) *Письма,* III, 59—61, 225—226, 419—421.

135) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 286; *Письма*, III, 579—584, 399—400; *Московскій Вѣстникъ* 1830. №21—24, стр. 17—20; № 10, стр. 137—173.

136) *Письма*, III, 55, 349—350.

137) *Дневникъ* 1830, подъ 10—11 января.

138) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 127.

139) *Письма*, III, 39—40.

140) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 132, 176.

141) *Дневникъ* 1830, подъ 5 февр.

142) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 219.

143) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 138, 151, 168—169, 144—145, 179; *Письма*, III, 585—588; *Дневникъ* 1830, подъ 16 декабря; *Древняя и Новая Россія* 1880, ноябрь, стр. 555.

144) *Дневникъ* 1830, подъ 27 апрѣля, 9 іюля.

145) *Письма*, III, 385.

146) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 144—145; 1878, № 5, стр. 53.

147) *Первое Апрѣля* Комическій иллюстрированный Альманахъ. Спб. 1846, стр. 23—26.

148) *Письма*, III, 396—397.

149) *Дневникъ* 1830, подъ 3 января, 4 іюня, 13 іюля, 17, 27 ноября, 8 декабря.

150) *Письма*, III, 310—311.

151) *Дневникъ* 1830, подъ 23 апрѣля, 5 іюня.

152) *Письма*, III, 141—144.

153) *Дневникъ* 1830, апрѣль, подъ 19 іюня, 24 августа.

154) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IV, 170.

155) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 132, 152—153.

156) *Письма*, III, 5.

157) *Дневникъ* 1830, подъ 4, 22 января, 6 февраля, 14, 21 декабря, 10, 17 мая, 4 апрѣля.

158) *И. С. Аксаковъ въ его письмахъ*. М. 1888. I, 11, 12, 16, 18, 20—21, 24.

159) *Письма*, III, 291—294, 567, 585—588; 18—19.

160) *Вѣстникъ Европы* 1830, № 1, стр. 74—76.

161) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 3, стр. 318—320.

162) *Письма*, III, 63—66.

163) Безсоновъ, *Нѣкоторыя черты путешествія Ю. И. Венелина* М. 1857, стр. 1—2.

164) *Дневникъ* 1830, подъ 9 и 16 января.

165) *Письма*, III, 31.

166) *Дневникъ* 1830, подъ 1 марта.

167) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 95—97.

168) *Письма*, III, 30—31.

169) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 290.

170) *Письма*, III, 30—32, 51, 47, 85—92, 127—130.

171) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 8.

172) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 162, 151—152.

173) *Дневникъ* 1830, подъ 10 іюля.

174) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 12, стр. 354—372.

175) *Дневникъ* 1830, подъ 10 іюля.

176) *Сѣверная Пчела* 1830, № 86.

177) *Московскій Вѣстникъ* 1830. № 13, стр. 83—86.

178) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 139.

179) *Дневникъ* 1830, подъ 20 марта.

180) *Письма*, III, 117—118.

181) *Дневникъ* 1830, подъ 23 февр.

182) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 203.

183) *Дневникъ* 1830, подъ 1 и 6 марта.

184) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 139.

185) *Дневникъ* 1830, подъ 8 августа.

186) *Русская Старина* 1888, августъ, стр. 271—304.

187) *Письма*, III, 63—66.

188) *Дневникъ* 1830, подъ 22 февраля, 2 апрѣля.

189) *Русскій Архивъ.* 1882, № 6, стр. 145—146.

190) *Нѣкоторыя черты Путешествія Ю. И. Венелина въ Болгарію*, стр. 2.

191) *Письма*, III, 227 — 228, 239 — 247.

192) *Нѣкоторыя черты Путешествія*, стр. 4.

193) *Письма*, III, 257—260, 287—288.

194) *Дневникъ* 1830, подъ 30 іюля.

195) *Нѣкоторыя черты Путешествія*, стр. 5—6.

196) *Письма*, III, 291—294.

197) *Нѣкоторыя черты Путешествія*, стр. 5—6.

198) *Письма*, III, 403—408, 513—516, 539—542, 585—588. V, 214—215. 217—218, 265, 221—222; Безсоновъ. *Ю. И. Венелинъ*. Ж. М. Н. Пр. 1882, іюнь, стр. 182.

199) *Дневникъ*. 1830, подъ 1, 11, 15—18, 21 іюня.

200) *Русская Старина* 1880, августъ, стр. 780.

201) *Дневникъ* 1830, подъ 26 іюня.

202) *Исторія Моск. Университета*, стр 568.

203) *Рѣчи, произнесенныя М. П. Погодинымъ*, стр. 3—20.

204) *Дневникъ* 1830, подъ 26 іюня.

205) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 151. *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 65.

206) *Дневникъ* 1830, подъ 28 іюня.

207) *Письма*, III, 419—421.

208) *Московскій Вѣстникъ* 1830, VI, 146—164.

209) *Дневникъ* 1831, подъ 1 марта, подъ 2 іюля. *Древняя и Новая Россія.* 1880, стр. 571, 572, 574.

210) *Телескопъ* 1831, № 23, стр. 385—411, № 24, стр. 542—554.

211) *Дневникъ* 1831, подъ 22, 31 марта, 28 апрѣля, 2, 7 іюля. *Древняя и Новая Россія* 1880, стр. 573.

212) *Телескопъ.* 1831, № 12, стр. 543—559.

213) *Русская Старина* 1880, августъ, стр. 781.

214) *Телескопъ* 1831, № 5, стр. 87—88.

215) *Письма*, III, 81—84.

216) *Литературная Газета* 1830, № 2, стр. 14—15; *Сочиненіе А. С. Пушкина*, VI, 214.

217) *Полное Собраніе Сочиненій Н. В. Гоголя.* М. 1867, III, 372—373.

218) *Дневникъ* 1830, подъ 5 января.

219) *Письма*, III, 36.

220) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 3. стр. 321; № 4, стр. 372—408.

221) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 156.

222) *Дневникъ* 1830 подъ 25—29 іюля.

223) *Письма*, III, 387, 391.

224) *Дневникъ* 1830, подъ 5 августа.

225) *Біограф. Словарь М. Университета.* II, 97.

226) *Дневникъ* 1830, подъ 27—29 іюля.

227) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 157.

228) *Письма*, III, 393.

229) *Вѣстникъ Европы* 1830, № 13, стр. 79—80. *Древняя и Новая Россія* 1880, стр- 567,

230) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 156.

231) *Воспоминаніе о Шевыревѣ.* стр. 18.

232) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 156.

233) *Воспоминаніе о Шевыревѣ*, стр 18—19.

234) *Телескопъ* 1831, № 11, стр. 385—399.

235) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 141—145.

236) *Дневникъ* 1830, подъ 9 іюля.

237) *Русскій Архивъ* 1882. № 6, стр. 151, 188.

238) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 13, стр. 88—96.

239) *Дневникъ* 1830, подъ 10 и 26 іюля.

240) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 157.
241) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 13, стр. 88—96.
242) *Русскій Архивъ* 1882, № 5, стр. 117; № 6, стр. 129; *Дневникъ* 1830,, подъ 8 іюля.
243) *Воспоминаніе Графа В. А. Сологуба.* Спб. 1887, стр. 108—109, 111—112.
244) *Письма*, Ш, 443—446, 623—626.
245) *Дневникъ* 1830, отъ 12—14 августа, 24 ноябя, 24 декабря.
246) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 150—151.
247) *Письма*, Ш, 190.
248) *Литературная Газета* 1830, № 8, стр. 61.
249) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 10, стр. 174—180; № 8, стр. 348—335.
250) *Дневникъ* 1830, подъ 10 и 21 января.
251) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 21—24.
252) *Дневникъ* 1830, подъ 17 іюля.
253) *Письма*, Ш, 339—340.
254) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 157.
255) *Письма*, Ш, 437.
256) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 263.
257) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*
258) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 188.
259) *Сочиненія Филарета* м. М. М. 1877, Ш, 150.
260) *Московскій Вѣдомости* 1830, № 76, стр. 3377—3381.
261) *Письма*, Ш, 471, 475.
262) *Біографическій Словарь Московскаго Университета*, II, 137, 662; I, 318, 265.
263) *Дневникъ* 1830, подъ 3—11 сентября.
264) *Письма*, Ш, 467.
265) *Письма. Филарета къ роднымъ М.* 1882, стр. 305.
266) *Сочиненія Филарета*, Ш, 149.
267) *Русскій Архивъ* 1881, II, 63—64, 45.
268) *Дневникъ* 1830, подъ 21 сентября.
269) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 171, 167—168.
270) *Дневникъ* 1830, подъ 6 октября, 23—26—3 октября.
271) *Письма*, III, 665—668.
272) *Русскій Архивъ* 1868, стр. 613—614.
273) Корсунскій, *Дѣятельность Филарета* м. М. *въ холеру 1830—1831 г.* М. 1887, стр. 20—22, 65. *Вѣдомость*, № 32, октября 24.
274) *Сочиненія Филарета*, м. М. Ш, 153—156.
275) *Вѣдомость*, №№ 15, 17.
276) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, IX, 142.
277) *Письма*, III, 665—668, 575—576.
278) *Сочиненія Филарета*, III, 156.
279) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 173—174.
280) *Письма*, III, 591—594.
281) *Дневникъ* 1830, подъ 18 октябрь—3 ноября.
282) *Письма*, III, 543.
283) Корсунскій, *Дѣятельность Филарета*, стр. 73—74.
284) *Вѣдомости о состояніи города Москвы.* № 31, октября 23.
285) *Сочиненія Филарета*, III, 160—165.
286) *Дневникъ.* 1830, подъ 18 октября.
287) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 174.
288) *Письма*, III, 507.
289) *Дневникъ* 1830, подъ 17 декабря, октября 4—5.
290) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 171.
291) *Письма*, III, 499—500.
292) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 172; *Письма*, III, 459—460.
293) *Дневникъ* 1830, подъ 4, 5, 7, 10—26 октября, 4 ноября.

294) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 178.
295) *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 64—65, 79.
296) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 179.
297) *Дневникъ* 1830, подъ 14 октября.
298) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 177.
299) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 235—236.
300) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 275.
301) *Письма*, III, 575—576, 629—631.
302) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 179; 1868, стр. 614.
303) *Дневникъ* 1830, подъ 22 декабря.
304) *Сѣверная Пчела* 1830, № 94.
305) *Сочиненія А. С. Пушкина*, II, 107—110.
306) *А. С. Пушкинъ*, II, 40—41.
307) *Письма*, III, 291 — 292; *Дневникъ* 1832, подъ 30 января и 9 декабря.
308) *Денница* 1831, стр. XL—XLI.
309) *Русскій Архивъ* 1879, № 8, стр. 484.
310) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 223—224.
311) *Литературная Газета* 1830, № 45, стр. 72.
312) *Московскій Телеграфъ* 1830, № 14, стр. 240—244.
313) *Денница* 1831, стр. XXXVIII.
314) Пономаревъ. *Отчетъ II-го Отд. Ак. Наукъ за 1878 г.*, стр. 156—157.
315) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 178.
316) *Литературная Газета* 1830, № 58, стр. 180.
317) *Сочиненіе и Переписка П. А. Плетнева*, III, 358; *Русскій Архивъ* 1868, стр. 614—615.
318) *Русскій Архивъ* 1880, II, 58; 1868, 614—615; 1882, № 6, стр. 177.
319) *Московскій Телеграфъ* 1830, № 20, стр. 594.
320) *Денница* 1831, стр. XXXIV—XXXV.
321) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 175.
322) *Московскій Вѣстникъ* 1830, №№ 17—20.
323) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 179.
324) *Московскій Вѣстникъ* 1830, № 21—24.
325) *Московскій Телеграфъ* 1830, № 20, стр. 594.
326) *Письма*, V, 214—215.
327) *Воспоминанія о Шевыревѣ*, стр. 14; *Молва* 1834, № 52.
328) *Дневникъ* 1830, подъ 31 декабря.
329) *Дневникъ*. 1831, подъ 1 января.
330) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 256—257, 253.
331) Бартеневъ. *Бумаги Пушкина*. М. 1881. I, 15.
332) *Московскій Телеграфъ* 1831, № 2, стр. 246.
333) Анненковъ. *Матеріалы*, стр. 297.
334) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 255—256.
335) *Письма*, IV, 2, 31—33; *Дневникъ* 1831, подъ 3 января.
336) *Русскій Архивъ* 1878, № 5, стр. 47.
337) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 182.
338) *Русскій Архивъ* 1873, № 11, стр. 02299. *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 264.
339) *Бумаги Пушкина*, VII, I, 37.
340) *Письма*, IV, 239—241.
341) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 258—259.
342) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, I, 213—217; III, 366—367.
343) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, VIII, 442—446.

344) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 306—307.

345) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 261.

346) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, III, 360.

347) *Дневникъ* 1831, подъ 17 февраля.

348) *А. С. Пушкинъ*, II, 41—43.

349) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 267.

350) *Бумаги Пушкина*, I, 33; *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 353.

351) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 184; *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 353.

352) *Петръ I*, трагедія, М. 1872, стр. 157.

353) *Дневникъ* 1831, подъ 27 — 28 января, 25 марта, 27 апрѣля, 1, 5 мая.

354) *Петръ I*, трагедія, стр. 25, 159; *Дневникъ*. 1831, подъ 30 апрѣля.

355) *Бумаги Пушкина*, I, 37.

356) *Дневникъ* 1831, подъ 7 января.

357) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 180—182; *Дневникъ*. 1831, подъ 2, 9 февраля.

358) *Дневникъ* 1831, подъ 7, 29, 31 января, 5 февраля, 6 мая.

359) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 183.

360) *Дневникъ* 1831, подъ 2 іюня.

361) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 187.

362) *Письма*, IV, 97—99.

363) *Дневникъ* 1831, подъ 21 — 25 февраля, 5 іюня.

364) *Молва* 1831, № 1.

365) *Дневникъ*. 1831, подъ 7 — 15 марта.

366) *Русскій Архивъ* 1873, № 4, стр. 0478; *Письма*, V, 214—215.

367) *Дневникъ* 1831, подъ 29 января.

368) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 182.

369) *Дневникъ*. 1831, май, 4 іюня, 9 іюля, 19 апрѣля.

370) *Письма*, IV, 233, 299—303, 305.

371) *Дневникъ*.1831, подъ 25 ноября.

372) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

373) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 189.

374) *Письма*, IV, 97—99.

375) *Телескопъ* 1831, № 24, стр. 586.

376) *Дневникъ* 1831, февраль.

377) *Молва* 1831, № 5, прнб.

378) *Письма*, IV, 153—157.

379) *Сѣверная Пчела* 1831, № 2.

380) *Дневникъ* 1830, подъ 27 ноября, 8 декабря, 17 декабря. 1831, подъ 5 апрѣля

381) *Телескопъ* 1831, № 7, стр. 295—311; № 9, стр. 75—98.

382) *Письма*, IV, 127—130.

383) *Дневникъ* 1831, подъ 16 мая, 17, 30 апрѣля.

384) *Письма*, IV, 215 — 220, 182, 223—225.

385) *Сочиненія А С. Пушкина*, VII, 263—265.

386) *Письма*, IV, 97.

387) *Дневникъ* 1831, подъ 20 апрѣля.

388) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 307.

389) *Русскій Архивъ* 1871, стр. 1878—1882.

390) *Письма*, IV, 239—241.

391) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 278, 283.

392) *Письма*, IV, 239—241.

393) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 373—374.

394) *Телескопъ* 1831, № 1, стр. 77—83; № 2, 180—196; № 3, стр. 311—325; № 4, стр. 515—544.

395) *Письма*, IV, 97—99, 59—60.

396) *Телескопъ* 1831, № 3, стр. 350—357; № 5, стр. 100—107; № 15, стр. 361—380; *Письма*, IV, 153—157.

397) *Дневникъ* 1831, подъ 18 мая.

398) *Молва* 1831, № 20.

399) *Дневникъ* 1831, подъ 19 мая.

400) *Московскій Телеграфъ* 1831, № 9, стр. 147—152.

401) *Молва* 1831, № 31.
402) *Письма*, IV, 209—212, 35, 38.
403) *Бумаги Пушкина*, I, 36—37.
404) *Письма*, IV, 185—186, 239—241, 249.
405) *Бумаги Пушкина*, I, 37.
406) *Письма*, IV, 381.
407) *Дневникъ* 1831, подъ 23 ноября, 4 сентября, 12 іюня.
408) *Московскій Телеграфъ* 1831, № 12, стр. 470—476.
409) *Молва* 1831, № 35, стр. 141—142.
410) *Телескопъ* 1831, № 15, стр. 409—411; *Письма*, VI, 14.
411) *Дневникъ* 1831, подъ 3 января.
412) *Письма*, IV, 247.
413) *Дневникъ* 1831, подъ 20 апрѣля.
414) *Московскія Вѣдомости* 1831, № 30, стр. 1376—1378; Филаретъ, *Обзоръ Русской Духовной Литературы*. Спб. 1861, II, 22—25; *Древняя и Новая Россія* 1880, стр. 560, 574.
415) *Дневникъ* 1831, подъ 3 іюня, 17 декабря.
416) *Письма*, IV, 270.
417) *Дневникъ* 1831, подъ 16 марта, 30 апрѣля.
418) *День* 1862, № 43, стр. 3.
419) *Вѣстникъ Европы* 1887, апрѣль, стр. 509—510.
420) *Дневникъ* 1831, подъ 4 и 6 марта, 3 января, 26 ноября.
421) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 190.
422) *Письма*, IV, 39; V, 60—61.
423) *Русскій Вѣстникъ* 1856, мартъ, стр. 61—63.
424) *День* 1862, № 40, стр. 3.
425) *Вѣстникъ Европы* 1887, апрѣль, стр. 506.
426) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, стр. 264. *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 184—185.
427) *Телескопъ* 1831, № 12, стр. 466—497.
428) *Воспоминанія о Шевыревѣ*, стр. 19—20.
429) *Дневникъ* 1831, подъ 9 апрѣля.
430) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 185.
431) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.
432) *Москвитянинъ* 1850, II, 62—65.
433) *Дневникъ* 1831. подъ 15, 17 декабря; *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 190.
134) *Дневникъ* 1831, подъ 18 апрѣля.
435) *Бумаги Пушкина*, I, 37.
436) *Письма*, IV, 185—186.
437) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 188.
438) *Дневникъ* 1831, подъ 2, 5, 8, 15, 18, 25, 27, 31 іюля; 5 августа.
439) *Письма*, IV, 213—214; *Дневникъ* 1831, подъ 21 Августа.
440) *Дневникъ* 1831, подъ 2, 12, 16, 18 іюля.
441) *Бумаги Пушкина*, I, 38.
442) *Дневникъ* 1831, подъ 9 іюля.
443) *Письма*, IV, 153—157.
444) *Дневникъ*. 1831, подъ 6—7 іюля.
445) *Бумаги Пушкина*, I, 37—38.
446) *Письма*, IV, 213, 214; *Дневникъ*. 1831, подъ 16 августа.
447) *Дневникъ* 1831, подъ 26, 21 іюля.
448) *Дневникъ* 1831, подъ 27 іюля.
449) *Дневникъ* 1831, подъ 6 іюля.
450) *Письма*, IV, 201, 177—180.
451) *Дневникъ* 1831, подъ 16, 19 января, 19 февраля, 6, 23 марта.
452) *Письма*, IV, 101—103.
453) *Дневникъ* 1831, подъ 15 апрѣля.
454) *Письма*, IV, 151—152.
455) *Дневникъ* 1831, подъ 2, 7 іюня.
456) *Письма*, IV, 191—194, 215—220, 223—225.
457) *Дневникъ* 1831, подъ 8. 26—27, 30 іюля, 1, 2, 6 августа.
458) *Письма*, IV, 273—274.
459) *Дневникъ* 1831, подъ 19, 28, 30 августа.
460) *Письма*, IV, 239—241, 189.
461) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 187—188.

462) *Дневникъ* 1831, подъ 19 іюля.
463) *Письма*, IV, 227, 233, 235.
464) *Дневникъ* 1831, подъ 6 сентября.
465) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 270.
466) *Письма*, IV, 177—180, 191—194, 215—220.
467) *Русскій Архивъ* 1866, стр. 343—346.
468) *Сѣверная Пчела* 1831, № 139, прнб.
469) *Письма*, IV, 209—212, 191—194.
470) *Дневникъ* 1831, подъ 3, 19 іюля.
471) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 183—185.
472) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова. Письма*, IV, 191—194, 213—214.
473) *Дневникъ* 1831, подъ 8 іюля.
474) *Письма*, IV, 227.
475) *Біограф. Словарь М. Университета*, II, 138—139.
476) *Письма*, IV, 215—220.
477) *Русская Старина* 1882 іюнь, стр. 636—637.
478) Филаретъ. *Обзоръ Русской Духовной Литературы*, II, 157.
479) *Сочиненіе А. С. Пушкина*, VII, 291.
480) *Телескопъ* 1831. № 16, стр. 505—509.
481) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова, Сочиненіе А. С. Пушкина*, VII, 310.
482) *Дневникъ* 1831, подъ 17 августа.
483) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 191.
484) *Дневникъ* 1831, подъ 6, 9, 7—8.
485) *Письма*, IV, 293.
486) *Дневникъ* 1831, подъ 28 сентября.
487) *Письма*, IV, 299—302.
488) *Петръ I*, трагедія. М. 1873, стр. 135.
489) *Письма*, IV, 305—306.
490) *Дневникъ*. 1831, подъ 21, 29 апрѣля, 27 августа, 1, 18 октября, 17 ноября.
491) *Письма*, III, 346—348.
492) *Дневникъ* 1831, подъ 2, 18, 27 октября; 29—30 сентября.
493) *Письма*, IV, 315.
494) *Труды 1-го Археологическаго съѣзда*. М. 1871, I, 71—74.
495) *Дневникъ* 1831, подъ 3—4, 15, 16, 19, 22, 24 октября; сентябрь.
496) *Письма*, IV, 317—318.
497) *Дневникъ*. 1831, подъ 3—4 ноября; 19, 31 октября.
498) *Письма*, IV, 423—426.
499) *Дневникъ* 1831, подъ 16, 18 октября; 3—5.
500) *Письма*, III, 375—376; IV 303.
501) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 190.
502) *Дневникъ* 1831, подъ 2 ноября.
503) *Письма*, IV, 333, 321.
504) *Дневникъ* 1831, подъ 22 октября.
505) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 190.
506) *Дневникъ*, подъ 1, 2, 17, 26, 28, 27, 29 октября, 4 ноября; 3, 13, 14, 20, 27 октября, 2—3; 5—9 іюня; 21, 23 октября; 1 ноября.
507) Гротъ. *Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники*. Спб. 1887, стр. 24—25.
508) *Дневникъ* 1831, подъ 23 октября; 29 сентября; 4 ноября.
509) *Русскій Архивъ* 1870, стр. 1335—1336.
510) *Дневникъ* 1831, подъ 21 октяб.
511) *Русскій Архивъ* 1870, стр. 1339, 1342.
512) *Дневникъ* 1831, подъ 5 ноября.
513) *Письма*, IV, 86, 91.
514) *Сочиненіе А С. Пушкина*, VII, 265—266; V, 181—182.
515) *Письма*, III, 299—302.
516) *Дневникъ* 1831, подъ 4 октября.
517) *Письма*, IV, 357.
518) *Дневникъ* 1831, подъ 2—3 ноября.
519) *Письма*, IV, 365. *Русская Старина* 1889. іюль, стр. 48.

520) *Дневникъ.* 1831, подъ 18, 22 октября.

521) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 156.

522) *Умозрительныя и опытныя основанія Словесности*, I, стр. 1—III.

523) *Письма о Кіевѣ.* Спб. 1871, стр. 81—82.

524) *Дневникъ* 1831, подъ 8 декабря; 23 мая.

525) *Письма*, IV, 239—241, 279—284.

526) *Дневникъ* 1831, подъ 4 октября.

527) *Письма*, IV, 345.

528) *Дневникъ* 1831, подъ 21, 23 октября.

529) *Письма*, IV, 309—314.

530) *Русскій Архивъ* 1882, № 6 стр. 189—190.

531) *Письма*, IV, 391—392, 371.

532) *Дневникъ* 1831, подъ 18 декабря.

533) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

534) *Дневникъ* 1831, подъ 20—21 декабря; 1833, подъ 14 февраля, 6 мая.

535) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 191.

536) *Письма*, IV, 427—428.

537) *Письма*, IV, 423—426, 336; V, 9 и об. VI, 143.

538) *Жизнь и Труды П.М. Строева*, стр. 224.

539) *Дневникъ* 1831, подъ 23, 30 ноября.

540) *Письма*, IV, 295.

541) *Дневникъ* 1831.

542) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 191.

543) Саввантовъ. *Для біографіи Сахарова* „Русскій Архивъ“ 1873, стр. 897—919.

544) *Телескопъ* 1831. № 11, стр. 382—384.

545) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 191.

546) *Вѣстникъ Европы* 1878, янв., стр. 24—25.

547) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 184.

548) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 293.

549) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 191.

550) *Бумаги А. С. Пушкина*, I, 37.

551) *Письма*, IV, 27—29, 97—99, 59—60, 105—108.

552) *Стихотворенія А. С. Хомякова.* М. 1868, стр. 36—37.

553) *Дневникъ* 1831, подъ 15, 17 мая.

554) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

555) *Письма*, IV, 231, 263.

556) *Русскій Архивъ* 1882, № 6, стр. 191.

557) *Дневникъ* 1831, подъ 13, 15, 16, 18; 19, 21, 22, 27, 29, 30 ноября; 2, 4, 5, 7—9, 27, 24—25, 31 декабря.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ изд. въ кн. магаз. типогр. М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2 лин., 7.

